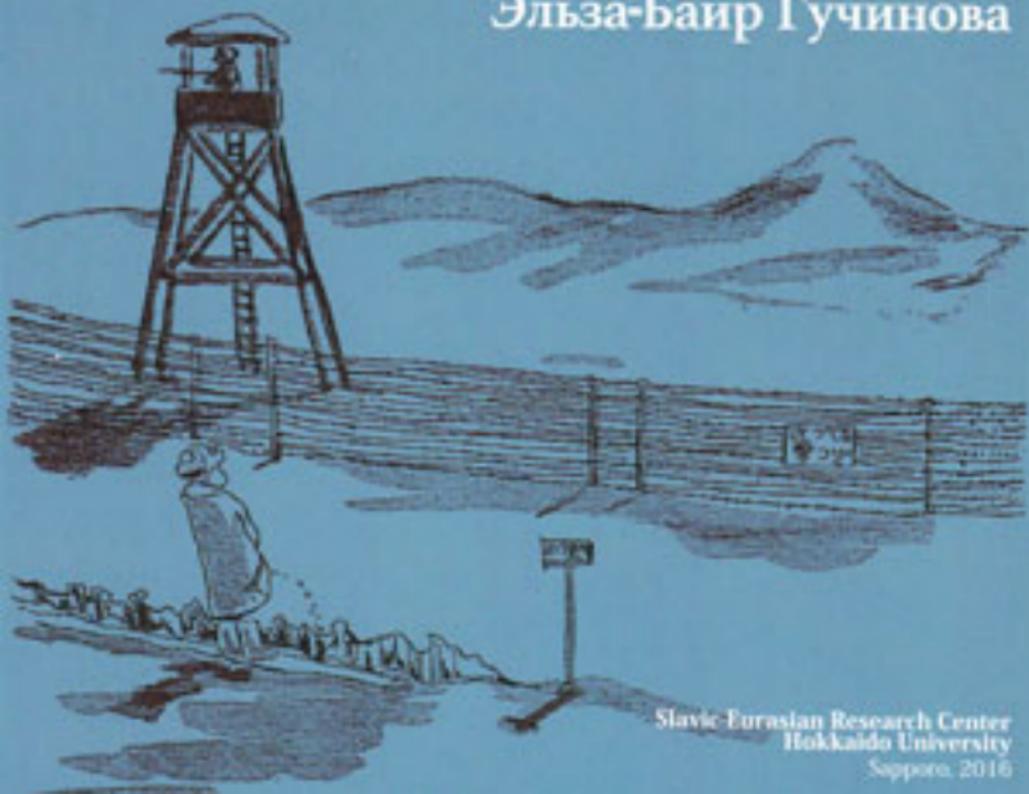

Рисовать лагерь

Язык травмы в памяти японских
военнопленных о СССР

Эльза-Баир Гучинова

Slavic Eurasian Research Center
Hokkaido University
Sapporo, 2016

Рисовать лагерь

Язык травмы в памяти японских
военнопленных о СССР

Эльза-Баир Гучинова

Slavic-Eurasian Research Center

Hokkaido University

Sapporo, 2016

Copyright © 2016 Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University

Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809 Japan

Tel: (+81)-11-706-2388

Fax: (+81)-11-706-4952

URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/>

E-mail: src@slav.hokudai.ac.jp

First Published in 2016

Publisher: Shinichiro Tabata

Author: Elza-Bair Guchinova

Рисовать лагерь : язык травмы в памяти японских военнопленных

о СССР / Эльза-Баир Гучинова

Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University,

2016. - p. ; 21cm.

ISBN 978-4-938637-87-3

1. World War, 1939-1945 -- Russia (Federation) -- Prisoners and Prisons, Japanese 2. World War, 1939-1945 -- Conscript labor -- Russia (Federation) 3. Prisoners of war -- Russia (Federation) -- Pictorial Works 4. Prisoners of war -- Psychology

I. Guchinova, Ё.-В.

Printed in Japan

Рисовать лагерь

Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР

Summary	v
Благодарности	viii
Кюзо Като. Книга о лагерной жизни	x
Андрей Головнев. Иероглифы плена	xi
Введение. Память о лагере, визуальность и язык травмы	1
1. Плен в социальной памяти японского и российского общества	1
2. Цели, источники и научные подходы исследования	12
3. Сибирь в биографиях художников плена	21
Глава 1. Образы лагеря.....	29
1. Чужбина — зима, холод, солнце	30
2. Лагерь, ограда, вышка	33
3. Барак, котелок, ложка	37
4. Карцер, одиночество.....	39
Глава 2. Работа и досуг.....	41
1. Лесоповал	45
2. Строительные работы.....	47
3. Каменоломни и шахты	49
4. Сельскохозяйственные работы	50
5. Досуг	50
Глава 3. Голод и еда.....	57
1. Пайка.....	57
2. Пищевое поведение	62
3. Кризисная еда.....	70
Глава 4. Стратегии выживания	77
1. Смекалка и планы побега.....	78
2. Черный рынок	80
3. Вера, молитва	81
4. Япония за пазухой.....	82
5. Любование красотой.....	84
6. Гадание и амулеты	86
Глава 5. Индоктринация.....	89
1. Политико-воспитательная работа	89
2. «Нихон синбун» и агитационная фотография	99

Глава 6. Лагерное письмо	105
1. Письма благодарности.....	105
2. Поднадзорный рисунок.....	115
3. Письма домой.....	120
4. Лагерная катакана.....	122
Глава 7. Человеческие отношения	127
1. Внутри японского сообщества	127
2. Советские солдаты: хороший и плохой	136
3. Местное население: женщины и дети	140
Глава 8. Маскулинность и утрата субъектности.....	151
1. Тело и телесность	151
2. Болезни	155
3. Одежда и солдатские ботинки	160
Глава 9. Значимые сюжеты	165
1. Мародерство	165
2. Медосмотр.....	167
3. Поверка	172
4. Дележ хлеба.....	174
5. Блохи, вши и клопы	175
6. Нечистоты.....	178
7. Самокалечение, инвалидность	182
8. Самоубийства, смерть, трупы.....	184
Глава 10. Приемы языка травмы	193
1. Снижение статуса	193
2. Обнажение.....	198
3. Инфантилизация	198
4. Деперсонализация	200
Заключение. Рисунки по памяти	205
Список сокращений.....	208
Иллюстрации	208
Словарь японских выражений.....	212
Библиография.....	213

SUMMARY

This monograph is devoted to the way traumatic experience is reflected in drawings and creates the language of trauma. My analysis concerns the drawings of former Japanese POWs—whether professional or amateur artists—who drew their Soviet camp experience after returning home: Yasuo Kazuki, Shin Miyazaki, Kieshi Sato, Tsuyoshi Hisanaga, Yoshio Uetsuhara, Nobuo Kiuchi, Isamu Yoshida, Kinse Takeuchi, Morinari Ouchi and Yoshio Watanabe.

The visual meta-text created by former POWs after they were repatriated, and the comments on it, can be considered historical evidence as it contains all the symbols of the camp, the world order and important relations within it.

The drawings reflect life and the artists' points of view. A person who is not free cannot draw the things he wants the way he wants. Artists imprisoned in a camp used to receive materials for their creativity—paper, cardboard, raw cotton fabrics in red and earth colours. At the same time, they would receive a daily task—to draw something which the camp administration needed within a given time-frame. For this purpose, camp artists were supposed not only to have skills and be able to draw; they were expected to draw ideologically correct things, *to «draw» Bolshevik*, meaning that they were supposed to know their way around the visual language of the Soviet regime.

Can you be creative if you are not the one who chooses the theme of your painting? If you are limited in your creative methods and expected to convey an ideological message? The drawing as a creative method supposes that a person is free, and freedom is something the POWs did not have. Prisoners-of-war cannot draw: they perform tasks, and their drawings become a product.

The depersonalization of POWs makes it harder for an artist to achieve self-fulfilment. The camp drawing is an expression of the ideas which the camp administration “sends you as a task.” These drawings become tools for visual propaganda. So the censored camp drawing serves the respective ideological aims, while the post-camp drawing serves the aims of testifying, becoming an essentially reliable documentary source rather than a propaganda snapshot.

The post-camp drawing also becomes art, irrespective of its level of its professionalism. It reflects the artist's feelings and conveys his pain, shame, sorrow and other emotions. It reflects its author's message and allows various interpretations. POWs were unable to draw in Siberia, but ex-POWs turned out to be excellent artists. They had a lot to tell the world about what a man feels behind a wire fence, about the hard task of keeping one's dignity when starving, about the importance of the cloth worn under one's boots, and about how trees should be felled so that no one gets mutilated.

The POWs' memory reflects all plots usual for a man's memory. The stories and drawings of ex-POWs helped them find their place in this cruel world, although in a modest, low-profile, Japanese sort of way, without bragging. The absence of moralizing in these Siberian memoirs is worthy of note.

The Japanese POWs' memoirs also reflect feelings of shame—for their dirty clothes, shabby appearance and inability to help the others—that have been torturing them for many years. One might say Who would blame a POW for looking shabby?, but the depth of this shame affected them for decades, until it poured out in their drawings and words on paper.

If a sense of purgatory were attributed to army service, then Soviet camp became a purgatory and the ultimate expression of the nationalized collective body. And this body

was at the entire disposal of the Motherland (the Emperor) of any other authorized power.

Drawing a traumatic experience has become one of the most successful therapies for dealing with trauma. Japanese society provided its citizens with basic skills in self-expression through drawings and writing—starting with drawing lessons at elementary school. The ability to use a brush, pen or pencil to describe one's daily life was acquired at an early age, helping former POWs in the extreme situation when they had to deal with their trauma.

Verbally recording memories is also helpful, but drawing the traumatic experience is usually the most non-traumatic form of self-therapy.

The language of trauma can be seen in the memoirs about the camps. Immediately after repatriation, trauma expressed itself in silence and the impossibility in finding of words. Later it became impossible to convey experiences verbally. Finally, drawings came into the picture—it is easier to draw than to talk, and the drawings required comments. Also, camp reality had been so far removed from everyday Japanese life that all those who made drawings of camp life had to add their comments so they could be understood in their own environment.

In both verbal and visual accounts, trauma was expressed by comparing the POWs with sectors of the population discriminated against on account of their sex and age (women and children) or ethnic background (Chinese and Koreans), with groups which are historically subalterns (slaves, barge-haulers), and with animals and death symbols. In the language of trauma it is also common to turn to the most traumatic plots that keep the most humiliating and dangerous conditions in one's memory. The language of trauma also uses nakedness as a tool for reducing a person's status and, especially, methods of visual depersonalization which, in one way or another, had something to do with all POWs in the camp.

A person who depicts himself as a prisoner-of-war leaves his negative emotions (feelings of humiliation, weakness) on paper, thus leaving this weakened person, humiliated by captivity, with no past rights. By distancing himself from the camp experience, and transferring this into imagery as in shaman practise, a person becomes more and more liberated from his traumatic experiences with each drawing.

In their drawings about Siberia, the Japanese not only distanced themselves from camp life but depicted themselves with ruthless sincerity, sometimes ironically, in a brutal confession. This irony shows us a classic post-colonial subject already freed from the repressed identity of a captured *little Japanese guy*, and depicting its subjectivity from camp times, as some kind of a parody. Parody in the memoirs, as a sign of distance from the POW image, became a sign of leaving the trauma behind.

The post-camp drawings proved to be not only tools and methods of therapy, but also historic documents—evidence of life in a totalitarian institution about which most documents either deliberately twist reality, or need deconstructing to make sense of. So post-camp drawings now serve as convincing documentation and our most reliable source of knowledge about these institutions.

Their drawings and memoirs about their years in Soviet camps have helped former POWs distance themselves from the traumatized POWs they once were, look through the prism of time at this harsh experience, and see the years of captivity in a positive retrospective light. As a result of the camp authorities' policy of depersonalization, POWs' creativity diminished with each drawing—as a former POW in his personal story, in his drawing and his vision of the experience has been summarizing this tough life period and claiming his individual style.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Осип Мандельштам

Не хуже, не лучше других —
Равноценна моя строка.
Потому, что это не стих:
Иероглиф и знак векам.
Потому, что это не боль —
Сгусток истории в нас.

Нина Гаген-Торн

Нарисовать — значит осмыслить.

Такеси Кайко

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга писалась долго, и я смогла ее закончить благодаря помощи, которая выражалась всегда по-разному — помощи многих людей и организаций.

В первую очередь я хотела бы поблагодарить бывших японских военнопленных, с кем мне удалось встретиться и кто рассказывал мне о своем опыте жизни за колючей проволокой в СССР — это почетный профессор Национального Музея этнологии Кюзо Като, профессор права Исаму Фудзита, архитектор Киёси Сато, пенсионеры Нобуо Киути и Ивао Нисимура.

Моя глубокая благодарность:

— японским славистам, переведившим комментарии к картинам и рисункам художников, вместе с которыми мы переживали заново чужой лагерный опыт — проф. Коити Иноуэ и проф. Тэцуо Мотидзуки, д-рам Санами Такахаси, Куми Тагэока, Юкари Нагаяма и Цутому Цукада, а также д-ру Сиро Ханъя и д-ру Акира Сакурама;

— коллегам из Центра славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо, который славится не только замечательными библиотечными и архивными фондами, но и уникальной рабочей атмосферой, персонально — проф. Тэцуо Мотидзуки, проф. Томохико Уяма, проф. Дэвиду Вульффу, проф. Го Косино, чьи квалифицированные советы и сердечное отношение способствовали моей интенсивной работе, а также д-ру Юдзuru Тонаи и бесценному сотруднику Центра Мике Осуга за помощь в поиске книг и технической подготовке издания;

— художникам Нобуо Киути и Киёси Сато, любезно разрешившим использовать рисунки, размещенные на их личных сайтах;

— историкам сибирского плена — почетному профессору университета Сэйкэй Такэси Томита и профессору Иркутского университета С.И. Кузнецову за полезные советы и рецензии;

— архивистам: заместителю директора РГВА В.И. Коротаеву — за помощь в поисках необходимых в исследовании документов РГВА и д-ру Райнеру Мёллеру, директору архива KZ Gedanken Statte Noengamme, который не только помог увидеть рисунки бывших узников, но и предоставил возможность пожить некоторое время на территории лагеря, что дало незабываемое впечатление об июньских днях 2013 г. в пригородах Гамбурга;

— члену-корреспонденту Российской Академии наук проф. Сергею Арутюнову — за тщательно прочитанный черновик жарким летом 2014 г., за неравнодушные беседы и воспоминания о личных встречах с японскими пленными в послевоенном Тбилиси;

— проф. А.Н. Мещерякову, чьи труды и консультации мне существенно помогли в понимании специфики многих вопросов, связанных с культурой и историей эпохи Сёва;

— коллегам — д-ру Елене Здравомысловой, чл.-корр. Национальной Академии наук Армении Левону Абрамяну, д-ру Ирине Благодатских, которые консультировали, давали бесценные советы на разных этапах написания книги и выражали уверенность в ее необходимости;

— д-ру Цыпылме Дариевой (в 2009 г. Университет Цукуба), проф. Нобуо Симотомаи (Университет Хосей), д-ру Гаяне Шагоян (ИЭА НАН РА), проф. Сергею Абашину (ЕУ в СПб.) — за организацию моих семинаров по этой теме;

— особую благодарность Эде Абрамян за редакторскую работу, существенно улучшившую исходный текст, и проф. Георгию Левинтону, строгие комментарии и исправления которого стали уроком для меня в искусстве выбора точных выражений;

— Японскому фонду (JF) — за стипендию в Центре славистских и евразийских исследований Университета Хоккайдо в 2011–2012 гг., которая позволила собрать необходимый для исследования материал и в основном написать текст монографии;

— Японскому фонду поддержки ученых (JSPS) — за стипендию в 2015 г., которая позволила мне завершить работу над текстом и подготовить рукопись к печати;

— Фонду им. Александра фон Гумбольдта — за стипендию в июне 2013 г., которая помогла мне посетить Германию и «места памяти», связанные с концентрационными лагерями, что дало мне более глубокое понимание сущности лагеря как тотального института и знакомство с постлагерным искусством бывших заключенных;

— Моей семье за любовь и безусловную поддержку.

КНИГА О ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

Семьдесят лет тому назад, в 1945 г., после окончания Второй мировой войны более шестисот тысяч японских солдат были отправлены в Сибирь и другие регионы СССР на принудительные работы. За эти годы в плену погибли больше шестидесяти тысяч японских граждан.

Пять лет я прожил в Сибири военнопленным и прошел больше десяти лагерей, расположенных, главным образом, в Иркутской области. В лагере я впервые встретился с русским языком, сам изучил его частично с помощью немецкого языка, который я знал до этого, и после возвращения в Японию стал заниматься историческими и археологическими исследованиями в Сибири и Средней Азии. После защиты докторской диссертации я переключил научные интересы на исследования в Средней Азии и до сих пор занимаюсь этим. Так же как у художников Ясуо Кадзуки и Сина Миязаки, мой жизненный путь тоже начинался в Сибири. Искренне думаю, что сибирское интернирование оказало на многих пленных японцев сложное и многостороннее влияние.

История «сибирских интернированных» живо передается из уст в уста, исследована специалистами и в Японии, и в России. Новая книга Эльзы-Баир Гучиновой тоже посвящена этой теме. Чтобы написать историю японских интернированных, она приезжала в Японию и работала в Центре славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо, изучала рисунки и воспоминания японских интернированных, собирала интервью у бывших военнопленных, сравнивала их опыты с опытами депортированных советских народов и жизнью советских заключенных.

Я бы обратил внимание на следующие отличительные черты этой работы: автор описывает подробные детали жизни пленников, в том числе еду, работу и досуг, сравнивает лагерь военнопленных с лагерями ГУЛАГа, уделяет внимание и творчеству японских художников, бывших военнопленных. Можно сказать, что это первая монография, где анализируется повседневная жизнь японских интернированных. В этом смысле она дополняет опубликованные исследования и в Японии, и в России. Несмотря на мой пятилетний лагерный опыт в Сибири, я сам узнал из этой книги для себя много нового.

Кюзо Като, почетный профессор Национального музея этнологии, Осака.

ИЕРОГЛИФЫ ПЛЕНА

Остановись мгновенье, ты ужасно! Даже страх смерти на войне не так мучителен, как кошмар рабства в плену. Сибирский плен воинов Квантунской армии отягощался тем, что был не только потоком страданий отдельных людей, но и унижением великой нации, сложившей оружие по приказу своего императора. Для японцев, по традиции предпочитавших плену смерть, это было дно мучений.

Надо ли воскрешать состояние подавленности и бесчестия, которое неизбежно сопровождает плен? История любит триумфы победителей, а в книге Э.-Б. Гучиновой описывается горе побежденных. При этом автор не вытаскивает на свет чужие секреты, а лишь вторит мотивам самих пленников, которые, вернувшись на родину, не перечеркивают страницу позора, а обращаются к ней в воспоминаниях и рисунках. Что это — неотвязная боль, мазохистская тяга к самоистязаниям или нечто иное, выраженное в словах Нобуо Киути: «Нет, не зря всё это было, и русский лагерь... я так думаю»?

Японцы сдержанны в эмоциях, будь то высказывания или рисунки. Может быть, рисунок лучше слов передает скрытое чувство, и рисование служило своего рода катарсисом, перенесением психологической травмы на бумагу. Эпиграф из Такеси Кайко «нарисовать — значит осмыслить» перекликается с признанием Ясуо Казуки: «Я снова переживаю Сибирь, когда ее рисую». Трогательна история Сидзуо Ямасита, рисовавшего сцены Тайшетского лагеря через 25 лет после возвращения, во время ежедневных поездок на работу, ради «успокоения душ покойных».

В каком-то смысле плен сродни или хуже смерти — если не ад земной, то чистилище (автор использует обе метафоры). Однако есть у этой драмы еще одна грань: погружение в ад открывает нечто незаметное в благополучной обыденности — инобытие, в котором человек будто заново учится ходить, чувствовать, видеть, в том числе и себя самого: «Мы были как пустые раковины, без души»; но вместе с тем: «Лагерная жизнь обнаруживает суть человека, его подлинное лицо».

Тут начинается поле особого интереса для антрополога — запредельное состояние, иной мир наяву, человек наизнанку. Японцы в Сибири — не просто зомби, выучившие и превратившие в молитву русское слово «домой». Лишенные главных опор (восходящего солнца, родины, императора), они балансируют на грани жизни и смерти, но лишь немногие облегчают свою участь самоубийством или сумасшествием. Остальные учатся наматывать портянки, рубить деревья в лютые морозы, в голодном ознобе делить хлеб, ощущать в костре тепло матери, насыщаться во сне. Сон вообще оказывается тропой в мир свободы и удовольствий: «Каждый вечер с интересом ложусь спать, и мне часто снится, что хожу в гости к родственникам и кушаю много разной снеди».

Японец укрывается в коконе своих навыков и традиций, которые образуют защитную и одновременно адаптивную оболочку в условиях сибирского плена. Парадоксальные, на первый взгляд, соответствия позволяют ему ладить с лагерной дисциплиной благодаря муштре в японской армии, по-своему принять культ Сталина на основе культа микадо, отнестись к подневольному труду как к делу чести. За годы плена японец умудряется проникнуться симпатией к русским девушкам, «хорошим надзирателям», холодному звездному небу, а заодно уложить километры рельсов БАМа. На безжизненной почве появляются ростки достоинства и даже пре-

восходства. Можно представить, что испытал узник, услышав крики играющих детишек из соседнего с лагерем селения: «Когда я вырасту, я стану военнопленным».

Постепенное улучшение состояния и настроения японских пленных обычно связывают с восстановлением хозяйства и снабжения в послевоенном СССР. Однако заметно и другое — своего рода ояпонивание лагерей и их окрестностей, «оттепель» за колючей проволокой. Вряд ли с синдромом невольника связано, например, высказывание японского репатрианта: «Я не люблю СССР, но обожаю русских». Бывшие невольники надолго стали посредниками в общении Японии и СССР (России), а один из них, автор предыдущего предисловия, озаглавил свою книгу «Сибирь в сердце японца».

Память японцев, героев повествования, многоголоса и многоцветна: с одной стороны, в ней оживают унижительные сцены обыска, процедур дезинфекции, медосмотра с ощупыванием ягодиц; с другой — возникает послевкусие от поедания полыни и лягушек; с третьей — мелькают марши пленников под красным знаменем, лагерные спортивные состязания, благодарственные письма «генералиссимусу И.В. Сталину — лучшему другу японского народа». Книга полна переключек фактов и эмоций, народов и режимов, ГУЛАГа и ГУПВИ, советского зека и японского военнопленного. Читать ее надо на разные голоса.

Андрей Головнев, член-корреспондент Российской Академии наук

Введение. Память о лагере, визуальность и язык травмы

1. Плен в социальной памяти японского и российского общества

Обстоятельства пленения. В годы Второй мировой войны Япония была союзником Германии. В апреле 1941 г. Советский Союз и Япония заключили Пакт о нейтралитете. В течение войны советское руководство опасалось внезапного нападения Японии вслед за Германией и держало на восточных границах СССР до 28 % военных сил РККА. После капитуляции Германии Япония по-прежнему находилась в состоянии войны с союзниками СССР, и вопрос об отношениях с Японией был частью проблем послевоенного устройства мира, обсужденных в Потсдаме. Потсдамские договоренности зафиксировали готовность СССР объявить войну Японии через три месяца после подписания Пакта о капитуляции Германии. Для СССР речь шла о региональном мироустройстве на Дальнем Востоке. Конкретная дата начала военных действий была определена атомной бомбардировкой Хиросимы ВВС США.

Денонсировав Пакт о нейтралитете, СССР 8 августа 1945 г. объявил войну Японии. Красная армия начала военные действия на оккупированной территории Маньчжурии и Южном Сахалине, территории Японии. Военная кампания была короткой.

После Рескрипта императора Сёва от 15 августа 1945 г. Квантунская армия сложила оружие. Здесь, как сформулировал австрийский историк плена С. Карнер, капитуляция не была вопросом бесчестия, а необсуждаемым решением императора.

23 августа 1945 г. председатель ГКО И.В. Сталин принял решение об использовании японских военнопленных на хозяйственных объектах в СССР [Катасонова: 39], что было подробно изложено в постановлении ГКО № 9898сс «О приеме, размещении, трудовом использовании военнопленных японской армии» [Военнопленные: 46].

Как считает Е. Катасонова, ссылаясь на воспоминания Рокуро Сайто и на письмо Верховного командования Японии маршалу А.М. Василевскому от 21 августа 1945 г., предложение «использовать японских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы вплоть до лишения их японского гражданства, если это будет продиктовано интересами советского руководства», исходило от японской стороны [Рокуро. Сибэриа-но банка: 208–209, цит. по: Катасонова: 53].

Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 г. на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе. Квантунская армия перешла в Маньчжурии в распоряжение РККА. Советскими войсками было взято в плен 639 776 военнослужащих бывшей японской армии [Военнопленные: 337]. Руководству страны надо было решать, что делать с огромным количеством военнопленных. Будучи юридически военнопленными, они были де-факто интернированы в СССР.

На территорию СССР было перемещено, по одним данным, 547 261 военнопленных и интернированных [Карасев 2007: 35], по другим данным. — более 640 000 чел. [Галицкий 1999: 69]. Кроме военнопленных в СССР было интернировано 3706 гражданских лиц [Военнопленные: 294], если не считать гражданское население Южного Сахалина (160 000) [Российско-японские отношения: 532]. Все они на несколько лет, в среднем от 2-х до 6-ти, были заключены в лагерь ГУПВИ.

Принуждение военнопленных к труду в СССР, которое рассматривалось как репарация за участие во Второй мировой войне, обеспечивало освоение собственных советских территорий. Если в 1941–44 гг. для этих целей в плохосвоенные восточные и южные районы страны возили эшелонами «подозрительные» и «наказанные» народы СССР, обеспечивая их рабочими ресурсами, то по ее окончании в тех же масштабах и теми же составами перевозили пленных из Маньчжурии. Специфика этого освоения заключалась в том, что рабочая сила была представлена иностранцами, временно колонизованными в статусе военнопленных. Японские пленные оказались в разных регионах большой страны: в г. Краматорске на Украине, в Ивановской и Московской областях, в Татарстане и Грузии, во всех республиках Средней Азии, но подавляющая часть военнопленных оказалась в Сибири и на Дальнем Востоке СССР. Поэтому географическим символом плена стала именно Сибирь.

Интерес к сибирскому пленению солдат Квантунской армии появился в общественном дискурсе России в связи с официальным визитом президента СССР М. Горбачева в 1991 г. и официальным визитом президента РФ Бориса Б. Ельцина в Японию в октябре 1993 г., в ходе которого Россия признала антигуманное отношение к японским военнопленным со стороны сталинского режима, за что Б.Н. Ельцин принес общественности Японии извинение от имени российского народа [Катасонова: 11].

Первыми результатами контактов на официальном уровне стали приезды японских делегаций в поисках заброшенных лагерных кладбищ, чтобы забрать прах японских военнопленных на родину и воздать им должные почести. Фактическая сторона дела заключалась в кропотливой работе по поиску кладбищ, эксгумации и транспортировке на родину [см. Кузьмина].

Отношение к плену. В Японии «Сибирское пленение» Квантунской армии было осознано как трагическая история эпохи Второй мировой войны уже в 1950-е гг., после возвращения первых репатриантов, и, хотя она не была в центре общественного внимания, но и не оказалась забытой. Почти 600 000 мужчин вернулись из СССР, каждый — со своей историей выживания. Бывшие пленники, обогащенные опытом выживания, не могли раствориться без следа в японском обществе. Даже такая выборка, как список премьер-министров правительства Японии, отразила присутствие пленных из Квантунской армии в истории страны. Среди 24-х (к 2004 г.) премьер-министров японского правительства оказался и бывший военнопленный Сосукэ Уно [Липский: сайт].

Отношение к бывшим военнопленным в Японии было непростым. Им не оказывалось такого уважения, с каким относятся к военнопленным, например, в США. Но их и не преследовали, как советских военнопленных, переживших нацистский плен, которые до конца жизни оставались изгоями. В целом в японском обществе, в котором были сильны представления традиционной военной этики, не было особенного сочувствия к их судьбе. Многим репатриированным отказывали в приеме на работу из-за их долгого пребывания в СССР [Igarashi 2005: 119]. Как вспоминал Хидэюки Айдзава, «я шел по чужой земле с грязным ярлыком “военнопленный”, не зная, куда приведет меня этот путь» [Чернова: сайт].

В японской военной традиции плен считался позором. Японская армия не нуждалась в заградительных отрядах, чувство долга в японской армии играло роль заградотрядов в РККА. О предпочтении гибели плену говорит «соотношение попавших в плен (как правило, в бессознательном состоянии) и погибших в кампании в Северной Бирме в 1942 г.: 1 к 120. Такое отношение стало меняться к концу войны, когда независимо от ее исхода некоторые солдаты стали считать для себя возможным возвращение домой» [Бенедикт: 31–32]. Высокая исполнительность, верность воинскому долгу, преданность императору не давали японскому военному служащему выбора между смертью на поле боя и пленом. Он предпочитал смерть позору пленения и, если смерть была неизбежна, то не просто ожидал ее, а старался уничтожить как можно больше врагов, после чего совершал самоубийство [Карасев 2007: 27].

Так как военнослужащие Квантунской армии попали в плен не в результате проигранных сражений и личных решений, в Японии их называют не пленными (хорё), а интернированными (ёкурюся). Это был совершенно новый для японской маскулинности, для японской этики опыт — опыт массового пленения и выживания в тяжелых условиях подневольного труда. Японская история не знала позитивных примеров пленения, которые могли бы стать образцами мужества и достоинства, нравственными ориентирами и служить моральной поддержкой. Пленным самим надо было находить ресурсы для физического выживания и достойного поведения.

Все пленники мечтали о возвращении домой, но в то же время, как автор изданных в России мемуаров Юкио Ёсида, волновались: как они будут приняты на родине?

Однажды в бараке, когда речь зашла о возвращении на родину, один пленный сказал: «Когда приеду в Японию, первым делом отправлюсь на горячий источник, попарюсь там до вечера, а ночью войду в дом с черного хода». «Мы ведь не по собственной воле оказались в плену, а подчинились императорскому манифесту о капитуляции. Я войду в дом среди бела дня с высоко поднятой головой!» — возразил другой. «Хватит ерунду молоть! Кто, интересно, силком затащил нас на войну, а потом до плена довел? Во всем виноваты император и буржуазия! А вы рядите, с какого хода войти в собственный дом. Вернувшись на родину, мы, сплотившись, должны требовать риса и работы, выступать против правительства Японии». Я понимал настроение каждого пленного, ведь они были моими товарищами по несчастью, которое оставило след в душе всех, кто пережил его. Сам я, если судьбе будет угодно вернуть меня на родину, не собирался проникать в дом под покровом ночи, но тоскливо предчувствовал, что в первый момент встречи с отцом, женой и детьми не посмею смотреть им в глаза [Такасуги. Ч. 2: 99–100].¹

1 Здесь и далее шрифтом Times Roman 11 с отступом представлены комментарии и тексты о японских военнопленных. Курсивом в этих текстах отмечены фразы, помещенные в поле картины или рисунка. Выделение шрифтом — Э.-Б. Г.

История плена как Травма. Как правило, в формировании национальных историй находится место только для одной наиболее значимой травмы. Другие испытания в судьбе народа не должны ни затмевать хотя бы иногда, ни конкурировать с главной Травмой. Такой трагедией для японской истории XX в. стала гибель более чем 210 тыс. мирных жителей Хиросимы и Нагасаки вследствие атомной бомбардировки США. Именно эта трагедия для японского народа стала Травмой № 1. Прежде всего потому, что облучение в результате взрыва бомбы имело и имеет влияние на потомство, рождаются дети с генетическими отклонениями. Кроме того ужасает понимание того, что народ стал жертвой испытаний новых и катастрофических военных технологий. Ни ковровая бомбардировка Токио 10 марта 1945 г., когда за 2 часа 334 тяжелых бомбардировщика сбросили на город столько зажигательных бомб и напалма, что в результате огненного смерча погибло более 100 тыс. человек, ни утрата Южного Сахалина и северных территорий в осмыслении национальной истории такой роли не сыграли. В комплексе вопросов, оставшихся в наследство последующим поколениям, сибирский плен оказался менее масштабной проблемой.

Но даже там, где общественное осмысление травматического события по политическим соображениям отвергается, как писал немецкий историк проф. Ф. Книгге, воспоминание о несправедливости и страданиях все же не является несуществующим. Оно продолжает жить, по меньшей мере, в сознании участников событий, в первую очередь жертв преследований, скрытое или инкапсулированное и в то же время выраженное в самых различных телесных и душевных симптомах травматического поражения, тяготящее страхом или стыдом и все же в кругу близких сдержанно и осторожно превращаемое в предмет разговора, воплощающееся в картинах, осмысливаемое в рассказах на основе воспоминаний или даже трансформируемое в литературу [сайт «Уроки истории»].

Стремление выжить в лагере для тех, кто смог это сделать, часто было обусловлено решимостью донести свидетельство. Как известно, «одна из побудительных причин выжить в концлагере — возможность стать свидетелем» [Агамбен 2004: 177].

Пережившие сибирский плен военнопленные согласно классификации свидетелей относятся к моральным свидетелям, которые сочетают в себе и роль жертвы, и роль очевидца — они, будучи жертвой, выжили. Благодаря их близости к гибели и погибшим их свидетельство не только обвиняет, но и оплакивает, поэтому оно включает в себя и молчание, то есть невозможность найти подходящие слова [Weigel, Zeugnis und Zeugenschaft — цит. по: Ассман: 93]. Второе качество морального свидетеля: он свидетельствует о злодеянии как таковом, изведенном на личном опыте. Его послание содержит негативное откровение, которое не может стать смыслообразующим и не может стать историей, на которой основываются общества. Наконец, моральный свидетель нуждается в сообществе непричастных третьих лиц, которые признают в нем жертву [Ассман: 93–96].

В академической среде Японии интерес к проблеме интернирования Квантунской армии заметно активизировался в последние годы.

Музеи. Память о сибирском плене сегодня поддерживается в Японии в экспозициях двух музеев, один из которых находится в портовом городке Майдзуру, второй в Токио.

Бухта Майдзуру, один из основных портов, куда привозили из Находки освобожденных военнопленных и где находились фильтрационные пункты, стала извест-

ной также и благодаря популярной песне «Мать на пристани» (1954), посвященной материнской тоске по сыну, находящемуся в Сибири:

Опять вернулся корабль с репатриантами, а моего сына все нет...

Разве ты не видишь меня, свою мать, ожидающую тебя на этой пристани...

Порт называется «Летающий журавль», почему бы тебе не прилететь как журка...²

В 1970 г. на холме, с которого открывается непередаваемой красоты вид на залив, был разбит мемориальный парк, в 1988 г. здесь был открыт Музей репатриации (Maizuru Repatriation Memorial Museum) муниципального подчинения. Сейчас музей является единственным специализированным публичным местом коммеморации истории сибирского пленения солдат Квантунской армии. В пяти залах хранятся подлинные реликвии тех лет, например нехитрая солдатская утварь: ложки, ножи, палочки — хаси, алюминиевые миски и солдатские котелки, зажигалки, табакерки и кисеты. Впечатляет лагерная одежда: старые солдатские ботинки, латаные ватники и стеганые штаны, шапки и варежки в заплатках. Ценными экспонатами музея представляются подлинные лагерные документы — письма из лагеря домой, крохотные записные книжки, справки о заработанной сумме и документы лагерной администрации.

С помощью сбора, хранения и экспозиции исторических документов музей формирует память об интернировании Квантунской армии. В нем собраны библиотека по теме интернирования, фотоархив и пресса тех лет, в которой запечатлены моменты встречи репатриантов в разные годы. В экспозиции музея созданы многофигурные композиции в натуральную величину. Представлена модель лагеря в масштабе. Музей располагает уникальной коллекцией картин, посвященных интернированию, нарисованных бывшими пленниками. Один из залов специально отведен материалам, предназначенным для детей.

В октябре 2015 г. документальный архив музея был включен в реестр памяти ЮНЕСКО. Признание со стороны международного сообщества страданий японских солдат в годы Второй мировой войны привносит более сложное понимание той эпохи. Действия армии милитаристской Японии в рамках Второй мировой войны обычно рассматривались как агрессивные, отношение к судьбам простых военнопленных как к жертвам — разворот к более глубокому видению истории XX в.

Второй музей — небольшой частный музей Heiwa Kinen Tenji Shiryo-kan (За мир и утешение), расположенный в Токио, в престижном районе Синдзюку на 48-м этаже 52-этажного небоскреба Сумитомо. Сибирскому интернированию отведено небольшое пространство, в котором представлены карта лагерей ГУПВИ и маршруты транспортировки солдат Квантунской армии в СССР, модель лагеря № 217, одежда и обувь военнопленных и др. Современного человека впечатляют реликвии той эпохи — солдатские амулеты, носки, сшитые вручную Томодзи Нагасаки (преф. Миэ) из лоскутов и брезента нитками, выдернутыми из ткани, с помощью самодельной иглы; нож, ложка и вилка в специальной сумочке для хранения, изготовленные из дерева Эйдзи Каиэда из Кагошима; шуба с короткими рукавами Кинэцу Мурата (преф. Кочи), так как основная часть рукавов была обменена на хлеб; письмо из ла-

2 Авторы слов Масато Фудзита и Муромати Кёносукэ.

геря с сообщением, как умер ослабленный от голода Хуми Конэко (преф. Ниигата), номера газеты «Нихон синбун» и др.

Нельзя не упомянуть и общественные организации, которые объединяют бывших военнопленных. Это Японская ассоциация бывших военнопленных, основанная в 1980 г. (президент Х. Айдзава). Японская ассоциация компенсации интернированных, основанная в 1979 г., прекратила свою деятельность в 2011 г. Работают и другие общественные организации, направленные на культурные связи с Россией или странами СНГ и возглавляемые бывшими военнопленными, а также их региональные общества. Например, в Саппоро действует Общество сибирских пленников Хоккайдо, его члены организуют встречи с бывшими военнопленными, инициатируют установку памятников в префектуре, поддерживают свой блог [<http://siveriasapporo.blog.fc2.com/>].

Память японских военнопленных о лагерях имела свою специфику, которая заключается не только в большом количестве изданных нарративов, не только в японских формах выражения (аниме, хайку, эникки и др.), но и в особой — доброй и часто самоироничной — тональности воспоминаний о тяжелом опыте заключения, а также в обескураживающей искренности сюжетов и деталей.

Более двух тысяч бывших военнопленных Квантунской армии решились написать свои лагерные мемуары [Томида: 594]. Этот феномен массовых солдатских воспоминаний о жизни в лагерях страны-победительницы практически уникален в мировой мемуаристике. Из работ М. Фуко известно, что «нельзя говорить о чем угодно в какой угодно период времени»: распределение власти на поле символического производства не допускает этого самыми различными способами, и возможные «авторы речи» всегда несут в себе знание о том, что и кому позволено сказать [Гапова: сайт].

Среди бывших солдат вермахта и их союзников были те, кто написал свои воспоминания о годах, проведенных в плену в СССР [Birkemeer W 2002, Беккер Ханс, Виганд Вюстер и др.], но все же счет идет на десятки, а не тысячи.

В немецком плену во время Второй мировой войны находилось более пяти миллионов советских солдат, из которых три миллиона семьсот тысяч погибли в плену, что составило 64 % всех военнопленных [Полян 2002: 12]. Похоже, что никто из двух миллионов выживших не оставил и тем более не издал за свой счет воспоминания об этом опыте. Во всяком случае, такие воспоминания не получили широкой известности.

Многие бывшие японские военнопленные решились поделиться с обществом своим опытом выживания в лагерях. Не сразу, но чем дальше отходили во времени годы пленения, тем больше появлялось мемуаров. Перестройка в СССР дала надежду на «перезагрузку» отношений между Японией и СССР. Актуализировалась тема сибирского плена, и можно было предполагать, что при соответствующих политических решениях российское правительство выплатит компенсации за годы принудительного труда.

К тому же бывшие пленники в это время вышли на пенсию и получили, может быть впервые в жизни, свободное время. Сформировалось *сообщество утраты* (С. Ушакин), в котором бывшие военнопленные, хорошо понимавшие друг друга, ходили на выставки, читали воспоминания, поддерживали друг друга морально и финансово.

Это было важно, потому что исторические травмы, обусловленные не военными действиями, а актами эксплуатации людей, антигуманного обращения с ними и уничтожения, не исцеляются забвением [Ассман: 81]. Кто-то из них съездил в Сибирь, кто-то написал воспоминания, а кто-то рисовал лагерь, сопровождая рисунки комментариями, что стало своего рода арт-терапией, интуитивно найденным способом работы с травматическим опытом.

В этом сообществе утраты появилась живая память — та, что внутри достаточно интимного контекста актуализирует прошлое в разговоре, и благодаря *memory talk* (Вельцер) прошлое конструируется как результат коллективной работы [Ассман: 25]. Пока есть неформальная диалоговая коммуникация, существует и совместное воспоминание.

Таким образом, когда к середине 1980-х гг. тема сибирского плена, до того развивавшаяся на периферии общественного внимания, заняла свою нишу в публичном дискурсе Японии, сработало сразу несколько внутренних и внешних факторов.

Почти все российские авторы, писавшие о послевоенных отношениях между Японией и СССР, отмечали, что вернувшиеся из советских лагерей военнопленные были тронуты добрым отношением к ним простых людей. К тому же военнопленные, «воспитанные в рамках жестко регламентированного японского общества, испытывавшие в императорской армии муштру и издевательства, впервые в жизни обрели чувство человеческого достоинства, стали дышать свободно» [Комаровский: 123]. Именно бывшие военнопленные долгое время составляли основу различных обществ дружбы с СССР и Россией. Во всех своих выступлениях они подчеркивали, что всегда различали официальную политику советского государства, удерживавшего их в лагерях, и отношение обыкновенных русских (советских) людей [Кузнецов 2003: 289].³

Для воспоминаний японцев о жизни в лагерях СССР характерны, в первую очередь, *изрядная доля ностальгии, а иногда и умиление* [Кузнецов 2003: 288], с которыми авторы вспоминают чужую страну и годы лагерей. «Я всегда ношу российские часы, это уже третьи», — с гордостью показывал мне запястье Ивао Нисимура. Интерес археолога Кюзо Като к Сибири привел его к длительной полевой работе в России и СНГ, свою книгу он так и назвал — «Сибирь в сердце японца».

Своим отношением к СССР бывшие интернированные делились с родными и соседями, постепенно создавая коллективный нарратив о Сибири. Однако многие, чаще репатрианты 1947 г., сохранили негативные воспоминания, предпочитая молчать

3 Похожие чувства испытывали бывшие военнопленные из Германии и Польши. Так З. Хакенберг пишет: «Самое тяжелое, самое жестокое время своей долгой жизни я пережил в России за четыре года военного плена. Тем не менее, меня снова и снова охватывает страстное желание приехать сюда. Эта таинственная, бескрайняя, неизмеримо богатая страна белых, прекрасных берез и темных хвойных лесов, а также полных любви, но бедных людей всегда притягивает меня. Для меня непонятна и необъяснима симпатия немцев и русских друг к другу, но это делает меня счастливым». Ю. Чапский отмечал: «Моя книга “На бесчеловечной земле”, заглавие которой русские могут воспринять как жестокое, свидетельствует прежде всего о моей привязанности к России. Я понимаю, что этот взгляд сегодня чужд большинству поляков. Но я слишком хорошо знал русских высочайших моральных качеств, слишком много сердечных чувств дали мне русские». Цит. по: А. Кузьминых: Россия и лагерный мир...

о лагере, и решительно отвергали все, что было связано с СССР. Это послужило основой для широких антисоветских настроений в послевоенной Японии [Igarashi: 105].

Кое-кто из военнопленных, оказавшись в неожиданных социальных условиях, расставался с традиционной схемой поведения и выбирал путь индивидуализма. Это позже помогло некоторым пленным по возвращении сделать предпринимательскую карьеру — как, например, Сиро Исикава, глава экспортной компании «Искра», который признавался, что сибирские лагеря стали для него настоящим университетом жизни, закалившим характер и научившим выживать в любых условиях [Кузнецов 2003: 289]. Эйкити Нисикава, основатель строительной фирмы «Санъэй сёдзи кабусики кайся», подчеркивал, что «всем, чего я достиг в жизни, как и самой жизнью, я обязан майору-сану», начальнику лагеря Василию Чеботареву [сайт «ЗАО Санъэй-Москва»]. Возможно, это также и способ самотерапии, при котором негативные воспоминания и чувства вытесняются и заменяются преувеличенно позитивными, как бы снимая травмы прошлого.

Син Миязаки назвал свой альбом «Другая память о Сибири». Она отличается от стереотипной, что в обобщенном виде резюмируется в сухих интервью политиков. Другая память — личная, но при этом многоликая, пестрая образами, не имеющая однозначных оценок. Такая память — это сложный дискурс о травматических событиях, в котором нет места культурным или политическим клише, а имеется много трагических историй, противоречивых событий, в которых нередко встречается сочувствие и даже благодарность народу, чье государство насильно удерживало и эксплуатировало их столько лет.

Возможно, воспоминание о длительном событии, которое начиналось как травматическое и таковым осталось в исторических хрониках, в памяти конкретного человека нередко состоит из сложных эмоций, среди которых благодарность и доброта часто пересиливают гнев и возмущение. Негативное отношение к противоправному акту приходит в противоречие с оценкой жизни человека, которая часто не вписывается в черное-белые краски, чего как бы ожидает общество, поэтому человек говорит «другая Сибирь», не стереотипизированная.

В Японии мемуары о сибирском плене не прозвучали так громко, как, например, «Архипелаг ГУЛag» А. Солженицына в СССР, не стали национальными бестселлерами. Тем не менее голоса бывших военнопленных даже в насыщенном свидетельствами о сибирском плене публичном пространстве не забывают один другой, а наоборот создают богатый полифонический текст убедительной силы.

Зачастую непроговариваемые, но актуальные в общественном дискурсе сюжеты проявляются в искусстве. Можно сказать, что искусство обращением к проблемам сибирского плена японцев на десятилетия опередило академические исследования. Из нескольких десятков японских художников, рисовавших плен, типичной стала история Сидзуо Ямасита, альбом рисунков которого, сделанных по памяти спустя 25 лет после репатриации шариковой ручкой и карандашом во время ежедневных поездок на работу, отразил четыре года в Тайшетском лагере. Цель их публикации, по словам издателя Тосия Омура, «успокоение душ покойных» [Кузнецов: сайт]. Этот мотив, довольно необычный для России, часто упоминается в воспоминаниях японских авторов.

Значимое событие в истории народа должно было отразиться и в творчестве влиятельного в обществе прозаика. Им стал Харуки Мураками.

Обычно мы воспринимаем мемуары как записки людей о событиях прошлого, которые они наблюдали или в которых участвовали, пытающихся реконструировать их в письменном тексте. В случае с Харуки Мураками мы имеем дело с литературным произведением, в котором звучат голоса прошлого. Двое из героев романа «Хроники заводной птицы» (1995), Хонда-сан и Токутаро Мамия, принимали участие в военных действиях на Халхин-голе (в японской историографии «Номонханский инцидент»), лейтенант Мамия оказался в сибирском плену. Адекватно современной социальной ситуации бывшие пленники — не главные герои романа, а второстепенные персонажи. Один чудаковатый, докучает окружающим своими рассказами, другой молчалив. Хонда-сану все время хочется говорить о прошлом, но у него нет аудитории, несмотря на то, что для современных молодых людей

эти истории были интересными и захватывающими. Мы и представить себе такого не могли. Большинство его историй пахло кровью, но в устах доживавшего свой век старика в нестираной одежде подробности боев утрачивали реальность и звучали волшебными сказками [Мураками: 71].

Кому адресованы свидетельства бывших пленников? На какие потребности адресата они отвечают? Внутренняя потребность рассказать о себе, чем бы она ни была вызвана, требует переопределения себя как по отношению к рассказываемым событиям, так и к моменту, из которого ведется повествование<...> Таким образом, автобиографический текст, даже если формально является документом частной жизни, тем не менее включен в действующее «политическое» момента своего написания — политическое не в смысле отношения непосредственно к политике, а в смысле включенности в более сложные и повсеместные отношения власти, присутствующие во всем, что социально [Гапова: сайт].

Особенно важно, на мой взгляд, что воспоминания бывших пленников не вошли в большой нарратив, не стали ключевым сюжетом национальной истории. Благодаря этому они, оставаясь на уровне групповой и индивидуальной памяти, свободны в своих формах, богаты в своем многоголосье и несводимы к простым формулам.

Возможно, здесь мы имеем дело с символическим капиталом, который более связан с «кредитом известности», зависящим от чувства чести и способности обеспечить неуязвимость своей чести [Бурдые: 235]. Бывшие пленники хотели показать, как трудно было в плену выживать достойно, чтобы возможный моральный упрек, связанный со старыми представлениями о плене как уделе слабых, мог перейти в знаки уважения по поводу плена как возможности выйти из невероятно трудной ситуации, сохранив лицо. К тому же среди традиционных японских исторических и литературных героев есть и редкий в других культурах положительный типаж, который «навечно обречен с проигрывающей стороной и неизбежно будет низвергнут. Бросая себя туда, куда ведет его мученическая судьба, он открыто противится диктату условностей и здравого смысла, пока его не победит противник» [Айван: 3].

XX век и мировые войны показали новые масштабы бесчеловечности, неизвестный для японского общества лагерный опыт в СССР был рассказан коллективным автором воспоминаний. Обычно люди формулируют свои воспоминания, выдвигая на передний план события, повышающие собственную значимость, и вытесняя то, что может повредить положительной самооценке. Однако японские пленные пожелали рассказать о своих страданиях, не героизируя перенесенный опыт, но

изображая травмирующий лагерный опыт как повседневные практики и не стесняясь проговаривать физиологические детали, которые впиваются в память читателя намертво.

Японские ветераны плена были свободны в том, рассказывать или нет о своем лагерном опыте и если рассказывать, то в каких терминах. Ведь до недавнего времени лагерь снился бывшим военнопленным, и как в 1995 г. признавался Оцука Шигеру, во сне я до сих пор мечтаю быстрее вернуться домой и боюсь, что не смогу [Igarashi 2005: 105].

Мемуары о лагерном опыте представляли собой чаще всего бесхитростные описания проведенных за колючей проволокой лет, но нередко воспоминания были образными: рисунками или живописными работами, и авторов таких произведений несколько десятков. Было организовано несколько выставок в Японии и России. Это важно, потому что там, где встречаются люди, не уклоняющиеся от этих воспоминаний, а напротив, готовые подвергнуться их воздействию <...> и бороться за их публичное осмысление, начинается превращение воспоминаний, до сих пор связанных исключительно с индивидуальным опытом, в культурную, надиндивидуальную память [Книжке: сайт «Уроки истории»].

Архипелаг ГУПВИ. История пребывания японских военнопленных в СССР является частью истории карательной системы, которая сложилась в стране к 1945 г. Она является продолжением репрессивной политики СССР, в 1920–1930-е гг. проводимой через ГУЛАГ, который «подмял под себя» все слои советского общества [Кутузов: 86–90].⁴ К этому времени советская власть с все большей гулагизацией социального и природного пространства [Подорога 2013: 44] оказалась немислима без лагерей принудительного труда. Она их создает начиная с 1918 г. и реорганизует на протяжении 35 лет, давая разные названия. Вначале власть откровенно называет их концентрационными или лагерями принудительных работ, но в 1930 г. концлагеря были переименованы в «исправительно-трудовые» («истребительно-трудовые», как говорили в ГУЛАГе) без каких-либо изменений режима и условий содержания [Росси: 167, 181].

Архипелаг ГУПВИ начинался с приказа наркома Л. Берия от 19.09.1939 г. о создании УПВ НКВД, контроль за его работой был возложен на В.В. Чернышова, который был в то время начальником ГУЛага [Военнопленные: 25–26]. Инфраструктура, кадры, режим, внутренний распорядок были практически идентичными стандартам ГУЛАГа [Кузьминых 179].

Лагеря ГУПВИ были похожи на сотни других концентрационных лагерей по всему миру, которые, очевидно, в XX в. стали самым распространенным типом временного поселения. Как и лагеря ГУЛАГа, лагеря ГУПВИ были разбросаны по всей стране, от Тирасполя на западе [Вилков: 166] до Сахалина, но скученнее располагались в регионах Восточной и Западной Сибири, где не хватало трудовых ресурсов на местах, были крайне неблагоприятные природные условия и стояли задачи освоения огромных пространств. В конце 1945 г. система ГУПВИ включала 267 лагерей с 3200 лагерными отделениями, 392 рабочих батальона и 178 специ-

4 А.Солженицын писал: ГУЛаг. Я следую более поздней традиции написания — ГУЛАГ, которая имеет в виду не только конкретное ведомство, но и ту символическую роль, которую оно сыграло в истории СССР.

альных госпиталей, расположенных во всех союзных республиках [Жангуттин: 107]. Немало японских пленных оказалось на Колыме в ГУЛАГе, их встречали на своем лагерном веку В. Шаламов [Шаламов: 430], Е. Гинзбург, Н. Гаген-Торн, А. Жигулин.

В целом по картотекам ГУПВИ числилось свыше 4 млн. военнопленных из более чем 30 стран [Карнер: 9]. Японцы среди них составляли вторую после немцев (55%) по численности (16%) группу [Карнер: 81].

Первая волна репатриации японских военнопленных пришлась на 1947 г. и была связана «не столько с гуманностью советской системы, сколько с трезвым расчетом: система не хотела нести расходы по содержанию нетрудоспособных больных людей» [Жангуттин: 112]. В течение апреля–ноября 1947 г. в Японию было отправлено 166 240 человек. Это были транспортабельные больные, а также военнопленные, отнесенные к третьей категории трудоспособности и содержавшиеся в оздоровительных командах (ОК), и военнопленные, размещенные в неблагополучных лагерных отделениях. Тогда же МГБ СССР освободило и 12 500 японских офицеров, в звании не выше капитана, не занятых на работе, и гражданских чиновников [Военнопленные в СССР: 56]. Благополучные лагерные отделения — это, видимо, те, в которых регулярно не выполнялся производственный план, значит и организационная, и политическая работа в них с точки зрения властей не могла считаться благополучной, а также была высокая смертность.

К концу 1948 г. в Японию было репатрировано 510 409 человек [Карнер: 224]. Перед репатриацией военнопленным выплачивали причитавшиеся им деньги — сумма скорее была произвольная и зависела от того, сколько средств на эти цели находилось в данный момент в кассе лагерного управления. Однако их нельзя было перевозить через границу и следовало потратить за день до отправки эшелона или по пути на родину [Карнер: 227]. Еще 18 октября 1956 г. замминистра МВД СССР С.Н. Переверткин отчитывался, что в настоящее время на территории СССР находятся 1030 осужденных японских военных преступников, содержащихся в местах заключения, и 713 граждан японской национальности [Военнопленные: 337]. Последняя партия была репатрирована в самом конце 1956 г.

Часть японских пленных была осуждена за военные преступления, за правонарушения в лагере и оказалась в лагерях с более строгим режимом. Среди всех военнопленных, кто последовал из ГУПВИ в ГУЛАГ, 8 % были японцы, что составило 3008 чел. [Карнер: 202]. Но, по сведениям историка репрессий В.Н. Земскова, цифры другие: на 1 января 1946 г. в лагерях ГУЛАГа было зафиксировано 578 граждан Японии, на 1 января 1947 г. — 660, на 1 января 1951 г. — 652 [Земсков 1991А: 10–27; Земсков 1991В: 3–16]. Осужденными из числа японцев за военные преступления в основном были лица, имевшие отношение к химическому и бактериологическому оружию, которое планировалось применить в войне с СССР [Катасонова: 122–129], бывшие полицейские и военные переводчики русского языка, которых преследовали как возможных разведчиков, а также осужденные за правонарушения в лагерях ГУПВИ.

Архипелаг ГУЛАГ и архипелаг ГУПВИ — близкие структуры, но в содержании советских эков и иностранных военнопленных были отличия. Заключение ГУЛАГа не имели того минимума еды и медицинского обслуживания, какой получали военнопленные [Карнер 2002: 78]. Представляется, что ГУЛАГ отличался более

тяжелым режимом и, особенно, террором уголовников. Криминальная часть заключенных, или, как они себя называли, воров, как правило, имела поддержку лагерного руководства и «делала погоду» в бараках. Ситуация с лагерным живодером Борисом Громовым, описанная Х. Мураками, характеризует ГУЛАГ, куда также попадали японские военнопленные. В этом отношении в лагерях ГУПВИ было немного легче, чем в ГУЛАГе, в них не было преступных группировок.

В лагерях ГУПВИ не было криминального разгула, а в лагерях ГУЛАГа не было активного «демократического» движения и существенно условнее были производственные соревнования за право на переходящее красное знамя. Но все системообразующие принципы лагеря — режим и структура — были идентичными, заимствованными ГУПВИ у ГУЛАГа, который создавал канон социалистической лагерной жизни для миллионов людей. По отчетам военных чиновников, в лагерях СССР погибло «61 855 японцев, в том числе 31 генерал и 607 офицеров» [Военнопленные: 338], примерно 10%.

Через ГУЛАГ прошло 15 млн. по мнению А. Солженицына, 10 млн. по утверждению Н. Хрущева и 8 млн. по итоговым результатам российского историка В. Земскова [pereplet.ru...]. Например, золотые забои, донный круг в этой иерархии ада, потребляли, пишет В. Шаламов, 90% рабочей силы, человечность девяноста процентов лагерников подверглась испытаниям, которых она не выдержала, и все гуманистические представления о ней после XX века требуют пересмотра [Нич: 48–49]. Статистика ГУЛАГа затрудняется документами разного подчинения и спецификой ведомственного языка. Тем не менее, трудно не согласиться с В. Подорога: «ГУЛАГ вполне сопоставим по тяжести преступлений с Освенцимом» [Подорога 2013: 21].

Начатый В. Шаламовым и А. Солженицыным процесс разоблачения ГУЛАГа был продолжен и другими бывшими узниками, поставившими себе задачу поведать миру о масштабе и степени жестокости репрессий в сталинскую эпоху. Свидетельские показания о ГУЛАГе говорили слишком жестокие вещи и о природе человеческой натуры, и о природе того общества, за которое еще недавно советский народ отдал миллионы жизней.

Но, несмотря на убедительность этих публикаций, они, тем не менее, не стали для российского общества решающим фактором разоблачения карательной лагерной системы. Память о ГУЛАГе и ГУПВИ как его части не является живой составляющей официального дискурса в России. Масштабы ГУЛАГа еще не осознаны российским обществом в должной мере. Возможно, именно потому, что ГУЛАГ еще не стал достоянием прошлого, он еще жив: прежде всего, страхом перед безнаказанностью государства, неверием в исполнение законов, незнанием в широких слоях той советской истории, что была и во многом осталась «за колючей проволокой» закрытых архивов.

2. Цели, источники и научные подходы исследования

Объектом моего анализа является изобразительный мета-текст, который будет дополнен материалами опубликованных воспоминаний и устных интервью, собранных мною в Токио и Саппоро в 2006, 2011 и 2015 гг. Визуальный мета-текст, созданный бывшими пленными на свободе, а также комментарии к нему можно рассматривать как историческое свидетельство, поскольку в нем обозначились все

символы лагеря, миропорядок и значимые отношения в нем.

Литература по проблеме. Собственно лагерю посвящены в основном исторические работы. Монументальный труд А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАг» (опыт историко-художественного исследования) был сопоставлен В. Козловым с первыми мореходными картами: при всей неточности тех или иных конкретных сведений А. Солженицын превратил историю ГУЛАГа из terra incognita в реальное, интеллектуально постигаемое пространство, в факт мировой истории [Козлов: 97], а также в один из печально знаменитых символов сталинизма. Можно сказать, что в наши дни «Архипелаг ГУЛАг» вполне вписывается в рамки современной исторической антропологии лагеря, как и работы Примо Леви, Виктора Франкла, Жака Росси, Бруно Беттельхейма. Появилась монография Жака Регуло и Филипа Котека «Век лагерей», где авторы показывают, как были организованы концентрационные лагеря в разных странах при разных политических режимах, которые, однако, сохраняли свое карательное и производственное назначение [Регуло, Котек].

Бесценным источником понимания лагерной жизни, свидетелей которой сегодня не осталось, стали «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург (1968), «Путешествие в страну зэ-ка» Ю. Марголина (1952, Нью-Йорк), «Плен в своем отечестве» Л. Разгона (1994), «Дубарь» Г. Демидова (1990), «Погружение во тьму» О. Волкова (1987). О недооцененности визуальных материалов, повествующих о ГУЛАГе, красноречиво говорят постлагерные рисунки Е. Керсновской «Сколько стоит человек» [Керсновская]. Большую работу в акцентировке визуальности лагерного документа проводит московский центр «Мемориал», собравший коллекцию лагерных рисунков, регулярно показывая их, например, на выставках «Папины письма» (общество «Мемориал», Москва, 2013 г.), «Право переписки» (общество «Мемориал», Москва, 2015 г.), «ГУЛАГ. Следы и свидетельства. 1929–1956» (общество «Мемориал» совместно с Фондом мемориальных комплексов Бухенвальд и Миттельбаум-Дора, Берлин, 2013 г.).

Научная литература, посвященная пребыванию японских военнопленных в СССР, насчитывает примерно два десятка монографий и десятки сборников статей на русском и английском языках. Я не рассматриваю историографию на японском языке, но отмечу обзорную статью Такэси Томита «Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945–1956 гг.», в которой автор анализирует такие ценные источники как: доклады японского репатриационного ведомства, японскую прессу из собрания Гордона Пранджа, протоколы японского парламента, которые не подвергались цензуре штаб-квартиры оккупационных войск в Японии, а также специальные выпуски докладов штаб-квартиры, посвященные «репатриации японцев из советских зон» [Томита: 592–609].

В российской исторической науке набирает силу направление, изучающее историю пленных японцев в СССР. Оно представлено, с одной стороны, исследованиями о пребывании японских пленников в том или ином регионе Сибири, например, о японских военнопленных в Красноярском крае [Спиридонов М.Н.], Хабаровском крае [Кузьмина М.], Бурятии [Балзанов О.Д.], и их трудовом вкладе в локальную экономику конца 1940-х — начала 1950-х гг., об отношениях с местным населением. С другой стороны, появились и обобщающие труды, посвященные историческим и правовым аспектам сибирского плена [Кузнецов С.И., Карасев М.Н., Катасонова Е. и др.].

В научный оборот рисунки бывших японских военнопленных впервые были введены Ю. Михайловой [Mikhailova 2010], вслед за которой С. Кузнецов [Кузнецов 2003] использовал рисунки и аниме как иллюстративный материал.

Особо следует отметить дипломную работу Р. Далера, уникальную тем, что автор, работавший в Японии и впечатленный рисунками бывших военнопленных, выйдя на пенсию, поступил на философский факультет Университета Цюриха, чтобы выполнить дипломную работу (MD) «Die japanischen Kriegsgefangenen in Sibirien. 1945–1956. Verarbeitung der Lagererlebnisse in Wort und Bild». Автор в 2001 г. ставил проблему — как отражаются страдания в лагере в слове и в рисунке? Проведенная им работа, хотя и во многом описательная, стала первой попыткой исследования травматического опыта в вербальном и визуальном тексте.

Важным исследованием стала монография Эндрю И. Бэрша «Первыми покидают боги. Плен и репатриация японских военнопленных в северо-восточной Азии. 1945–1956». Автор разделил бывших пленных на три группы: ранних репатриантов (до первой половины 1948 г.), имевших самый горький, но менее «идеологизированный» опыт, поздних репатриантов (конец 1948–1950 г.), которые застали времена активной индоктринации и увидели сами, как улучшается жизнь в лагере и в СССР, и на так называемых военных преступников, к которым относились лица, действительно принимавшие участие в разработке химического и бактериологического оружия против СССР, а также и хорошо говорящие по-русски японцы и гражданские полицейские как возможные шпионы. Третья группа более всего находилась в СССР и чаще — в системе ГУЛАГа. Э. Бэршай выбрал представителем ранних репатриантов художника Ясуо Казуки с 54 холстами маслом, составившими «сибирскую серию» вместе с его более поздними мемуарами. Вторая группа показана воспоминаниями журналиста Итиро Такасуги «В тени северных огней», в которых отношение к участию в «демократическом» движении осмысливается как политический и моральный выбор перед лицом смерти. Третью группу представил Ёсиро Исихара, чья сложная образная поэзия напоминает творчество другого лагерного поэта — Пауля Целана.

Более сложное мнение об этом у Виктора Карпова, который в своем исследовании «Пленники Сталина» рассматривает разные формы сотрудничества и сопротивления пленных, справедливо утверждая: под «демократическими взглядами» в СССР подразумевались просоветские взгляды. Он видит разные настроения среди военнопленных во всех потоках репатриированных, в том числе и «ложных демократов». Так, осенью 1949 г. настала очередь тех, «которые изымались органами МВД и МГБ как реакционно настроенные» [Карпов: 204], и они вели себя демонстративно отстраняясь от стиля «демократического актива».

Теоретические ориентиры исследования. Лагеря ГУЛАГа и ГУПВИ относятся к тотальным институтам, которые по определению классика социологии повседневности Эрвина Гоффмана представляли собой «места проживания и работы, где значительное число находящихся в одинаковой ситуации людей, отрезанных от более широкой общности на ощутимый период времени, сообща следуют закрытому, формально администрируемому циклу жизни» [Goffman 1978: 10]. Согласно его типологии по социальному предназначению лагерь для военнопленных наряду с тюрьмами и исправительными учреждениями относится к третьему типу тотальных институтов, цель которых — защита общества от преднамеренной опасности

со стороны определенных лиц, в отношении которых применяются санкции как к девиантам и не ставятся задачи обеспечения их блага.

Попадающий в тотальное учреждение сталкивается с процессом деградации, цель которого унижить человека и сломать в нем личность, превратив в покорное биосущество. Для этого снимают отпечатки пальцев, фотографируют, бреют головы, запрещают пользоваться «личным набором» (особая прическа, любимая одежда, украшения). Новичков раздевают и подвергают унижительному осмотру, после чего им выдают униформу для обозначения нового статуса.

Одновременно лагерь как тип поселения отражает Культуру 2 (В. Паперный), находящуюся в состоянии застывания, обращенную в прошлое, ориентированную на неподвижность, неизменность и иерархию. Вход как место пересечения границы становится важным элементом архитектуры. Государственная граница превращается в границу между Добром и Злом [Паперный 2012: 6], как и лагерная ограда.

В этом исследовании я пытаюсь приложить рассуждения Гайятри Чакраворти Спивак «Могут ли угнетенные говорить?» к лагерному художнику и его возможности рисовать за колючей проволокой. В условиях тотального института, в которых находились японские военнопленные, ее выводы работают в полной мере.

Я хотела бы уточнить, что в исследовании обращаюсь к социальной памяти как памяти, не отраженной в большом нарративе, а существующей среди определенной социальной группы, поддерживаемой 2–3 поколениями. Именно такая память стала основой *сообщества утраты*, которое, как убедительно показал С. Ушакин, становится основным автором и основным адресатом повествования о травме, в котором циркулируют истории и эмоции, порожденные травматическим опытом [Ушакин 2009: 10].

Интерпретируя рисунки и фотографии, я использовала методы визуальной антропологии, учитывающие не только значения и смыслы изображения, но также производителя и адресата посылы, чтобы расшифровать социальные значения и смыслы изображаемого [Мещеркина: 223]. Таким образом, изображение становится предметом рассматривания в контексте дискурса, а визуальные методы — средством понимания текстов культуры, декодирования образов социальных отношений и индивидуального опыта.

Важными для этой работы стали положения В.А. Подороги о травматической памяти *после Освенцима*, о свидетеле и о памяти тела. Рассуждения В. Подороги о ГУЛАГе как продолжении гражданской войны, типологии палача, его дискуссии с ведущими философами XX в. о лагере и месте человека в нем, о времени «после Освенцима» стали для меня ориентирами современного научного исследования лагеря.

Когда субъект становится объектом, он теряет предикат свободной сознательной воли, больше не владея пространством жизненных значений и не создавая его [В. Подорога]. В плену мужчина теряет свои особые ресурсы, поддерживающие его маскулинность, и сам становится объектом чужих решений. Тогда он начинает остро чувствовать голод, свою худобу, становится чувствительнее к окружающей среде. Появляется тело, переживаемое субъектом. Эти и другие рассуждения М. Фуко о паноптиконе, биополитике и создании послушных тел также существенно помогли мне в осмыслении обильного фактического материала.

Труды А.Н. Мещерякова дали ключ к пониманию японского общества в середине XX в. Его работы, от академических монографий до дачных записей, про-

низанные не только знанием японского общества, но и блестящей способностью связывать большие и мелкие события в цельное концептуальное видение истории и культуры Японии, стимулируют и вдохновляют.

Полезными для исследования стали идеи Ги Дебора о спектакле как особом виде деятельности власти, заключающейся в том, чтобы говорить от имени других. Спектакль — это непрерывная речь, которую современный строй ведет о себе самом, его хвалебный монолог [Дебор: 16], а также положения Б. Гройса о художественной документации, о том, что о жизни в концлагере можно рассказать — ее можно документировать — но невозможно представить взгляду [Гройс: 134].

В своем исследовании я использую термины «плен», «пленные», «военнопленные», имея в виду не дискуссию военных юристов: «военнопленные — интернированные», а статус заключенных в лагере для военнопленных. Должна отметить, что сами авторы чаще всего использовали применительно к своему статусу иероглифы «интернированный» или «солдат».

Цели и источники исследования. Мы привыкли иметь дело с мемуарами, написанными словами или рассказанными с записью на пленку. Я предлагаю увидеть в изобразительном мета-тексте бывших пленников о лагере особый вид мемуаров. Как мемуары они несут в себе и печать индивидуальности автора, и обращенность в прошлое, и связанные с последней два временных плана, двойную точку зрения автора на события, особый хронотоп, обусловленный перспективно-ретроспективным движением мысли повествователя [Маркусь: 1]. Более того, я хочу показать, что рисунки, которые будут представлены в книге, вполне можно рассматривать как документы эпохи, несмотря на то, что они созданы существенно позднее. Варлам Шаламов писал о «прозе, выстраданной как документ». В случае с японскими военнопленными мы видим, что рисунок, выстраданный как документ, представляет собой полноценное уникальное воспоминание.

В этом исследовании я ставлю следующие задачи — показать, как:

— лагерный опыт японских военнопленных отразился в формах изобразительного искусства,

— язык травмы отражает травматическую память в визуальном и вербальном тексте: какие приемы и какие сюжеты формируют язык травмы.

В подаче материала я пытаюсь увидеть лагерный опыт выживания японских военнопленных в СССР не изолированно, а в контексте всей концентрационной «вселенной» — прежде всего в рамках ГУЛАГа, а также учитывая и практики выживания в нацистских концентрационных лагерях. В данном исследовании для меня важны универсальные стратегии выживания человека в лагере как тотальном институте, независимо от типа лагеря, в котором узник был заключен.

В работе были использованы разные виды источников: письменные, визуальные и устные. Прежде всего, это — документы отчетности местных отделений ГУПВИ своему руководству, приказы и распоряжения руководства ГУПВИ, относящиеся к японским военнопленным. Вся эта ведомственная документация опубликована в двух больших сборниках: «Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы» и «Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952. Отчетно-информационные документы и материалы». Опубликованные документы требуют особого подхода к работе с ними, особенно в тех местах, которые связаны с оценкой политической и идеологической работы

среди военнопленных. Подчиняясь неписаным правилам и языку ведомственной бюрократии, авторы рапортов составляли отчеты так, чтобы они были близки к истинному положению дел, но приукрашены в такой степени, чтобы автора нельзя было поймать за руку и разоблачить, в то же самое время чтобы была видна упорная работа администрации, которая успешно справляется с поставленными задачами. Отчеты о политических настроениях среди военнопленных отражали скорее желаемую ситуацию, нежели реальную.

Наиболее ценными источниками стали документы РГВА из фонда 4/п. «Антифашистский отдел при политотделе» ГУПВИ МВД СССР (09.12.1946–24.03.1950), относящиеся к японским военнопленным (Описи № 28я, 29я, 30я, 31я, 32я).

Другой важный вид письменных источников — это воспоминания бывших пленных: Кюзо Като «Сибирь в сердце японца», Юкио Ёсида «В сибирском плену», Итиро Такасуги «Во тьме под северным сиянием. Записки из сибирского плена», Ивао Петера Сано «Тысяча дней в Сибири. Одиссея японо-американского военнопленного», Сиро Такеда и др. Наконец, немало полезной информации я встретила в российских газетах: «Новая газета», «Коммерсант. Власть», «Московский комсомолец», «Дальневосточный Комсомольск» и др., на интернет-форумах и в социальных сетях.

Визуальные источники представлены двумя типами документов, двумя различными подходами к репрезентации — идеологической, создаваемой по приказу властей в лагере, и индивидуальной, созданной по желанию и потребностям авторов — художников на свободе. В соответствующих параграфах я остановлюсь на тоталитарной идеологии репрезентации, которая представлена в свою очередь двумя видами визуальных источников: *агитационной фотографией* и *поднадзорным рисунком*.

Одним из визуальных источников исследования являются рисунки, создававшиеся в лагере, которые можно отнести к жанру *поднадзорный рисунок*. Собранные в альбомы, они представляют собой иллюстрации лагерной жизни, как правило, концептуализированной как путь от политически темных, несознательных солдат к доросшим до идей марксизма борцам за права рабочего класса Японии. Это тот же путь перековки человека, исправительно-трудового и идеологического воздействия на заключенного, в результате которого он пересматривает свои взгляды и становится строителем коммунизма.

Кроме зарисовок лагерной жизни, ее будней и праздников, альбомы содержат и политическую карикатуру на образы международного империализма и *агитационные фотографии*.

Этим архивным документам противостоит другой тип источников — *постлагерный рисунок*, который создавался после возвращения на родину. Художников, рисовавших лагерный опыт, в Японии было немало. Среди почти 600 тыс. вернувшихся из СССР японских пленных можно насчитать более сотни профессиональных художников или любителей, рисовавших картины или писавших книги с большим количеством рисунков. Эта цифра нам кажется большой, потому что в России, как упоминалось, не появились публикации рисунков и воспоминаний бывших военнопленных о своей жизни в стране противника.⁵

5 Рисовали лагерь и выжившие узники нацистских лагерей. Рисунки нескольких десятков узников Ноенгамме из разных стран Европы были опубликованы Майке Брюнс: Maike Bruhns: „Die Zeichnung überlebt...“. Bildzeugnisse von Häftlingen des KZ Neuengamme. Hamburg 2007 (ISBN 978-3-86108-543-0).

О том, как важны образы лагеря в литературе, красноречиво говорит человеческий и творческий подвиг Варлама Шаламова. Воркута и Норильск не существуют в той степени, в какой существует Колыма со своим концентрационным адом, потому что не нашлось художника, сумевшего рассказать об этом адекватно масштабам того ада [Нич: сайт]. Если многие живописные полотна былых веков на библейскую тему в наши дни требуют комментариев специалиста даже для образованного человека, то и рисунки на тему советского лагеря, пусть и снабженные авторскими комментариями, остаются недостаточно ясными и нуждаются в экспертных подсказках людей из той, лагерной, культуры. Такой экспертизой, компетентным мнением, уточняющим, объясняющим, одушевляющим те или иные сюжеты лагерной жизни японских художников, для меня выступает В. Шаламов с корпусом его «Колымских рассказов», который стал советским эпосом лагерного XX века.

Мое исследование насыщено ссылками на работы В. Шаламова, Ж. Росси, Ю. Марголина, Л. Разгона, которые объясняют подробнее то, что японцами словами не проговорено. Эти авторы испытали лагеря на своем опыте, но увидели его изнутри знакомых советских реалий. Думаю, что прямое цитирование и сопоставление разных лагерных опытов, близких по своей сути, позволит читателям XXI в. лучше почувствовать универсальность лагерного опыта японских пленников, а японским читателям — понять, что практики советского лагеря относились не только к японским военнопленным. Вот как писали два автора об одном и том же — соке стланика.

Во время отдыха нам давали сок листьев сосны. Это для здоровья... Сок из листьев сосны. *Не очень вкусно.* Листья сосны хорошо пахнут [Ватанабэ: 214].

...темно-желтый густой и вязкий экстракт непередаваемо противного вкуса. Этот экстракт нас заставляли пить или есть (кто как сумеет) перед каждым обедом. Вкусом экстракта был испорчен не только обед, но и ужин, и многие видели в этом лечении дополнительное средство лагерного воздействия. Без стопки этого лекарства в столовых нельзя было получить обед — за этим строго следили [Шаламов 2009: 27–28].

Мы можем сравнить два разных отзыва об одном напитке. Как скромно пишет Ватанабэ «не очень вкусно» и как подробно В. Шаламов, в оригинале на нескольких страницах, описывает это средство лагерного воздействия. Слова Ватанабэ, который стремится не выпячивать свои чувства, иначе выглядят после оценки Шаламова, расставляющего акценты в самых плохо артикулированных движениях души за колючей проволокой для нас, не знающих сок стланика на вкус.

Миллионы советских людей без всякой вины — не два и не шесть лет, а как минимум десять лет, меньше срока политическим не давали, и как максимум двадцать пять лет — жили в условиях ничуть не лучших, будучи «в плену в родном отечестве». Более того, у военнопленных была одна коллективная вина и судьба. В конце концов были родное государство и международные договоры, а в ГУЛАГе заключенный оставался со своей статьей один на один во враждебном лагерном мире.

Я сознательно привожу свидетельские показания узников ГУЛАГа, а также Освенцима и других нацистских концлагерей. Так можно увидеть общую бесчеловечную сущность концентрационной системы тоталитарных режимов, тем более что опыт выживания и гибели людей в нацистских концлагерях хорошо изучен в мировой научной литературе и широко представлен в мемуаристике.

Язык травмы. На материалах постлагерного рисунка и комментариев к ним я хочу показать *язык травмы*:

- это наиболее травматические темы и сюжеты;
- приемы, которыми травма говорит о себе: понижение статуса, обнажение, деперсонализация, инфантилизация;
- образы, проявляющие травму: образы унижения, смерти, инвалидности, нечистот.

Концепция языка травмы у меня стала складываться при анализе нарративов о депортации калмыков. Это были устные спонтанные рассказы о жизни в Сибири калмыков, высланных туда в 1943 г. или родившихся там. Для устной речи было характерно преобладающее использование пассивных страдательных грамматических конструкций с неопределенным субъектом в сочетании с безличной глагольной формой, например: *погнали, погрузили, увезли*. В калмыцких нарративах также регулярно встречаются невольные приемы снижения статуса и сюжеты униженности, близкие мемуарным стратегиям японских художников плена, что позволяет предположить об универсальности языка травмы для повествования о ней в разных культурах.

Память о любом травматическом событии, особенно связанном с длительной депривацией человека, массовой гибелью людей, отражается в том, что человеку трудно рассказать об этом. Но молчание и даже забвение не излечивают травму. Когда бывшие военнопленные решились предложить свои воспоминания публичному осмыслению, то в каждом нарративе травма говорила о себе.

В этом исследовании я обсуждаю комплекс сюжетов, приемов и образов, каждый из которых характеризует, а в совокупности они создают язык травмы. Мужская память, как правило, не отражает вопросы телесности. Но утрата субъектности после пленения вела к приобретению тела, а травматическая мужская память это фиксировала и отражала в языке. Поднимая вопросы телесности, она хранит и поныне воспоминания о том, как было холодно и голодно, как не хватало одежды и обуви. Пленный помнит посредством своего тела. Как сформулировал В. Подорога, «не ты помнишь, а тебя помнит собственное тело» [Подорога 2013: 118].

Язык травмы отражается в рисунках особенно унижительными сюжетами. Сюжеты, представленные в исследовании как значимые, присутствуют в работах каждого художника. Их обязательное наличие в рисунках о лагере дает основание считать их проявлением языка травмы. Несмотря на то, что лагерный опыт каждого пленного уникален, как уникальны рисунки каждого автора, все произведения можно сгруппировать сюжетно и увидеть в них особые формы повествования.

Что же это за сюжеты, которые так травмировали пленных? В первую очередь, это сюжет о мародерстве, о беспомощности безоружных солдат и офицеров перед вооруженными солдатами противника, об унижении невозможностью защитить себя и свое имущество, среди которого были не только необходимые вещи, как одежда, авторучки, постельное белье, но и символы родины — флаги государства и *ниссёки (хиномару)* и *кёкоуджицуки*. Такая униженность противоречила представлениям солдат о достоинстве и мужественности.

Травматичным был сюжет, связанный с медицинским осмотром, который в лагере всегда грозил быть для пленного последним, был своего рода процедурой селекции: от того, к какой категории врачи относили больных, часто зависела тяжесть труда и сама возможность выжить. Унижительной была также и процедура

«неприличного жеста», с помощью которой определяли тот или иной класс работоспособности. По существу и по форме медосмотр унижал достоинство человека, травмируя и самой регулярностью раз в месяц, как другой регулярностью унижала проверка — каждый день, утром и вечером.

В сюжете с проверкой сошлись несколько травмирующих факторов: длительное стояние усталых людей, особенно на морозе или под дождем, когда очень хотелось есть, спать, болели уставшие спина и ноги, раздражающее неумение конвоиров быстро сосчитать пленных. Собственно, процедура обысков, при которой охранник мог отобрать любую понравившуюся вещь, была неприятна сама по себе, тем более что в это время охранники могли избить. Бессмысленность проверки подчеркивала зависимый статус, низводила пленных к положению детей, для которых дисциплинарные практики должны быть полезными.

Дележ хлеба — пожалуй, самый пронзительный сюжет языка травмы. Здесь сошлись чувство голода и справедливости, ущемленное достоинство — в этом сюжете отражено большее: это дележ жизни, это несогласие с лотереей, ставками в которой стали жизнь и смерть, с коллективной судьбой пленных квантунцев, каждый десятый из которых был обречен.

Вши, клопы и блохи отражают травму длительного существования в такой грязи, что самим пленникам было трудно уважать себя, эти антисанитарные условия были близки скотским. Статус пленных, близкий к положению рабочего скота, — так можно прочесть послание сюжетов с насекомыми.

Членовредительство и инвалидность — это также сюжеты и образы языка травмы, говорящие о моральной и правовой ущербности пленных в чужой стране-победительнице. Трупы появляются не только как страшные иллюстрации обыденных лагерных сюжетов, но вместе с образами смерти — черепами, могильными крестами, крестами распятия.

Невидимые в публичной жизни вши и экскременты проявляются в воспоминаниях бывших военнопленных, которые в те годы тоже были невидимы за колючей проволокой, и для советских граждан и тем более для японцев. Когда бывшие интернированные своими воспоминаниями обозначили свое присутствие в японском обществе и в японской истории, образы, проступившие при фиксации травматического прошлого, оказались неприличными, невозможными для японского читателя или зрителя, как невозможен и собственно лагерный опыт.

Оказалось, что наиболее унижительные ситуации проступали и фиксировались позже на бумаге. Все наиболее распространенные сюжеты, можно сказать, лагерные сцены, говорили о бесправии и унижении человеческого достоинства. Именно такое состояние трудно забыть, именно эти сюжеты просятся на карандаш в первую очередь.

Повествование о лагерных практиках состоит не только из рисунков, но также из большого количества прямых голосов — собственных голосов пленных, рассказавших о своей жизни в СССР. Я предпочла не пересказывать, не обобщать, а цитировать их комментарии к рисункам, без купюр, чтобы многоголосие свидетельских показаний выявило, что было общим для всех лагерей и что было уникальным для каждого автора. Эти сотни маленьких зарисовок также позволяют анализировать и язык травмы — то, какими словами и приемами травматический нарратив обнаруживал и оформлял себя.

Считается, что по степени воздействия, по своему непосредственному эффекту визуальные образы превосходят любой письменный текст [Альчук: 264]. Соединение рисунков и подписей к ним является, по мнению российского социолога Е. Трубиной, возможно, одной из самых плодотворных художественных стратегий репрезентации травмы [Трубина 2009: 177]. Именно так делали японские авторы, уверенные, что если рисовать лагерь, одних картин будет недостаточно для зрителя, и автору хочется рядом комментировать словами и добавлять текст и в поле рисунка/картины, а позже в альбомах дополнять рисунки и картины комментариями. Если рассказывать о лагере, то не хватает образов, и авторы делают зарисовки на полях, уверенные, что без дополнительного объяснения обычный человек вряд ли поймет сюжет и смысл послания.

3. СИБИРЬ В БИОГРАФИЯХ ХУДОЖНИКОВ ПЛЕНА

Среди японских художников, рисовавших сибирские лагеря, были и таланты национального масштаба, такие как Ясуо Казуки и Син Миязаки, чьи работы украшают Национальный музей современного искусства в Токио и другие крупные собрания современного искусства, и малоизвестные любители.

Для этого исследования были отобраны работы десяти художников, среди которых четверо профессиональных — Ясуо Казуки, Син Миязаки, Киёси Сато, Цуёси Хисанага. Самодельные художники Моринари Ооути, Ёсио Ватанабэ, Ёсио Уэцухара, Нобуо Киути, Исаму Ёсида, Кинси Такэути рисовали для себя и своего узкого круга, но со временем их работы также приобрели общественное звучание и такую же ценность для истории, как и работы вышеназванных мастеров первой величины.

Моринари Ооути, Ёсио Ватанабэ, Нобуо Киути и Исаму Ёсида оставили свои воспоминания в форме дневниково-мемуарных записей, имеющих в Японии долгую историю. Так же как в средневековых произведениях, в этих текстах чувствуется открытая установка на документальность, отражен конкретный социум, хронологический охват не выходит за биографические рамки авторов. С другой стороны, они восходят и к «повестям-картинкам», э-моногатари, которые при наличии одной сквозной темы делятся на особо волнующие эпизоды, сопровождающиеся иллюстрациями. Эти иллюстрации служат дополнительным квантификатором повествования, самой структурой текста, предрасположенного к «покадровому» членению [Мещеряков 1991: 142–145].

Но в отличие от средневековых образцов авторы, бывшие военнопленные, взялись писать дневниковые мемуары с конкретной целью — поделиться пережитым уникальным опытом, выполнить предназначение морального свидетеля. С похожими мотивами брались за перо узники ГУЛАГа, и это требовало большой гражданской смелости, так как воспоминания о ГУЛАГе были текстами, направленными на обличение самого советского строя. Как и советский этнограф Н.И. Гаген-Торн, бывшие военнопленные решились написать о себе «по ту сторону жизни в лагерях и о тех мыслях, которые приходят сейчас, по эту сторону» [Гаген-Торн: 5]. У себя дома, в Японии, бывшие военнопленные обличали порядки в чужой стране, с иным социальным строем, но им хотелось поделиться и трудностями выживания в северной стране, и впечатлениями о ней и ее жителях. Даже используя традиционные жанры (эникки и ироха карты), авторы рисуют памятные и значимые сюжеты и «вслед за

кистью» комментируют свои рисунки. Японская пословица гласит: когда рисуешь ветку, нужно слышать дыхание ветра. Что надо слышать, рисуя лагерь? Окрик «дай», гимн «Интернационал»?

Ясуо Казуки (1911–1974) — выдающийся японский художник, родился в г. Мисуми (преф. Ямагути). Он получил художественное образование в художественной школе Кавабаты, затем в школе искусств в Токио. Я. Казуки был призван в армию в 1943 г., оказался в Квантунской армии в Маньчжурии, откуда был интернирован в Сибирь. Я. Казуки повезло: его лагерь длился всего 18 месяцев, и он в них не расставался с карандашом. После освобождения из Сибири в 1947 г. Казуки вернулся к мольберту уже через два месяца, продолжил писать и получил национальное признание. Его картины хранятся в крупнейших музеях современного искусства Японии, а в г. Мисуми открыт музей творчества Ясуо Казуки.

Для творческого почерка Я. Казуки характерно обращение к экзистенциальным темам. Эта тематика конкретизируется в его «Сибирской серии». Кроме визуального ряда художник комментирует свои работы, как будто уверен, что простой японский зритель не в состоянии понять и прочувствовать образы лагеря, которые он воссоздавал на своих полотнах. Вот как Я. Казуки писал об этом.

Я по-настоящему выучился рисовать в Сибири. <...> в Сибири сама возможность рисовать — это привилегия. Когда я потерял эту привилегию, только тогда я узнал, что она необходима художнику, как вода для рыбы, чтобы жить. Поэтому в Сибири я хотел рисовать независимо от оценок и репутации, хотел просто рисовать. Раньше я с трудом искал сюжет, а в Сибири все само собой из меня вытекало, как из родника.

Я снова переживаю Сибирь, когда ее рисую. Что такое Сибирь для меня? Однажды она напала на меня, поглотила и вытолкнула, а теперь я ее через силу выкладываю на полотно, покоряю, пытаюсь ее всю поймать целиком [Казуки: 158–159].

Военнопленные, умевшие рисовать, иногда работали для лагерной администрации и имели некоторые привилегии. Судьба давала им шанс рисовать, чтобы выжить и снова рисовать на свободе. Как свидетельствует искусствовед Хиденори Итакура, также бывший пленник, советский офицер спросил Я. Казуки: «Правда, что ты по профессии художник? — Да. — Нарисуй на стенах такие рисунки о революции, которые понравились бы Сталину, и портрет Сталина с орденами на груди. Казуки вначале отказывался, а потом уступил. — Тогда дайте мне краски, я буду рисовать» [Итакура: истоки черного мира Ясуо Казуки, который наследует традиции японской живописи // Казуки. Моя Сибирь: 160].

В Сибири красок не было. В конце концов я стал сам готовить краски, собирал сажу, угли, машинное масло, собирал древесные соки и приготовил черную краску. Тушь я готовил из гаоляна. Так я писал разные лозунги, картины и портрет Сталина. Советские солдаты удивились и похвалили, говорили, что я очень хороший художник, и мое положение стало лучше. Издательства японских товарищей сократились [Казуки 161].

После репатриации Я. Казуки вернулся к фабричным краскам, пока не понял, что ими не выразить настоящую Сибирь, и в течение многих лет художник писал красками собственного изготовления. Живопись Я. Казуки всегда охотно покупали, но он никогда не продавал свои полотна из «Сибирской серии». Казуки известен прежде всего своей живописью, но не менее интересны его графические работы,

инсталляции, коллажи и ассамбляжи, которые он выполнял еще в 1950-е гг.

Киёси Сато (1925–2015) был призван в армию и поступил в офицерскую школу при Квантунской армии, откуда в 1945 г. был интернирован в Сибирь. В 1947 г. вернулся в Японию и до 1951 г. лечился. В 1959 г. он окончил художественное училище в Мусасино по специальности «европейская живопись». В 1965 г. открыл архитектурное бюро. К. Сато начинает рисовать и писать свою Сибирь в 1970-е гг. В 1976 г. состоялась его первая персональная выставка, а в 1979 г. было опубликовано повествование о сибирском плене, в котором картинки сопровождались текстом. Однако К. Сато было недостаточно только делиться своими переживаниями, он организует бывших военнопленных и в 1981 г. издает специальный номер журнала, посвященный сибирскому военнопленным. В 1986 г. вышел его альбом «Молитва сибирских пленников», а в 1989 г. — альбом «Под сверкающей Полярной звездой».

К. Сато стал одним из организаторов художественной выставки бывших пленников, которая состоялась в Музее интернирования и репатриации в Майдзуру в 1995 г. К выставке был издан каталог, который убедительно демонстрирует, что опыт рисования лагеря был достаточно распространен среди бывших японских военнопленных. К. Сато также писал стихи и эссе, из-под его пера вышли поэтические сборники «Черный хлеб. Автопортрет» (1994), «Одинокий солдат» (2003). Многие работы Киёси Сато можно увидеть на его сайте www.isiatama.com

Син Миязаки был знаком с Я. Казуки, который считал его своим наследником в теме плена. Имя Миязаки стало известно в художественном мире в 1966 г., когда он получил престижную премию Ясуи за полотно «Странствующие артисты» из «Сибирской серии». Миязаки занимался классической живописью, скульптурой, а также создавал композиции из текстиля. В 1994 г. в Японии состоялась выставка Сина Миязаки «Память леса и земли» в пяти разных галереях. Зрителей особенно впечатлила работа «Яблонувый. Скорбная история военнопленного».

В этом исследовании я рассматриваю работы Миязаки из альбома «Другая память о Сибири» (1998), в предисловии к которому он писал:

До сих пор я сам никогда не рассказывал о своей жизни в плену. Это никто и не может понять, кроме тех, кто там был. Если кто и хотел бы рассказать, то он не может выговориться, не может договорить [Миязаки: 7].

Цуёси Хисанага стал учиться рисованию после того как вышел на пенсию, под впечатлением работ Я. Казуки. В 1996 г. вся «Сибирская серия» Хисанага была приобретена Художественным музеем в Сэтагайя. В этом исследовании я использовала его работы из альбома «Спи, мой друг. Реквием усопшим».

Прошло 50 лет. Каждый прожитый день в благополучной Японии я вспоминаю тяжелую жизнь в Сибири. Я стал учиться рисованию в 60 лет. Уже 10 лет как рисую. В моем сердце восстанавливаются разные картины времен интернирования. Моему окружению, особенно тем, кто не прошел военных испытаний, рассказать ясно о том, что было, о братьях, что навеки заснули в тундре, невозможно. Поэтому, хотя рисую не очень хорошо, я решил рисовать соратников, которые погибли в чужой стране с мечтой о возвращении. Мне казалось, что я не могу умереть, пока не нарисую их. Я посвящаю свою работу товарищам, которых я сам похоронил, как реквием им [Хисанага: 6–7].

Исаму Ёсида написал дневник своего интернирования «Долгий путь японского солдата домой», в котором более 200 графических работ сопровождаются авторскими комментариями. Этот дневник увидел свет в Японии в 1985 г. и неоднократно переиздавался. Как писал в нем И. Ёсида,

я почувствовал необходимость сохранить память о том, как мы тогда страдали. Уже завершены сотни рисунков о моем сибирском опыте, но я полон решимости провести перед холстом всю оставшуюся часть жизни, чтобы продолжить работу. Я считаю, что это то, что я могу сделать, чтобы утешить души моих товарищей, и это также миссия, которую я получил в качестве потерпевшего.

Выставки, прошедшие в России в 1992–1993 гг., были похожи на сон. Я не мог себе представить саму эту возможность и ехал туда, опасаясь за свою жизнь. Выставку во Владивостоке посетили премьер-министр Японии Уно и губернатор региона, это событие широко освещалось в средствах массовой информации. Я был поражен размахом выставки и количеством посетителей, которые шли один за другим. Я не могу представить, чтобы такое отношение было в Японии [Ёсида: 211].

Нобуо Киути — автор одного из самых популярных сайтов «Записки японского военнопленного, бывшего воздушного десантника Нобуо Киути» (<http://kiuchi.jp.org/>), который с октября 1996 г. посетило 2 478 360 читателей.

После окончания авиашколы Киути был направлен на службу в Маньчжурию, где и разделил судьбу всей Квантунской армии. Киути вернулся в Японию в 1948 г., тогда и начал рисовать. Рисунки Н. Киути полны доброты, сердечности и теплого юмора [Киути: сайт].

«Записки бывшего военного десантника» представлены его сыном Масато Киути. Лагерный опыт Н. Киути оказался довольно щадящим, в лагерях восточной Украины, где содержались военнопленные из европейских стран, индоктринация не приняла того размаха, какой мы видим в Хабаровске, да и общая атмосфера была человечнее, что позволяло автору сохранить веру, что все люди — одна семья.

Обычные картины войны — это чаще всего трагические сцены, изображающие убийства и сражения, в то время как работа моего отца написана не с позиции победителей или побеждённых, в ней он описывает простые человеческие чувства — радость и гнев, веселье и печаль, независимо от того, кому они принадлежат, японцу или русскому. К тому же мой отец хотел донести до всех своё послание о том, что все люди — это одна семья, в которой недопустимы бессмысленные войны [Киути: сайт].

Моринари Ооути написал книгу «Старые солдатские ботинки» в 1950 г. перед операцией на легкие, поспешив оставить свои воспоминания на случай, если операция не будет удачной. Он сделал это, чтобы люди узнали о его жизни в сибирском плену, и в надежде, что она поможет предотвратить повторение подобной трагедии. Когда он приступил к своей работе, после репатриации прошло два года, но М. Ооути посчитал, что «может писать взвешенно».

Описывая свою судьбу, я хочу показать человеческие качества тех, кто пережил лагерь. Я рисовал свои воспоминания, изображая то, что сам видел, слышал и чувствовал. Здесь нет преувеличения, но есть много вещей, которые в обычной жизни трудно представить. <...> Лагерная жизнь обнаруживает суть человека, его подлинное лицо. То офицер становится горячим коммунистом в лагере, то коварный человек, воровавший в лагере еду, после возвращения становится во главе демокра-

тического движения. Для меня лагерь стал ценным опытом наблюдения того, как меняются люди. Моя книга — не цельное повествование, а калейдоскоп маленьких историй и картинок [Ооути: 3].

М. Ооути вспоминал, как ему приходилось заниматься наглядной агитацией, и благодарен судьбе за это:

Меня попросили нарисовать стенгазету. Хорошо, что теперь меня иногда освобождают от работы [Ооути: 118].

Ёсио Ватанабэ родился в 1915 г., он не служил в армии, а работал в полиции на Южном Сахалине, где был арестован и вывезен вместе с солдатами Квантунской армии. В плену в СССР Ё. Ватанабэ провел три года. В 1978 г. вышла его книга «Небо на чужбине. Иллюстрированный дневник о жизни в сибирском плену», который по жанру представляет собой эникки.

Свой дневник я писал в Японии, когда восстанавливал в памяти историю плена и думал о тех, кто не смог вернуться. Я хотел выразить чувства тех соратников, кто погиб под чужим небом. Мой дневник с картинками вызывал тяжелые воспоминания у нескольких людей. Поэтому я хранил его больше 30 лет. Но моя дочь нашла его и опубликовала в газете «Токио синбун» [Ватанабэ: 1].

Ёсио Уэцухара (1911–1989), с 1936 г. работал в Маньчжурии. В Сибири он оказался в 35-летнем возрасте в лагере Барей, а потом в Чите, где работал на рудниках. Уэцухара был слаб здоровьем, и его отправили в культурную часть, где он редактировал стенгазету и рисовал. Спустя 35 лет Ё. Уэцухара вернулся к теме плена и в 1980 г. нарисовал два цикла: «Ироха карты лагеря Барей» и «Новые ироха карты Барей».

Ироха — старый японский алфавит, который наизусть учили все первоклассники. Свой лагерный опыт Ё. Уэцухара поместил в рамки детской игры, как бы утверждая, что то, что обычным соотечественникам казалось невероятным и невозможным, для тех, кто прошел советские лагеря, было простым и ясным, как азбучные истины. Примерно так же Примо Леви вписывал свой освенцимский опыт в рамки периодической таблицы Д. Менделеева. Возможно, оба автора искали известную структуру, достаточно простую для тех, кто прошел эту школу и выучил ее уроки, чтобы поместить в нее свой уникальный опыт выживания.

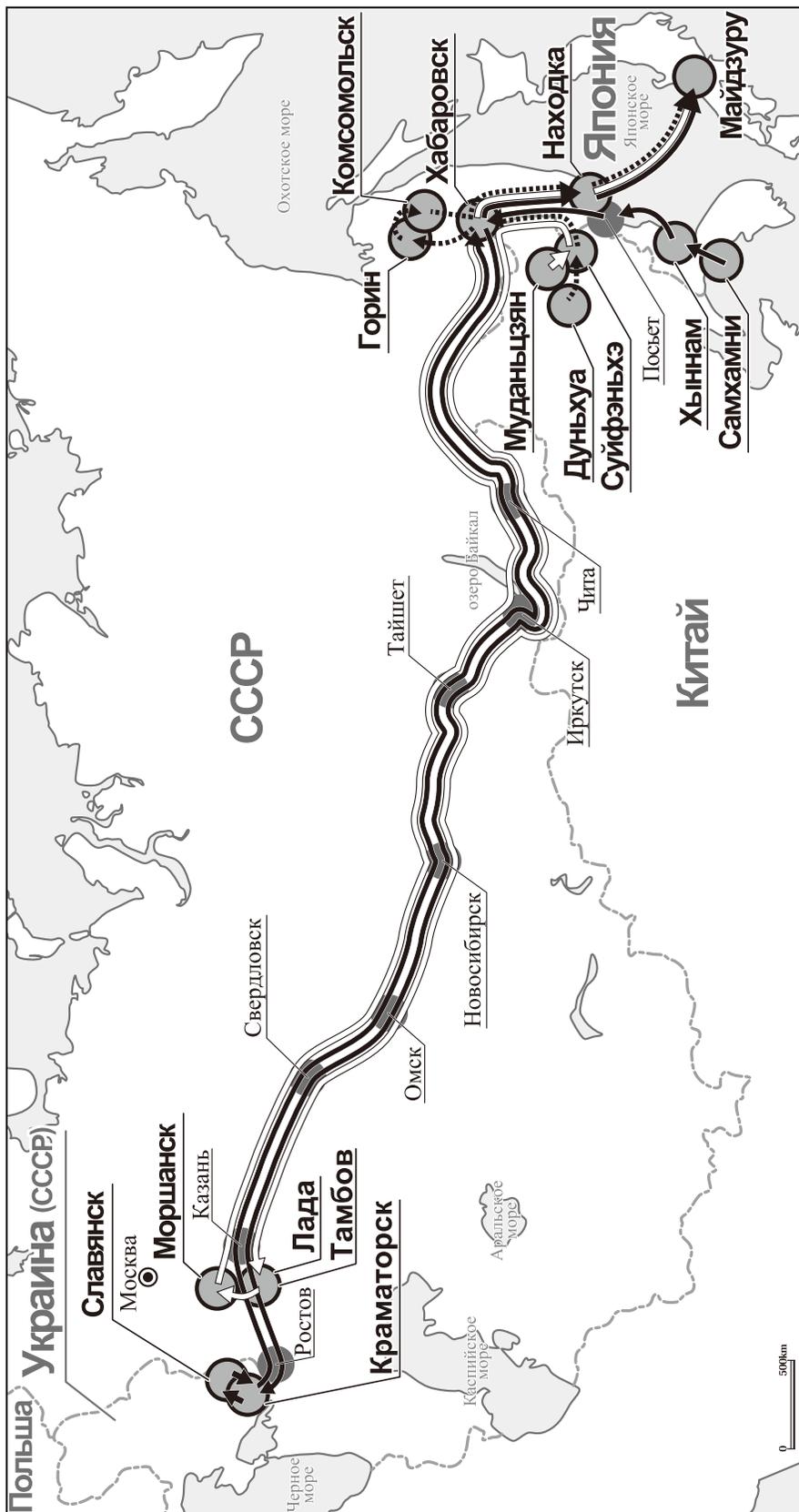
Кинси Такэути родился в префектуре Сидзуока и до войны работал журналистом в газете «Синайти синбун» в г. Нагойя, затем уехал в Маньчжурию на работу на железной дороге, откуда был интернирован. Он вернулся в Японию в конце 1947 г. Друзья спрашивали его о том, какова была жизнь в Сибири. Не раз пересказывая свою эпопею, Такэути решил, что иллюстрации лучше объяснят его рассказы. Получилась книга о том, как японские военнопленные жили в СССР, — «Сквозь Сибирь. Иллюстрированные рассказы о лагере», которую издательство Коку сё канко кай выпустило в 1982 г. в серии «Воспоминания интернированных в Сибири», № 4.

Как признается автор, хотя рисунки детские, в них нет ни преувеличения, ни лжи.

Мне кажется, что мой сибирский опыт по сравнению с другими был не таким тяжелым, потому что я был унтер-офицером. Все, что я написал — правда [Такэути: 232].

Стоит отметить, что почти все художники рисовали карты своих сибирских передвижений, от полицейского Ё. Ватанабэ, чья профессия отражается в протокольном стиле изложения дневниковых записей, до Я. Казуки и К. Сато, которые также находили в своих глянцевах альбомах подходящее место, чтобы начертить свои сибирские маршруты (рис. 1).

Почти все художники, работы которых стали важными для исследования, в сибирских лагерях имели небольшие привилегии — иногда их освобождали от общих работ для оформления наглядной агитации. Вероятно, такая «избранность» откликнулась возможностью донести теперь свои мысли, а не чужие, как приходилось в Сибири, до своего читателя.

- ➔ маршрут Киути Нобуо ... Самхамни > Хыннам > Посыет ... > Краматорск > Славянск > Хабаровск > Найбуо > Майдзуру
- ⋯ маршрут Саго Кйёси ... Муданьцзян > Суйфэньхэ ... > Лада > Тамбов > Морянск > Хабаровск > Найбуо > Майдзуру
- ⤵ маршрут Такзуту Кинси ... Дуньхуа > Суйфэньхэ ... > Хабаровск > Комсомольск > Горин > Найбуо > Майдзуру

Глава 1. Образы лагеря

Структура лагерей ГУПВИ была идентичной гулаговской: лаг (лагерь) — собственно лагерный комплекс, в который входили «отделения», в свою очередь состоявшие из лагпунктов.

Лагеря ГУПВИ обычно располагались рядом с железной дорогой или, если дороги не было в непроходимых лесах или тайге, то, как правило, сами военнопленные и начинали ее строить. Лагерные власти обещали многим японцам, что они вернутся домой, когда закончат строительство железной дороги. Многие сотни километров Байкало-Амурской магистрали (БАМа) были уложены именно ими. В пяти лагерях БАМа трудились 115 924 военнопленных [Военнопленные: 495]. Квантунская армия в свое время развивала японскую экспансию в Маньчжурии под вывеской «защиты» технического персонала строившейся сети железных дорог — «щупальцами, с помощью которых шел захват территории» [Мещеряков 2009: 189]. После поражения в войне многим бывшим квантунцам по иронии судьбы пришлось строить железнодорожные пути своими руками, но в этот раз дороги были щупальцами советской власти для освоения своих, еще недостаточно обжитых территорий.

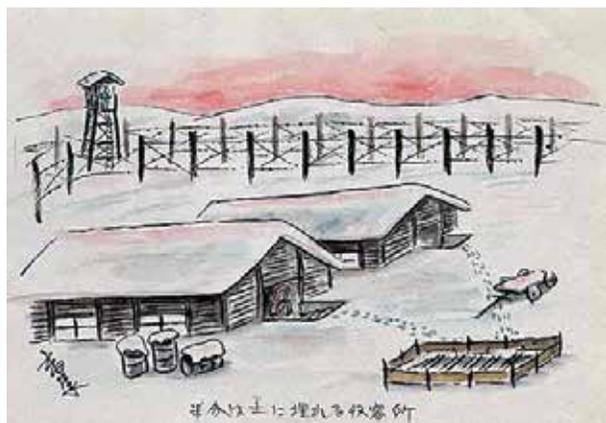
Кроме собственно лагерей военнопленные могли находиться в учреждениях лагерного типа, которые отличались не по существу, а на бумаге: рабочие батальоны (РБ) и спецгоспитали, или имели иное бюрократическое подчинение: ОРБ МО, ИТЛ, ИТК, политизоляторы и тюрьмы Гулага и МГБ [Карнер: 87].

В обзоре деятельности УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР по организации трудового использования военнопленных за 1941–1945 гг. отмечено, что в общем комплексе работы с военнопленными такой вопрос, как обязательное привлечение к труду, не является главным. Главным и решающим в работе с военнопленными в этот период была оперативная, политическая и антифашистская работа [цит. по: Венгерские: 8]. Так говорит документ, однако советские документы часто умалчивали о главных вещах, как бы заботясь о будущем суде истории. Весь корпус воспоминаний пленных доказывает, что главным в их пребывании в СССР была работа в народном хозяйстве, а уже потом — индоктринация.

На 1 января 1946 г. японские военнопленные содержались в 49 специальных лагерях. Позже, на 1 марта 1947 г., после того, как в первый год погибли самые слабые, и после первых репатриаций количество военнопленных сократилось, и пленные размещались в 37 лагерях [Военнопленные: 1038].

1. Чужбина — зима, холод, солнце

Вспоминая годы, проведенные в СССР, бывшие пленники сразу обращались к климатическим особенностям России, к холодной зиме. Для большинства солдат сибирский климат был жестоким природным контекстом заключения, таким же непривычным и беспощадным, как и лагерные порядки. Как писал о советских лагерях В. Шаламов, главное средство растления души — холод, в среднеазиатских лагерях, наверное, люди держались дольше — там было теплее [shalamov.ru / library/29/].

В северной части огромного материка Евразии расположился лагерь военнопленных японцев. Морозы за 30°C здесь совсем не редкость [Киути: сайт] (рис. 2).

Чтобы не погибнуть, каждому военнопленному надо было самому заботиться о себе, ориентируясь в предлагаемых обстоятельствах, оценивать угрозу переохлаждения и думать, как согреться.

После того как мы закончили с сеном, нам довелось узнать, как звучит сибирский ледящий ветер и снежный шторм. В палатке тяжелое дыхание людей делало все вокруг белым. Температура оставалась ниже -60°C . Еды не хватало. Мы были одеты в тонкую летнюю форму с легкими куртками. <...> Мы были беспомощны. Я шевелил мозгами. Не было сена утеплиться. Если заснем, то можем замерзнуть. Был один выход — не спать, а дремать. Конец декабря 1945 г. [Ёсида: 98].

Кроме того, что было опасно засыпать в палатке при низкой температуре, чтобы не заснуть вечным сном, было исключительно трудно работать при сильных морозах, недостаточном питании и в недостаточно теплой одежде. Рваная одежда и долгое нахождение на холоде грозили отморожением, в первую очередь, открытых частей тела, а «отморожения — это ведь мученье навек, если даже не прибегать к ампутациям» [Шаламов: 79]. Так как массовые отморожения грозили невыполнением плана, за который отвечало руководство лагеря, в особо холодные дни работы на открытом воздухе могли быть отменены в соответствии с графиком активированной погоды. Многое зависело от того, насколько жестоким было лагерное начальство.

График активированной погоды — кривая, вычерченная между осью минусовых температур воздуха и осью скоростей ветра 9 м/сек, позволяющая определить метеорологические условия, при которых следует прекратить наружные работы. До 1936 г. погоду активировали при -36°C при безветрии, в зависимости от силы ветра наружные работы прекращались и при меньшем морозе. При силе ветра 25 м/сек они прекращались независимо от температуры. Но в 1936 г. секретная инструкция ГУЛАГа снизила границу активированной погоды до -40°C . На Колыме местное начальство снизило ее до -55°C . Наружные термометры были скрыты от заключенных. Активировка погоды не касалась погрузочно-разгрузочных, аварийных и некоторых других видов работ [Росси: 88].

Конечно, у заключенных и пленных термометров не было. Но старожилы почти точно определяли температуру без градусника: если стоит морозный туман, значит на улице -40°C , если воздух при дыхании выходит с шумом, но дышать еще не трудно — значит -45°C ; если дыхание шумно и заметна одышка -50°C , ниже -55°C плевки замерзает на лету [Шаламов: 13].

В таких промозглых условиях тепло казалось самым дорогим, самым ценным и было сравнимо с материнским теплом, а слезы, как на рисунке Киути, превращались в сосульки.

На морозе в лесу, где снег доходит до пояса, мы занимаемся самой тяжелой работой, одетые в ватники. Во время перерыва тепло костра кажется крохотным раем и напоминает тепло матери, с которой неизвестно когда увидишься [Хисанага: 62].

Нобуо Киути, всегда мужественно описывающий тяготы плена, так скупно описывал перенесенный опыт (рис. 3).

В Восточной Европе температура зимой достигает и -25° – 30°C , но для нас, выросших в Японии, жизнь в полевых условиях (в палаточном лагере) не прошла даром. Бывало и такое, когда с наступлением утра мы находили трупы друзей, окочевших от холода. Война уже закончилась, и умереть здесь... так глупо... И сколько мы ни звали назад, никто к нам уже не возвращался [Киути: сайт].

Попробуйте представить работу на лесоповале при 20 – 30 -градусном морозе. При одном воспоминании об этом волосы встают дыбом. Холод ощущаешь всем телом, как нестерпимую боль, — вспоминал Таро Мураи [Молодой дальневосточник 04.04.91 — цит. по: Кузьмина].

Снежные пространства Сибири отразились и на полотне Сина Миязаки «Крайний север» (рис.4).

Мы видим четыре, а может пять фигур, присыпанных снегом. Они неподвижны. Не совсем ясно, живы эти люди, которые лежат вплотную друг к другу, чтобы было теплее, или это трупы, лежащие рядом, как в братской могиле. Фигуры только обозначены, лица не прописаны. Так холодно и снежно, что, кажется, и пальцы художника замерзли и не могут держать кисть. Картина названа «Крайний север», хотя пленные размещались гораздо южнее. Возможно, здесь обозначен

край человеческих возможностей — тяжелого труда и унижительной жизни при сильных морозах.

Как пел Ицуруо Такеяма в песне «На чужбине, на холме» (Икокуно ока), записанной в 1948 г. на слова недавно репатриированного Коудзи Масуда:

холода и морозы, должно быть, вошли даже в твой сон,
Пасмурное снежное небо, а солнца почти не видно.

Уже после первой зимы 1945–1946 гг. советскому руководству стало ясно, что «в закрытых помещениях на производстве японцы хорошо работают, в большинстве перевыполняя планы нормы выработки. На открытых же работах, где в основном заняты военнопленные японцы (лесозаготовки, строительные работы), нормы выполняются, как правило, не выше 50–60%. Такое положение объясняется, главным образом, неприспособленностью японцев к суровым климатическим условиям Дальнего Востока и Сибири. Японцы, работающие в мягком климате Узбекской ССР, работают вполне удовлетворительно и на открытом воздухе», — отмечается в докладе И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии 26 февраля 1946 г. [Военнопленные: 240].

Природа на Севере казалась враждебной не только пленным иностранцам. Она была враждебна всем заключенным ГУЛАГа, при этом, по словам В. Шаламова, не безразлична, не равнодушна — она в сговоре с теми, кто послал нас сюда [Шаламов: 58]. Например, «в тайге кругом был напитанный испарениями болот разреженный воздух тайги <...>. Летом он был слишком тяжел для сердечников, зимой невыносим. В большие морозы люди прерывисто дышали. Никто здесь не бегал бегом, разве только самые молодые, и то не бегом, а как-то вприпрыжку» [Шаламов: 77].

Привыкшие к теплу японцы долгой суровой зимой воспринимали солнце как приметку свободного человеческого мира.

Страна, где нет солнца. Это странно. Карта «Хэ» (2) Уэцухары похожа на политическую карикатуру: какой-то исполинский советский военный, видимо аллегорический Сталин, пытается закрыть черным покрывалом, напоминающим кавказскую бурку, само солнце (рис. 5). Рядом стоит японский пленник и отдает честь. Размерами он существенно меньше и стоит ниже, так что его голова чуть выше колена советского офицера. Одежда в вертикальную полоску напоминает нам одежду заключенного нацистского концлагеря. Солнце, хотя и частично прикрытое, спрятать невозможно. Его лучи не остановить. Солнце становится символом свободы. Образ солнца как образ вольной жизни показан и на карте «На»: *Не плачь, не горюй, все-таки наступает весна* [Уэцухара «На» (2)].

Если в мирное время в традиционной поэзии Японии воспевалась луна, то в тоталитарной поэзии воспевалось солнце. То самое яркое красное солнце, которое

изображено на японском флаге [Мещеряков 2012: 399], стало и символом Японии военного времени, к которому пленные обращались за поддержкой, мысленно общаясь с ним.

В декабре в 6 утра еще темно. Мы вышли из лагеря и поднимались на гору. На сибирском небе поднималось большое красное солнце. Солнце, береги нас и сегодня [Ватанабэ: 198].

Через 10 часов я могу *домой*.⁶ Красное солнце поздравляет меня [Ватанабэ: 348].

В антивоенном настроении, осуждающем не только плен, но и военные действия японской армии, и милитаристские настроения всего японского общества, Казуки воображает солнце, провожающее солдат на фронт, черным.

Нам пришлось отправиться в Маньчжурию из порта Шимоносеки... Я сообщил моей семье, и родные приехали попрощаться... Никто не провожал с флажками. Я представил, что машут флажками с черным солнцем [Казуки: 12].

2. ЛАГЕРЬ, ОГРАДА, ВЫШКА

В СССР японские военнопленные в большинстве случаев были размещены в соответствии с общей перспективой освоения территорий Сибири. Заключение и пленники сами строили себе бараки, вышки, ограды и сами устраивали кладбища.

Как описывал свой лагерь лейтенант Мамя,⁷ он делился на три зоны. В первой, самой большой, содержались пленные японцы, во второй — другие заключенные и пленные из других стран. В третьем секторе жили те, кто находился на свободе, — шахтеры, специалисты, офицеры охраны и надсмотрщики с семьями и другие русские. Недалеко от железнодорожной станции стояла большая воинская часть. Пленным и заключенным запрещалось покидать отведенные им зоны. Сектора лагеря разделяла прочная ограда из колючей проволоки, которую патрулировали солдаты с автоматами. Лагерь № 28, к примеру, опоясывали три ряда проволоки, в каждом углу стояла вышка с часовым, один часовой стоял у ворот лагеря. Часовые на вышке у ворот дежурили круглосуточно, они часто менялись [Като: 67]. К. Като так и назвал лагерь — многослойная клетка.

Сектора лагеря разделяла прочная ограда из колючей проволоки, которую патрулировали солдаты с автоматами. Лагерь № 28, к примеру, опоясывали три ряда проволоки, в каждом углу стояла вышка с часовым, один часовой стоял у ворот лагеря. Часовые на вышке у ворот дежурили круглосуточно, они часто менялись [Като: 67]. К. Като так и назвал лагерь — многослойная клетка.

Внутри крепкого высокого деревянного забора стоит ограда из двойной колючей проволоки. В каждом его углу стоят вышки, где круглые сутки сторожат солдаты с

6 *Домой* или *дамой* — словечко в лагерном языке японских военнопленных, синоним репатриации.

7 Хотя Х. Мураками явно использовал сведения, полученные от бывших военнопленных в СССР, все же нельзя забывать, что Мамя — это литературный персонаж.

ружьями. Как-то пленники подошли ночью к забору за снегом, но были застрелены [Саго: сайт] (рис. 6).

Если кто-то подойдет к забору или даже сделает вид, что приближается, в него сразу же стреляют. Поэтому заключенные находятся в многослойной клетке [Като: 56].

Колочая проволока стала символом неволи, как таковая она представлена на главной странице сайта Н. Киути «Записки японского военнопленного». То, что лагерь немислим без колючей проволоки, мы видим по самому первому документу, в котором обсуждались основные вопросы организации интернирования и лагерей,

— Постановлению ГКО № 9898 под грифом «совершенно секретно» от 23 августа 1945 г. «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии». В этом документе указаны и «800 тонн колючей проволоки» для лагерей НКВД военнопленных японцев на Дальнем Востоке [Катасонова: 38].

Обычно в плане лагерь представлял собой прямоугольник, по углам которого стояли вышки с охранниками. По периметру лагерь был обнесен колючей проволокой и забором, на который сверху была натянута колючая проволока, в некоторых лагерях под электрическим напряжением. Для тех, у кого не оставалось сил и желания жить, колючая проволока становилась средством свести счеты с жизнью.

Лагерь в снегу. Колочая проволока в два слоя и 5 метров в высоту. В углу вышка, где без перерыва круглые сутки наблюдают солдаты с ружьями. Мой друг шел за снегом, приблизился к забору и погиб: в него выстрелил охранник [Ооути: 10].

Этому же сюжету посвящены и рисунок Ё. Уэцухары на карте «Ва» (1) (рис. 7) и картина Ц. Хисанаги (рис. 8).

На рисунках разных авторов мы видим различные типы ограды — это может быть высокий частокол, колючая проволока или их сочетание. В некоторых сюжетах, как, например, на картине К. Саго «Те, кто выжил», забор не очень высокий, нет колючей проволоки и сторожевых вышек, они не нужны — их заменяют бескрайние снежные просторы чужбины. Может быть, речь в данном случае идет о ситуации в лагере 1949 г., когда наступили некоторые послабления режима перед ожидаемой репатриацией.

Войти в лагерь и выйти из лагеря можно было только через ворота, над которыми обычно висел идеологический лозунг. Над воротами лагеря, в котором размещался штрафной батальон, было написано: «Где Сталин — там победа!» [Такасуги Ч. 2: 118]. Ворота лагеря довольно широкие, двустворчатые. Ворота, значимое место в любой культуре, в тотальном институте создают условия изоляции и возможность контроля заключенных внутри на фиксированной территории.

Ворота открывали для заключенных, выстроенных в колонну по пять человек, утром, когда они выходили на работы, и вечером, когда возвращались после работы в сопровождении конвоя или же если надо было пропустить машину. Небольшими группами или по-одному проходили через вахту, где дежурный отмечал всех входящих и выходящих в журнале учета. Пройти вахту по возвращении означало попасть на территорию лагеря.

Лагерь независимо от размеров имели примерно одинаковую структуру. Прежде всего, это жилые бараки, столовая, хлебозерка и пекарня, баня, прачечная, сапожная и портняжная мастерские, а также так называемая больничка — медицинский стационар для больных и санитарная часть, где принимали, лечили и жили пленные врачи и санитары. Это не настоящая больница, это ее симулякр, поэтому в ГУЛАГе ее называли так, с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-чка*, а не больницей, как она называется только в официальных документах. Уменьшительно, потому что функции больницы в ней существенно сокращены, ласкательно, потому что в ней можно было день-два отдохнуть, если повезет.

Где-то находился карцер или изолятор для наказанных. Если в лагере работали женщины, то их барак также был огражден колючей проволокой. Тут же за оградой обычно находился продовольственный склад и иногда был ларек. В каждом лагере были красный уголок, где проходили заседания актива, библиотека, а также клуб с культурно-воспитательной частью. В отдельном бараке проживал административно-технический персонал. В центре лагеря находился штаб или контора — здание, в котором размещались администрация лагеря с кабинетом начальника, а также бухгалтерия.

Сталинский лозунг «Труд в СССР — дело славы, дело чести, доблести и героизма», цинизм которой был отмечен В. Шаламовым и А. Солженицыным, присутствовал и в лагерях ГУПВИ, например, в лагере № 1 [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 16. Ф. 55]. Казалось бы, в лагерях принудительного труда для военнопленных этот лозунг был неуместен. Однако, как мы увидим ниже, японские пленные действительно относились к своему труду как к делу чести.

Где-то в центре как огромный примитивный будильник должен был стоять столб, на котором висел обломок рельса, с удара по которому начиналось лагерное утро. Летом в 5 утра, зимой немного позднее. В каждом лагере работали мастерские, которые обеспечивали бытовые услуги для пленных. Об этом можно прочитать в альбоме благодарности.

Значительная часть военнопленных занята на работах в портновских, сапожных и других мастерских лагерных городков, ремонтирующих и изготавливающих обмундирование, обувь и предметы хозяйского назначения, необходимые для поддержания в хорошем состоянии внешнего вида военнопленных и улучшения их быта.

Военнопленные, которые по своему физическому состоянию не могут быть использованы на наружных работах, заняты в специально организованных в лагерных городках мастерских ширпотреба [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 25].

В некоторой степени любой лагерь имел прототипом кремль как базовую модель военного поселения, как огороженное пространство с башнями, внутри которого находится одинаковый комплекс жилых, служебных и административных зданий.

Перед нами поднадзорный рис. 9 «Прошлое и настоящее лагерной жизни» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д.19. Л. 102]. Если читать изображение как единый текст, то мы видим в правом нижнем углу грязный барак, в котором мусор валяется на полу, голое окно заставлено пустыми консервными банками. Низкие нары, на которые лежащий внизу не может даже сесть, всюду беспорядок, один котелок стоит на нарах, другой валяется у окна. Через все пространство протянуты веревки, на которых сушится стиральная одежда. Да и сам пленник весь грязный, давно не умывался, не расчесывался и не брился. Потому он и сидит в унылой позе. Этот барак остался в прошлом.

Тот же барак изображен в правом верхнем углу. Его трудно узнать, так он изменился и уже совсем не похож на лагерный барак. Чисто вымытое окно с белыми занавесками. Низкие нары стали высокими и теперь похожи на двухъярусную кровать. Теперь, чтобы взобраться на второй ярус, к ним пристроена крепкая лестница. Нары второго яруса по наружному краю разрисованы розочками, орнаментом украшена стена над окном. Слева на специальной полочке стоят цветы в горшках. Апофеозом барачного «уюта» являются люстра и комод, видимо, изготовленные руками пленных.

В левом нижнем углу изображен лагерь, каким он был в прошлом. Двое военнопленных, неряшливо одетые, не следящие за собой — нечесанные волосы и небри-

тые щеки, сидят на земле, прислонившись к камню, на ногах шлепанцы. Вдалеке глухой трехметровый забор, достигающий окон второго этажа караульной вышки.

Как же все изменилось на верхнем рисунке, отображающем настоящее время! Главная примета — это смягчение режима. Вместо высокого забора — редкий штакетник. Высокие и широкие ворота, на которых в качестве декоративных элементов выступают идеологические символы. Перегруженность символикой выдает иностранных исполнителей: две красные звезды, три красных знамени, серп и молот. В отличие от отечественных мастеров, которые знали меру в идеологическом оформлении (серп и молот — это не цветочки!), иностранные строители не встречались с подобным. И наконец, сами пленники выглядят иначе — подтянутые, чистые, в полной амуниции. Хотя рисунок назван «Прошлое и Настоящее», скорее он отражает Реальное и Желаемое.

Зато настоящий лагерь мы видим на карте «Су» (2), на которой Ё. Уэцухара переформулировал и проиллюстрировал старую поговорку: где живешь, там твоя столица. Лагерь собирает разных людей, как и столица, и заключенные лагеря считают его столицей. Здесь изображены четверо заключенных: преступник, ученый, священник, художник. В центре — рука убийцы с татуировками, выдающими в нем члена якудзы — организованной преступной группировки. Эта рука грозит насиле- ем, и взгляд преступника полон агрессии, в то время как двое справа опускают перед ним глаза. Власть в руках преступников.

3. БАРАК, КОТЕЛОК, ЛОЖКА

Пока не были построены бараки, военнопленные жили и в палатках, и в землянках. Барак — основной тип жилища в лагере — длинное одноэтажное сооружение, построенное из самого дешевого местного материала, обычно это неотесанные бревна. Чаще всего японцы строили бараки так, как привыкли строить здания у себя на родине: каркасные, с засыпкой опилками или шлаком с опилками. Бывали бараки из бетона. Крыша двускатная, покрытая толем или двойным накатом. По всей длине проход, в котором могли стоять столы и лавки.

Справа и слева от прохода располагались двухэтажные нары, которые могли быть сплошными (тогда на человека приходится 0,8 м) или вагонными, то есть отдельно стоящими (на человека примерно 1,5 м). Барак рассчитан на количество от 64 до 120 пленных. В бараке Такэути жили 100 человек [Такэути: 38], а в бараке Такасуги — 200 [Такасуги. Ч. 4: 119]. В торцевой стене обычно рубили окно. Примерно на каждые 64 человека должна быть одна печка, изготовленная из бочки, и одна лампочка.

В то же время в директиве НКВД СССР «О создании надлежащих условий быта, питания, медобслуживания и правильного трудоустройства» бараки называются *общежитиями*, и заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-полковник С. Круглов требует от подчиненных не только качественного оборудования жилого фонда, но и чтобы в общежитиях было чисто, уютно, тепло [Военнопленные: 231].

На рис. 10 казарма лагерной колонны лагеря № 1 [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 7]. Взгляните на лагерный барак из альбома отзывов. Он довольно чистый, как и предполагается жилью японцев. Мы наблюдаем потуги на уют — тряпка вместо скатерти,

напольный горшок с цветком на столе — не по-японски. Как будто даже уютно. Но что-то заставляет нас не верить этому уюту. Потому что кроме чистоты, обеспеченности постельным бельем важно личное пространство, которое тотальный институт не предусматривает. Как только он наполнится людьми, что видим на картине К. Сато, мы сможем оценить, насколько он хорош для жизни (рис. 11). Взгляните на обитателей барака. Есть ли у них лица? Как будто нет, кое-кому художник нарисовал глаза, а кому-то непарный глаз, кому-то рот. Рот открыт как будто в крике. В центре картины — печка, на нее устремлены все взгляды, и мы понимаем, как холодно в этом помещении и что люди смотрят на печь в немом желании оказаться рядом с ней.

В бараке нары в два ряда, а постелью служит солома, разложенная на бревнах, здесь жили 200 япон-

ских пленных. В центре две печки. Электричества нет. Мы жгли березовую кору, воевали со вшами и клопами [Сато: сайт].

Внутри барака стены и потолки были сделаны из бревен. В комнате было душно из-за печки и людей. Бегали клопы и беспощадно кусали ослабевшее тело [Казуки: 80].

На стенах бараков были бесчисленные следы от раздавленных клопов. Внутри стоял какой-то особый запах человеческой крови, пота и грязных тел [Като: 90].

Не об этом ли писал, воображая свой лагерь, в повести «Отпуск в Дахау» Владимир Сорокин: запах, нет, з а п а х ЛАГЕРЯ, святой, родной, дорогой, лишаящий речи, разрывающий сердце [Сорокин: 805].

Самое важное для пленника место в бараке — это нары, небольшое пространство, на котором спит пленный и, если лагерь не благоустроен, проводит свободное время. Нары — настил из досок для сна, они, как правило, двухъярусные. На верхних нарах обычно теплее, но воздух там застоявшийся, полон испарений, туда нужно карабкаться вверх и спускаться вниз. Нижние нары удобнее, но внизу значительно холоднее, да и мусор сыплется с верхних нар. Если в сплошных нарах доски уложены поперечно, то, выгибаясь под поворачивающимся телом, они пружинят и бьют соседей.

На карте «Цу» (1) Ё. Уэцухара изобразил спящих пленных, у которых не только нет матрацев и простыней, они спят на досках, но и вместо подушки используют кирпичи.

Необходимой принадлежностью каждого военнопленного был котелок. Котелок у японского солдата состоял из четырех предметов: крышки, она же тарелка, прикрепленной к боковине сковородки круглой формы, емкости для супа и емкости для риса. Две последние емкости соединялись между собой проволокой. Эта модель котелка была настолько функциональной и удобной для использования, что, возможно, стала прообразом современного ланч-бокса. Встречался и упрощенный вид котелка с емкостью только для риса. Котелок помещался в стеганный чехол, который не давал содержимому котелка быстро остывать на морозе [сайт «Униформа армий»]. В такой котелок из железа и без крышки, как написал К. Такэути, помещается 2 сё [Такэути: 74].

Однако в некоторых частях пленным выдавали котелки, принятые в Красной армии. Как рассказывал К. Сато, котелок и алюминиевая ложка были единственными предметами, которые он и его соратники получили от лагерных властей, и поэтому Сато называл котелок подарком Сталина.

Почти на всех изображениях котелок пуст, что также было символом статуса: пустой котелок, пустой желудок. Но к котелку в СССР полагалась ложка, с которой японцы до этого в ежедневной практике в качестве столового прибора не встречались. Обычно в японской кухне густые блюда едят с помощью хаси, вначале лапшу, а потом допивают бульон. Многие пленные ели ложками привыкли, и немало алюминиевых ложек оказалось в Японии в качестве сувениров. В Музее «Хейва кинен» в ноябре 2015 г. можно было увидеть специальную витрину с 30 разными по форме алюминиевыми ложками, привезенными военнопленными из СССР.

Котелок был включен и в прощальный погребальный ритуал. Как вспоминал Ёсида, мы оставили на могиле пустой котелок и палочки. Молча попрощались [Ёсида: 136].

4. КАРЦЕР, ОДИНОЧЕСТВО

Самым страшным местом на территории лагеря был карцер. Как описывает его знаток ГУЛАГа Ж. Росси, как правило, это комната без окна и без отопления, в которой нет ничего, кроме параша (ведра или бака для испражнений), разумеется, без постельных принадлежностей [Росси: 148–149]. Карцер в рассказах В. Шаламова — это пытка голодом, холодом и тесным пространством, в котором часто невозможно выпрямиться во весь рост (рис. 12).

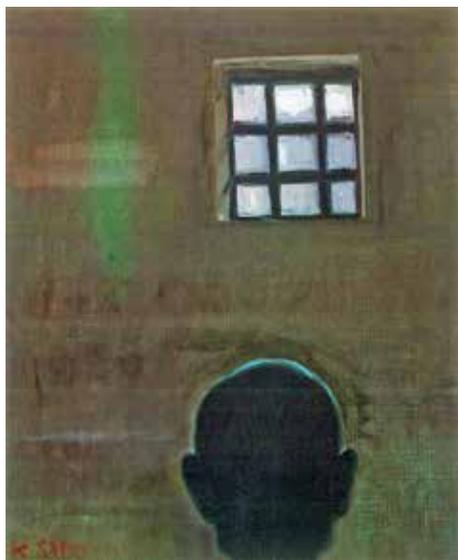
Офицер отправил меня в карцер. Там нет отопления. Температура, как на улице, –30. В этом холодильнике я столкнулся со смертью. Когда я вспоминаю это, удивляюсь, что еще жив и рисую [Хисанага: 28].

Для военнопленных немцев и японцев, содержащихся на гауптвахте, находившихся под следствием без вывода на работу, отказников от работы руководством ГУПВИ была предусмотрена норма довольствия № 10. Эта суточная норма предусматривает: хлеб из муки простого помола — 400 г, мука пшеничная 85-процентного помола — 7 г, крупа разная — 55 г, рыба — 55 г, жиры растительные — 7 г, картофель — 200 г, овощи разные — 150 г, соль и сахар — по 7 г [Военнопленные: 435]. Но, как помнят те, кто побывал в карцере, обычно еды совсем не давали или давали только урезанную пайку хлеба.

Выпустили из карцера

Голодного.

Встал в строй идущих на работу [Сато].

К. Сато нарисовал карцер. В центре полотна — голова и высоко над головой расположено решетчатое окно (рис. 13). В него невозможно заглянуть, да и стекла все промерзли. Но какая впечатляющая голова — темная, бритая, со стороны затылка.

В. Шаламов писал о карцере как месте, где «познается только своя собственная душевная и телесная крепость, определяются пределы своих возможностей, физической выносливости и моральной силы» [Шаламов: 38].

Лишение свободы, использующее механизмы надзора и наказания, действует, как писал М. Фуко, в соответствии с принципом относительной непрерывности наказания [Фуко: 442]. Одиночество, усиленное условиями карцера, было как бы концентрированным выражением лагеря, а также и сибирского пленения в целом. Это состояние, возможно, усиливалось чувством экзистенциального одиночества, свойственным художественным натурам.

Глава 2. Работа и досуг

Память о лагерях — это также и память о тяжелой работе. Как писал А.И. Солженицын, лагерная жизнь состоит из «работы, работы, работы; из голода, холода и хитрости» [Солженицын: 181]. Недаром из многих русских выражений более всего пленным японцам запомнились слова *Давай* и *Норма*. Оба слова имеют самое непосредственное отношение к работе — *Давай* как понукание и *Норма* как ее результат.

После тяжелой войны экономика СССР была в значительной степени разрушена и требовала рабочих рук. Но кроме восстановительных работ пленных направляли и на новые объекты, связанные с освоением новых пространств, в основном на сибирские и дальневосточные просторы. Австрийский исследователь судеб австрийских и немецких военнопленных С. Карнер, хорошо знакомый с общей картиной подневольного труда военнопленных, уточнял, что их использовали в основном при строительстве или восстановлении крупных промышленных объектов и угольных шахт, при строительстве автомобильных и железных дорог, мостов, проведении теплотрасс и газопроводов, а также при жилищном строительстве в городах и рабочих поселках [Карнер:164].

Основным нормативным документом по руководству трудовыми процессами в лагерях для военнопленных стало «Положение о трудовом использовании военнопленных» от 29 сентября 1945 г. НКВД СССР. Конечно, японцам было трудно приспособиться к плановой экономике и такому отношению к труду, когда его количество было важнее качества, а видимость — важнее реальности. Норма выработки устанавливалась государством. К заключенным применялись те же нормы, что и к вольнонаемным рабочим, и были рассчитаны на профессиональных землекопов, дровосеков и шахтеров [Росси: 238]. Военнопленные, как и заключенные, как правило, не имели тех трудовых навыков, что вольнонаемные, к тому же их гораздо хуже кормили, хуже были жилищные условия, в которых было трудно восстановить силы, не было подходящей одежды, поэтому выполнить такую норму пленным было очень трудно. При этом нормы систематически увеличивались.

Невыполнение нормы означало крайне нежелательное сокращение рациона питания. Но часто норма на бумаге не отражала трудностей конкретного вида работ. Так, при уборке снега, например, многое зависело от того, о каком снеге идет речь:

о только что выпавшем, легком снеге, о слегка спрессованном (необходимо надавливать на лопату ногой) или сильно спрессованном снеге (требующем применения лома). Работали пока не будет выполнена норма [Daehler 2003: сайт].

Как писал В. Шаламов, лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще [Шаламов: 36]. И. Ёсида был глубоко возмущен системой принудительного труда.

Принуждение к труду нужно запретить. Подневольный труд особенно жестокий. Так как мы были истощены из-за плохой и недостаточной еды, тяжелая работа становилась для нас невозможной физически. Это был совершенно бесчеловечный опыт. Нами злоупотребляли на лесоповале, на доставке воды и подобных тяжелых работах. Вершиной этого были постоянные окрики «Быстрее!». И мы не могли передохнуть ни минуты. Рост смертей был неизбежен. Конец декабря 1945 – март 1946 г. [Ёсида: 108].

Японские военнопленные не могли отказаться от навыков трудовой этики. Ответственное отношение японских пленников к своему труду будет не раз отмечаться наблюдателями, а для самих японских пленных это было обычным делом — они работали всегда одинаково хорошо. Несмотря на подневольность, японские военнопленные выказывали не только добросовестное отношение к труду, но нередко и творческое. Они работали не за страх, а за совесть, не умея работать иначе, даже на чужое государство, которое так жестоко к ним отнеслось. Например, в лагере № 22 бригада Токио Ито выполняла норму выработки на 145%, о чем свидетельствует подпись под фотографией, где пятеро сидят, пятеро стоят, а сидящий в центре бригадир держит в руках Красное знамя [4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 16. Ф. 66]. Вот рассказ ветерана труда завода «Амурсталь» П.В. Номаконова:

В 1945–1946 гг. я работал сменным мастером в механическом цехе. Привели к нам в цех человек пятьдесят военнопленных японцев. Меня им представили как мастера. Я спросил каждого, какую он имеет специальность, и составил бригаду, куда вошли токари, строгальщики, слесари, термисты, машинист мостового крана, уборщик. Таким образом, одна из смен на участке металлообработки стала полностью японской.

К работе военнопленные — простые солдаты и унтер-офицеры — относились очень старательно. Особенно выделялся высококвалифицированный токарь Капутоси Ямада.⁸ Он всегда просил для себя самые сложные задания, где требовалось выдерживать точность до одной–двух сотых миллиметра. Любое задание он выполнял быстро и с безукоризненным качеством [Бондаренко: 63–64].

Такое же отношение к труду отмечено в рассказе А.М. Петрова.

Как-то в воскресенье поставили восемь платформ кирпича на строящийся гараж. За простой вагонов спрос был жесткий, виновников строго наказывали штрафом. Узнав о доставке кирпича, я мигом оказался в японском лагере. Нашел Сидо, переговорили. И надо же, он вывел не только свое отделение, но еще уговорил 26 человек. Кирпич быстро сгрузили [Кузьмина: 35].

Этика труда японцев в корне отличается от отношения к труду узников ГУЛАГа. Если для японских военнопленных труд был связан с достоинством его исполни-

8 Здесь и далее личные имена и географические названия даны так, как приведены в источнике.

теля, то для советских заключенных он в первую очередь соотносился с мыслью о бенефициарии — государственной машине, на которую заключенный (зэка) не хотел работать. Как вспоминал об отношении к своей работе в лагерях Лев Разгон,

это был полный набор уголовно наказуемых преступлений. Их совершал не только я. Их совершали все зеки, начиная с самого рядового заготовщика веточного корма и кончая самыми высокими зековскими чинами — вплоть до начальника работ. Никаких угрызений совести мы не испытывали тогда, как я не испытываю их сейчас. Мы не имели никаких обязательств перед государством. Перед этим государством, которое нас схватило, разрушило или убило семью, держит и мучает здесь [Разгон: 222].

ГУЛАГ был «гильотиной на хозрасчете» — это были лагеря трудового уничтожения, рабочий день в которых иногда длился 16 часов [Шаламов: 18]. В ГУПВИ была своя специфика индоктринации, которая имела место в каждом лагере. На производстве индоктринация выражалась в социалистическом соревновании между бригадами и в личном зачете. Идеи социалистического соревнования насаждались лагерным начальством для того, чтобы поднять эффективность производства, в то же время она была близка по корпоративному духу работы для многих японских военнопленных. У пленных не бывает выбора, и вольно или невольно они втягивались в условия игры. По примеру стахановского движения⁹ было организовано харадзюковское движение.

Стремление к соревнованию стало поводом к ироничной шутке в почти сюрреалистической ситуации.

Однажды нас разбудили, когда было совсем темно, и заставили идти нашей тяжелой поступью навстречу холодному сибирскому ветру. Мы шли вслед за ведущим нас советским солдатом, всадником. Пока мы шли на место работы, мимо проехали два грузовика с сидящими японскими пленными. Один из наших крикнул им — вы из какой части? Давайте соревноваться, кто лучше, пока не вернемся в Токио! Январь 1947 г. [Ёсида: 172].

Однако и японцам становилось ясно, что «выполнению и перевыполнению задания» в лагере способствовало не столько то, как работали военнопленные, сколько ловкость нормировщика, представлявшего интересы пленных, и его умение добывать своего [Карнер: 182]. Недаром к русской нормировщице в одной из японских бригад отправляли с отчетом о работе самого симпатичного военнопленного [Оути: 161].

В лагерях ГУЛАГа выполнять норму каждый день также было трудно, поэтому заключенные кооперировались и попеременно выполняли работу, чтобы получить премиальный паек за перевыполненную норму для одного из них. Эту почти универсальную для советских зэков стратегию вспоминали многие. Вот как это описывал В. Шаламов.

В Бамлаге на вторых путях мы возили песок на тачках. Откатка дальняя, норма двадцать пять кубометров. Меньше полноремы сделаешь — штрафной паек: триста граммов и баланда один раз в день. А тот, кто сделает норму, получает килограмм

⁹ В 1935 г. группа из забойщика А. Стаханова и двух крепильщиков за одну смену добыла в 15,5 раза больше угля, чем предписывалось по норме на одного забойщика. Пропагандистская кампания приписала весь добытый за смену уголь лично Стаханову.

хлеба, кроме приварка, да еще в магазине имеет право за наличные купить килограмм хлеба. Работали попарно. А нормы немислимые. Так мы словчили: сегодня катаем на тебя вдвоем из твоего забоя. Выкатаем норму. Получаем два килограмма хлеба да триста граммов штрафных моих — каждому достается кило сто пятьдесят. Завтра работаем на меня. Потом снова на тебя [Шаламов: 39–40].

Японцы не ловчили, работали честно и честно отчитывались. Советские люди иногда воспринимали японцев как наивных, так как они не усвоили с детства двоемыслие, которым была полна советская жизнь, верили в честность окружающих, в то, что слова должны соответствовать делам.

В СССР пафосные слова и реальные дела часто отличались. Да и сама жизнь была полна недомолвок, умолчаний, противоречий, но советский человек по мере социализации понимал, чему и кому стоит верить и в какой мере. В СССР часто люди говорили в публичных местах иначе, чем дома. Японцы привыкли к тому, что открыто обманывать не будут, тем более лица на государственной службе, так как любой чиновник должен отвечать за свои слова. Им было непросто привыкать к недоверию и подозрительности как основе человеческих отношений, тем более — к вероломству и лжи государственных служащих. Стоило лагерным начальникам пообещать репатриировать в первую очередь передовиков производства или отдать первые построенные здания под нужды пленных, как все пленные поверили и старательно работали ради этой цели.

Каждый барак соревнуется в производстве. Чтобы выполнить больше нормы, в свободное время мы построили три больших дома. Сначала нам обещали, что этими домами мы сможем пользоваться, но пленным дали только одно здание под клуб [Ооути: 124].

Выполнили 240 % нормы по погрузке песка. Но один погиб, его накрыло песком, который обвалился с горы. Каждая группа забивает сваи. Чтобы получить больше процентов, чем соседняя группа, мы пели песню и работали на совесть. Выполнили 210% [Ооути: 154].

Больше повезло тем, кто имел хорошую рабочую профессию и мог работать в помещении, избегая общих работ на открытом воздухе. Как вспоминал И.А. Авдеев,

в управлении лагеря № 18 я был назначен начальником мастерских ширпотреба, которые нужно было создавать. Меня обязали отобрать из числа японских военнопленных художников, портных, сапожников, резчиков по дереву... Портные шили прекрасные модные костюмы, главным образом, городскому начальству. Работы художников и резчиков мы реализовывали через городскую торговую сеть... Близко соприкасаясь с ними, я видел их упорство, трудолюбие, изобретательность. Они отремонтировали все старые швейные машинки, сами сделали необходимый инструмент для резьбы [Кузьмина: 67].

Остановимся на тех видах труда, которые чаще всего изображались в постлагерном искусстве: лесоповал, забой, строительные и сельскохозяйственные работы. В разделе «Досуг» показаны занятия, доступные военнопленным во вне рабочее время, которого было так мало.

1. ЛЕСОПОВАЛ

Лесоповал стал символом подневольного труда сталинской эпохи. Как писал Л. Разгон, тогдашний лесоповал — без мотопил, трелевочных тракторов, автопогрузчиков — был убийствен. Недаром в лагерях ГУЛАГа лесоповал называли «сухим расстрелом» или «лесным расстрелом» (Разгон). Многие сосланные и заключенные помнили, какой опасной и тяжелой физически была эта работа. Композитор Михаил Танич в память о лагерных временах именно так назвал музыкальный коллектив — «Лесоповал», солидаризуясь с теми, кто жил за колючей проволокой и был вынужден валить лес. Международный форум, который проводился в Мемориальном музее жертв политических репрессий ГУЛАГа «Пермь-36», назывался «Пилорама», увязывая ассоциации лагеря с подневольным трудом заключенных.

Работа в деревообрабатывающей промышленности, одной из немногих стабильно приносящей валюту в бюджет страны [Полян 2001: 60], была непривлекательной для свободных советских граждан. В эту отрасль рабочие руки поставлялись государством, это были рабочие руки эзков, уголовников и политических, депортированных латышей, литовцев, эстонцев, поляков, калмыков, кулаков, власовцев, пленных немцев, японцев и др. Тяжелый физический труд и постоянная угроза смерти или увечья, помноженная на статус бесправия, на острое чувство голода, оставляли в памяти тяжелые следы.

Переключка перед выводом на работу зимним утром. Зимой вплоть до десяти утра мы собираемся на построение, каждый со своим топором и пилой, строимся в ряд и готовимся к работе. С мыслями об опасностях лесоповала наш путь, конечно, тяжелее [Хисанага: 68].

Из всех работ лесоповал — самая тяжелая. Повалить огромную сосну или японскую ель одной пилой и топором — серьезное по сложности задание, выполнять его нашим ослабленным телам было трудно. Некоторые падали сами, как подрубленные деревья. Даже зная об опасности, мы не всегда могли ее избежать, потому что уставшие тела нам не подчинялись. Больше всего погибло людей на лесоповале. Январь 1947 г. [Ёсида: 190].

Практически все из рассматриваемых мною художников получили опыт работы на лесоповале и делились своими впечатлениями, описывая последовательность операций и свои чувства.

Это зимняя работа. Сначала надо убрать снег и рубить в нижней части ствола. Если рубить выше, конвоиры сердятся за неэффективное использование ресурса. Сколько людям упавшие деревья ломали кости! Очистить ствол от веток и сжечь, чтобы осталось одно бревно — тоже трудная работа [Сато: сайт].

Сначала надо убрать снег у корней. Мы редко пользовались японской пилой. Обычно обходились двуручной русской пилой. Приятно смотреть, как падает огромное дерево, но все-таки это тяжелая работа. За такую работу в Японии нас кормили бы гораздо лучше. Топором обрубали ветки до коры. Некоторые бревна мы носили руками, но, если попадешь в сугроб, невозможно сдвинуться, так как снег по пояс. А если бревно длинное, тащили канатом [Ооути: 67–68].

Мы со студентом Такаги работали вместе. Ему было 21. Он младше меня на 10 лет, но хорошо работает... Поэтому результат нашей работы хороший. Нам давали рубить высокое дерево, и мы каждый день выдавали 6 кубометров. Это 100 % нормы. Так продолжалось около месяца. Но наши силы иссякли [Ватанабэ: 205].

К японским пленным часто придирались и старались не засчитать честно выполненную норму.

Инструменты для этой работы — бревна, веревка и человеческая сила. Надзиратели не очень строгие, только наблюдают. Мы складываем лес, который привезли зимой, а они проверяли его количество. Кубометров всегда меньше [Сато: 38].

Мужчины, вспоминая о давно прошедших событиях, как правило, хорошо помнят технологический процесс и часто рассказывают о нем в деталях, что свойственно для мужской памяти. Вот и К. Като описывает тонкости лесорубного дела в сочетании с восхищением красотой сибирской природы:

Самый ответственный момент в процессе рубки дерева наступает, когда дерево падает. Если вы хотите, чтобы дерево повалилось в определенную сторону, то на расстоянии 10 см от основания необходимо топором сделать насечку глубиной 7–8 см. Затем следует начать пилить с противоположной стороны, тогда дерево обязательно падает в ту сторону, где насечка. Сначала дерево, которое простояло сотни лет, мужественно переносит холод, как бы пытается сопротивляться, но потом оно медленно падает и с шумом ударяется о землю. На пне остается красивый след спиленного дерева, где как бы начертано, сколько лет оно прожило. Видя, каким красивым было дерево, не можешь не испытать боли от того, что пришлось его спилить. Иногда кажется, что в дереве тоже живет душа [Като: 66].

Тема лесоповала, который валит и людей, показана Ц. Хисанага в картине «В клетке» (рис. 14). Мы видим лежащего на земле человека. По его безжизненной позе трудно представить, что это живой, пусть и раненый, человек. Разве что рот открыт, будто в неслышимом крике, и голова повернута, как будто перебиты шейные позвонки. Поражают две вещи. Позвоночник заменен деревом, похожим на ель. Столб

позвоночный, став деревом, не дает жить человеку. Человек с ним деревенеет, и в итоге дерево падает вместе с пленным, в которого оно вросло.

Возникает и такой вопрос: сколько у человека рук? Две руки находятся на своих местах. Правая рука с топориком растет как дополнительная ветка. Справа мы видим отсеченную часть руки — выше запястья и ниже локтя, но где же та часть, которая должна была остаться? Мало этого, в правом нижнем углу мы видим еще одну руку, держащую лопату. Кому она принадлежит? По цвету она отличается от других рук и ног лежащего мужчины. Как будто кто-то другой рядом тоже стал жертвой леса, воображение рисует, как люди рубят лес и как лес подрубает жизнь лесорубов — сплошной лесоповал.

Я. Казуки и К. Такэути каждый по-своему показывают рабочие инструменты лесоруба. Такэути комментирует: пила лесоруба длиной 1–1,5 метра, топор лесоруба. Автор упоминает господина Коите, который был специалистом по заточке пилы,

а эта очень важная позиция в лагере. К. Такэути также показывает, как он точил свой топор, и подчеркивает опасность этой работы: убегай, дерево падает на тебя. — Ох, опасно [Такэути: 186]. Недаром Уэцухара считал, что адрес лесоповала — первая улица в аду [Уэцухара «Я» (1)].

2. СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Строительные работы оставляют конкретные осязаемые результаты труда. Поэтому не только архивные документы, но и память людская фиксирует, какие здания были построены японскими военнопленными, а их немало по всей стране. Среди них можно назвать здание ГАКФД в Красногорске Московской области, здание Государственного академического большого театра им. А. Навои в Ташкенте, концертный зал в Караганде, Дом культуры нефтяников в Красноводске, комплекс зданий Академии наук Казахстана в Алматы, Театр оперы и балета в Улан-Удэ и многие другие.

Вот как помнят люди трудовой вклад японских военнопленных в послевоенное строительство в Казахстане: «Построено пленными японцами» — для жителей нашего города это уже марка, своего рода знак качества: значит, надежно, крепко и на века. Японцы не признавали брака или халтуры, которыми грешили наши строители, гонявшиеся за планом. Если их торопили, японцы дружно кричали: «Не надо пахай! Пахай не надо!» [Тутов: сайт]. Ими была протянута высоковольтная линия электропередачи от Бекабада до Ташкента, которая и по сей день обеспечивает электричеством значительную часть Ташкента, и Фархадская ГЭС тоже строилась при участии трех тысяч военнопленных японцев. А. Мирбобоев вспоминал:

Тогда строительство Фархадской ГЭС шло полным ходом. Самые ответственные и сложные работы возлагались на японских военнослужащих. Видимо, они были очень умные и творческие люди, не умели халтурить и работали честно и на совесть. Кроме плотины и берегоукрепляющих сооружений, они построили два канала-водоотвода, которые до сих пор без ремонта обеспечивают отток воды с плотины. Самое главное — в этих тоннелях ни капли воды не теряется. Японцы верно рассчитывали и не допускали брака [Тутов: сайт].

Н.Р. Лисица, в то время рабочий «Амурстали», вспоминал, что

все двухэтажные кирпичные дома по улице Копровой (бывшая Бряндинского) построили японцы. Качество работ было безукоризненным. Когда строили дома, играл японский духовой оркестр. Жили японцы на сегодняшней «семерке» (ИТК-7). На работу и с работы ходили строем с красным флагом, сопровождаемые двумя солдатами [Кузьмина: 32].

Вспомним, как мужская память детально помнит технологический процесс. Так и бывшие пленные через годы рассказывали о тонкостях строительного дела в его разных специализациях.

Побелка известью потолков и стен — очень трудная задача. Работа с известью затрудняется из-за того, что известь капает сверху и попадает прямо в глаза. Из-за этого наша одежда все время была мокрой и грязной. Но тщательная работа продолжалась, так как мы были под прессом — мы были обязаны завершить наше задание. Август 1946 г. [Ёсида: 178].

Монтажные работы. Это был очень опасный вид работы, и нам приходилось надевать рабочую обувь. Злой рок определил десятерых из нас для этой работы: пробежать по верхней деревянной перекладине металлического каркаса и вылить раствор цемента из тележки [Киути: сайт].

Солдаты обсуждали, что наша работа похожа на строительство крепости во Владивостоке. Если бы мы строили крепость, нас советская армия убила бы ядовитым газом. Если так, то лучше бежать [Ватанабэ: 222].

Это опасение, видимо, связано с японским опытом ликвидации строителей секретных военных укреплений. Не случайно, что об этом беспокоится полицейский Ватанабэ: так поступали японцы с рабочими в Маньчжурии, и Ё. Ватанабэ думал, что это общепринятая международная практика.

Начало июня 1948 г. Советских плотников и штукатуров обучают ремеслу три месяца. Японские специалисты, работавшие на штукатурке три года, в пять раз быстрее выполняют норму. Значит, и мешать раствор нужно в пять раз быстрее. Советский начальник требовал от нас работать на 100%. Мы приготовили много раствора, но советские штукатурки не успевали его использовать. После этого от нас не требовали 100 % работы. *Работа 30%, ебена мать, японский.* — Японский солдат: работа 100%, понимаешь. — Советский начальник: японский, хватит. Мало — хорошо. Много — не надо [Ватанабэ: 314].

Разработка и строительство одной из грандиозных советских строек — Байкало-Амурской магистрали начинались еще в 1930-е гг. Для того, чтобы соединить Тайшет с Комсомольском-на-Амуре через район к северу от Байкала, в 1934 г. туда завезли заключенных, построивших Беломорканал [Росси: 23]. Позже на этой стройке работали тысячи японских пленных. В пяти лагерях, в которых жили японцы, было сосредоточено 115 924 чел. [Военнопленные: 495]. В 1947 г. на 317-километровом участке между Тайшетом и Братском работало 50 тыс. японцев [Като: 50].

Недалеко от Тайшета, в далеких сибирских просторах, среди болот и тайги построен лагерь для японских пленных. Их задачей было построить вторую сибирскую железную дорогу, названную БАМ. Через каждые 5 км разбиты лагеря с военнопленными, около тысячи человек. Мы были передовым отрядом среди японцев. Мы вначале рубили лес, строили дорогу и здания для тех, кто следует за нами. Каждый день мы колонной ходили по дороге, что мы сами строили. Когда мы доходили до конца участка, снова начинался нетронутый лес, и надо было начинать сначала. Это трудная работа. По вечерам мы возвращаемся по нами же построенной дороге домой ногами, тяжелыми от усталости. Каждый день был как ночной кошмар, без надежды, без отдыха [Хисанага: 10].

Изготовление дранки для крыши — это зимняя ночная работа. Мы поставили большой рубанок на рычаг. Это тяжелая работа. Норму очень трудно выполнить. Хотелось плакать [Саго: 19].

У сибирских плотников было такое оборудование: пила, топор, молоток, палка для рычага. У нас ничего из этого, ни рубанка. Позже мы построили кузнечную мастерскую и стали делать мебель и строить привычными инструментами [Саго: 37].

Лето 1947 г. на второй Сибирской железной дороге. Летом сибирская земля — зеленая, совершенно иная, чем зимой. В результате нашей работы едет, покачиваясь, поезд, груженный лесом. Мы надеялись, что на этом поезде сможем добраться до Токио. Отряд для строительства железной дороги живет в вагоне и укладывает рельсы [Саго: 41].

Японцы и дома строили иначе, чем принято в России.

Японские плотники сначала измеряют, потом сколачивают остов — и основные контуры дома определены. Начальник каждый день смотрит, как мы работаем. В первые дни результатов не видно, он говорит: плохо. Но когда мы все подготовим, то заканчиваем почти что за день. Начальник сразу меняет отношение и говорит: хорошо [Ооути: 117].

Наша работа — строительство школы и домов. У нас был опыт плотников, поэтому мы носили дерево и доски. *Каменщики, какой у вас опыт работы? — Дурак, эту работу может сделать каждый. Я пять лет работал* [Ватанабэ: 300].

Строить на морозе нам кажется странным. Если мы копаем землю сегодня, на следующий день она становится твердой, как бетон. Если грунт мягкий, то 2–3 м выкопать нетрудно [Ватанабэ: 305].

Добротное качество, с каким строили японские пленные, было очевидно для современников. «Истину» глаголет ребенок в книге воспоминаний Е. Гинзбург. На вопрос детей из магаданского детского сада: кто же построил кинотеатр «Горняк», экашки или япошки? — семилетний Володя снисходительно сказал: Разве экашки могут такое кино отгрохать — на баланде-то! А япошки сытые... Им от пуза дают. Ну да и работать они здоровы [Гинзбург: 505].

3. КАМЕНОЛОМНИ И ШАХТЫ

Работа в каменоломнях и шахтах была не менее трудной и не менее опасной, нежели лесоповал, но в представлении японских военнопленных они обладали ореолом особо опасного места. Ё. Ватанабэ опасался двух видов работ — шахты и строительства укрепленных объектов как опасных для жизни.

По воспоминаниям Такеда-сана, на угольных рудниках Иркутской области не разрешали прекращать работу даже при температуре минус 30 градусов. Об этом же и рисунки Киути.

Кто не работает, тот не ест. Сразу приступаем к работе по откалыванию камней. С ломом в руке стоишь перед каменной глыбой и выполняешь дневную норму — 1 кубометр на человека. Работа в бригаде из 4 человек все-таки ужасна, так как нагрузка увеличивается в 4 раза, включая работу грузчика и носильщика [Киути: сайт].

Однако бывали случаи, когда подземный ад кому-то мог показаться и спасением. Пленному Ё. Ватанабэ и его друзьям было нелегко терпеть атмосферу недоверия, которая нагнеталась вокруг них в бригаде лидерами «демократического движения». Они хотели бежать туда, где физическая работа трудна и опасна, поэтому практически нет ни активистов, ни идеологического воспитания.

Мы очень боялись шахты, но, чтобы избежать этого сумасшедшего демократизма, нужно пойти работать на шахту. У меня и у Накамуры нет опыта работы в шахтах. У Танигути и Канно опыт шахтерской работы есть. Можно ли нам работать в шахте? Рабочий режим на шахте другой: три смены каждые сутки. Шахтерам не нужно ходить на собрания, не нужно докладывать и петь революционные песни. Там нет надзора советских солдат, поэтому можно свободно гулять в городе. Шахтерам дают больше продуктов. Конечно, опасно. Но Танигути и Канно нам, наверно, будут помогать. Я решил пойти на шахту. Я пришел в самое опасное место [Ватанабэ: 318].

В первый раз я опустился на глубину 150 м под землю. От плохого воздуха с моими ногами что-то странное. Впервые я имел дело с отбойным молотком, не представляю, как им работать. Моих сил тоже не хватает. Через три дня стало ясно, что у меня нет необходимых навыков. Меня отправили толкать вагонетку. Это легкая работа. Мне кажется, она мне подходит. Жаль, что я не работаю вместе с друзьями. Но когда нет угля, я могу отдыхать и даже вздремнуть. Я чувствую себя, как в школьном коридоре, и забываю, что нахожусь на глубине 150 м под землей.

Через месяц я снова работал с товарищами. В нашем забое подобрались весельчаки. Вначале мы работали вместе с русскими. И тогда работа русских всегда была 100 %, а работа японцев — 30%. Поэтому мы добились разрешения работать полностью японской бригадой [Ватанабэ: 322].

4. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Сфера сельского хозяйства была важной для голодающей страны, основные продукты в которой распределялись по талонам. Когда руководство лагеря не имело долгосрочного задания для тысяч свободных рук, оно направляло пленных на аграрные работы. Это часто практиковалось в сезон сбора урожая. Работа в колхозах и совхозах нравилась пленным, она не была такой тяжелой и опасной, как лесоповал или добыча угля.

Пока мы думали, что ждем корабль для отправки домой, нас попросили убрать сено, что мы и стали делать. Огромные косы, которыми мы должны были работать, были выше нашего роста. Мы не видели ничего подобного в Японии. Когда помашешь весь день этой косой, руки немеют и ими не пошевелить. Под строгим надзором советских солдат мы должны были работать, хотя было действительно больно. <...> С каждым днем увеличивали норму, и мы, японские пленные, стали выдыхаться от такой тяжелой навязанной нам работы. Сентябрь 1945 г. [Ёсида: 78].

Доставка тюков. После покоса и укладки стогов сена нас заставили перевязывать их в тюки согласно дневной норме. Мы работали в снегу на ледяном сибирском ветру. Бригады, закончив работу, уходили одна за другой. Но те, что работали медленней, оставались, несмотря на то, что охранники торопили, наставляли автоматы и кричали «быстрее». Тюки погрузили на лошадей. Середина октября 1945 г. [Ёсида: 96].

Попробовал я как-то поработать славянской косой. У молоденькой девушки получалось легко, а с меня только пот течет. «А все потому, что нельзя вертеть спиной», — говорила девушка [Киути: сайт].

На сельскохозяйственных работах не было риска для жизни, там можно было подкормиться, и сам по себе труд на земле был приятнее, особенно выходцам из крестьянских семей.

5. Досуг

Национализовав тела своих граждан, японское государство национализовало и их личное время. Время, потраченное на себя и развлечения, имело в тоталитарном японском государстве антинародный и антигосударственный душок [Мещеряков 2012: 399]. В свою очередь, советское государство арендовало тела японских солдат, а правовой режим аренды не может быть таким же жестким, как

у собственника. Поэтому, может быть, только в советском лагере впервые за долгие годы японские пленные в редкие минуты отдыха могли заниматься своими делами в соответствии со своими вкусами.

Курение табака в лагере было не только инерционной зависимостью, практикой из прошлой жизни. Курение отвлекало от тяжелых дум, занимало время, было поводом заняться чем-то для себя. Как писал В. Шаламов, «я не бросал курить никогда. Было страшно подумать, что я могу по собственной воле лишиться этого единственного великого арестантского удовольствия» [Шаламов: 109].

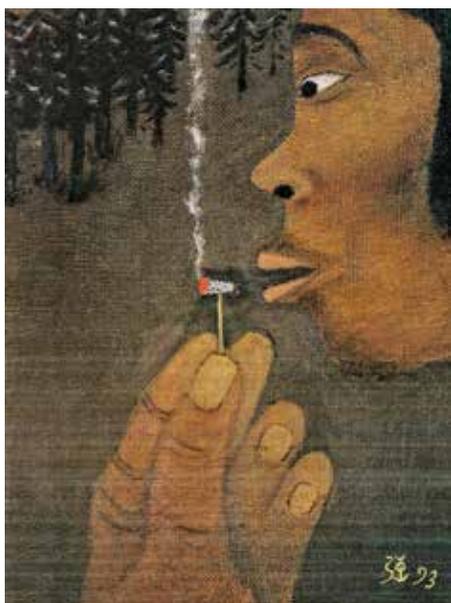
Махорка — самое распространенное низкосортное дешевое курево народных масс, в том числе и заключенных. Каждому заключенному ГУЛАГа махорка полагалась по норме (100 грамм в месяц), но ее выдавали только в исключительных случаях, например, на допросах, чтобы расположить человека, обладающего информацией. Как писал Ж. Росси, в лагерях табак переводят в «поощрительный фонд» и выдают только за перевыполнение нормы. В тюремно-лагерном мире махорка — самая устойчивая валюта. Стандартная порция хлеба (гарантийка) стоила два спичечных коробка махорки [Росси: 216].

Для японских военнопленных с 1946 г. была установлена норма табака низших сортов из расчета 5 г в сутки на человека, 3 коробки спичек и 3 книжки курительной бумаги в месяц, а генералам полагалось 20 шт. папирос в день [Военнопленные: 413–414]. В жизни эти нормы часто не выполнялись. Как утверждал В. Шаламов, табак, как и все продукты, что давали пайкой, был из тех, что уже вылежали сроки хранения на складах [Шаламов: 20]. Однако и такой перележавший табак был в цене.

В Японии махорку в том виде, как в СССР, не использовали. Поэтому авторы воспоминаний должны были объяснить своим читателям, что же это такое и как ее курят. Моринари Ооути, как и Кинси Такэути, рисовал, как крутить самокрутку.

Как приготовить махорку. Бумагу склеивают слюной, внутри — табак. Махорка — это грубо порезанные стебли и листья табака. Как прикурить? Поджечь линзой. Спички для военнопленного — роскошь [Такэути: 70].

Рассмотрим картину Ц. Хисанага «Лицо военнопленного. Махорка». Лицо военнопленного — смуглое, можно решить, что перед нами не японец, а, например, африканец (рис. 15). Такому впечатлению способствуют огромные белки, большие вывернутые губы и ноздри. Согласно распространенным в Японии расовым взглядам той эпохи, представители негроидного расового типа относились к самой низкой группе человеческого сообщества. То, что художник изобразил японца с внешностью, близкой к негроидной, говорит о том, что он увидел в положении и поведении военнопленного признаки принадлежности к низкостатусным группам, может быть, вывезенным из Африки рабам. Все лицо курильщика напряжено и жаждет одного — затяжки.

Кажется, что его руки, губы и ноздри дрожат от нетерпения. Но смехотворна сама попытка затяжки — при великом желании курить мы видим настолько маленький окурочек, что его невозможно держать пальцами, пленный держит его на щепе как на игле. Рядом с крохотным окурком огромными кажутся и без того увеличенные в размерах ладони. Это руки рабочего, рабочие руки — самый главный инструмент пленного — физическая аллегория интернированных военнопленных, которых привезли в СССР именно как рабочие руки. Ниже мы узнаем, откуда эти окурки.

Когда советский надзиратель, докурив папиросу до конца, выбрасывал ее, два-три наших соратника ждали этого момента, и как только он бросал горящий окурочек, подбегали. Счастливчик хватал его и с помощью маленькой ветки держал и курил, пока огонь не подойдет близко к губам, и тогда он глотал дым горлом как спасшийся человек. Так можно поступать, потому что рядом нет ни жены, ни детей [Хисанага: 13].

Подобные поступки, немыслимые в нормальной жизни японского общества с его культурой стыда, оказались возможными в условиях лагеря. Вновь мы находим иллюстрации утверждению В. Франкла, что лагерь — отражение жизни.

Отец и сын. Отец в лагере думает: мой сын, конечно, не представляет, что я здесь подбираю окурки, которые выбрасывают русские. Сын в Японии: отец не подозревает, что я подбираю окурки [Ооути: 95].

Желание курить становилось непреодолимым. В отсутствие табака вставал вопрос, чем можно было его заменить.

Многие хотели курить до такой степени, что дым шел из задницы. Табака не было, и курили мох [Ооути: 52].

Пакета табака на двоих, который, видимо, выдавали в этот период в части Ё. Ватанабэ, страстным курильщикам не хватало, и «они сами сушили травы для курева. Но было невкусно» [Ватанабэ: 65]. Ё. Уэцухара изображает полный цикл «любительского табаководства»: один собирает траву, второй скручивает и третий курит. Подпись: дикие травы вместо табака [Уэцухара: «Та» (1)]. Заядлые курильщики доходили до того, что могли украсть табак у товарищей. Так, Ё. Ватанабэ горестно отмечал, что на Сахалине получил две пачки сигарет и долго их берег, но сегодня они исчезли [Ватанабэ: 189].

Под рис. 16 «Замечательно»
Н. Киути пишет:

Какая роскошь! Привычными движениями рук он аккуратно завернул крошенный табак в полосу газеты. Затем поспешил ее и концы заклеил. «А ну давай, японский, попробуй», — говорит [Киути: сайт].

Махорка была вкуснее любого табака, который только водится на белом свете, вспоминал

Такесуги [Такесуги Ч. 4: 112]. Как мы увидим из рассказа М. Ооути, табак был самой надежной валютой, им можно было привлечь людей к непривлекательной для многих работе в демократическом кружке и к участию в политических дискуссиях.

Сержант С., когда-то работавший на кухне, стал руководить политическими вопросами, он отрастил волосы и получил новую одежду. Все с удивлением смотрели на него. Он читал лекции в разных лагерях. После лекции сержант С. не мог добиться никаких вопросов и реплик, никому не было интересно. Тогда он объявил, что выступающий может получить одну папиросу. Тут же один бригадир высказал свое мнение и получил папиросу. После него было много желающих. Пачка закончилась [Ооути: 76].

У нас организовали общество друзей, в котором насчитывалось примерно 20–30 человек. Членам общества раз в неделю давали «Нихон синбун». Всем была нужна бумага для махорки, но люди боялись вступать в общество потому, что, когда вернуться домой, его членов могут называть коммунистами [Ооути: 96].

Распространенным был обмен вещей на табак. Местное население могло купить махорку или папиросы, но, чтобы выменять у советских людей табак, надо было иметь что-то, без чего можно было обойтись в лагере, или осознавать, что эту вещь все равно отберут при досмотре мародерствующие охранники.

Вещей у меня совсем нет. Поэтому я мог обменять на махорку только кожаный ремень и очень долго ее курил. *За махорку — ремень давай...* У нас была проблема с продуктами, потом — с табаком, и многие японцы стали менять вещи на сигареты [Ватанабэ: 187].

Как нарисовал Ё. Уэцухара на карте «Со» (2), «махорку за сорок (рублей?) давай!»! Сигареты всегда можно было обменять на продукты. Но если военнопленный вместо этого угощал сигаретами товарища, для этого должны были быть веские причины. Как мы помним, Иван Денисович из рассказа А.И. Солженицына, заядлый курильщик, делится затяжкой только с очень нужными людьми, важными для него именно сегодня. Пример Такаги, соратника Ооути, показывает, что японские пленные могли делиться табаком из благодарности, не имея прикладных лагерных целей.

Когда в 1947 г. впервые нам дали 500 грамм курева каждому, все обрадовались и наслаждались. Некурящие пытались менять их на хлеб [Ооути: 95].

Ниже приведен невероятный для ГУЛАГа, но возможный для ГУПВИ случай из лагерной жизни, в котором мы видим, как пленный раздает табак как поминальное угощение.

В предыдущем письме из дома ничего не было написано об отце. В этом письме написали, что отмечали годовщину со дня смерти отца. Я хранил табак для отца, который был заядлым курильщиком. Теперь я его раздал [Ооути: 137].

Спорт, искусство и даже простые хобби помогали переживать тяготы. Если лагерь объединял военнопленных из разных стран, то неминуемо возникали спортивные состязания по разным видам спорта, как командным, так и в единоборствах. Когда японцы играли в футбол против венгров, даже болельщику Ники Ёсио минутой казалось, что он находится в летнем школьном лагере [Barshay 2013: 41].

Неунывающие японские военнопленные устроили с немцами турнир по настольному теннису. Возможно, из-за необычной манеры держать ракетку японцы с легкостью одержали победу [Киути: сайт].

Соревнование по бейсболу. Мы сами сделали мяч из тряпки, он оказался очень мягкий, но это хорошо, чтобы играть в бейсбол на территории лагеря. В конце концов мы даже соревновались между командами бараков [Ооути: 133].

Играли и в настольные японские игры — сёги и го, и в китайскую игру мажонг, которой многие научились в Маньчжурии. Такой досуг поощрялся и даже зафиксирован на пропагандистской фотографии [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 37. ф. 98]. Вот и Ё. Уэцухара на карте «Мэ» (2) нарисовал: на 1 мая устроили вечер игры в мажонг в лагере, а на карте «Ю» (2) изображена игра в сёги. *Нет заката, нет восхода — одни белые ночи. Играют в сёги.* Если в классическом хайку должен присутствовать знак, говорящий о времени года, то на картах ироха Уэцухара допускает намек на географические реалии СССР как на сезон. Например, *кости для игры в мажонг сделаны из березы* [Уэцухара «Ма» (1)]. Играли пленные и в бейсбол, который был к тому времени очень популярен в Японии.

Свободного времени у пленных было немного, и как его использовать зависело от опыта довоенной жизни, возраста, способностей и навыков. Самым простым было углубиться в хозяйственные дела. Например, пленники увлекались своим лагерным «антиквариатом». Одни собирали сломанные ложки, вилки и ножи. Когда бывало свободное время, чистили их. Другие собирали пустые банки разных размеров и приделывали им крышки и ручки [Ооути: 118]. Благодарным было занятие самодеятельностью.

В лагере редко, но бывают дни отдыха. Тогда развлекаемся. Мы пели песни, очень плохо, ставили спектакли, а зрители смеялись до упада [Хисанага: 66].

Почти во всех лагерях художники и артисты имели льготы, так как обслуживали идеологическую работу руководства. Именно по концертам и наглядной агитации руководители ГУПВИ судили об эффективности политико-воспитательной работы начальника конкретного лагеря. Поэтому оформление всего агитационного материала должно было быть на высоте: грамотно нарисованным, понятно изложенным и идеологически выдержанным. Кроме таких официальных заказов могли быть и частные. Нередко лагерные начальники заказывали пленным художникам картины на свой вкус для оформления своего жилища. За выполнение работы художники получали махорку, дополнительно хлеб, иногда — освобождение от тяжелой работы. Но не только социальный, а и эстетический багаж у советских людей и японцев были настолько разными, что нередко конфликты возникали как раз из-за культурных различий.

Советский офицер попросил меня нарисовать картинку над кроватью. Непонятно, что это означает, и я отказался. Потом мне все сказали: дурак. Если бы нарисовал, то получил бы много табака [Ооути: 122].

Середина июля. Мы копали траншею и выполнили норму. Нам дали отдых на две недели. Было скучно. Мы играли в сёги и рисовали манга [Ватанабэ: 293].

Позже у Ё. Ватанабэ возникли проблемы из-за них. Лагерные власти увидели в манга политическую карикатуру, и он не мог доказать, что это особенности жанра.

Во всех лагерях чередовались периоды высокой активности лагерных организаторов и периоды, когда организационная работа шла на спад. В это время досуга становилось больше.

Никто не занимается политическим воспитанием. «Нихон синбун» и брошюры забросили. Сразу после работы люди играли в мажонг, го, сёги. Конечно, все принадлежности для игры были самодельными [Ооути: 140].

Пленным помогали жить и чувство юмора и театральная самодеятельность. Кинси Такэути рисует следующую сценку: после еды двое разыгрывают сценку, как будто врач и медсестра осматривают барак. Врач: грязно. — Слушаюсь, доктор, сейчас уберу. — Госпожа медсестра, не сердитесь, мы только что поели [Такэути: 60].

В каждом лагере ГУПВИ работала культурно-воспитательная часть (КВЧ), призванная устраивать досуг военнопленных в идеологически подходящих формах. Организовывались спектакли, концерты, номера в которых соответствовали коммунистической идеологии. Художники оформляли спектакли и выпускали стенные газеты, писали транспаранты к праздникам, оформляли красную комнату — помещение, в котором велись политические занятия. Разумеется, самым военнопленным важнее было выспаться, искупаться, а не терять время на политические занятия. Но сами по себе музыка, танцы были частью мирной долагерной жизни, по которой так скучали пленники. Поэтому они были рады слушать любые песни, в том числе русские народные или советские. Оттого, что концерты, как правило, были увязаны с политическими собраниями, люди охотнее шли на сами собрания, если после них предполагался концерт.

Как писал С. Кузнецов, самым доступным видом искусства для японцев было музыкальное: пение и игра на музыкальных инструментах. В некоторых лагерях были даже ансамбли, участники которых играли зачастую на самодельных инструментах. Этот вид творчества поддерживался лагерной администрацией и использовался в пропагандистских целях: японцам предлагалось разучивать «Интернационал», советские песни, «Марш Буденного», «По долинам и по взгорьям» и др. [Кузнецов 2003: 295]. Однако, как мы читаем у Н. Киути, звучала и японская музыка.

Всю ночь до утра с другом, который закончил музыкальное училище, мы пишем по памяти ноты. Утром раздадим немецкому оркестру ноты, по которым они для нас сыграют японские произведения. Мы не знаем их языка и не можем говорить на языке слов, но мы можем говорить на языке музыки. Воистину, мир музыки не знает границ! [Киути: сайт].

Глава 3. Голод и еда

1. ПАЙКА

Биополитика. Система питания японских военнопленных осуществлялась согласно приказу народного комиссара внутренних дел СССР и начальника тыла Красной армии № 001117/0013 от 28 сентября 1945 г., в котором объявлялись так называемые нормы продовольственного снабжения. По объявленным нормам рядовой, унтер-офицерский и офицерский состав японских военнопленных должны получать на человека в день: хлеба — 300 г, получищенного риса — 300 г, крупы или муки (из зерна пшеницы, овса, ячменя и бобовых) — 100 г, мяса — 50 г, рыбы — 100 г, овощей свежих или соленых — 600 г, мисо (приправа к кушаньям из бобов) — 30 г, сахара — 15 г, соли — 15 г, чая — 3 г [Военнопленные: 391].

Указанный выше перечень продуктов не просто иллюстрирует биополитику МВД, но также, по словам Элиаса Канетти, отчетливую связь переваривания и власти [Канетти: 239]. Обилием круглых цифр он напоминает передовые статьи газеты «Правда». Приведенные здесь нормы, возможно, выполнялись в каком-нибудь лагере какое-то время, но трудно поверить, что они ежедневно доходили до потребителя в тех же размерах.

Конечно, выполнение приказов на местах зависело и от того, кто отвечал за эти вопросы в конкретном лагере. Так, руководство Дальстроя старалось придерживаться данных норм, и в отделении лагерей японских военнопленных Ха 855-д они практически соответствовали приказам № 001117/0013 от 28 сентября 1945 г. и № 450 от 15 ноября 1946 г. Однако нормы выполнялись не по всем позициям и в конце концов сводились к выдаче овощей и картофеля, которыми, кстати, полностью тогда не обеспечивалось и вольнонаемное население Колымы. Поэтому в лагерях японских военнопленных рядовому составу предполагалась выдача в день 500 г картофеля и 300 г овощей, а офицерскому составу — только 400 г картофеля и 200 г овощей [Военнопленные: 435]. Так соблюдался классовый подход, усиливаемый демократической пропагандой, целью которой являлось воспитание японских солдат в симпатии к Советскому Союзу и его идеологии.

Уже 13 ноября 1945 г. заместитель министра НКВД С. Круглов подписал директиву о включении в меню национальных блюд [Военнопленные: 232]. 28 декабря

1945 г. был подписан приказ о снабжении японских военнопленных более привычной для них едой. Выполняя его, администрация в смешанных лагерях должна была кормить японских военнопленных иначе, чем пленных немцев, румын, венгров, что создавало дополнительные сложности. В этом жесте, навстречу вкусовым предпочтениям пленных, при готовности эксплуатировать их максимально, отражается основной характер биополитики советского государства. Фальшь пропагандистской полуправды не исчезла вместе с сталинскими лагерями. Она и позже воспроизводилась из уст чиновников военного ведомства, утверждавших, что в лагерях для японских военнопленных соблюдались все их национальные обычаи и праздники, практиковались самоуправление и самообслуживание, работала художественная самодеятельность, выпускались свои газеты, создавались клубы по интересам. Между тем, далеко не во всех лагерях кормили японскими блюдами. По воспоминаниям Н. Гаген-Торн, когда она, уже спецпоселенка, пригласила в гости г-на Хасэда и угостила его рисом, он признался, что не видел рис семь лет [Гаген-Торн: 385]. Археолог К. Като удивился, когда узнал об этом приказе, в его лагерях, находившихся недалеко от Братска, он не видел рис 4 года и 10 месяцев: нам ежедневно давали неочищенный гаолян, и мы сами его чистили и долго варили, прежде чем он становился съедобным [ПМА. Январь 2006 г. Токио].

После высокой смертности пленных зимой 1945–1946 гг., когда погибла почти десятая часть пленного японского контингента, даже руководству МВД стало ясно, что «для работающих японцев паёк в 2397 калорий оказался недостаточным» [Военнопленные: 241] и для борьбы с высокой смертностью пленных необходимо их лучше кормить. Полагаю, что на практике пленные получали существенно меньше калорий, чем та цифра, что была подсчитана в Москве. Исаму Фудзита, работавший в лагере в Красноярском крае, запомнил как основной рацион 300 или 350 грамм хлеба и гречневую кашу. Иногда — немножко сливочного масла [ПМА. Январь 2006 г. Йокогама].

Японцы любят рис, поэтому нам выдавали эту пищу, которая была в то время в России на вес золота. Хотя риса нам давали немного, иногда, прикинувшись японцем, за рисом приходил немецкий солдат. Но ему сильно доставалось за это.

Все-таки зависть к чужой тарелке везде одинакова. Из-за того, что японские порции выглядят больше, немцы бросают на них злобные взгляды. У них — хлеб и похлебка, а у японцев — рисовая каша, суп «мисо» и прочее [Киути: сайт].

Последующий приказ № 450 от 15 ноября 1946 г. министра МВД СССР С.И. Круглова внес изменения в систему питания японских военнопленных. Теперь для них устанавливались специальные нормы, в которых предлагалось для стимулирования производительности труда выдавать хлеб, крупы и картофель в зависимости от выполнения норм выработки в следующих количествах на одного человека в сутки: для вырабатывающих до 80% нормы: хлеба — 250 г, риса и крупы — 350 г, картофеля и овощей — 600 г; для вырабатывающих от 80 до 100% нормы, а также для занятых на внутренних работах: хлеба — 300 г, риса и крупы — 450 г, картофеля и овощей — 700 г; для вырабатывающих от 101 до 125% нормы: хлеба — 350 г, риса и крупы — 500 г, картофеля и овощей — 800 г; для вырабатывающих от 125% нормы и выше: хлеба — 450 г, риса и крупы — 550 г, картофеля и овощей — 1000 г.

Кроме этого были введены нормы суточного довольствия для рядового и унтер-офицерского и отдельно для офицерского состава. По этим нормам рядовым и

унтер-офицерам полагалось в день: хлеба — 350 г, риса — 300 г, крупы — 150 г, мяса — 50 г, овощей или картофеля — 800 г, рыбы — 150 г, сахара — 18 г, мисо — 30 г, соли — 20 г, чая — 3 г. Офицерский состав должен был получать столько же риса, соли и чая, сколько рядовые и унтер-офицеры. В отношении других продуктов офицерскому составу полагалось: хлеба — 300 г, крупы — 100 г, мисо — 50 г, рыбы — 80 г, мяса — 75 г, сахара — 30 г, овощей — 600 г и, кроме того, сухофруктов — 10 г, жиров животных — 20 г и 15 шт. сигарет [Военнопленные: 435]. Если в первое время офицеры получали немного больше, чем рядовые, то позже, когда индоктринация набрала обороты, бывшие офицеры стали получать немного меньше рядовых.

Но 1946 и 1947 гг. были в СССР неурожайными, и многие принятые резолюции об улучшении питания остались на бумаге не только из-за бюрократической волокиты и воровства на местах, но отчасти и по объективным причинам.

Как отмечали многие бывшие интернированные, недоедание заключенных было вызвано нехваткой еды в целом, голодно было не только в лагере, но и по всей стране. СССР жил по карточной системе, и советские граждане, что охранники, что местные, часто питались не намного лучше заключенных. Во многих текстах проговаривается, что местное население также голодало, что подчас некоторые из них не имели и той пайки, что была у пленных. На рисунке Такэути советский солдат спрашивает у пленных: *каша есть?* И автор недоуменно фиксирует:

Я думал, что конвоирам всегда хватало еды. Но иногда приходят из лагеря конвоиры с котелками и стоят, когда мы делим еду. Солдат победившей страны просит еду у пленников, солдат проигравшей страны. Так странно, что ему не стыдно [Такэути: 146].

Следует помнить, что к 1945 г. не все благополучно с продовольствием было и в самой Японии, вся экономика которой была мобилизована на войну, и, чтобы прокормить многомиллионную армию, гражданскому населению надо было затягивать пояса. Уже с 1940 г. в Японии в местах общественного питания было запрещено подавать рис. За 1937 г. потребление молока одним японцем составляло 2,9 сё (1 сё – 1,804 л), мяса — 622 моммэ (1 моммэ — 3,75 г), яиц — 49 [Мещеряков 2009: 278–279].

Гарантированная пайка и большая пайка. Питание военнопленных, как и заключенных, зависело от того, насколько выполнена норма. Часто имело значение не сколько выработано, а то, как составлен отчет, какие были личные отношения с нормировщиком, покладистость работодателя. Основной рацион хлеба, выдаваемый заключенным, вырабатывающим не менее 75% нормы, назывался гарантированной пайкой [Росси: 78].

Как уже отмечалось, суточный рацион различался у передовиков и тех, кто плохо работал (рис. 17). Тем, кого отправляли в командировку, выдавался сухой паек

— суточная норма хлеба, в среднем весившая от 400 до 800 г. Кроме гарантийной пайки были урезанная карцерная, а также добавочная стахановская. На архивном рисунке четко видны размеры пайки в зависимости от нормы выработки: на нижней полке пайка хлеба для тех, кто выполняет норму на 80 %, на средней полке — на 100 % и на верхней полке — на 125 % [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 135. Л. 79].

Про коварство дополнительной пайки говорит поговорка: не маленькая пайка губит, а большая. Об этом писали многие знатоки ГУЛАГа: скорее погибает тот, кто очень тяжело работает ради дополнительного пайка. Дополнительный хлеб не компенсирует физические затраты, которые уходят на то, чтобы его заработать.

Есть список, в котором зафиксировано, сколько граммов еды полагается по процентам нормы. Не все ясно поняли норму, или начальники нас обманывали. Сложно было выработать больше 100 %. Но все старались работать больше и исхудали. Если не получалось в месяц 100 %, то еду урезали [Ооути: 89].

Годы плена — прежде всего голодные годы. В рассказах военнопленных о еде, как правило, упоминания о ее малом количестве и сомнительном качестве.

6 ноября мы пришли в порт. Кормят нас раз в день — только суп мисо, рис и консервированная морская капуста [Ватанабэ: 138].

Котелок из г. Маока стал печкой. Консервная банка стала дымовой трубой. Рис был с насекомыми красного цвета, и мы ели красный рис [Ватанабэ: 146].

По утрам нам давали гаолян с кожурой, маленький рисовый шарик и суп, больше похожий на воду. Этого было недостаточно даже для завтрака, поэтому многие из нас съедали утром и тот хлеб, что предназначался для обеда. Так что во время обеда мы отворачивались от тех, кто гордо ел тонкие куски ржаного хлеба, которые они сохранили. На ужин нам давали суп, немного крупы и такой же маленький шарик риса, как и на завтрак. Октябрь 1945 г. [Ёсида: 88].

Вновь Ватанабэ обстоятельно описывает ситуацию и как опытный полицейский составляет отчет.

Норма была 3 кубометра на двоих. Советская сторона, если мы выполняем больше нормы, дает нам больше продуктов. Японские: мы голодные, так больше работать не можем. 2 кубометра на человека — не очень тяжело. Русские постепенно требуют больше. Мы решили не рубить больше 3 кубометров. *Быстро надо, понимаете, японские пленные? Японский пленный: если так быстро работать, через пять минут мы упадем.*

Красная армия использовала наше чувство голода. Наша норма постепенно увеличивалась. В конце ноября норма стала не 3, а 6 кубометров. А это уже тяжело. Мы хотели сохранить норму в 3 куба, но несколько людей перевыполняли план, чтобы получать больше хлеба. *Два японца нарубили 11 кубометров, и русские им дали много селедки и хлеба.* Конец ноября. Пошел снег. Очень холодно и голодно. Если бы нам давали рис, то мы бы нарубили больше 10 кубометров. Но мне кажется, тогда у советских людей для себя продуктов не хватит, значит, это все равно невозможно [Ватанабэ: 178–180].

Зарплату нам давали овсяной крупой или гаоляном. По утрам выдавали обед и завтрак. Завтрак мы съедали сразу, а обед — 300 грамм хлеба — днем. Многие сразу съедали все утром. Другие обед откладывают до ужина. Мы слабели с каждым днем. *Это съедобно? — Это листья чернобыля. Два дня варили. Наверное, можно съесть. Все каждый день что-то варят. Сухие грибы или листья чернобыля. Это овсяная крупа из Сан-Франциско. Великая страна. Это очень вкусно с сахаром. Но мало крупы* [Ватанабэ: 188].

Черный хлеб. Когда голодаешь, в мозгу тоже пусто. По ночам мне снятся сны только о том, что кушаю досыта, что получил кусок хлеба, что пожираю хлеб [Хисанага: 24].

Долгожданный хлеб на обед. Но он замерз, и есть его невозможно. Мы разогревали его над костром, наколов на ветку [Ооути: 69].

Мечта пленных была одна — хлеб, 2 800 г. После войны цена хлеба на черном рынке была 400 рублей за буханку. После деноминации — 15 рублей старыми. Случайно у меня оказалось 20 руб. Я мечтал о хлебе. Зашел в магазин и попросил мадам продать хлеб. *Мадам, хлеба давай-давай.* Мне продали хлеб [Ватанабэ: 310].

Перебирали картофель всегда на складе. На эту работу отправляли тех, кто уже не справлялся с тяжелым трудом, или больных. Подключив к железному ведру электричество, можно было сварить и поесть картошки. Хорошая это была работа [Киути: сайт].

Организовали группу рыбаков. Если ловили рыбу, которая не засчитывалась как зарплата, пленным разрешали ее съесть. Мы все могли есть рыбу в достаточном количестве [Ооути: 124].

Японцам нужен рис. Рис — это очень вкусно! Хочу наесться. Хочу скорее домой. В Японии можно наесться белого риса [Ватанабэ: 257].

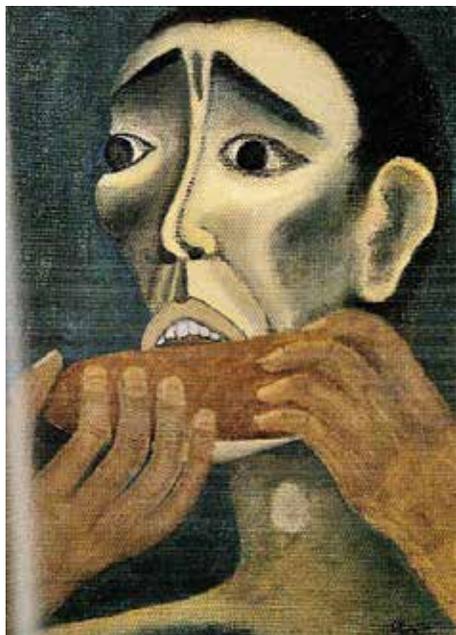
Когда есть рис,
вкус белого риса
соединяется со вкусом слез [Уэцухара «На» (1)].

Фотографии и рисунки столовой и кухни. На одной из фотографий из газеты «Нихон синбун», о которой подробнее будет ниже, изображены повара и контролирующий их инспектор. Видны буханки хлеба, картошка, большие рыбы и онигири. Фотографии кухни отражают будто вполне сытую жизнь, но сколько именно хлеба получит человек, как часто он ест рыбу и сколько раз в год получает онигири, остается за кадром. При этом у не критичного читателя газеты создавалась иллюзия сытой лагерной жизни, ведь он сам своими глазами видел на фотографии большое количество еды.

На рис. 18 за практически пустым столом сидят трое, явно смущенные вниманием фотографа: их не часто фотографируют. На рис. 19 — разительный контраст. Это помещение напоминает столовую санатория. Едоки сидят в белых рубашках за сервированными столиками. Видно,

что на столе у каждого несколько блюд, цветы. Из окошка раздачи выглядывают лица в белых масках, будто ждут — кому налить добавки. Серп и молот над окном раздачи будто символизируют, что столовая — кормушка для передовиков, для тех, кто усвоил идеи социализма. На каждом столбе висят транспаранты с лозунгами. Кажется, что где больше агитации, там и больше еды, которая сама становится агитационным средством власти.

Как поедают хлеб, изобразил Ц. Хисанага (рис 20). Мы видим крупным планом лицо человека в самый неподходящий, практически интимный момент, когда пленник остается наедине со своей пайкой. Когда глаза широко открыты, но ничего не видят. Когда человек весь прислушивается только к одному — к вкусу хлеба. Его беспокоит только одно — как быстро он закончится. Пленный держит свой кусок всеми пальцами обеих нагруженных рук. Его брови нахмурены, лицо сосредоточено на самом приятном за сутки — на наслаждении едой [Хисанага: 24]. Е. Гинзбург также помнила, как заключенные ГУЛАГа «ни на минуту не отвлекались от мысли о хлебе насущном, о царице Пайке. Ее нежат, холят, о ней тоскуют и спорят. Ее завещают перед смертью друзьям» [Гинзбург: 417].

И только на прощальном банкете, наконец, стол полон еды. Объектив фотографа в этот раз не лукавит, и мы верим изображению. Среди нарядно украшенного зала бывшие пленники сидят за непривычно обильными столами. Искусственность и принужденность их поз говорят и о невероятности ситуации — власти принимают их за людей, кормят как людей. Почему власти решили попрощаться так помпезно со своими бывшими пленными — в знак благодарности за труд? В знак примирения? Своих заключенных ГУЛАГа перед освобождением так не кормили. Это была символическая компенсация за годы голода? Видимо, это фотография 1956 г., на которой угощают высших офицеров, самую последнюю партию японских пленных. Как видно из документов ГУПВИ, перед репатриацией военнопленные жили во временном лагере 2–3 недели, не работали, с ними проводили усиленные политические занятия и их гораздо лучше кормили, чем в лагере. Так что пленные возвращались на родину немного отдохнувшими и подкормившимися.

2. ПИЩЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Как заметил С. Карнер, во всех лагерях ГУПВИ среди немецких и австрийских военнопленных примерно к 1949 г. сложилась особая «голодная культура» со своими нормами поведения. Так возник целый ряд стратегий выживания, экономии сил — например, специфическая медленная волочающаяся походка военнопленных, требовавшая наименьших усилий. Этот широко распространенный «шаг пленных»

определялся их физическим истощением и угнетенным душевным состоянием [Карнер:106]. Именно эта замедленная походка была одним из признаков крайней степени истощения узников, которых в ГУЛАГе называли *доходягами*, а в нацистских лагерях — *мусульманами*. Такая же «странная» походка, как будто «ноги мешают, точно к ним привешаны пудовые гири» [Яров: 35], отмечалась и у блокадников Ленинграда.

Пустая посуда — универсальный символ голода в разных культурах. Не случайно пустой котелок и ложка фигурируют на многих рисунках. Для японца котелок и алюминиевая ложка становились символом сибирского плена. Как видно из приведенных ниже цитат, пленные после работы могли приготовить что-то для себя, если находили дополнительную пищу. То, что приготовление еды, — особое арестантское наслаждение, отмечал В. Шаламов: ни с чем не сравнимое удовольствие приготовить пищу для себя, своими руками, и затем есть [Шаламов: 31].

Тысячи голодных людей обитали на небольшой огороженной территории. Денег нет, еды мало, а чувство голода нарастало. Что можно было сделать с телом, «таким голодным и таким моим»? Тысячи людей находили десятки разных способов борьбы с чувством голода — тактических и стратегических, большая часть которых была малоэффективна. Чем же отличалось лагерное поведение голодных людей?

Разговоры и мечты о еде. Когда царил голод, все разговоры были главным образом о еде. Говорить на кулинарные темы было первым делом голодающих. Обсуждались любимые блюда, рецепты, еда, которую готовила мама. Вспоминали любимые блюда в каждом лагере, «ежедневно рассказывался кем-то гастрономический рассказ, во всяком случае, не для улучшения аппетита, а из-за потребности голодного человека в возбуждении пищевых эмоций» [Шаламов: 84]. Мечты о любимой еде заполняли воображение и японских пленников. На карте «Ку» (1) также изображен такой мечтатель: сидя перед пустым котелком, человек вспоминает о большой тарелке с рисом, о вкусных соусах, якитори и сашими. Уэцухара подписывает рисунок: *утром, днем и вечером думаю только о вкусной еде. А в новогоднюю ночь пленник видит праздничный сон, ему снится sake* [Уэцухара «Кью» (1)]. Удивительно, но в лагере Такасуги этот сон Уэцухара стал явью.

Старший лейтенант Леонтенко, ведавший пищевым довольствием, был единственным в конторе членом партии.<...> Узнав от меня, что японцы торжественно отмечают не Первое мая, а Новый год, Леонтенко добыл к празднику очищенный рис, нашел среди пленных пивовара и, несмотря на запрет НКВД выдавать военнопленным спиртное, в нашем лагере на новогоднем столе была рисовая водка [Такасуги Ч. 1: 83].

Этот пример — исключение, а не правило. Правилom в лагере было постоянное чувство голода.

Мой друг бесконечно тосковал по вкусам родины, только об этом говорил и часто повторял, что когда наешься досыта, то можно и умереть. Он умер голодным, с пустым животом и во рту не было ни рисинки. Если я увижу тебя в том мире, я хотел бы сказать тебе: на, поешь, и протянуть большой онигири [Хисанага: 64].

На ужин нам обычно давали селедку и кашу из гаоляна. Каждый хотел, чтобы корка досталась ему. Твердую часть можно было дольше жевать, и она давала большее удовлетворение нежели мякиш. Я тоскливо думал о том, как в детстве в

Калифорнии мама мне готовила сэндвич, а я отрывал корку и съедал только мякину. Наша еда обычно состояла из вареной гречки, ржи, овса или иных злаков — такую еду в Японии обычно дают только скотине. Мы ели все без жалоб, предпочитая рис, к нашему разочарованию имевший консистенцию каши, так как его варили в слишком большом количестве воды, для того чтобы развести на большее количество людей [Iwao: 71].

Чувство голода, хотя и переживалось коллективно, но возможность наесться скорее была в одиночку. Ватанабэ повезло — он нашел чей-то тайник с рисом.

В один выходной мне повезло <...> я нашел немного риса и думал, как его собрать. Я сделал подобие из военной шапки и каждый день собирал рис, сушил его и ел. Об этом никто не знал. 10 дней я так питался. Через 10 дней, варил когда я собрал 3,6 кг риса, друзья узнали об этом. Мне достанется меньше риса. Но этот рис меня поддержал и укрепил мой организм [Ватанабэ: 215].

В лагере зеленой травы стало больше. Мы не давали ей вырасти. Мы съели всю траву. Я ел ростки с рисом, найденным у реки... У меня снова появились силы. Мои ноги уже не были свинцовыми. Мне кажется, этим летом все же смогу работать [Ватанабэ: 216].

В больнице медбрат раздавал рис. Врачам и себе побольше. Остальные больные солдаты смотрели на него. Каждый держал свою миску одной рукой, а второй искал на полу крупинки риса [Ооути: 57].

На обед нам дали только тонкий кусочек соленой семги и маленький кусочек хлеба размером со спичечный коробок. Его я уже съел вчера вечером. Варил рыбную кость, пока она не стала прозрачной и долго сосал семгу. Попробовал бульон. Иногда прихожу в себя и понимаю, что нахожусь в ситуации, подобной аду. Мне становится стыдно, но иначе никак не выживешь. Вспоминается китайская пословица — человек помнит о правилах хорошего тона, только когда достаточно одежды и еды [Ооути: 66].

Еда за услуги. Но одни мечты не кормят, и пленные пытались, как могли, мобилизовывать свои ресурсы, таланты и способности, чтобы утолить голод. Кто-то был готов попрошайничать, а кто-то был готов эту сценку нарисовать.

Пленный становится клоуном. После обеда дежурный конвоир показывал, как отбивать чечетку, и просил пленников повторить. Капрал Онодера из Токио вызвался и стал исполнять свою чечетку. Он выглядел как клоун, пока силы не оставили его. Мне предложили нарисовать его лицо. Выбора не было, мы делали такие вещи просто для того, чтобы на наших тарелках лежало чуть больше еды. Январь 1946 г. [Ёсида: 118].

Музыкант. Он хорошо играл на скрипке. Поэтому, когда русские его приглашали, он получал за игру кое-что и мог купить себе еду... Когда мы просили его сыграть, он никогда не соглашался, ссылаясь на хронический ревматизм. Но как только его просили сыграть русские, ревматизм проходил. С скрипкой в руках он убегал. Когда возвращался, его карманы были полны еды. Мы не могли дать ему вознаграждение, поэтому он нам отказывал [Хисанага: 66].

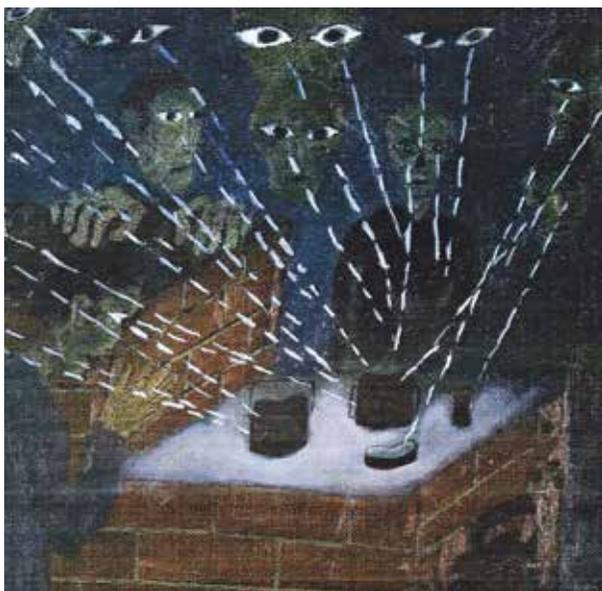
Говорят, речные раки полезны для здоровья. В горах зазеленела трава. В один хороший день нас послали на горную речку. Я поймал больше всех раков, поэтому японский врач дал мне два ужина. Я наелся [Ватанабэ: 214].

Младший офицер Танигути сказал, что уже наелся сахара, поэтому предложил пойти мне на завод вместо него. Я пошел. Советский начальник сказал, что нужны два крепких работника. Большинство пленных хотят сахар, но не хотят работать. Поэтому я и еще один вышли из строя. Нашей работой было грузить сахар

в вагон. В вагоне два советских солдата. Они не дали нам ни одного кусочка. Мы перетаскали много мешков сахара носилками. Работа была очень тяжелой. Но мы нашли в карманах советских солдат сахар. Этим мы шантажировали их, чтобы они нас угостили. *Советский солдат: Нет-нет. Сахар чуть-чуть поесть, понимаешь, японский.* — *Пожалуйста, дай маленькие кусочки.* — *Чуть-чуть сахара хорошо.* — *Смотри, мы скажем большому начальнику, что твое место в тюрьме.* — *Советский солдат: понял. Много кушай, японский солдат* [Ватанабэ: 278–279].

Справедливое распределение пищи становилось жизненно важным вопросом. Хлеб можно было измерить или взвесить. Что касается супа и каши, то из-за разных размеров посуды возникала задача: каждому положить равное количество было трудно. Именно это изображено на картине Ц. Хисанага (рис. 21). Мы видим, сколько пристальных взглядов обращено на котелок с едой. Как вспоминал Ивао Петер Сано,

один военнопленный, что имел два года фронтового опыта, был назначен руководителем раздачи еды, но долго не продержался, так как был разочарован размерами порций и тем, что не может выполнять свою работу хорошо. Чужая порция всегда казалась больше, классический пример того, что за изгородью трава всегда зеленее... Поэтому их же товарищ по фамилии Кондо, чья жадность возрастала и во время дележа пищи он становился невыносимым, громыхал: вы думаете я не знаю, что вы режете хлеб так, чтобы было как можно больше крошек, потому что вы их едите сами. С этого дня крошки тоже будем делить [Iwao: 72].

Когда давали кашу из гаоляна, были слышны такие разговоры: а, опять байкал. А у тебя гуще. Посмотри, у меня совсем байкал. «Байкал» означало, что в тарелке больше воды, чем каши [Като: 64].

Воровство. Бывало, что пленные забывали о морали ради куска хлеба, и тогда были способны на воровство. К воровству в особых обстоятельствах, например, на войне, невозможно применять оценки обычной мирной жизни. На фронтах Второй мировой войны советские солдаты и солдаты вермахта часто изобретали эвфемизмы. Так слово *украсть* исчезло из солдатского лексикона, как русские, так и немецкие солдаты заменили его на глагол *организовать/organisieren* [Лотман: 19]. Однако на передовой воровство было сродни солдатской удали и куражу, это были незначительные конфискации у мирного населения в пользу каждый день рискующих жизнями солдат, в конце концов оно оправдывалось конечной целью — победой любой ценой.

В лагере, если кто-то воровал, делал это тихо, в одиночку, испытывая муки совести. Унижение недостойным занятием было дополнительным испытанием для

пленных, выросших в категориях стыда. Спустя годы этот стыд вылился в публичное признание в рисунках и воспоминаниях. Д.С. Лихачев вспоминал лагерную еду на Соловках как «вечную готовку, ворованную картошку» [Лихачев: 78]. Не могли удержаться от воровства и некоторые японские пленники. На карте «Цу» автор изобразил голодного пленника, который *хотел украсть лепешку, приношение для покойника* [Уэцухара: «Цу» (2)].

Исходя из чувства справедливости, японский пленник дал пощечину другому, который украл чужую пайку хлеба. Октябрь 1945 г. [Ёсида: 92].

Утром обнаружилась пропажа хлеба. Оказалось, это бригадир нашей группы крал хлеб. Наконец мы поймали хлебного вора, все проснулись, а преступник отворачивался и прятался в тени. Охрана, которая обычно противостоит нам, в этот раз помогла нам и поймала его [Ооути: 85].

Недаром в ГУЛАГе сложилась поговорка «За кровную пайку смертным боем бьют».

А «уменье красть — главная северная добродетель во всех ее видах, начиная от хлеба товарища и кончая выпиской тысячных премий начальству за несуществующие, небывшие достижения» [Шаламов: 18]. В данном случае для В. Шаламова северная добродетель — это лагерная категория, воровство становится добродетелью, потому что все этические законы свободной жизни в лагере перевернуты. Японские пленные, если все-таки решались на воровство, то по большей части не чужой собственности, а общей, которая представлялась ничейной или предназначалась для скотины.

После работы за несколько минут до построения мы воровали электрические лампочки для того, чтобы сделать лагерь хотя бы немного светлее. Нам хотелось есть, и мы, проткнув мешок с рисом бамбуковой палкой, отсыпали рис, хотя много унести не удавалось [Киути: сайт].

Японского пленного поймали, когда он тайком пытался проглотить бобовый жмых, который были кормом для коров. Охранник бил его прикладом и ногами, снова и снова. Побои были жестокими. Неважно, что японские пленные кричали, умоляя о пощаде, избивание продолжалось. Мы видели избивание до смерти, но ничего не могли сделать. Мы потерпели поражение в войне. Мы страдали, но были бессильны. Январь 1946 г. [Ёсида: 110].

Написал об этом и Ивао Нисимура:

Работая на складе,

Ворую сою и рис.

Привык грызть их сырыми [Нисимура 2013: 36].

Возвращаясь в лагерь после работы, мы ежедневно должны были проходить досмотр. Это была проверка, чтобы мы не проносили какую-либо пищу, украденную с места нашей работы. Если такую пищу находили, ее немедленно конфисковывали и накладывали физическое наказание. Несмотря на это, некоторым все же удавалось тайком проносить пищу. Так что досмотрам не было конца. Январь 1946 г. [Ёсида: 114].

Работа на складе. Все хотели работать на складе, потому что там можно есть пшеницу, бобы, иногда даже сахар. Мы завязывали края брюк и сыпали туда пшеницу, бобы и рис [Ооути: 108].

С материка на корабле привозили на Сахалин продукты и материалы с расчетом на год. Разгружали японские пленные. Надо нести сразу два мешка на спине, поэто-

му надо есть больше, чем обычно. Корабли подходят один за другим, нет передышки. У нас был спецпаек, но нам больше помогало то, что мы находили сами [Ооути: 106].

Военнопленные страдали от голода, но также от стыда — потому что при возможности они присваивали продукты. Гложет стыд от несправедного дела, страх, что охранник поймает, и позор будет очевидным, и ждет наказание, но голод не дает возможности отказаться от заманчивой возможности что-то съесть.

Я пил много воды и делал вид, что иду облегчиться, а сам выносил сахар. Один кусок я бросил незнакомому прохожему. Он мне бросил сигареты. Всех досматривали. Но нас не проверяли. Поэтому мы смогли полный мешок сахара принести в лагерь [Ватанабэ: 280].

Пленный Я. пытался украсть мешок муки. Его арестовали. С. и О. украли консервы. Их судили и посадили. Я. дали 20 лет, а С. и О. по 25 лет тюрьмы. В СССР наказывают похитителей общественной собственности строже, чем убийц [Ооути: 130].

После работы на продуктовом складе в лагере был очень строгий досмотр. Поэтому украденное мы не могли пронести. Мой друг работал на складе, он был физически слабым, поэтому всегда работал там. Мы договаривались, в каком месте он спрячет продукты, а я их оттуда забирал [Ватанабэ: 234].

Как уже было сказано, в ГУЛАГе было ровно наоборот: кража любого лагерного имущества — от пайки хлеба до детали от локомотива — не только не считалась зорной, а была вполне естественной и вызывала только восхищение и зависть. «Так думал я и тогда, так думаю я и сейчас. Такой хозяин, как ГУЛАГ, не имеет права рассчитывать, что его рабы будут блюсти его интересы в ущерб себе» [Разгон: 222].

Попрошайничество. Люди не могли справиться с невыносимым чувством голода и оставляли культурные нормы в прошлой жизни. На грани жизни они позволяли себе переступать правила приличия, если была возможность добыть хоть что-то съестное.

В школьном дворе стоим на августовской жаре
В очереди спросить остатки еды
У советских солдат [Нисимура 2004: 2].¹⁰

Хлеб выдавали по весу и иногда давали как довесок маленький кусочек хлеба. Если просили русских дать немного хлеба, то давали половинку. Я завидовал тем, кому дали, но сам не мог попросить [Ватанабэ: 309].

Во время патрулирования некоторые русские жевали листья капусты, которые брали на кухне для японских солдат. Голодные японские пленные просили у них капусту. Кто-то не обращал внимания, а некоторые порой угощали. Середина октября 1945 г. [Ёсида: 94].

10 В лагерях для интернированных японцев и американцев японского происхождения, организованных в Калифорнии и Техасе в 1942 г. после атаки на Пирл Харбор, в столовых также было принудительное меню. Но людей раздражало не только однообразное меню, но и то, что оно было бесплатным как подачка [Takezava 87]. Лагеря в Калифорнии были намного гуманнее ГУЛАГа, но нахождение в них стало травматичным для многих интернированных и потребовало долгих лет осмысления, общественного движения «Redress», пока правительство США в 1978 г. официально не извинилось за события тех лет.

Хитрости в приеме пищи. Но и ту лагерную еду, что выдавали ежедневно, тоже не все съедали одинаково. Внимательный к поведению соллагерников Моринари Ооути записал разные пищевые привычки, приобретенные в лагере. Один человек любит наблюдать во время еды, как едят соседи. Если в их котелках оставалось больше еды, он останавливался и ждал, пока у него не окажется больше. И когда у него оказывалось больше еды, в этот момент он был счастлив. Другой собирал рис в банке, а потом делал лепешки *мочи* и ел. Третий любил считать рисинки. Кто-то предпочитал варить из риса кашу, в этом случае получалось большее количество. Некоторые пленные начинали еду с супа, а потом не спеша смаковали рис.

Были и другие хитрости. Например, один пленный организует группу. Первый забирает себе из всей выдаваемой еды только рис. Второй — только хлеб. А третий — только суп. Потом они меняются. Это делается для того, чтобы хоть один раз наесться. Кто ел хлеб или рис, могли наесться, а третий только ходил в туалет [Ооути: 75–76].

Один человек не ел хлеб шесть дней и в воскресенье получил сразу семь кусков [Ооути: 96].

Как выясняется, Моринари Ооути иногда и сам мог пересчитать все рисинки и все бобы, которые получал в обед. Видимо, пересчет своей еды, которую еще предстоит съесть, был приятным занятием. *Вечером нам дали 140 рисинок и 108 бобов* [Ооути: 43]. Ивао Питер Сано вспоминал, как *перед едой каждый пересчитывал свои крошки* [Sano: 72]. В блокадном Ленинграде также известны примеры голодной арифметики, когда пересчитывали количество макарон перед тем, как их съесть [Яров: 47].

Есть люди, которые готовы отдать завтрашнюю долю в залог и получить сегодня больше еды. На следующий день они возвращали долг меньшим куском, будто такой они получили. Иногда бывает, что человек, который получил свою долю за залог на три дня вперед, не может его вернуть и прячется.

Мы ели хлеб медленно, так долго как могли. Одни разрезали его на маленькие кусочки, жарили или варили, или съедали половинку и остальное откладывали. Но почти все съедали сразу, если приступаешь к еде, трудно остановиться [Ооути: 86].

Этот комментарий: ели так медленно, как могли — перекликается с множеством подобных описаний в дневниках блокадных ленинградцев. «Медленное поглощение еды — не только от истощения, но и от жгучей потребности продолжить миг наслаждения до бесконечности, в надежде, что это ежеминутное, ломающее все и вся чувство голода отступит» [Яров: 41].

Полуголодным пленным изредка выпадал шанс наесться вдоволь. Эти редкие случаи запомнились надолго.

Все пленные могут съесть очень много, если им только дать столько пищи. Например, один пленный за час съел 3,5 кг черного хлеба и целый котелок овсяной каши [Ооути: 108].

Был человек, который пил чай по три банки после еды. Но если посчитать в целом суп, чай и другую жидкость, получается около литра [Ооути: 119].

Мне дали хлеб. Это мечта всех пленных. Поэтому я не делился с товарищами, а съел сам и наелся. Но невозможно съесть больше определенного количества. Мой желудок не безразмерный. Первая часть показалась очень вкусной. Вторая часть

— не очень вкусная. Третья часть — как земля. Последнюю часть не смог доест [Ватанабэ: 310].

Сахарный завод. Ел и переел. Советский солдат: нам сказали, что если куришь, то можно съесть больше. Это правда. Потом нам сказали, что если пить воду, то можно больше съесть. Это тоже правда. *Никто не мог украсть сахар с этого завода, но мы много украли. Вы похожи на Исикава Гомон. Вы молодец. Я съел 1 сё сахара. Мое лицо онемело* [Ватанабэ: 280].

Сержант Х. поменял звездочку с погон на хлеб. Некоторые охранники хотели иметь маленькую металлическую звезду на погоне. В прежнее время эти звезды были знаками достоинства, а теперь их можно поменять на хлеб [Ооути: 111].

К теме хлеба я еще вернусь в параграфе о дележе хлеба. Но кроме риса и хлеба важным продуктом для всех лагерников в СССР была селедка.

Нам дали селедку вместо зарплаты. Селедка была червивая, но никто не обращал на это внимание, и мы съели все [Ооути: 96].

Голодали не только военнопленные, но и советские люди. Такесуги упоминает офицера Красной армии с погонами старшего лейтенанта, который просит милостыню у военнопленного [Такесуги. Ч. 1: 82]. XX век принес иные войны, победа в которых не означала обогащения населения страны-победительницы, как это было в локальных войнах предыдущих эпох.

Когда советские рабочие узнавали, сколько получают японские военнопленные для пропитания, они с завистью говорили: о, у вас положение лучше, чем у нас! [Като: 80].

Наш пекарь Риюкей и его помощники из-за слабого телосложения и здоровья не могли работать под землей, но трудились весь день у печи с большим удовольствием. Наша пекарня была такой большой, что появилась возможность снабжать вкусным хлебом не только военнопленных японцев и конвоиров, но и русских жителей округи [Ёсида Ю.: сайт].

Местным жителям надолго запомнилось, что ели японцы и как они их угощали. Вот несколько свидетельств местных жителей, записанных спустя полвека.

В Елабуге 1947 год был очень тяжелым. Был голод, а в нашем районе выдался неурожай. Рабочим давали по 400 г хлеба и больше ничего: живи как хочешь. Поэтому народ и крапиву собирал, на луга ходил, дикий лук ел. А военнопленных японцев кормили очень хорошо. Когда я приходил к ним в столовую следить за порядком, видел, что им давали первое (суп), потом второе (капуста, лук, каша). Русской традиции еды японцы не понимали. У нас ведь как: сначала первое жиденькое поешь, а потом второе: мясное или еще что-нибудь. А они это все смешивали в одной чашке и ели [Сафина: сайт «Уроки истории»].

А вот свидетельство Н.Р. Лисицы, работавшего с пленными на «Амурстали».

Японцы работали медленно, с остановкой на обед. Один из них в течение всей смены занимался подготовкой пищи. На территории завода тогда были еще большие заросли деревьев и кустарников. Были и болота. Японцы в них ловили змей, лягушек, кузнечиков, а их повар готовил им эту еду на костре. Приглашали японцы к обеду и русских рабочих. Но, несмотря на то, что те нередко бывали полуголодными, такое угощение никто не решался попробовать [Кузьмина: 33].

3. КРИЗИСНАЯ ЕДА

Под кризисной едой я подразумеваю то, что использовалось в качестве пищи в кризисной ситуации, но что в обычной жизни как еда не рассматривается. Только в экстремальных условиях пищевые отходы, испорченная еда, помои, падаль, неизвестные дикие растения, пища для животных, грязная вода и даже экскременты могут пойти в пищу.

Проблемы с питанием и качеством воды начались почти сразу же после пленения.

Грязная вода. Чистая питьевая вода — условие нормальной жизни. В трудные времена питьевой воды бывает мало, и она на вес золота.

По дороге в Сибирь, устраиваясь на ночлег, мы были озабочены поисками еды, воды и огня. Только река была, по которой плыли многочисленные **гнилые трупы**,¹¹ так что, черпая воду, мы должны были закрывать глаза. Мы не могли сетовать на то, что вода была грязная. Сваренный рис был вкусным, и не имело значения качество самой воды. Начало сентября 1945 г. [Ёсида: 60].

Если сильно наступить на землю ногой, то вытекает **красная вода**, которая вытекает только в тундре. Если место работы далеко от реки, мы пьем эту красную воду [Ооути: 115].

Собирали **горячую воду с трубы**, добавляли соль и пили. А потом **часто ходили отливать**. У нас уже не было сил, и мы часто падали. Трудно было подниматься по лестнице [Ооути: 49].

При скудном питании многие солдаты, пытаясь подавить постоянное чувство голода, добавляли в котелок с супом **снег** [Като: 89].

В ход шел даже **спирт из банок с заспиртованными змеями** [Ооути: 31].

Еда животных. Когда голод настойчиво требовал пищи, то в голову приходили разные идеи, и одна из доступных, видимо, была идея позаимствовать еду у животных, особенно у тяглогового скота, который кормили регулярно.

В конюшне было темно, свет был очень слабый... В углу стояли четыре большие бочки с капустой и наполовину сгнившей картошкой. Мы стали сортировать и набили свои карманы **относительно хорошей гнилью**. Затем мы прошли в маленькую комнату в углу сарая, где ночью спал конюх. В печке горел огонь. Жуя капусту, мы счищали гниль с картошки и бросали ее в огонь. Хорошо, не правда ли? — сказал Ясунага, с видимым удовольствием от капусты. Я никогда не думал, что буду есть нечто подобное, но что нам остается? Я тоже никогда не думал, что буду есть **конский корм**. Но листья капусты и **подгнившая** картошка казались деликатесами для таких пленных, какими мы были [Iwao: 74].

Японские пленные, которые работали с лошадьми, украли **овес и гаолян**. Мы жарили это и ели. Если плохо жарили, у нас бывали запоры. Сотне лошадей тоже не хватало корма. Они, как и мы, голодали. *У меня проблема. Я сижу уже час, и ничего не выходит.* — *От овса не погибнешь. Надо смелее пальцем ковырять* [Ватанабэ: 258].

Как-то пилили дрова для русской казармы, **собака** нашла рыбки кости. Охрана пыталась прогнать собаку, но она съела все. Жаль, я хотел сам съесть [Ооути: 64].

На карте «Ха» мы видим, как двое пленников несут что-то тяжелое в корзине. *И гаолян, и лошадиный корм* — *тоже наша еда* [Уэцухара «Ха» (1)].

11 Выделено автором — Э.-Б. Г.

Лошадей увезли, и это означало, что мы потеряли источник порченных овощей, с помощью которых мы могли облегчить голодные боли [Sano: 33].

Пленные пили **талую воду, приготовленную для лошадей**, подсаливая. Поэтому их лица отекали [Iwao: 76].

Сильные эмоции спустя годы прорывались на страницы скупыми поэтическими образами.

Ем суп и вижу
отражение своих глаз в тарелке.
На дне миски — маленькие мухи [Нисимура 2004 а: 4].

Дикорастущие растения. Японская модель питания существенно отличалась от русской и предполагала разнообразное использование дикорастущих растений. Эта специфика японской кухни, а также крестьянские навыки помогали искать «подножный» корм.

Все вокруг нас казалось едой. Во всей округе, где были японские военнопленные, почти **все сорняки** были **съедены**. Я не знаю, было ли это связано с недостатком витамина С, или мы просто хотели есть все, что было можно. Август 1946 г. [Ёсида: 180].

Наступила весна, как много собрал я диких *гобо* и *аказа* (**лопухов и лебеды**). Время *домой* уже недалеко [Такэути: 157].

Едва на полях появилась первая зелень, питание наше стало более разнообразным. Когда мы выходили на работу, все норовили по дороге сорвать **листья аралии**, выкопать **луковицы лилии**, **корни** различных полезных **растений**... Некоторые сушили их над печкой, другие отваривали, третьи ели сырыми, добавляя соль [Като: 64].

Шен Нунг, божество сельского хозяйства в китайской мифологии, пробовал все растения и оценивал, что съедобное и что ядовитое. Так же вели себя и мы, искали **дикие травы**, которые можно было съесть... [Казуки: 66].

Отравления несъедобными дикорастущими растениями в незнакомой географической зоне были неизбежны. Действительно, отравления с летальным исходом не были редкостью. Так, генерал-лейтенант М.С. Кривенко и Б.З. Кобулов сообщали министру МВД СССР С.Н. Круглову об инцидентах в лагере № 34 Красноярского края: семь случаев отравлений 20–24 апреля 1946 г., в 4-х случаях — смертельный исход из-за употребления ядовитого растения «век ядовитый», которое было обнаружено в карманах японцев. Оставшиеся в живых признались, что это растение они употребляли, предполагая, что это японские овощи «гобо» [Военнопленные: 396].

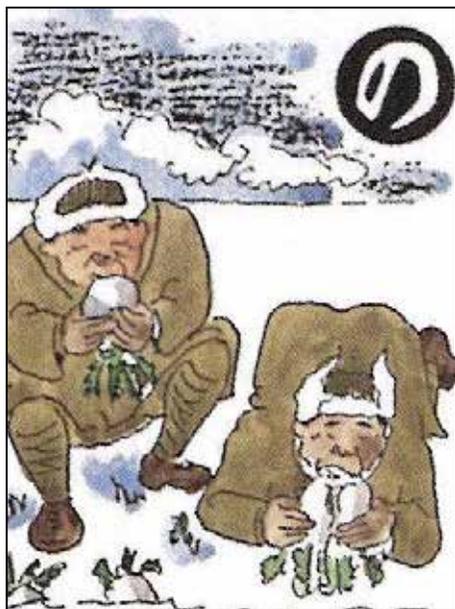
Внезапно японец Нохара Кокичи из моей бригады начал бледнеть и покрываться пятнами. Из рта у него пошла зеленая пена... Долгое время он находился в бессознательном состоянии. Вокруг него суетились военные врачи, японцы и русские... Врачи мучились над диагнозом, потом решили, что это отравление. При осмотре его вещей в кармане нашли небольшой, размером с большой палец, белый корень, по виду напоминавший аралию... Если его съест человек со слабым здоровьем, он может умереть... Позже прошел слух о том, что Нохара умер в больнице в Братске [Като: 57–58].

Охранник предупредил нас, что эти **ягоды ядовиты**. Но раз их едят насекомые, значит и человеку можно. Ну как, вкусно? Если вкусно, то дай мне [Ооути: 100].

Дикие травы были для нас источником витаминов. Чаще всего мы ели **дикий шпинат**. Он давал нам витамины и позволял хоть как-то наполнять желудки. Еще была **дикая ядовитая морковь**. Многие из нас сильно болели от нее. Мы называли ее «безумной морковью». Но, даже сильно рискуя, мы вынуждены охотиться за морковью, чтобы избавиться от вечного чувства голода [Такеда: сайт].

Собирали грибы, похожие на **мухоморы**. Варили в банке с солью, было вкусно. Пленные из лагеря № 28 на р. Вихоревке, собираясь бежать, планировали питаться в дороге тем, что легко можно найти — «много разных корней, **сосновые шишки**, дикий лук, аралию, горный лопух, березовый сок» [Като: 62].

На карте «Но» (1) мы видим, с какой жадностью поглощают голодные люди зелень — прямо с грядки, встав на четвереньки. *Свежими овощами обедаемся в огороде* [Уэцухара «Но» (1)] (рис. 22).

Мы съедали все, что можно было съесть — **траву, корни капусты, полынь горькую и листья кукурузы** [Ватанабэ: 169].

Что вы едите, это съедобно? — Дровесный гриб. Это похоже на резину. На ветке бывает мох, он похож на лапшу. — Наверное, это несъедобно. — Я нашел высушенные грибы. Наверное, съедобно [Ватанабэ: 192].

Мы собирали **орехи**. Вкус орехов напоминает арахис. Если съесть полный карман орехов, сразу начинается запор [Ооути: 103].

Японские пленные собрали все зеленые съедобные горные травы и съели. Советские солдаты строго проверяли, чтобы мы не пронесли в лагерь эту траву, но японские пленные все равно ее как-то пронесли. *Эти травы нам неизвестны. — Но лошади их едят, значит съедобно. Вкусно или невкусно — для меня не проблема. Просто хочу наестся. — Советские солдаты быстро проверяют — нет, нет.*

Охранник: у вас есть трава? — Охранники не знают, что мы прячем траву в дровах [Ватанабэ: 217].

Около асфальтового завода растут **одуванчики**. Мы собрали их и хорошо поели. Сначала сварили в воде, потом оставили на ночь. Вкус их похож на шпинат, но у нас не было соли и поэтому мы ели, как лошади [Ватанабэ: 287].

Когда находили бодяк (татарник) или грибы, сразу съедали. Когда голодный, все можно съесть [Ооути: 96].

В горах нет ничего съедобного. Поэтому мы варили **чернобыль** и **японскую липу**. В котелок положил листья, налил воду и добавил банку из-под сала и каши. Живот пленного всегда пустой и большой, как у ребенка. Мы называли его: живот с дикорастущими травами. Прошло с тех пор столько лет, но, вспоминая об этом, чувствую гнев [Ватанабэ: 233].

Уже осень, тайга густая. И ветер, и дождь сбивают желуди. Мы жарили их, но с вяжущим вкусом не могли ничего поделывать. Мы нашли **желуди в норе полевой мыши**. У желудей из мышиной норки яблочный вкус. *Русский: ёб твою мать, не кушай, японский солдат. — Японец: не могу терпеть голод* [Ватанабэ: 238].

В горах повсюду был хороший урожай. **Виноград, актинидия, грибы, шишки**. Мы готовились к приближающейся зиме. Мы похожи на медведей, готовящихся

к зимовке. *Эй, быстро, ебена мать! Японский солдат: я подумал, что продукты надо прятать под одеждой* [Ватанабэ: 242].

Как-то мы нашли огромный **гриб-призрак** диаметром в 30 см. Мы его сварили целиком в котелке и поделили. Получилось два блюда у обоих, хотя приправа только соль. Но для нас это превосходное лакомство [Хисанага: 44].

Пищевые отходы. Русский повар выбросил **остатки каши** в снег. Пока охрана не смотрит на меня, быстро подберу. Замороженную кучу спрятал под одеждой. Когда вернулся в барак, растопил и съел. Как вкусно [Ооути: 65].

Мы нашли рыбью голову. Можно вкусно поесть с солью. *Вкуснее сашими. Дай еще один кусок. Не могу. Где ты нашел? Около работы. Там есть столовая, иногда выбрасывают рыбы головы* [Ооути: 71].

Обнаружили **картофельную кожуру**. Она была замороженная, во льду. Лед разбили ботинками и кожуру спрятали в карман. Если это не яд, все равно съедим [Ооути: 65].

Рядом с дорогой мы нашли **соевый жмых** и **рассаду**. Наелись. Эти продукты советские люди украли и спрятали [Ватанабэ: 273].

Стыдно вспоминать это, но японские пленные кидались к любимым **остаткам овощей или рыбы, говяжьих или свиных костей, брошенных** по краям дороги. Сейчас трудно представить, как мы это делали. Это действительно опустошающий опыт. Несмотря на то, что мы все знали, что советские солдаты смеются издали над нами, подобрав что хотели, мы всячески гордились этим перед остальными. Как стыдно! Это было более чем унижительно. Январь 1946 г. [Ёсида: 124].

Около стройки было картофельное поле. Мы нашли **мерзлый картофель**. Мы пилили кожуру и пекли картошку, она похожа на клецки [Ватанабэ: 311].

Падаль. Советский офицер застрелил **собаку**, которая забрела в лагерь, и приказал ее закопать. Ночью мы ее раскопали, принесли в наш барак и сварили. Для вкуса могли добавить только соль, но очень вкусно. Нас увидел охранник. Кажется, он тоже хотел есть, но мы ему не предложили. Наверное, из-за этого он донес, и следователь из чужого поселка арестовал Накамуру и посадил его в бомбоубежище. В нашем бараке провели дезинфекцию [Ватанабэ: 315].

От нехватки корма лошади околевали. Наша кража овса этому способствовала, но нам тоже не хватало еды. **Павших лошадей** бросали там же, в снежном поле. Как-то мы топором разделали туши лошадей и принесли в лагерь, **как грифы**. Охранники видели нас, но мы скрывали, чем занимаемся. Позже у некоторых появилась аллергическая сыпь, крапивница, но мы смогли скрыть причину [Ватанабэ: 259].

Кто-то нашел **околевшую лошадь**, принес это мясо и спросил: кто-нибудь хочет поменять 3 кг мяса и 100 иен на часы? [Ооути: 55].

Мадам из магазина держит одну свинью, которая принесла 13 поросят. Поросята съели все наши желуды, поэтому мы их невзлюбили. Несколько поросят **околели**, их тушки замерзли. Один японский пленный утащил 5 или 6 тушек. Мы сварили **целого поросенка**, и кажется, что самая вкусная часть — голова. Я думаю, что тогдашний наш менталитет был как у собаки [Ватанабэ: 260].

Бригада по уборке города нашла в снеге **свинью**. Непонятно, кто хозяин. В этот вечер мы наелись [Ооути: 115].

Живность. Как и во многих лагерях, военнопленные съедали всю живность вокруг. Местные жители до сих пор помнят, как японцы ели то, что не приходило в голову им, например, «выловят всех **лягушек**. А потом на костре этих гадов пожарят и нас еще зелеными лапками угощают» [Сажнева: сайт].

При строительстве на дороге мы нашли **змею** — восточный щитомордник. Она уползла под дерево, один ее отбил рукой и змея ужалила его в большой палец. Мы перевязали ему палец. И когда снова копали землю, нам попалось шесть змей. Нас, людей, 13, по змее на двоих. Мы кричали от страха и одновременно снимали кожу, а наш товарищ сказал: если я даже умру от яда, все равно съешьте змей. И сам тоже быстро съел не до конца прожаренную змею. В Японии он был шахтером, великолепный человек. Вместе с советским солдатом он вернулся в лагерь, врач осмотрела его, и он неделю отдыхал. Но 2–3 дня в глазах у него туманилось [Ватанабэ: 244].

Одним холодным днем японские солдаты обнаружили **летягу** и попросили советского солдата подстрелить. Все шумно гоняли ее. Я сказал моему товарищу Хатакияма: перестань гоняться за летягой. Пусть будет, как будет. Летяга прилетела ко мне на руки. Хатакияма сказал: Вы как бог. И дал мне одну ногу летяги. Вкус похож на конину [Ватанабэ: 251].

Разгрузка вагона рыбы. *В мешок положим. Что за рыба? Ой, соленая.* В полночь на вокзале Ворошилова разгружаем вагон рыбы. В темноте мы ели **сырую рыбу**. Это была скумбрия. Нам разрешили по одной рыбе взять домой. Женщина из охраны нам не верила и не пускала домой. Мы ей дали 5–6 рыбин и после этого пошли домой [Ватанабэ: 285].

В других воспоминаниях упоминается, что шли в пищу также крысы, лягушки, змеи, кошки и собаки [Igarashi 2005: 110].

Надо отметить, что ситуация у заключенных ГУЛАГа была иная. Их не выпускали на работы за территорию лагеря без конвоя — они не могли заработать или попросить что-то у местного населения. Кроме пайки не было ничего. Конечно, съели бы и летягу, если бы она попала к ним в руки. Как известно, В. Шаламов «справедливо упрекнул» А. Солженицына после публикации «Одного дня Ивана Денисовича»: «И что еще за больничный кот ходит у вас там? Почему его до сих пор не зарезали и не съели?» [Архипелаг ГУЛаг, Ч. III: 200]. Вокруг лагерей ГУЛАГа обычно никакой бесхозной живности не водилось. Воры могли сварить и кошку, и пса. В рассказе «Выходной день» В. Шаламов описывает, как блатные в его бараке угостили священника оставшейся после ужина «не баранинкой, а псинкой» [Шаламов: 105].

У грани человеческого. Нечеловеческая еда была близка к экскрементам.

Сибирские лошади маленькие, но обладают большой силой и хитрые. Их мерзлый навоз очень похож на картошку. Сибирская картошка мелкая и цвета «конских яблок». Голодным пленным все время видится, что навоз — это картошка. *Мороз. Картошку сварили, а оказалось навоз* [Сато: 27].

Трагикомичные казусы описывались в японской мемуаристике не раз, вот две истории.

Мы возвращались после дневной нормы. Уже стемнело. Земля была покрыта тонким слоем наледи. Наша группа маршировала строем через ворота по пять человек в ряд. Я увидел, как нескольких человек быстро наклонились к земле. Шагающий рядом со мной сказал: смотри, мороженная картошка на земле. Должно быть, упала из кузова машины, что привозила продовольствие в лагерь. Я подхватил два — три замороженных темных комка и, не теряя шага, вместе со всеми подошел к баракам.

Мы, как пришли, ринулись к печке, работающей на угле, с металлическим листом в два кубических фута площадью сверху. Люди собирались вокруг, пытались высушить свою мокрую обувь, носки и перчатки. Некоторые грели воду во фляж-

ках, в это время несколько счастливиц готовили подобранный вечером картофель. Я тоже поместил свои драгоценные холодные темные комочки на горячий лист и смотрел, как они готовятся. Как только печной огонь растопил их, мои «картошки» стали проявлять свой настоящий цвет. Ошибки быть не могло: это был конский навоз [Iwao: 75].

Этот же сюжет нарисовал Уэцухара на карте «Хи» (1): нашел на дороге картошку, а оказалось, что это лошадиный помет. Как правило, мемуарный текст о нечистотах спустя годы несет оттенок самоиронии.

В лагере было принято: днем тайком подбирать продукты (замерзшую картошку, просыпанную крупу на улице и т.п.) и варить в своей кастрюле перед ужином, которым мы никогда не наедались. После работы стали тушить мерзлую картошку, которую нашли во время работы на улице. Когда кастрюли нагрелись, всем сразу стало понятно, что кто-то тушит навоз вместо картошки. Так как на улице было темно, их часто путали.

И вот один японец поставил свою кастрюлю, наполненную кашей с несколькими картофелинами... Когда всем стало ясно, что у него в кастрюле варится не каша, он пошел на улицу выкинуть. Но он был до того голодный, что не мог выкинуть картошку, варенную в говне. Жалко выкидывать еду. Он сделал вид, будто выкинул все. Но потом оказалось, что он подобрал картошку, хорошо ее промыл и съел, еще пахнущую говном.

Все смеялись над ним: то он вонючий, то он жадный. Но все, в том числе автор, знали, что на его месте они сделали бы точно так [Miura: 153–159].

Приведенный отрывок отсылает нас к роману В. Сорокина «Норма», в котором развивается метафора говна как идеологии КПСС, и мы видим, как в романе безропотные советские люди потребляли ежедневную норму, приспособив специфический ингредиент к своему ежедневному рациону.

Примерно этого добивались руководители страны, использовавшие голод как мощное оружие власти — вытеснить человека за пределы культурной нормы человеческого сообщества и тогда его будет легко использовать на тяжелых работах.

Канибализм. Люди, поставленные в нечеловеческие условия, вынужденные выполнять нечеловеческую работу, жестоким образом проходили экзамен на человечность. Им невероятно трудно приходилось жить и работать с постоянным чувством голода. Как признавался Ё. Уэцухара, *потерявшему чувство стыда и забывшему о репутации кажется, что женская плоть выглядит как мясо* [Уэцухара: «Ха» (2)] (рис. 23).

Некоторые не смогли пройти испытания голодом достойно. Профессор К. Като, предельно откровенно описавший нижеследующий эпизод и чувства, которые он вызвал, отказался от него во втором издании своей книги на японском языке.

Антонов дернулся и резко спросил: разве японцы едят мясо своих соотечественников? Удивленный лейтенант Йосимура быстро ответил: не шутите так, они, видимо, живы <...>

Это было ужасное зрелище! У одного убитого оказалась обожженной вся левая половина, у другого — часть головы. Эти двое были в одежде. Третий, без следов ожогов, лежал с разможженным затылком — здесь, видно, не обошлось без топора. В верхней части его ног кожа была аккуратно снята, а мясо срезано каким-то острым предметом. Куски этого мяса были разложены тут же на палатке. По размеру и толщине они, грубо говоря, напоминали бифштекс. Часть мяса лежала в котелке. По своему красно-черному цвету оно напоминало конину. Стало ясно, что мясо срезано с трупа Танно. Увидев все это, я, наконец, понял, о чем говорил капитан Антонов два часа назад. Мне показалось, что я нахожусь в аду. Было ужасно стыдно, что я живу в этом мире и на этой земле...

Командир взвода конвоиров рассказал нам о том, что же все-таки произошло <...> У костра сидели только двое... Оказалось, что третий лежит в луже крови. А куски его мяса лежат рядом на тенте. Командир конвоя понял, что эти двое убили своего товарища, чтобы съесть... Для Намикава и Миано Танно был коровой или ягненок...

Ни с чем по жестокости нельзя сравнить людоедство [Като: 30].

Кариуки Сейдзи также признавался, что ему доводилось есть человеческое мясо в лагере в Приморском крае [Igarashi 2005: 111]

Случаи каннибализма встречались в истории русской каторги и ГУЛАГа: «корова» как «человек, предназначенный на съедение» [Росси: 118] во время побега, встречается в русской литературе. Описывает случаи каннибализма Е. Гинзбург [Гинзбург: 422], В. Шаламов упоминал лейтенанта Свечникова, уличенного в том, что он «ел мясо человеческих трупов из морга, вырубив куски человечины», «не жирной, конечно», как он совершенно спокойно объяснял [Шаламов: 110].

В немецких лагерях военнопленные бойцы Красной армии также оказывались за этой чертой, только в Бобруйском шталаге за каннибализм было расстреляно 28 человек [Полян 2002: 228]. Зафиксированы аналогичные случаи и в японской армии на Тихом океане. Бывший японский участник одной из операций на Тихом океане вспоминал: Я слышал выражение *белая свинина* и *черная свинина*. Это мясо американца и мясо австралийца. Так на о. Гвадалканал срезали мясо с ягодиц и верхней части ног и варили в котелках [Д/ф «Ад в Тихом океане». Продюссер Джонатан Льюис].

Девياции в человеческом поведении оказались возможными среди разных этнических групп, но эти примеры исключительны, и подавляющая часть пленников не могла ни понять, ни принять самого явного нарушения человеческой морали.

Что касается лагерного опыта подавляющего большинства японских военнопленных, то, как мы видим, можно было нечеловечески голодать, питаться кормом для животных, но оставаться и остаться человеком.

Глава 4. Стратегии выживания

Варлам Шаламов был уверен, что лагерь — это не ад, это слепок человеческого общества. Ему вторил Виктор Франкл, утверждая, что концлагерь был не чем иным, как микрокосмическим отражением мира людей вообще. А в любом обществе жизнь, прежде всего, — борьба за доступ к ресурсам, первым символом которых является пища. Хроническое недоедание приводило к болезням: пеллагре, цинге, куриной слепоте, слабости. Возможность

получить еды немного больше — так называемый дополнительный паек — воздействовала на заключенного сильнее, чем побои или дисциплинарные взыскания. Чтобы получить этот паек, люди боролись за привилегированную работу, что было залогом выживания во всех лагерях. Это работы, не требующие особых физических затрат, например, работа нормировщика, писаря, учетчика. О премиальной пайке за тяжелый физический труд здесь речь не идет.

Что же можно было сделать для улучшения питания? Для дополнительного пайка требовались высокие производственные показатели или особые навыки — профессия врача, опыт фельдшера, умение рисовать или активная общественная работа — стать пропагандистом идей марксизма–ленинизма, участвовать в художественной самодеятельности. Эту лагерную элиту и нарисовал К. Сато, назвав работу «Те, кто выжил» (рис. 24). Среди них Сато перечисляет: врач, переводчик, конторские служащие, повар, артисты и музыканты, активисты и художники-портретисты [Сато: сайт].

Вглядитесь в их лица: в центре — агитатор, врач, артист, передовик, художник и на втором плане хористы. Агитатор с решительным лицом, готовый к разоблачению любого, держит в правой руке красное знамя. Художник с палитрой в руках

также изображен с застывшим взглядом — он давно пишет просталинские транспаранты. Его палитра — красного цвета, как будто он использует только этот любимый коммунистами цвет. Тюбик с краской лежит на палитре словно маленький кусочек черного хлеба с маслом на лакированном подносе. Художника за плечи обнимает травести в женской одежде — с дежурной полуулыбкой на накрашенных губах. Рядом другой артист — в костюме клоуна, маска которого не просто скрывает настоящее лицо, но и имеет нарочито испуганный вид, что дополняют и демонстративно поднятые руки. Опустил свой взгляд лесоруб. Он одет теплее других, единственный из всех надел варежки, ведь работает все время на морозе, в руках пила и топор (который хоть и блестит, но в его руках совсем не похож на оружие), ушанка подвязана под подбородком: сибирский мороз — не шутка. За ним возвышается краснолицый повар, взгляд которого увереннее, чем у многих. Наконец во втором ряду стоят в ряд врач в пенсне и музыканты. Не видны глаза врача — одно стекло бликует, другое стекло не прозрачно, он слишком много знает о статистике смертности, потому что сам вскрывает и зашивает все трупы в лагере, вот и не стремится в первые ряды. Не видны глаза музыкантов, один из которых держит вполне знакомую японцам флейту, а второй — баян, инструмент, на котором его обучили играть в России. У самых задних хористов как будто глаз и вовсе нет: есть рот, чтобы петь или подпевать, и они широко раскрывают свои рты, а остальные части их лиц не прорисованы, поскольку для художника было важно отразить не портреты людей, а их функцию. Люди в последнем ряду очень похожи один на другого, как бы повторяют друг друга. За этим приемом художника открывается степень деперсонализации узников лагеря.

Известно, что взгляд — категория статусная, иерархическая, «смотрение» было привилегией статусно доминирующего мужчины [Кон: 358]. Право смотреть на другого — социальная привилегия старшего по отношению к младшему. И кто же смотрит в глаза зрителю? Повар, уверенный в своем завтраке, смотрит в сторону, он дорожит своим местом и ведет себя по-лагерному осторожно. Член демократического комитета тоже смотрит куда-то в сторону. В глаза зрителю смотрит травести, прячущийся за женской одеждой и женской маской, у которого своего лица как бы нет, а с женщины и нет спроса, как нет спроса с того, кто спрятался за маской Пьеро, певца печали в европейской культуре — смотрят прямо в лицо зрителю те, кто прячет свои лица за масками.

Вслед за Сато показывает свои лагерные типажи Кинси Такэути [Такэути: 71]. Справа мы видим работников кухни, хорошо упитанных и крепко стоящих на ногах, слева — кадры для общих работ, худых и понурых людей в залатанной одежде. Посередине немецкий военнопленный, которому, видимо, труднее всего. Его взгляд обращен на худых, они ему ближе.

1. СМЕКАЛКА И ПЛАНЫ ПОБЕГА

Хитрость названа А.И. Солженицыным необходимой частью лагерной жизни. По «Одному дню Ивана Денисовича» мы видим, как он должен все время рассчитывать, что важно сделать и в какой момент, что кому сказать, когда что прятать и где. Чтобы хоть в какой-то мере защитить свои интересы, надо все время быть начеку, нет ли опасности вокруг. Это свойство — быстро реагировать на изменение ситуации в своих интересах можно называть по-разному — хитростью или смекал-

кой. Но в сложных условиях, когда ты один должен противостоять всему миру, ты мобилизован и натянут как струна. Только от тебя зависит выжить в этом лагерном ужасе; в самой голодной ситуации приходится прибегать и к воровству.

Однако инициативность и смекалка стали чем-то новым для бывших японских солдат, которые были приучены к такому армейскому порядку, при котором солдат опутан целым ворохом инструкций на разные случаи жизни. В итоге он оказывался не способным принимать самостоятельные решения, ведь повиновение выдавалось за главное мужское достоинство [Мещеряков 2012: 366]. Но в лагерных условиях, когда все приказы сверху были направлены во благо СССР, а не во благо императора, инстинкт жизни брал свое, пленные прибегали к смекалке и военной хитрости. Одним из главных был соблазн побега. Хотя советские чиновники хорошо понимали, что везут японских пленных надолго, они при этом не пресекали слухи о скором возвращении японцев. Это делалось для того, чтобы военнопленные не убежали [Като: 55]. Весной 1946 г. Кюзо Като случайно услышал разговор.

Трое пленных тихо шептались... Я думаю, нам надо бежать. Может все-таки рискнуть? Я немного знаю китайский язык. Если мы пойдем на юг, мы можем выйти к Маньчжурии. Если же мы выйдем к Амуру, то и тут нет проблем, мы попросим китайцев перевезти нас на лодке, а там уже будет полный порядок... В то время многие подумывали о побеге, но я никогда не слышал, чтобы кто-то убежал и это хорошо кончилось. Беглецов ловили и иногда расстреливали. Таких примеров было сколько угодно [Като: 62].

Так размышляли и многие авторы воспоминаний. Они все время озабочены тем, как скрыть свое прошлое, например, что ты был полицейским, а не военным. Как раздобыть съестное? Каким маршрутом бежать и с кем? И главный вопрос — стоит ли? Вот краткая хроника подготовки одного побега.

Слышали, что солдат Тезука бежал, и мы обсуждаем, как бежать. Начертили план побега, думали-думали и поняли, что бежать трудно [Ватанабэ: 66].

Мы видим, как трое единомышленников обсуждают план побега ночью, когда спят соседи. Далее Ватанабэ показывает четыре разных плана побега [Ватанабэ: 76].

Из пяти полицейских один отказался бежать. И мы ломали голову, как бежать без него [Ватанабэ: 77]. Наконец, друзья вытащили гвоздь из забора, но помешала случайность — пришел русский солдат и уже 11. Поэтому приходится откладывать. Сегодня уже все. Хорошо подготовимся и будем скрывать не только от русских, но и от других японцев [Ватанабэ: 78].

Однако и в тот раз от побега отказались. Со временем стало ясно, что бежать надо было, пока еще были на Сахалине. Но прошло время, и уже другие пленные решились на побег и делятся своим замыслом с Ватанабэ.

Наш отряд — отчаянные. Мне кажется, что они что-то замышляют. Мне рассказали план побега. Я в нем главный. В подвале мне показали снаряжение для побега. Я удивился. Мои товарищи — шофер, капитан, летчик и строитель. Я им сказал, что план придумать легко, но надо хорошо подумать по существу. План: Хоккайдо, Владивосток, Находка, Раздольное. Топор, компас, мешок с мукой, напильник. План на восток, по берегу на север. Снова на восток. Если есть аэродром, угоним самолет. В октябре ветер будет с запада. Наш корабль будет в Хоккайдо [Ватанабэ: 219].

Вчера вечером мне рассказали план побега. Я не мог решиться. Я спросил совета у Ясуда-сана, самого толкового человека. Он подумал и сказал, что у него есть

жена и дети. Я был разочарован этим ответом. Конечно, все так. Этим вечером я сказал молодым солдатам, что не надо рисковать жизнью. *Молодые солдаты говорят, если я буду главным, они решатся на побег. Как Вы рассматриваете такой план? — Я хочу с вами, конечно, но и у меня жена и дети* [Ватанабэ: 221].

В горах много грибов, винограда и актинидии. Наверное, поэтому они хотели бежать. Мои товарищи Накамото и Нииока несколько дней назад стали обдумывать план побега. И Накамото убежал. На месте работы была паника. Приехали советские офицеры из лагеря. Охрана преследовала беглецов, слышались выстрелы. Нас заставили сидеть на горе три часа, пока не стемнело. Было холодно. В лагерь возвращались бегом. Спрашиваем у Нииока: Вы знали? — *Мне сказали: бежим вместе. Но мне было страшно* [Ватанабэ: 248].

На следующий день после побега мы не работали. После обеда всех собрали. Накамото вернули. Он прошел 4–5 км, там сварил грибы и заснул. А собаки нашли его. Мне кажется, что побег отсюда невозможен. Мне повезло, что я легкомысленно не бежал [Ватанабэ: 249].

Бежали из плена и соратники Я. Казуки.

Когда поезд выехал из Мукдена, вагон был с решеткой. Пленных везли как селедку в бочке. Поезд едет, мы не знаем куда. Он останавливается, и тогда мы обедаем и отправляемся под контролем солдат. Сколько раз мы думали о том, можно ли сбежать, а потом дойти до Кореи. Нет, это невозможно. Местные на нас нападут, или мы сами погибнем от голода и усталости. Но, несмотря на все это, иногда мы слышим, что кто-то бежал. Об этом мы догадываемся по выстрелам и крикам [Казуки: 52].

Только из лагерей Хабаровского края в период с 1 января по 10 июля 1946 г. бежало 152 японца, и 15 из них не были разысканы [Кузьмина: 62]. Как правило, беглецов преследовали и находили, а часто пленные погибали при попытках к бегству. Бывало и наоборот: 7.12.1945 г. вахтер Якимов из лагерного отделения № 7 лагеря № 20 преследовал трех сбежавших японцев, которые убили его прикладами [ОСФ ИЦ УВД ХК. Ф. 11. Оп. 3. Д. 5. Л. 62. цит. по: Кузьмина: 63]. Арестовывали и беглецов, и тех, кто им помогал: *два беглеца, четыре арестованных* [Уэцухара «То» (2)].

2. ЧЕРНЫЙ РЫНОК

Черный рынок возникал стихийно как порождение человеческих потребностей и возможностей и играл в экономике лагеря важную роль, несмотря на строгие запреты. Свой черный рынок существовал и в ГУЛАГе, и в лагерях ГУПВИ. Как констатировал Ё. Уэцухара на карте «Хо» (1): если что-то нужно, выменяй это у кого-нибудь, а саму карту подписал: *приобретают необходимые вещи через «менять»*.

Мелкие бытовые вещи и одежду можно менять на хлеб и махорку. Цена всегда разная и зависит от вещей, от человека и времени. Официально обмен запрещен, но многие этим активно занимаются. Все было можно, если охрана не видит [Ооути: 71].

Иногда мы надевали под пальто куртку или оборачивали тело брюками, чтобы что-то вынести из лагеря и обменять. Но если конвой находил, то отбирал. Охотнее всего люди меняли японские фуросики. Маленький карандаш можно поменять на хлеб [Ооути: 72].

Среди пленных находились прирожденные торговцы. Ё. Уэцухара замечает об одном таком: *не зная языка, торгуется лучше, чем переводчик* [Уэцухара «Ва» (2)].

Продавали хлеб, который приносили в лагерь, обменивая вещи. Один кусок черного хлеба стоил 15 иен, белого — 20. Говорили, что хлеб пекли на лагерной кухне. Есть люди, у кого были вещи для обмена, но заниматься их продажей они не могли. Появились перекупщики, которые покупали вещи у таких людей [Ооути: 83].

Мало было найти нужную вещь, надо было также и договориться о цене. Для этого нужно было и рассказать о достоинстве своего товара

На базаре продавали почти всё понемногу — игрушки, конфеты, сладости, одежду, орехи, картошку, хлеб, грибы. В то время 3 кг черного хлеба стоили 60 руб. [Ооути: 121].

Раз в неделю нам выдавали сахар в размере маленькой ложки. Я менял сахар на сигареты или хлеб [Сато: 25].

В магазине за горой я подарил мыло продавщице. Взамен получил поваренную соль. Эту соль я занес в лагерь в шапке. Одного куска мыла хватило на 6 месяцев, мы ели вкусную соленую еду [Ватанабэ: 235].

Рыба нужна? Мальчик ест семечки, женщина сушит грибы. — Здравствуйте, ботинки нужны? — Очень хорошие, 30 рублей. — 20 рублей и кило картошки. Все радуются. Туда — соленая рыба, обратно — картошка [Такэути: 194–196].

3. ВЕРА, МОЛИТВА

Религиозные чувства также помогали пленникам выживать. В самых трудных ситуациях, когда нависала опасность, когда в душе было пусто, особенно после гибели товарищей, многие пленники прибегали к молитве.

Одна из программных работ Сибирской серии Ясуо Казуки называется «Огни кармы». В соответствии с буддийским мироощущением он воспринимает страдания пленных в СССР как очищающий огонь кармы. Таким образом, автор признает бесчинства солдат Квантунской армии над мирным местным населением Маньчжурии. Буддийские молитвы смягчали страдания в драматических ситуациях.

Вдруг я испугался. Мой взор столкнулся с мертвым деревом. На нем висело тело моего уставшего жить соратника. Я молча помолился за него и за его душу, чтобы она вернулась быстрее к матери, на родину [Хисанага: 70].

Упоминает буддийские практики и Ё. Уэцухара. На карте «У» пленные «хором поют буддийскую молитву—сутру Ханья сингё» [Уэцухара «У» (1)].

Много наших товарищей погибли от голода, замерзли в холода. Я видел в небе полет их душ на восток, по направлению к Японии. Я молился всем синтоистским богам, испрашивая спасения от этого ада, но все было напрасно. Конец января 1946 г. [Ёсида: 140].

Если есть Бог, я в него поверю, пожалуй, если меня отправят на последнем судне [Ватанабэ: 337].

Находка. Чудо. 26 октября. Уже 6-й день в Находке. До сих пор все было в порядке. Я шел в третий лагерь и остановился отдохнуть на пляже. Здесь я услышал удивительный рассказ одного пленного, что сидел рядом со мной, фамилия которого тоже была Ватанабэ. Его допрашивали вместо меня. Я вздрогнул. Если никого не будет рядом, на пляже в Находке я помолюсь. Через 10 часов я могу *домой*. Красное солнце поздравляет меня. *Ватанабэ-сан, меня допрашивал следователь в больнице. Полдня допытывался, не полицейский ли я. Но я — продавец лыж в г. Асакихава. Я плакал полдня без перерыва.* Было опасно. Мое имя было Ёсио Ватанабэ. Сложные иероглифы [Ватанабэ: 347].

Важным фактором выживания был настрой человека, помогавший узнику бороться с апатией и возбуждением, которые возникали от длительного недоедания и недосыпания. Если узник мог настроить себя на сочувствие товарищу, на помощь ослабленному или больному, это способствовало его выживанию. Таким образом, он втягивался в сеть дружеских контактов, которая поддерживала потом его самого.

4. ЯПОНИЯ ЗА ПАЗУХОЙ

Японские элементы в быту неизбежно проявлялись в повседневной лагерной жизни. Тот японский колорит, который воспроизводился за колючей проволокой, пленные пронесли в Сибирь в своей душе, в своих руках. Даже когда состав из 50 вагонов двинулся на запад, Нобуо Киути шутит, обращаясь к образам театра Кабуки: «Уж не девушка ли О-Кару едет в том паланкине?».

В сознании советских людей существовали самые распространенные стереотипы о Японии, во многом благодаря торговым контактам, а также русско-японской войне 1905 г.

Микадо, гейша, Фудзияма, дзюдо, харакири. Славяне знают эти слова. Но когда дошло до сумо, оказалось, что никто хорошо не разбирается в правилах. Даже проиграв, говорили «спасибо» [Киути: сайт].

Несколько раз в году агитбригада дает спектакли. Они поют японские песни, танцуют японские танцы и исполняют японские спектакли. Зрители, глядя на них, забывают о норме, голоде и о пленном статусе. Но ничего не сделаешь. После того, как эти веселые выступления заканчиваются, вдруг, как туча, наплывает чувство тоски по родине. Этой ночью, как обычно, во сне видел старую мать, жену и детей. Когда проснулся в темноте и увидел прямо над собой потолок, закричал в сердцах: хочу вернуться [Хисанага: 58].

Довоенную жизнь, свободную и сытую, можно было почувствовать частично во время спектакля, особенно на сцене, ну и, разумеется, во сне. Известно, что человеку часто снится то, что он подсознательно желает. Поэтому многие видели во сне родной дом, мать,¹² жену и детей и, конечно, обилие еды. Вот и Ё. Уэцухара изображает сон пленного: *Встреча с женой и ребенком во сне* [Уэцухара «Цу» (1)].

Человек принадлежал себе только во сне. Эти часы были особенно счастливыми, если в ночных видениях являлись родной дом, жена, дети [Такасуги. Ч. 4: 120].

После обеда задремал. Снилось родня. Когда дремлешь — как будто ты в раю. И вдруг крик: пора на работу. Снова возвращаюсь в реальную жизнь, то есть в ад [Ооути: 70].

Во сне чувствуешь себя человеком. Каждый вечер с интересом ложусь спать, и мне часто снится, что хожу в гости к родственникам и ем много разной снеди [Ооути: 84].

12 Японские матери также видели во сне сыновей. Нобору Накамура пришел во сне к матери, одетый в гражданскую одежду, которую мать сшила ему перед уходом на фронт. Утром 10 марта 1946 г. она сказала родным, что во сне он появился и ушел за буддийский алтарь, должно быть, его больше нет в живых. Через 60 лет родные получили медицинскую карту военнопленного Накамура, дата смерти подтвердилась. ПМА. Интервью с Т. Накамура. Саппоро. 2015.9.9.

Иногда воспоминания содержат сны, в которых уже обосновались охранники. Это пленные, как позже И. Бродский, впустили «в свой сон вороненый зрачок конвоя».

Во сне иногда неожиданно появляются охранники. Люди не доверяли друг другу, иногда ненависть возникала из-за мелочей. Вообще не было человеческих правил. Очень скучал по дружбе, вспоминались друзья-однокурсники. Особенно грустно, когда среди ночи нужно в туалет, просыпаешься и обнаруживаешь, что ты в лагере, а не во сне [Ооути: 141].

Япон, дзюдо. Вообще-то, это сумо, но советский офицер сказал — дзюдо. Сильно не старайся, проголодаешься [Такэути: 81].

На одном из архивных рисунков мы видим, какое удовольствие получают пленные во время любительского спектакля на тему из самурайской жизни. Самурай с голой грудью под распахнутым кимоно стоит с обнаженным мечом в левой руке и кинжалом в правой руке [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 52]. В лагерях пленные ставили спектакли по японским мотивам, например, сказку о воробье «Сита-кири-судзумэ», сцены из романа Коё Одзаки «Конзики-яся».

Когда шел затяжной дождь, особенно в вечернее время, пленные могли отдыхать. В это время популярностью пользовались люди, умевшие занимательно пересказывать по памяти литературные произведения. В ГУЛАГе это называлось «тискать романы». Люди, умевшие рассказывать как Шахерезада, пользовались особыми привилегиями, они были под патронажем криминальных лидеров, поэтому получали дополнительную еду, их не могли обижать другие заключенные. В сообществе японских пленников, видимо, все ограничивалось символическим капиталом — уважением окружающих. На рисунке К. Такэути видно, как большой барак буквально застыл, став благодарной аудиторией:

У Каджиро Сасаки меч длинный как шест для сушки. Именно Каджиро поднимает свой меч... (Миямото Мусаши). — Это самый хороший момент [Такэути: 116].

Разыгрывали представления и сами пленные, иногда не на сцене, а для себя и узкого круга случайных зрителей. На другом рисунке К. Такэути пленные на поле собирают подсолнух, одновременно разыгрывая сценки: один солдат как самурай мечом рубит подсолнух. Его товарищ справа предупреждает: внимание, начальник идет — останови спектакль [Такэути: 114].

На Новый год не было никаких революционных спектаклей. Играли «Конзики-яся», пели японскую песню «Токийская рапсодия». Комитет выделил игральные кости и доску для го как приз [Ооути: 141].

Впервые за много лет я услышал старинную японскую песню. Мы давно поем только революционные или советские песни. Кто-то тихо пел в поле. Когда я подошел, он перестал петь. Наверное, боялся, что его может услышать кто-то из актива [Ооути: 162].

На рисунке Такэути мы также видим, как пленники показывают свои достижения в разных областях, почти как на лагерной «ВДНХ», создавая важные для них образы: один — японский миниатюрный сад с Фудзи-сан в центре, другой вылепил портрет японской медсестры [Такэути: 79].

Надо отметить, что в ГУПВИ все было организовано, как и в ГУЛАГе — и концерты по праздникам, и стенные газеты, и политинформации. Но в ГУЛАГе работу

мастеровых — резьбу по дереву, вышивание и проч. — присваивали начальники, и до выставок дело не доходило. Пленники в свободное время жили так, как привыкли до службы в армии, — японская традиция проявлялась всюду, где можно было отвлечься от лагерной жизни. Они исполняли новогодние ритуалы, играли в свои игры, изготавливали из глины подобие рисовых лепешек «мочи» и видели в случайном рисунке пепла карту Японии. Некоторые ритуалы вначале держали конвоиров в напряжении.

1 января 1946 г. Давно не было выходного дня. Конечно, мы были голодными, но собрались во дворе и встали в ряд. Мы прочли солдатскую присягу по пяти пунктам, молились за спокойствие императорского дворца и желали своим семьям благополучия. Но советская администрация решила, что японские солдаты с кличем «банзай» пойдут в атаку как камикадзе или сделают харакири. Поэтому на горе установили пулемет, и охрана приняла боевой порядок [Ватанабэ: 202].

Наши тела постепенно окрепли. Рабочая норма не очень строгая. Мы, конечно, не ели вдоволь, но особенно не голодали. В горах много съедобных трав, мы сделали карточки для игры «100 стихов — 100 поэтов» и играли в мажонг. Карточки и игральные кости сделали вручную, без оборудования; советские люди удивлялись [Ватанабэ: 246].

1 января 1947 г. Мы ели рисовую кашу впервые за долгий период. Мы собирали рис целый месяц, и из-за этого японские повара имели проблемы с администрацией. Но, к сожалению, это количество насыщает только на 40%. В парикмахерской мы побрились. Поклонились на дом императора и на родину. Первого января в этом году на горе нет пулемета, как в прошлом году. Солдаты тоже живут в обычном режиме [Ватанабэ: 257].

1 января 1948 г. Синтоистский алтарь Аматерасу омиками. *Хочется поскорее домой. — Японский бог, амен, понимаешь. Наверное, не понимаешь. — Охранник: японский микадо, самурай, банзай, харакири.* В Советском Союзе у нас нет возможности отметить Новый год. В этом лагере тоже мы постепенно накопили рис и сахар и ели вареный рис в металлических банках. Радовались как дети. Мы взяли белую глину и сделали *моти*. Еще мы сделали из глины апельсины и покрасили. Мы молились за скорое возвращение. Начальник лагеря майор Казак хотел забрать домой *осонаэ моти* из глины [Ватанабэ: 304].

Сидели кругом и разговаривали, вспоминая родину. Зимой быстро темнеет. В 5 часов вечера уже темно. Лампочки не было, и мы жгли березовую кору, которая плохо горит и коптит. После работы все устали. Трудно говорить, но вокруг печки говорили о родине, о работе, о пище, о семье. Руки протянуты к печке. Казалось, это какая-то карта. Вот Японское море, вот Япония, вот префектура Ямагути [Казуки: 78].

5. ЛЮБОВАНИЕ КРАСОТОЙ

Любование красотой быстротечности жизни — один из принципов японского габитуса. Любование сакурой или другим цветком подразумевает понимание и примирение с тем, что человеческая жизнь так же коротка, и об этом надо помнить. Это составляющая культурного капитала, который получили все японские дети в семье и школе. Как и в традиционном японском стихотворении, в рисунках пленных или комментариях к ним обязательно присутствует элемент, вызывающий у читателя ассоциации со временем года и определенным настроением. Японцы ценили не только природную красоту, но и красоту в искусстве. Миллионы советских людей прошли

лагеря, из сотен их воспоминаний, в которых немало лиричных страниц, любование красотой природы по дороге на работу или с работы, во время долгой поверки встречается не часто.

Я лежал в темноте, уставший, и услышал в глухом лесу тихие звуки песни, которые постепенно приближались и становились громче. Мужской хор звучал гармонично, как голос небес. Это пели русские заключенные, которые шли этапом. Я был взволнован этой песней [Хисанага: 48].

Под сверкающей Полярной звездой. Сибирское небо в мороз очень красивое. Сверкающие созвездия позволяют забыть, что мы в плену. Нас привлекает непостижимость. Под этим же небом и моя родина. Я снова затосковал о ней [Саго: сайт].

В каждом местном огороде рос подсолнух. Его цветы смотрят на юг. Семечки подсолнуха были ценным источником питания для русских. Они щелкали семечки и выплевывали шелуху. Для нас этот большой цветок — цветок ностальгии [Саго: сайт].

Сибирское лето красивое, хотя и короткое. Я не могу забыть краткую летнюю красоту сибирской природы. Это и есть красота звезд. Выйдя из барака, полною зловонными запахами пота, лег снаружи барака, в прохладе. В небе начинают мигать звезды одна за другой, очень быстро. Во всем небе переключка звезд. Мы любовались красотой, которая нас связывала с Японией. Но не могли забыть реальность плена. Когда гляжу, очень ясно вижу ограду. В Сибири я был отделен от звезд колючей проволокой [Казуки: 84].

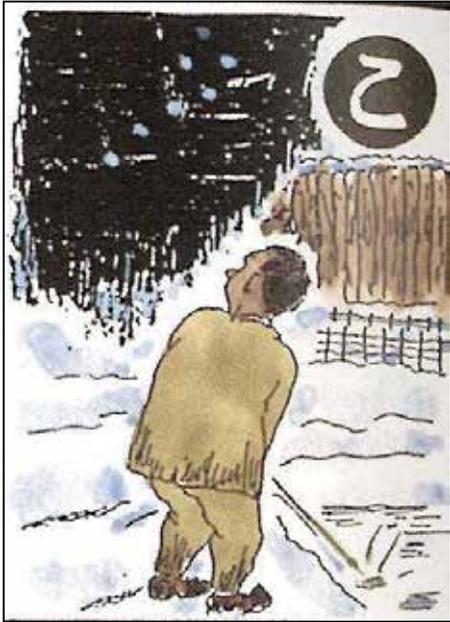
По часу дежурили ночью на морозе -20 и провожали до туалета тех, кто страдал куриной слепотой. Было нелегко. При виде прекрасной луны на небе я начинал хлюпать носом, и слезы тут же замерзали на моих щеках. *Для солдата проигравшей страны полная луна слишком красива* [Киути: сайт] (рис. 25).

В японской культуре была широко распространена практика любованием ночной природой из отхожего места, в которой по-дзенски сочетаются высокое и низкое, духовное и телесное. В известном эссе Дзюньитиро Танидзаки «Похвала тени» описаны достоинства японского туалета, подобные которым легко можно было найти в любой точке мира. Считалось, что «для достижения удовольствия нет более подходящего места, чем японская уборная: здесь человек, окруженный тихими стенами с благородно простыми деревянными панелями, может любоваться через окно голубым небом и зеленой листвой» [Громковская: 39].

Подобные практики оказались возможными и в зимнем сибирском лагере. На карте «Ко» мы видим пленного, который ночью облегчает мочевый пузырь, одновременно любуясь «замерзшей Большой Медведицей» [Уэцухара «Ко» (2)] (рис. 26).

Жемчужина сибирской природы Байкал не мог остаться без внимания пленных эстетов. Он произвел впечатление и на Исаму Ёсида.

Мы стояли на озере Байкал, самом большом пресноводном озере в мире. Он был огромный, просто удивительно огромный. Поверхность покрыта толстым слоем льда, и так как грузовик двигался быстро, это было действительно захватывающе. Интересно, если бы японцев так перевозили в грузовиках... Мы стояли безмолвно, наблюдая, как грузовик лихо уносится прочь. Что за огромные поверхности! Ледяная поверхность замерзла так, будто волны были взорваны на ветру. Это был великолепный вид природы [Ёсида: 188].

В приведенных ниже отрывках видно, как восхищение красотой переходит в другие добрые чувства и дает силы пленному, ему снова хочется жить.

Я был голоден каждый день, мерз и устал. Иногда думал, что лучше умереть, чем так жить. Может, встать под падающее дерево? Но когда

увидел, как падает снег с веток, и представил, как падает на меня дерево, вспомнилась мать. Решил, что надо вернуться домой во что бы то ни стало [Ооути: 77].

Луна похожа на лед. На фоне луны видна тень охранника. Вспоминается старое японское стихотворение «Если бы луна была зеркалом...». Наверное, дома все спят [Ооути: 70].

Заканчиваем работу в колхозе только что выученными русскими словами «до свидания», «спасибо». Красный закат поистине красив. Небо Восточной Европы отличается от неба Маньчжурии... [Киути: сайт].

Карасиво, — сказал Хасэгава, показывая рукой на бегущие тени, на силуэты лиственниц по скалам. Он покачал головой. — Кент! Рокуэлл Кент! — Правда, похоже, — обрадовалась я. И подумала: не надо много слов, чтобы понять друг друга, нужны общие ассоциации, они международны в определенном культурном слое. И у меня их больше вот с этим японцем, чем с бакенщиком Сергеем [Гаген-Торн: 388].

Однако иссякают силы и для любования красотой. Моринари Ооути описывает, как при возвращении на родину у пленных не хватало эмоций для переживания радости при виде родного пейзажа.

На фоне ясного неба видна зелень японской горы. Если бы мы их видели три года назад, все кричали бы «банзай!». Два года назад плакали бы. Год назад радовались бы, плечом к плечу. Сейчас никто ничего не выражает. Конечно, все радуются, но это не видно. Как будто парализованы [Ооути: 183].

6. ГАДАНИЕ И АМУЛЕТЫ

Амулеты были практически у каждого японского солдата. Но так же как и сам амулет прячется от чужих глаз, эта практика не была заметна. Лишенный привычной среды и близких людей, пленник в бесправной тяжелой ситуации хотел защиты, пусть и символической. Защитой им стали солдатские амулеты: квадратные лоскуты

с японским флагом или иероглифом «сила», с *йосегаки* или *сен-нин-бари*, пояса с вышивкой тысячью стежками, которые были в вещевом мешке каждого солдата. Одни получали эти талисманы во время проводов в армию, другие — уже на фронте как подарок далекому защитнику родины от женщин Японии, подобно теплым носкам и кисетам, изготовленным советскими женщинами для красноармейцев на передовой. Пояса производились промышленным образом, но стежки делали вручную родственники и знакомые солдата. В фильме «Письма с Иводзимы» (реж. Клинт Иствуд, 2006 г.) показано, как верит молодой парень в то, что такой амулет защитит, ведь «лучшей “защитой” от вражеской пули всегда считался нателный пояс с вышитым тигром» [Мещеряков 2012: 401]. Амулеты с пожеланиями специально готовили для каждого новобранца. Солдата поздравляли с переводом

в казарму, ему желали, чтобы пуля пролетела мимо, чтобы благополучно вернулся домой, чтобы совершил подвиг. Солдаты шли в атаку с амулетами на теле и верили, что хиномару или ниссёки спасет жизнь. Конечно, когда эти амулеты оказывались на головах советских девушек, пленные удивлялись (рис. 27). Карта «Си» (1): *Тяжелая работа переводчика. Течет липкий пот. Вместо платка — флаг, а он не может объяснить. На русской женщине повязан японский флаг ниссёки. Действительно, объяснить, что квадратный лоскут — это символ государства и потому на голове ему не место, владея несколькими бытовыми фразами, довольно сложно. Профанация государственного символа бытовым употреблением была невольной.*

Девушка, которая повязала хиномару как платок. Из-за плохого состояния экономики русские девушки любят носить японские флаги с подписями. Наверное, эти флаги им дарят советские солдаты. Ни разу не слышал, чтобы японцы меняли флаг на хлеб и сигареты [Сато: сайт] (рис. 28).

Киёси Сато намекает, что амулеты были конфискованы охранниками у японских пленников во время досмотров и от них перешли к советским девушкам. Купить платок было трудно, а текстильные амулеты имели близкие женским головным платкам размеры. Так сакральный предмет в одной культуре становился бытовым в дру-

гой. Кто-то из пленных пытался исправить ситуацию. Так, капитан Мацуо зарыдал, увидев, что уборщица на лесопилке повязала на голову флаг Японии, выменял у нее флаг на фуросики из шелка [Такасуги Ч. 3: 104].

Для Казуки амулетом стала бережно хранимая совместная фотография с женой.

Каждый солдат без исключения имел что-то вроде амулета. Я никогда не верил в богов, но у меня был амулет, приготовленный моей женой. А еще полоса ткани сэннинбари. Третий амулет — старая фотография, мы с женой. Я положил эту фотографию в портсигар, который с первого дня никогда не отрывался от моей кожи, прошел через плен и вернулся домой. Мне казалось, что фотография говорит: обязательно вернись живым. Это отражает что-то, что следит за делами человека и поддерживает его сердце [Казуки: 38].

Когда мое тело было крепким, я был недоволен богами. Но я ослаб, и мой настрой тоже. Я снова надел талисман тети [Ватанабэ: 212].

В лагерях было распространено и гадание Коккури-сан. Коккури-сан в мифологическом сознании — это дух лисы, собаки или енотовидной собаки. После ритуального кормления дух отвечает на вопросы. Для гадания необходимо приготовить большой лист с написанными хираганой буквами, цифрами от 0 до 9, а также словами «да» и «нет», могут быть слова «мужчина» и «женщина». В центре сверху изображены тории, синтоистские храмовые ворота как ворота в иной мир, мир духов. В сложных вариантах добавляют иероглифы — дружба, проклятие, смерть, любовь и др. Для гадания нужна монета в 10 иен. Обычно три человека в сумерки садятся, указательными пальцами одной руки касаются монеты, которая лежит на воротах, и начинают вызывать: Коккури-сан, Коккури-сан, появись, пожалуйста. Если ты здесь, то встань на слово «да». Когда монета оказывается на слове «да», ей задают вопросы.

О лагерных практиках Коккури-сан пишет Ооути.

Коккури-сан — гадание. Вы откуда? — Маока (Сахалин). — Когда мы вернемся домой? — В третий день следующего месяца. В разных бараках активно занимались Коккури-сан. У дежурных по кухне часто появляется лиса, потому что они дают ей бобы. Лиса вначале съедала всю еду, потом говорила. Вдруг приказ об отъезде. Это было 3 ноября, как Коккури-сан сказала. Может быть, домой? Половина людей ушла по морозу, но неизвестно куда [Ооути: 53–54].

Кроме вызывания духов пленные часто обращались к гаданию по руке. Как известно, в хиромантии насчитывается пять основных линий — линия судьбы, линия сердца, линия жизни, линия счастья и линия Меркурия — и несколько дополнительных. Однако лагерный гадающий увидел на ладони пленного и линию *Домой*.

По вечерам гадатели иногда бесплатно гадают. Находят линию *Домой* или говорят, какой работой лучше заниматься после возвращения. Или про семьи, которые остались в Маньчжурии, или как поживают родственники в Японии. *Гадающий: линия, означающая Домой, говорит, что ты может быть вернешься домой в ноябре* [Такэути: 88].

Я гадал, и выходит, что вернусь домой через 3 недели. — Может, и вправду вернешься [Киути: сайт].

Смотри, журавли летят. Это хорошая примета [Такэути: 200].

Глава 5. Индоктринация

1. Политико-воспитательная работа

Принудительное политическое просвещение в лагерях для военнопленных было «частью общественных отношений порабощения и контроля» [Бодрийяр: 68], которые мы видим в лагерях ГУПВИ. Во всех лагерях создавались политотделы, которые «являлись в области партийно-политической работы руководящими партийными органами ВКП(б) в системе лагерей МВД для военнопленных <...> и несли полную ответственность за воспитание личного состава лагерей в духе беззаветной преданности партии Ленина — Сталина и социалистической Родине — Союзу Советских Социалистических Республик» [Военнопленные: 304]. За годы нахождения в СССР власти старались сделать все для того, чтобы «привить» пленным японцам коммунистические идеи, а затем с помощью бывших военнопленных осуществлять коммунистическую пропаганду в Японии [Карасев 2007: 37].

Особенно усердно индоктринация проводилась среди немецких военнопленных, для того, чтобы нейтрализовать остатки нацистской идеологии и, главное, чтобы вырастить лояльные СССР кадры для управления недавно созданной ГДР, где кадровый вопрос был острым. С военнопленными из других стран также проводилась большая работа, но все же без такой конкретной перспективы.

Политическая работа среди военнопленных японцев ставила целью идеологическое перевоспитание бывших солдат враждебной армии, своего рода перековку. Многие были вынуждены участвовать в так называемом демократическом движении, главной целью которого было создание мотивации для работы по восстановлению народного хозяйства в СССР, ведь «основной экономической силой советского общества была собственно идеологическая сила, которая окружала себя институтами более или менее прямого насилия» [Рыклин: 206]. Бесплатный принудительный труд нуждался в постоянном самооправдании, в перманентном сочинении мотивов, и уже труд измеряется моральными категориями, а категории измеряются почти исключительно трудом [Добренко: 259–260]. Труд становился «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Была и вторая цель — воспитание актива будущей коммунистической партии Японии. Военнопленные практически не были знакомы с марксизмом, так как

в Японии КПЯ была вне закона, с начала 1930-х гг. находилась в подполье и была легализована в декабре 1945 г., когда пленные были уже в СССР.

Актив. В каждом лагере работал общественный актив. Одним из первых заявило о себе общество «Томонокай», которое было организовано в Читинской области в 1946 г. В разных лагерях стали появляться подобные группы демократического актива: «Сторонники демократической Японии», «Демократическая лига», «Анти-милитаристская группа», «Солдатский комитет» [Главное: 692]. Называясь по-разному, они отражали «демократическое движение», действовавшее под патронажем лагерной администрации. Она всячески стимулировала процесс индоктринации, который включал такие виды деятельности, как общие собрания, митинги, лекции, доклады, групповые читки газеты, индивидуальные беседы, политинформации, вечера самодеятельности, киносеансы.

Эти мероприятия проводилась в специально оборудованных помещениях, красных комнатах или красных уголках. Как видно из альбомов отзывов, в таких комнатах и клубах висят портреты Сталина и Ленина, биографии советских вождей, портреты японских коммунистов [Ф. 4/я. Оп. 30я. Д. 13. Л. 22 об.].

Всех активистов можно поделить на три группы: «антифашистский актив», те, кто прослушали лагерные курсы, и те, кто обучались на курсах при политотделах. Последняя, самая подготовленная группа насчитывала 21 137 человек: столько японских военнопленных закончили курсы демократического движения за 1947–1949 гг. [Карнер: 122, Катасонова: 92].

В лагере № 21 в штате администрации были выделены десять человек для антифашистской работы. В целях усиления демократического движения были открыты специальные курсы по подготовке антифашистов с отрывом от производства. В Хабаровске, который был своего рода «кузницей кадров» в Сибири и на Дальнем Востоке, были организованы курсы «Демократическая школа», «Молодежная школа» и «Политическая школа». Аналогичные структуры были открыты практически во всех крупных городах. Наиболее способные и проверенные активисты направлялись в Хабаровск и в Московскую школу идеологической подготовки [Катасонова: 92].

Какие задачи ставили перед собой члены низовых организаций? Как видим из документа:

Наше «Общее исследовательское общество» до сих пор было бессильно в мобилизации народных масс. Активно занимались общественной деятельностью только члены общества. Это объясняется тем, что лекторы не имели достаточного опыта, читали лекции без подготовки. Мы начинаем свою работу под лозунгом «Все члены общества должны быть активными». Наши задачи:

1. Переорганизовать бригады,¹³ сделать их небольшими, чтобы члены каждой бригады имели своего руководителя, работающего с индивидуальным подходом.

2. Создать единую учебную сеть бригадиров и побудить всех членов быть активными, объединяясь одной задачей, и тогда вовлекутся в работу те, кто раньше был пассивным [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 162. Л. 30].

13 Обычно бригады имели производственное значение, в этом документе речь идет об идеологических бригадах.

Лагерный актив организовывал кружки, проводил семинары, общие собрания в отделениях, любительские спектакли и просмотры советских кинофильмов. Как докладывал 24 мая 1950 г. руководитель МВД С.Н. Круглов, интерес основной массы военнопленных японцев к Советскому Союзу, к жизни советских людей был значительно выше, чем у военнопленных других национальностей [Военнопленные: 918].

В нашем лагере с марта месяца 1947 г. усиленно начало развиваться демократическое движение среди военнопленных. Мы смотрели на советских людей как на труженников, которые, не жалея сил, работали по восстановлению и развитию народного хозяйства после Второй мировой войны.

Поэтому и у нас появилось желание работать так, как русские. Мы выходили на работу с песнями, а демократические бригады — с Красным знаменем как символом нашей дружбы и труда [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 5 об.].

Лагерный актив получал привилегии, между ним и остальными военнопленными создавалась дистанция.

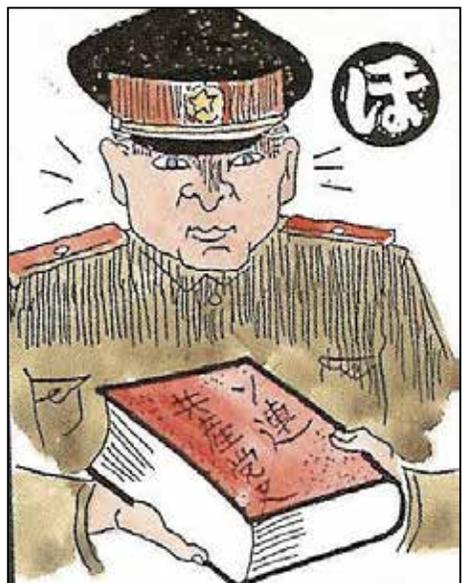
Активистов можно определить по одежде. У них летная форма с сапогами или офицерские шапки РККА. Мой старший друг О. в Находке вошел в актив и видит японских солдат, которые возвращаются на родину. Но ему нельзя с ними здороваться [Саго: 44].

Выражение «контрэлемент» встречается почти у всех авторов, видимо, оно прочно вошло в лагерную лексику, навязанную администрацией и освоенную пленными, потому что *контра*, *контрик* или *контрэлемент* — это «почти приговор». Как свидетельствует К. Като,

действительно встречались пленные, которых можно было назвать «контрой», это были преимущественно высшие офицеры или бывшие полицейские чины. Они отказывались работать, поскольку знали, что согласно международным правилам офицеры имеют на это право [Като: 53].

Мы организовали комитет борьбы с фашизмом. Составили список членов и кандидатов, провели выборы. Выбрали руководителем кухонного работника сержанта У., так как он давал взятки. Но управление лагеря приказало ему отказаться от участия. Стали читать больше лекций. Актив ходит и проверяет. Если не слушаешь и просто отдыхаешь, заставляют слушать. Но когда актив уходит, то все опять ложатся [Ооути: 111].

Началось организованное воспитание, открылась вечерняя школа. Мы читали «Вопросы ленинизма» и «Краткую историю ВКП(б)» [Ооути: 115].

Уэцухара рисует упитанного советского офицера с толстой книгой в красной обложке с подписью под рисунком: *На все запросы есть только одна книга — Краткий курс истории ВКП(б)* [Уэцухара «Хо» (2)] (рис. 29). Выбор как таковой отсутствует — одна идеология, одна правда, одна газета, одна баланда — вот

лагерная пайка не только в столовой, но и в библиотеке. Отсутствие выбора — это характерная черта лагерной жизни как концентрированного выражения тотального института.

Конечно, посещать политические занятия, слушать лекции по политэкономии, истории ВКП(б) было легче, чем вкалывать по 14 часов, выполняя норму из последних сил. Это привлекало людей, а там они втягивались в риторику и стиль мышления на основе классового подхода, тем более что идеи левого проекта казались привлекательнее японской милитаристской идеологии. Однако не стоит забывать рассуждения Б. Беттельгейма о регрессии узников нацистских лагерей, вызванной недостатком личной свободы, которая часто выражалась в инфантильном поведении, в том, что узники подражали стражам, разделяли их гнев в адрес нарушающих пра-

вила заключённых, даже вышивали свастики на своих робах [Bettelheim В. Individual and Mass Behavior in Extreme Situations // Journal of Abnormal Social Psychology. October 1943. P. 417–452. Цит. по: Трубина: 191]. Возможно, подобная регрессия имела место и у военнопленных, желающих стать активистами.

Начинается первая политическая школа. Поступают в эту школу два–три человека из каждого барака. В течение трех месяцев их обучают как будущих политических руководителей. В это время они не работали [Ооути: 121].

Услышав о статье о проблемах японских пленных в газете «Правда», мы попросили у начальника газету, нашли всем понятные слова, например, *военнопленные, японские, домой*, и обрадовались. Начинается производственное соревнование. Бригаде, которая выполнит норму, вручали Красное знамя [Ооути: 122].

Демократическая фразеология уже забила уши, — считает Уэцухара, показывая, как надо прочищать уши от «красного мусора»: *когда прислушаешься, слышишь много советской лжи* [Уэцухара «Ки» (2)] (рис. 30).

Стали чаще показывать революционные спектакли и активнее агитировали нас. Мы стали ходить на работу с революционными песнями, высоко поднимая Красное знамя молодежного актива и ударников. Нам говорили, что это влияет на демократическое движение в Японии. Обещали нас скоро отпустить. Многие боялись, что его посчитают реакционером и не отпустят домой [Ооути: 134].

Выполнение нормы повысили в среднем до 160%. Утром и вечером по дороге на работу и обратно играла музыка. Мы громко пели революционные и рабочие песни. Даже в пятиминутных перерывах проводят политическую работу. В каждой группе есть актив [Ооути: 150].

Увлечение демократическими идеями, кроме страха быть вычеркнутыми из списка на репатриацию, видимо, дополнялось и другим фактором, что также подметил в свое время Б. Беттельгейм: заключенные были настолько лишены подлинной самостоятельности и самоуважения, что стремились к ним всеми возможными спо-

собами. Сила и влияние — сила любой ценой и влияние все равно для каких целей — были в высшей степени привлекательны в условиях, целиком направленных на выхолащивание индивидуальности [Беттельхейм: сайт].

Индоктринация пленных была обязательной в каждом лагере. В практике общественной работы в СССР самые главные показатели успешной работы — это отчеты.

Показателен отчет о проведенной работе в лагере № 22 в г. Оха-на-Сахалине за 1946 г. Проведено:

- лекции и доклады — 153,
- индивидуальные беседы — 70 с охватом 110 чел.,
- производственные совещания с бригадами — 54,
- политинформации — 160 с охватом 64 тыс. чел.,
- собрания — 42,
- выпущено стенгазет — 173,
- выпущено художественно-литературных журналов — 6,
- проведено концертов — 18 с охватом 4800 чел.,
- просмотрено киносеансов — 86,
- направлено писем на родину — 1993 [Кузьмина: 83].

В каждом лагере работали кружки по изучению истории ВКП(б) и по теории марксизма. Самый распространенный сюжет агитационной фотографии — пленные, читающие книги или газеты. Как было обещано, репатриировали в первую очередь «демократически подкованных», и это стало стимулом для остальных, желающих скорее вернуться домой. На диаграмме «Рост демократических групп» за первые восемь месяцев 1947 г. видно, как от 311 человек в январе число участников выросло до 2115 к августу и график четко указывает скачки в количестве первой, второй и третьей очереди на репатриацию [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 3].

Идеологическое сопровождение не отпускало пленников вплоть до их посадки на корабль в порту Находка. В каждом эшелоне, что направлялся в Находку, был оборудован агитационный вагон, снабженный политической литературой, настольными играми, музыкальными инструментами, и сами эшелоны были оформлены плакатами, транспарантами, портретами политических деятелей. Были определены и формы работы в пути — политические информации, групповые и индивидуальные беседы, читка газет и журналов, выпуск стенгазет. Также заранее был подготовлен демократический актив [Главное: 930].

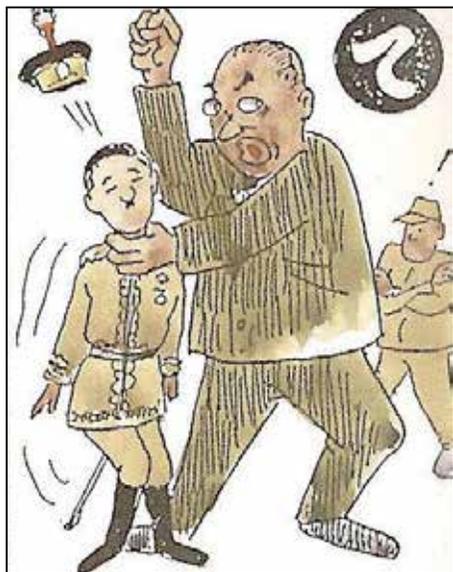
На карте «Н» (2) мы видим надпись на транспаранте «Сталин» и комментарии автора: *Нелепость в кружке друзей демократии*. Спустя годы Ё. Уэцухара смог открыто высказать свое отношение к человеку, который несет ответственность за само пленение, годы жестокой эксплуатации и десятки тысяч загубленных жизней японских пленных. Но чтобы принять культ коммунистических лидеров, надо было покончить с культом императорской власти.

Против императора. Одним из направлений в демократическом перевоспитании было стремление развенчать образ императора. «Все японцы служили государству и императорской Японии. Само понятие государства считалось священным. Оно было превыше всего, само государство и его концентрированное воплощение — император — были объектом почитания» [Мещеряков 2013: 165]. В сентябре 1945 г., несмотря на недавнее пленение, некоторые военные части на Южном Сахалине

продолжали жить по своему распорядку, и военнопленные каждое утро начинали день с линейки, на которой солдаты кланялись в сторону императорского дворца, как видим на рисунке Ё. Ватанабэ. *Вечером и утром выстраивались на присягу. Вначале кланялись в сторону дворца императора, потом на свой дом, а я кланялся в другую сторону* [Ватанабэ: 35]. Если дома родителей большей части солдат находились к югу, то родители Ватанабэ жили на Сахалине, но к северу от того лагеря, где он находился.

В итоге долгосрочного «промывания мозгов» отношение к императору стало меняться, и для многих пленных, особенно молодых, его образ перестал быть сакральным. Так, в лагере № 5 (Хабаровский край) во время анкетирования были заданы следующие вопросы:

1. Нужен ли в Японии император? За императора высказались 64 чел., против — 514 чел., воздержались 58 чел.
2. Считаете ли Вы японского императора военным преступником или нет? «Да, японский император является первым военным преступником» — ответили 519 чел., нет — 109 чел., воздержались 8 чел. [Главное: 692].

В лагере № 20 в анкетировании участвовали 519 чел. На вопрос «Ваше отношение к императору» ответы распределились следующим образом: за свержение императора высказались 253 чел., за оставление императора — 117 чел., воздержались 149 чел. [Главное: 693].

На карте «Тэ» (2) Ё. Уэцухара нарисовал, как огромного роста и силы военнопленный взял одной левой рукой за горло самого императора, да так, что с него слетел головной убор (рис. 31). Император показан невысоким тщедушным мужчиной с тонкими ногами. Несмотря на военный мундир, он выглядит слабым, безвольным и беспомощным. Его мундир кажется почти карнавальным, детским, сабля кажется игрушечной. Парад-

ный головной убор готов упасть с головы императора. Левая рука великана вот-вот придушит императора, а правая рука сжата в кулак и угрожающе нависла над головой. Рисунок с карикатурным образом императорской персоны — это новый для пленников критический взгляд на фигуру императора, до августа 1945 г. сакральную [Уэцухара «Тэ» (2)].

Подпись под рисунком: красный дайкон кричит: долой власть императора! У красного дайкона (редьки) только кожура красного цвета, а внутри он белый. В данном случае это метафора лицемерных людей, готовых говорить то, что выгодно сию минуту. Мы видим на втором плане человека, который также одет в военную форму рядового и очень доволен тем, как простодушный великан расправляется с императором. Похоже, он один из активистов.

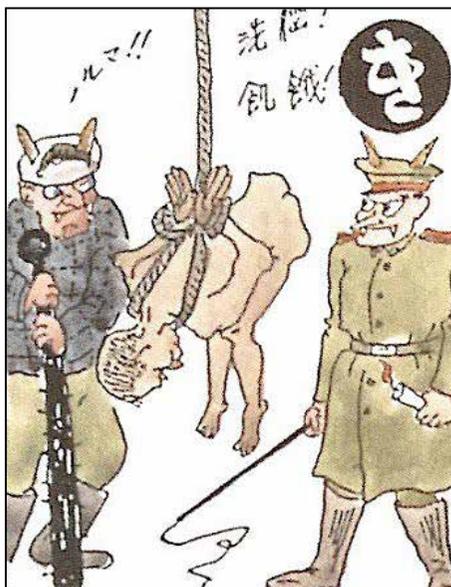
Такасуги вспоминал, как лейтенант Тарасов с издевкой называл его «микадо» или «фашист» [Такасуги Ч. 1: 81].

Многие художники запомнили критику образа Хирохито и зафиксировали такого рода акции в своих воспоминаниях.

Когда я вернулся в барак, увидел плакат: убей Хирохито! Я ничего не знал о политических настроениях и был озадачен [Ооути: 104].

На кирпичном заводе повесили мой лозунг *Уважение императору. — Наши противники контрэлемнты. Я знаю его контрреволюционные высказывания. Вы согласны с коммунизмом? — У меня нет образования. Но император сделал меня унтер-офицером и я решил отдать императору свою жизнь. Конечно, Япония проиграла войну, но император еще жив. Я не могу нарушить свою клятву. Вы все — умные, вы разбираетесь в материализме и диалектике. Но я — глупый, я совсем не понимаю. Как начну разбираться, сразу вступлю в компартию* [Ватанабэ: 308].

Оппозиция активу. Идеологическая обработка военнопленных шла полным ходом. Пропагандистская ложь, вынужденное единомыслие и невозможность публичного сомнения, а также тотальный контроль за поведением всех пленных, за их реакциями, за словами и выражениями лиц, за письмами домой и из дома — все это вместе с голодом и необходимостью тяжелого физического труда воспринималось как три лагерных зла.

Промывание мозгов, голод и норма — написано на рис. 32. В центре рисунка — подвешенный голый пленный, справа и слева от которого стоят черти: один, в форме советского офицера, с плетью в правой руке. А что у него в левой руке? Какой-то документ, может быть, приказ из Москвы, может, и списки на репатриацию, а может, и донос? Слева второй черт, похоже, пленный, из демократического актива, который обеими руками держит дубинку. У чертей — злое, агрессивное выражение лица, но видна их иерархия — тот, что в форме офицера, очевидно, имеет более высокий статус, он лучше одет, и в выражении лица черта-пленного читается не только угроза висящему, но и страх перед тем, кто с плетью. Висящий пленник выражает свое отношение к черту в военной форме своим голым задом, оказавшимся на уровне лица черта. Рисунок подписан: *слышали о Сибири одно, и совсем другой ад нашли по приезде* [Уэчухара «Ки» (1)].

Однако поверить в идеалы советской системы было непросто, так как ежедневное наблюдение советской жизни невольно заставляло сомневаться в бесспорном превосходстве социализма. Доверчивые молодые военнопленные легче верили красивым теориям марксизма-ленинизма, люди постарше сравнивали красивые фразы с жизнью, что была по ту сторону колючей проволоки. Как писал о настроениях среди австрийских военнопленных Стефан Карнер, разлад между теорией и практикой был очевиден, но эти противоречия приходилось осмысливать про себя, и никто не мог позволить себе высказать свои мысли и чувства окружающим, своим товарищам [Карнер: 120]. Ложь о жизни в СССР, противоречившая тому, что видели военнопленные сами, раздражала.

Все больше ругаем Советский Союз. Например, с иронией называем советских детей сильными, потому что как-то активист, увидев ребенка без обуви, сказал нам, что советские дети такие сильные и крепкие, что обувь им не нужна [Ооути: 141].

Видя такое нежелание называть вещи своими именами, пленные в свою очередь стали использовать прием ироничного преувеличения. Например, «говорили, что советские собаки испражняются золотом. Эта ирония — против чрезмерного восхваления Советского Союза» [Ооути: 141].

Мы тоже не любим молодых демократов. Нам кажется, они стали слишком заносчивыми для своего возраста. Мы написали на стене *Уважение императору*. Но кто-то из демократов донес советским офицерам. После этого мы начали контрреволюционное движение [Ватанабэ: 308].

Лагерная жизнь заставляла пленных учиться выражать свои жизненные интересы в противовес активу. Моринари Ооути рассказывает, как они решили предложить свои правила лагерной жизни.

Мы решили, что сами будем решать, как жить и работать в лагере.

1. Мы составим комитет, но он должен работать для нас, а не для СССР.
2. Наша главная цель — возвращение домой.
3. Мы не будем работать больше 101%. Будем беречь свои силы.
4. Нельзя навязывать политическое воспитание, только по желанию.

Мы написали просьбу о возвращении по правилам плена и организовали комитет ускорения *домой*. Этот комитет отнес просьбу в отдел ГУПВИ г. Оха, но их не приняли. Тех, кто отнес это письмо, отправили в карцер. Красное знамя убрали на склад. Актив перестал работать, и некоторые из них даже стали ругать СССР [Ооути: 139].

Усилилось «демократическое движение». Из других лагерей в наш лагерь приехали молодые офицеры. Они занимались пропагандой и хотели сместить нашего бригадира. Тогда у нас демократов мало было. Но Танигути и большинство наших солдат разозлились, и впервые демократизм у нас не прошел. Прогнали молодых офицеров-пропагандистов. Несколько демократов повесили стенгазету. Ее порвали [Ватанабэ: 292].

Мы, 600 человек, были самыми некоммунистическими в 14-м отделении. Нас собрали для промывания мозгов. Сначала пленные 22–23 лет, которые в Японии были студентами, занимались пропагандой. Каждый день после ужина они проводили собрания, и молодые солдаты и те, кто хотел сохранить статус, участвовали в них. Но пленные постарше, кому было за 30, не хотели участвовать. У нас было только три желания: есть, спать и *домой*. Поэтому мы не могли понять брошюру о материализме и диалектике. Вначале демократы искали ошибки в поведении офицеров и обвиняли их, чтобы лишить статуса. Потом лишили статуса тех, кто вначале активно поддерживал, но не смог доказать свою правоту во внутренней борьбе среди демократов. Эта борьба мне кажется некрасивой.

Наверное, они хотят получить легкую работу с помощью демократического движения. Вы понимаете, почему наша родина — Москва? Мы — пролетарии, нам надо воевать с красным знаменем в руках за коммунизм, за Ленина и Сталина, за Москву — нашу родину [Ватанабэ: 302].

На наш завод вместо советских солдат приехали демократы и пропагандировали коммунизм. *Религия — это пустое, мы — материалисты... Наука не может покончить со страхом смерти. Религия хорошо это объясняет. — Наверное, он хочет стать коммунистом и получить легкую работу. — Мы и так хорошо работаем, но он служит СССР* [Ватанабэ: 308].

Никто не занимается политическим воспитанием. «Нихон синбун» и брошюры забросили. После работы играли в мажонг, го и сёги. Еще играли в азартные игры. Конечно, все игры были самодельные. Понятно, что противостоять советским солдатам или ругать их непродуктивно. Поэтому я не жаловался и каждый день играл на гитаре [Ооути: 140].

Все потеряли интерес к демократическому движению, а активисты тайно задумали его возобновить. В январе А. из Главного управления полетел в Хабаровск для участия в собрании представителей активов разных лагерей. Он повез письмо Сталину с просьбой ускорить репатриацию. В это время стали меньше ругать Советский Союз и снова читать «Нихон синбун». После возвращения А. снова открыли политическую школу и создали новый актив, молодежный актив возобновил свою работу. Пока мы были в Советском Союзе, мы не могли противостоять им. Потому что боялись, что нам не дадут вернуться по политическим причинам [Ооути: 142].

К. Сато комментирует свою работу «Оскорбление» (рис. 33):

Когда прошла вторая зима в Сибири, офицеры вышли из движения интеллигенции, и началась «оргия» коммунистов. Политическое просвещение усилилось осенью второго года, и коммунисты, которые контролируют в Находке процесс репатриации, угрожали не пропускать в Японию контрэлементы и нескольких пленных отправили назад [Сато: 45].

Предыдущие комментарии художников описывают, как демократическое движение и противодействие ему развивались с переменным успехом, но сила была на стороне тех, кого поддерживали лагерные власти и управление ГУПВИ. Документы, которые написаны самими активистами, отличаются по языку от комментариев на ту же тему. Они лишены личных чувств, но изобилуют политико-идеологическими штампами тех лет:

Мы серьезно обсуждаем, что возвращаемся из Сибири солдатами, вооруженными твердой теорией, как передовики в строительстве рабочей Японии. Мы поднимаемся на жестокую борьбу после нашего прибытия на остров императора [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 162. Л. 30].

Культурная работа. Культурно-воспитательная часть обычно занималась выпуском пропагандистских стенгазет, организацией хора, оркестра, театральных постановок. Артисты и художники иногда освобождались от других работ, получали лучшее питание и в редких случаях даже скромные премии.

Каждый вечер у нас была репетиция революционных песен и агитационных выступлений. Я пел песню, но в душе считал, что я — очень маленькое существо на земном шаре, я наношу вред японской революции, хотя и маленький [Ватанабэ: 337].

Активист говорит: ты все еще не можешь выучить такую простую вещь. Многие из них похожи на бюрократов. Как будто только они могут изменить Японию. Наконец, мне разрешили вступить в общество активной молодежи. Меня считали полуреакционером. После того как я вступил, мне дали много работы, например,

рисовать стенгазету. Меня включили в бригаду по культурному строительству. Там работали десять человек, но кукольное представление мне надо делать самому. Я написал сценарий, соорудил куклы и поставил спектакль. Еще дал уличное представление [Ооути: 151].

В Охе собрали крайне реакционных людей, чтобы превратить в сознательных. Их было 30. Они критиковали и разоблачали друг друга, чтобы выйти скорее из этой группы [Ооути: 151].

В советские праздники мы покупали немного выпивки и съедали специально приготовленный обед, пели народные песни и танцевали. В конце опять критиковали реакционеров и выкрикивали лозунги. После ужина все ходили в разные кружки, и до 9 вечера проводились политические занятия. С утра и до ночи некогда думать. Стали показывать звуковое кино и спектакли политического содержания [Ооути: 116].

В Находке объяснили, как конкретно надо вести себя после возвращения в Японию. Ни в коем случае нельзя поддаваться влиянию буржуазных врагов, которые будут изображать радость. Прежде всего, надо явиться в главное управление КПЯ в Йойоги. Нас научили революционным танцам и песням: «мы — рабочие и крестьяне, слушайте нашу громкую песню. Мы растопчем всех врагов, императорскую власть, буржуазию и их верных собак». В Находке нам давали хорошую вкусную еду [Ооути: 178].

Спектакли и концерты, которые организовывали в качестве воспитательной работы, были нужны не только пленным, но и начальству. Подобных артистов в ГУЛАГе Е. Гинзбург называла крепостным театром, поставляющим зрелища начальству, скучающему в глуши [Гинзбург: 326], но они выступали не только для развлечения начальства или для выполнения плана по идеологической работе. В лагерных условиях у тех, кто умел петь и танцевать, было немного возможностей для самовыражения, а слушать концерт земляков было существенно приятнее, чем политинформацию. Но практически все культурные формы досуга были неотделимы от политической работы.

И спектакль, и концерт

Тесно связаны с социализмом.

Такой сценарий [Нисимура 2004 а: 7].

Все без исключения ансамбли, кроме народных японских песен, должны были исполнять гимн Советского Союза на японском языке, японскую песню «Красное знамя» и революционные песни [Японские военнопленные в СССР: 274].

После ужина было собрание. Сначала агитационный доклад, потом репетиция революционных песен. Мне дали тяжелую работу, и у меня было плохое настроение. Но не только из-за этого я был против. Я не могу согласиться с людьми, которые друг на друга доносят ради своей выгоды. Они абсолютно верят чужому советскому мнению, и получается карнавал. Я был на собрании, но не пел революционных песен. Потом начались агитационные доклады. Распевая революционные песни и выкрикивая лозунги, они встали плотно в круг, сцепившись руками. Потом ходили по лагерю с плакатами. Советские офицеры только смотрели с улыбкой. И я не мог понять, о чем они думают. *Слова из рабочей песни. Голоса: Я не разделяю это. — Практически карнавал, для чего это нужно?* [Ваганабэ: 317].

Пленным с независимыми взглядами не хотелось встраиваться в «тело» социума, как это делала большая часть активистов, утрачивая личные интересы и ценно-

сти и соревнуясь за лучшее воплощение нормативной коллективной субъектности, одобряемой лагерной администрацией.

Многие понимали, что становиться активистом — значит, иметь льготы, но при этом терять уважение товарищей. Ё. Ватанабэ приводит примеры того, как портятся человеческие отношения, когда одна идеология признается единственно верной и инакомыслие наказывается тяжелой работой, бойкотом и даже угрозой остаться в СССР.

Во время войны члены японской компартии бежали в Маньчжурию из-за гонений на коммунистов. Часть из них оказалась в плену в Сибири. Они занимались политическим образованием молодых солдат. В Находке — их последние усилия. Нам сказали, что в Японии голод или революция. Японские пленные ничего не понимают, но им кажется, что скоро *домой*. Они поют революционные песни, как на карнавале. Они все очень долго учили революционные песни. Большинство из них знают только песню «Красное знамя, народное знамя» [Ватанабэ: 346].

Как было отмечено выше, среди репатриированных первой очереди были пленные, которые увлеклись коммунистической идеей и уезжали с планами бороться за Японию, свободную от империалистов. Международный резонанс получила встреча одного из первых пароходов с пленными в Майдзуру.

Во время встречи прибывшего из Сибири парохода с военнопленными присутствующих неприятно поразило то, что прибывшие выстроились на палубе парохода «Эйтоку Мару», пели «Интернационал» и выкрикивали коммунистические лозунги. Корреспондент агентства Киодо Ньюс назвал это пение «пощечиной встречавшим» [Лента 314 от 30.06.49. ГАКХ Ф. 1036. Оп. 1. Д. 461, цит. по: Кузьмина: 89].

Однако далеко не все, кто выступал с демократическими речами в СССР, прибыв на родину, остались верны заветам Ленина. Для многих эта стратегия была инструментом выживания, ускоряющим возвращение домой. Эти люди уже на пароходе начинали вести себя иначе, чем в лагере, тем более что многих активистов на кораблях избивали, а некоторые исчезли [Касатонова: 96]. Но кто-то все-таки по возвращении на родину добирался в штаб коммунистов в Йойоги.

Когда мы, прогоняя мысли о возвращении на родину, сошли с поезда в Хабаровске, нам неожиданно открылся весь ужас нашего положения. Явились грозные молодчики, назвали себя членами японской коммунистической партии и принялись агитировать за нее. Бывают же странные люди! [Киути: сайт].

2. «Нихон синбун» и АГИТАЦИОННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Согласно решению ЦК ВКП(б) советская газета для японских военнопленных «Нихон синбун»¹⁴ (Японская газета) стала выходить с 1.09.45 г. Редакционная коллегия состояла из 50 японцев и 15 русских сотрудников. Ее главным редактором был подполковник И.И. Коваленко, с японской стороны шефом был Масаки Асахара [John J. Stephan: 247]. Газета выходила 10 раз в месяц, из расчета один экземпляр на 8 военнопленных [Главное: 690], общий тираж составлял 150 тыс. экз. Из Хабаровска тираж газеты распространялся по всем лагерям, в которых содержались

14 В источниках также встречается написание Ниппон синбун, Ниппон Синбун и Ниппон Симбун.

японские военнопленные. Для 600 тыс. военнопленных она была органом идеологической пропаганды. Согласно заветам В.И. Ленина, газета должна была быть не только коллективным пропагандистом, но также и коллективным организатором. Именно вокруг газеты сложился первый кружок равнодушных читателей «То-монокай» (друзья газеты), ставший организованной ячейкой военнопленных. Как писал руководитель демократического движения в одном из лагерей Хабаровского края Хираида, в каждом лагерном отделении мы имеем витрины для газеты «Ниппон синбун» и подшивки, выделены агитаторы, которые во время досуга читают и разьясняют отдельные статьи [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 28 об.].

«Нихон синбун» выходила по-японски и была практически единственным изданием на родном для пленных языке. Как заметил С.В. Карасев, даже не желая поддаваться идеологическому воздействию, пленные читали тексты на родном языке и незаметно для самих себя попадали под воздействие пропаганды [Карасев 2007: 37].

В постлагерном рисунке мы встречаем много критики и иронии по поводу содержания газеты. Рассмотрим карту «Ри» (рис. 34): Газета «Нихон синбун», в которой любят пустые рассуждения [Уэцухара Ри (1)]. На этом рисунке Ё. Уэцухара изобразил три фигуры. Все они — обитатели лагеря, но имеют разный социальный статус. Самое высокое положение — у советского офицера. Это очевидно, он экипирован лучше всех: и кожаные сапоги, и кожаный ремень. Гимнастерка обтягивает широкую грудь человека, который физически хорошо развит и регулярно занимается спортом. Он стоит в помещении, о чем говорит деревянный пол, но в то же время — в фуражке, хотя и не холодно, раз он не одет в шинель. Его простоватое лицо не отражает глубоких мыслей. На гимнастерке нет ни одной медали,

значит, он не был на фронте, а провел все годы в тылу на политической работе или в конвойных частях. Возможно, он просто очень молод. В центре изображен активист демократического движения. Он громко читает «Нихон синбун», о чем говорит вертикальный порядок строчек. Он хорошо выглядит, крупный, упитанный. Его большой рот открыт, но нижние губы кривятся, они совсем не растянуты, как будто размеры рта его еще больше и, когда понадобится, он сможет в большей степени быть рупором этой газеты. Однако мы не видим заинтересованной аудитории. Для кого читают эту газеты? Свое отношение автор показывает через третью фигуру, которая сидит к ним спиной, спрятавшись за колонной. Ему не интересно, что читают, и он не боится показывать свое пренебрежение. Известно, что японская культура не жалуется бунтарей и одиночек [Мещеряков 2013: 163], но на этом рисунке мы видим бунтаря.

Карту «Тэ» (2) Уэцухара подписал «Дым табака и Нихон синбун». Автор подчеркивает прикладную ценность газеты как материала для самокрутки, так как содержание самой газеты для курильщика значения не имеет, важна только бумага,

на которой она напечатана. Бумага может быть полезной в отличие от информации, которую несет газета. Дым и газета ставятся в один ряд. Художник подчеркивает эфемерность дыма, в который превращается газетная бумага через пару минут после затяжки, и сиюминутность содержания газеты, которое не через пару минут, но в свой срок так же неумолимо превратится в ничто.

По воспоминаниям жителей Дальнего Востока, когда японские пленные обещали, «один из них, стоя, вслух для всех читал газету на японском языке, которую в это время издавали в Хабаровске. Как закон Божий!» [«Молодой дальневосточник», 02.03.91, цит. по: Кузьмина: 85]. Отношение к газете все же было скептическим.

Вокруг газеты: есть ли новости о жизни в Японии? — Эта газета издается военнопленными в Хабаровске. — Чепуха. Я не хочу смотреть красные газеты [Такэути: 92].

Мы организовали общество друзей: 20–30 человек. Его членам давали «Нихон синбун» раз в неделю. Все хотели бумагу для махорки, но боялись вступить в общество, опасаясь, что, когда вернутся домой, их могут называть коммунистами [Ооути: 96].

Начинается политическое воспитание на основе «Нихон синбун». Иногда бывали экзамены. Еще не старый человек жаловался, что после окончания начальной школы он за 30 лет не прочел ни одной книги и даже забыл иероглифы из-за работы в плену [Ооути: 116].

В номере № 31 «Ниппон синбун» от 13 марта 1947 г. было помещено объявление о репатриации японских военнопленных и интернированных, которую все давно ожидали. Поднималось доверие масс к «Ниппон Синбун» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 73].

Агитационная фотография. Руководство ГУПВИ понимало значение фотографии как важнейшего средства агитации, ведь фотография, в том числе постановочная, часто воспринимается не критически, а как законченный документ. Фотографический снимок делается в один миг; такая «моментальность» съемки зачастую воспринимается как спонтанность, и зритель забывает о процессуальности съемочного процесса, как не задумывается о мотивах фотографа.

Агитационная фотография также мыслилась как свидетельство против возможных обвинений в будущем. Руководители социалистического общества как общества спектакля (Ги Дебор) ставили такие постановки, в которых не просто насильно удерживали сотни тысяч людей, заставляя их работать в трудных условиях, но еще и требовали благодарственных писем. При этом только эксплуатировать сотни тысяч заключенных и пленных было мало, надо было еще и расставлять декорации — писать на воротах, что *труд — дело доблести и чести*, приглашать зрителей — например, писателей, на Соловки или Беломорканал. В лагере для военнопленных, как и по всей стране, изображение было и производством, «чем больше его изображается, тем больше его и производится» [Добренко: 373].

Фотографии передовиков труда на Доске почета, лагерного актива в газете «Нихон синбун» — эти визуальные свидетельства говорят нам не только о том, как велась политическая работа в лагере, но и о том, как выглядели пленные, во что они были одеты и в каких условиях жили.

Когда мы видим в той или иной степени приукрашенную реальность, понимаем, что в жизни все было скромнее и скуднее. Человек обычно доверяет тому, что запечатлено на фотографии, верит тому, что все, схваченное фотографией, было на самом деле. Говоря словами Сьюзен Зонтаг, «фотография становится свидетель-

ством реальности, ее уликой» [Зонтаг: 9]. Именно дискурсивная потребность «документировать» реальность отдает приоритет наличию визуального «свидетельства» и зачастую отодвигает на второй план личность и задачи фотографа [Першай: 2012].

Личность фотографа в данной ситуации не является нейтральной, а наоборот, представляет власть и как таковая определяет задачу: показать, как хорошо японским пленным было в советском лагере, особенно тем, кто воспринял коммунистические идеи.

В то же время фотография конструирует реальность. В лагере фотография как орудие власти предлагала и множила те образы социалистической повседневности, которые власть считала единственно верными, насколько возможно ретушируя действительность. Лагерная фотография была манипулированием: получая общий сигнал из «Кремля», лагерное руководство создавало такие образы плена, которые должны были понравиться «на самом верху». «Нихон синбун» распространяла взгляд власти на все дальние лагерные командировки.

Как мы видели в предыдущем параграфе, во всех лагерях для военнопленных японцев регулярно проводились политзанятия, на которых излагались политическая теория ВКП(б) и анализ международного положения. Эти тексты распространяла на японском языке «Нихон синбун». Сами послания передовых статей и политинформаций показаны в литературе о тоталитарном обществе разными, ставшими классическими символами — от «пятиминуток ненависти» (Дж. Оруэлл) до отвратительной на вкус и запах, но обязательной к потреблению «нормы» (В. Сорокин).

Кроме «Нихон синбун» в качестве агитационного материала были изданы несколько выпусков журналов, в которых было много фотографий о «прекрасной» жизни японцев в СССР. В основном это фотографии читального зала, где пленные с упоением изучают труды Маркса и Ленина, или красный уголок, где они рисуют стенгазету или пишут благодарственное письмо Сталину.

На этой официальной фотографии мы видим красный уголок (рис. 35). Перед нами действительно сцена, и пленные играют читателей... Они все уткнулись в книги, отводят взгляд от объектива, потому что боятся его, они подчиняются человеку с фотоаппаратом, а также чувствуют стыд из-за участия в ложной постановке.

Потребители пропагандистского зрелища также являются соучастниками коллективного

процесса рассматривания. Даже фотографии людей, как например, портреты передовиков производства, размещенные на Доске почета, уже прочитываются как сообщения в более широком культурном и идеологическом контексте.

Роль архивной фотографии как инструмента актуализации истории пронизательно подметил Алексей Шинкаренко. Процесс актуализации происходит за счет работы с понятиями, разрывающими рамки времени, — боль, страх, катастрофа. И

когда человек включается в осознание и переживание этих явлений, он переводит условно прошлое в условно будущее, — и фактически создает свои версии истории [Шинкаренко: сайт].

На фотографии 36 также сцена, которая как бы висит в воздухе. Точнее, мы видим двойную сцену. Один из транспарантов гласит: «Да здравствует СССР — страна, не знающая расизма». Утверждать, что в СССР совсем не было расизма, было большим преувеличением. За скобками для японских военнопленных, как и для большинства граждан СССР, в то время оставался вопрос о депортированных народах, о внесудебном идеологическом обвинении людей на основе принадлежности к этнической группе. Возможно, японцы не видели расизма в публичном пространстве в той мере, в какой ожидали встретить расовое высокомерие от белых победителей. Однако бытовой расизм не был чужд и советским людям, включая некоторых сотрудников советского посольства в Токио 1960-х гг., называвших японцев «косоглазыми» [Комаровский: 27], но все же ему было далеко до платформы расового неравенства в крайних вариантах. Вновь убеждаемся в постановочности официальной фотографии, обслуживающей власть.¹⁵

Фальшь подобных сфабрикованных изданий возмущала бывших военнопленных. Например, Киёси Сато спустя годы решил рисовать только те сцены из лагерной жизни, которые не встречались в агитационных изданиях: изображения каторжного труда и нечеловечески унижительного быта, в котором важно было оставаться человеком [ПМА. Интервью с К. Сато].

15 Такие же лакирующие реальность фотографии были сделаны с немецкими военнопленными. На них немецкие военнопленные, довольные жизнью, занимаются работой, уборкой лагеря, играют в шахматы после трудового дня или рисуют стенгазету [Сквозь плен]. На этих фотографиях плен напоминает жизнь в пионерском лагере, в котором роль детей играют взрослые. Вот они в белых майках и черных трусах делают утреннюю зарядку в июле 1942 г. в лагере № 74 в Горьковской области [Сквозь плен 59] Или же фотография запечатлела дружескую вечеринку немецких пленных офицеров в январе 1942 г. [Сквозь плен 62], любителей музыки, собравшихся в клубе у пианино, в лагере № 9 в Елабуге, ноябрь 1942 г., или играющих в кегли в лагере № 160 в Суздали осенью 1942 г.

Глава 6. Лагерное письмо

Могут ли угнетенные говорить? Этот вопрос Гайятри Чакраворти Спивак вполне уместен в отношении японских военнопленных в той же мере, как и верен ее ответ: угнетенные не могут говорить (сами за себя) [Спивак: 667]. Угнетенные «молчат» или «не могут говорить» в том смысле, что за них или от их имени всегда говорит доминирующая культура, интерпретируя за них их опыт и «вкладывая» в их уста «чужие» тексты, такие, какие они только и должны порождать, чтобы соответствовать ее неписаным установлениям [Гапова: сайт].

В лагерях ГУПВИ на собраниях, политинформациях и в письмах военнопленные, как правило, выражали чужую позицию. Ведь говорить, иметь голос означало, по выражению Стивена Коткина, «говорить по-большевистски», на обязательном языке самоидентификации. Такой язык выступает как барометр политической верности [Kotkin: 220]. Коткин писал о советских людях, но японские пленные должны были вслух говорить примерно так же. Публично выражать лояльность, только приблизительно понимая, как в данный политический момент надо говорить по-большевистски, было ежедневной заботой миллионов советских граждан в сталинские годы, включая и японских пленных, хотя они гражданами СССР не были. Более того, японцы плохо понимали русский язык и даже в переводе часто не чувствовали сложности и условности многих риторических формул из сферы идеологии.

1. ПИСЬМА БЛАГОДАРНОСТИ

Все военнопленные, в том числе немецкие и австрийские, писали благодарственные письма и проводили антифашистские митинги перед отправкой домой [Карнер: 225]. Это были, как говорили в СССР, «добровольно-принудительные» мероприятия, за отказ от участия в которых грозило строгое наказание.

Письма благодарности организовывались политработниками Красной армии в разных исторических обстоятельствах. В советском бюрократическом сленге «организовать письмо» означало найти людей, которые сами напишут текст требуемого содержания или подпишут уже готовый текст, демонстрируя свою лояльность власти в целом, а также абсолютное доверие активистам местной партийной ячейки. Таким образом, создается «документ», на который могут ссылаться политики как

на самостоятельное мнение людей из народа. Одними из первых в жанре лагерной благодарности были письма от освобожденных узников Освенцима, о чем рассказал миру Примо Леви.¹⁶ Эту практику политические органы использовали при работе с военнопленными немцами, венграми, японцами и др. Письма благодарности были заготовленным аргументом о хорошей работе лагерей ГУПВИ, на них неоднократно ссылались руководство ГУПВИ в своих документах [Катасонова: 169].

Сами военнопленные воспринимали эти письма как необходимое условие для репатриации, и каждый писал свой отзыв. Многие сочиняли личный текст, другие — от имени группы. Письма переплетались в красивый альбом в той же «сталинской» стилистике, который содержал 200–300 отзывов пленных одного подразделения. Альбомы назывались по-разному: «Отзывы о пребывании в плену лагеря № 5», «Сборник о жизни военнопленных японцев в СССР лагеря № 16», «Отзывы репатриантов лагеря № 16», «Воспоминания о жизни в СССР репатриантов лагеря 4/5», «Письма и воспоминания о пребывании в СССР с переводом лагеря № 32» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Л. 160–172].

Кроме собственно благодарственных писем, фотографий и отзывов о пребывании в СССР пленные своими руками изготовили и множество подарков руководителям ВКП(б) и советского государства. Среди них в РГВА под № 1 в описи 28я обозначено письмо Сталину от военнопленных лагерей Приморского и Хабаровского краев, вышитое на шелковом белом полотне с красным шелковым подкладом длиной 25,5 м в деревянном сундуке [Ф. 4/п. Оп. 28я. Л. 144]. К этому письму прилагалась составная подставка с резьбой по дереву. Опись насчитывает десятки различных шкатулок для альбомов и писем Сталину, выполненных в форме японского дома, или с мраморными подставками и с вышитыми шелковыми покрывалами для шкатулок. Также среди подарков от имени японских военнопленных значатся резные вазы из дерева, художественно оформленная этажерка для книг с подставкой, сделанной под бамбук, барельеф Сталина в деревянном футляре и др. [Ф. 4/п. Оп. 28я. Л. 145].

Письма были обращены к Сталину, правительству, советскому народу, Красной армии, ВКП(б), организациям, администрации лагеря (Л. 153). Подписание письма Сталину преподносится как самое важное событие плена, как экзамен на политическую зрелость, который открывает дорогу «в светлое будущее» — домой. Поэтому в альбомах фиксируются все моменты его подготовки. Создавались специальные фотоальбомы о быте, жизни, **подготовительной работе по подписанию** письма в художественно оформленной деревянной шкатулке с подставкой от лагеря № 16 [Ф. 4/п. Оп. 28я. Д. 16а. Л. 145], Д. 67 — фотоальбом «Наша борьба» **о подготовке к подписанию** письма Сталину лагеря № 19, также Д. 21 — альбом литературно-художественных произведений, отзывов **о подписании письма** Сталину, в деревянной резной шкатулке с подставкой от лагеря № 4, Д. 24 — альбом воспоминаний и зарисовок лагеря № 5/1 **о ходе подписания** письма Сталину в деревянной шкатулке, Д. 41 — альбом **записи хода подписания** письма Сталину лагеря № 16/3, Д. 20

16 Примо Леви писал о первых месяцах после освобождения из Освенцима и последующем пребывании во временном лагере в Катовицах, где его знакомый врач был озабочен пропавшими листами бумаги, предназначенными для изъявлений благодарности советскому начальству за гуманное и безупречное отношение во время их пребывания в Катовицах [Леви: 59].

— альбом отзывов японцев-делегатов лагерей Приморского, Хабаровского краев, написанных **после просмотра благодарственного письма** Сталину в деревянной шкатулке [Оп. 28я, Д. 20], Д. 38 — альбом **воспоминаний о подписании** письма Сталину лагеря 5/7.

Отношение к личности Сталина как к сакральной фигуре, фиксированность на ритуале подписания письма Сталину и оформление шкатулок для письма, подставок и покрывал для шкатулок напоминает практики христианского культа, которые можно увидеть и на примере культа Ленина, как убедительно показала Нина Тумаркин.

Деревянный резной ларец в форме японского дома, предназначенный для хранения письма Сталину, возможно, реплика на *омикоси* — переносные ларцы, в которых в синтоистской практике носили по праздникам святые реликвии.

Рассмотрим один из таких альбомов [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13]. Он имеет размер А3, обшит серой шелковой тканью. Первый лист — оглавление на японском языке. Как правило, если текст написан по-японски, то слева приложен машинописный текст на русском языке. Многие листы представляют собой рисунки тушью, акварелью или цветными карандашами: «Выступление художественной самодеятельности военнопленных» (Л. 3), «У доски показателей» (Л. 7), «Движение на работу» (Л. 7а), «На строительстве шоссейной дороги. Бригада Танимура, отд. 1» (Л. 9), «Работа экскаватора» (Л. 10), «В шахте, лаг. отделение № 3» (Л. 11), «Сплав леса. Лаг. отделение № 12» (Л. 12), «В сапожной мастерской лаг. отделения № 10» (Л. 15), «Строительство казармы для в/пл. в 9 лаг. отделении» (Л. 16), «На прополке капусты» (Л. 17), «Разнообразие блюд. Ужин сегодня» (Л. 19), «В столовой лаг. отделения № 10» (Л. 20), «Столовая лаг. отд. № 5» (Л. 23), «Общежитие» (Л. 23 об), «Площадка для отдыха» (Л. 24), «Военнопленные на просмотре кинофильма» (Л. 32), «На реке» (Л. 34). Из 37 листов альбома 17 листов — рисунки. Под заголовком «Производственная деятельность» приложены черно-белые и цветные фотографии (Л. 8), фотографии больничной палаты и медицинского осмотра (Л. 21–22), фотографии заседаний антифашистской школы и молодежных кружков (Л. 29), игры в волейбол и выступление фокусника (Л. 31).

Три листа посвящены анализу того, «что нам дала двухлетняя жизнь в СССР» (Л. 4–6), как неважно обстояли дела у рядовых пленных осенью 1945 г. и как все изменилось к 1947 г. Альбом содержит Договор трудового соревнования, на которое военнопленные 5 лагерного отделения вызвали военнопленных 9 отделения. В нем записано: во всей своей работе систематически добиваться повышения производительности труда не ниже как на 100% и качество работы должно быть не ниже как на хорошо... [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 12 об.].

Как говорилось выше, Э. Бэршай делил военнопленных на ранних и поздних репатриантов, справедливо полагая, что длительность индоктринации имела значение.¹⁷ Альбомы 1947 г. содержали в основном письма благодарности. Альбомы 1949 г. гораздо красочнее и информативнее: тексты сопровождаются графиками, карикатурами, диаграммами, фотографиями.

17 Третью группу военнопленных, которые находились в ГУЛАГе и писем благодарности не подписывали, здесь я не рассматриваю.

Рассмотрим «Альбом жизни в/пленных японцев в СССР. Наша жизнь в Советском Союзе. Составлен демократической группой в.п. 4-го лагеря. Сентябрь месяц 1947 г.» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15]. Он красочно оформлен: обложка и каждый лист разрисованы цветами. Плохо ориентируясь в русском языке и в языке коммунистической идеологии, японцы писали свои отзывы на родном языке, а лагерные переводчики прилагали перевод на русский язык. В альбомах 1947 г. опыта в подаче материала и оформлении альбомов было еще мало, переводчики от руки писали тексты писем на русском языке и обозначали свои имена.

Письма содержат много исправлений, так что некоторые из них похожи на черновики. Видимо, альбом попал в руки редактора уже переплетенным, поэтому исправления были сделаны в окончательной версии. Все листы были пронумерованы художником перед заполнением, часть страниц была вырвана, поэтому пагинация с пропусками. Встречаются и вклеенные листы из рисовой бумаги.

Содержание состоит из семи разделов:

- 1 - Как мы смотрели на СССР до поражения в войне?.....3–30.
- 2 - Что мы узнали за время пребывания в СССР?.....31–52.
- 3 - Впечатление о производстве. Откуда произошло трудовое соревнование 53–63.
- 4 - Повседневная жизнь, санитарное обслуживание, питание и обмундирование, недостатки лагерных подразделений.....64–72.
- 5 - Культурно-просветительная работа.....73–86.
- 6 - Политико-воспитательная работа.....87–94.
- 7 - Какое влияние нахождение в плену оказало на военнопленных в отношении их политических убеждений, взглядов на дальнейшие пути развития своей страны 95–105.

В Предисловии отмечается, что

мы объявляем борьбу против цепей самодержавия, кнута угнетения, заговоров эксплуатации и обмана. Мы призываем нашу Родину следовать за Россией. Мы клянемся вступить на путь народной революции за рис, землю и свободу. Мы запишем слова новорождения и составим нижеследующий альбом [Ф. 4/п. Оп. 30-я. Д. 15. Л. 4–4 об.].

Благодаря красивому почерку, которым написаны тексты, создается впечатление, что для автора русский язык — родной. Оно усугубляется от частого использования сокращений, принятых в канцелярском изложении.

Но по ошибкам, характерным для носителей японского языка, можно догадаться, что тексты писали не советские переводчики, а японские. В приведенной выше цитате встречается слово *новорождение*, советский человек, имея в виду результат перековки, написал бы *перерождение* или *рождение нового человека*. В «Сборнике отзывов военнопленных японцев, репатриированных из лаготделения № 2 лагеря МВД № 16 об их пребывании в Советском Союзе. Гор. Хабаровск» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26] писавшие тексты часто путали буквы *Б* и *В*, *Л* и *Р*: боевать [Д. 26. Л. 9], боебая классовая больба [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26. Л. 15], лодыли [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15, Л. 6], миритаристы [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15. Л. 20], что также говорит о японском авторстве. Иногда вместо точки в конце предложения используется кружок, как это принято в японском письме, буква «т» иногда в прописях изображается как латинская *t* [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26. Л. 23]. Часто возвратная частица «-ся» используется там, где это не принято, например, «обещаемся» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 26. Л. 9], слова сокращаются на гласную букву «и дру.», а перенос слова делается не по слогам.

Орфографические ошибки могут встретиться у любого человека. Но использование некоторых выражений возможно только у иностранцев. Например, автор письма вместо *начального* пишет: *нижнее* образование, допускает выражение «одна часть третьих студентов» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Л. 10. Д. 15] или, когда речь заходит о советской литературе, упоминает «Цемент» Гладкого, а не Гладкова [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 15]. В одном из писем встречаем «благодарность за руководство вождя трудящихся всего мира генералиссимуса Сталина и его любимого сына большевистской партии». Видимо, было использовано клише *Сталин и его любимое детище — коммунистическая партия*, в котором при обратном переводе *детище* превратилось в *сына*.

Письма как тексты тоталитарного дискурса. Письма благодарности писал каждый пленник, воспринимая письмо как условие репатриации. Само их количество должно было быть убедительным. Именно вербальному тексту отдавался приоритет, идеологическая нагрузка, безусловно, возлагалась на содержание текстов, на то, «что сказано».

Все письма благодарности подписаны конкретными именами с конкретными адресами в Японии. Некоторые авторы не ограничивались домашним адресом, а описывали свою жизнь начиная с социальной принадлежности отца, как бы отвечая на обязательный вопрос советской анкеты о социальном происхождении.

Часть писем действительно содержала искреннюю благодарность за конкретное дело, например, за излечение от хронического заболевания, за помощь в трудных обстоятельствах, за приобретенную новую специальность. Немало писем написано людьми, лично увидевшими удивительные для японцев социальные достижения социализма: бесплатное медицинское обслуживание, отсутствие безработицы, бесплатное образование, социальные гарантии пенсионерам. Встречаются письма, хотя и подписанные японскими именами, как будто написанные под диктовку советского комиссара. Эти тексты объединяет одно — все письма благодарности были созданы в условиях несвободы. Чтобы добраться до их первичного смысла, требуются деконструкция писем и анализ условий, в которых они создавались.

Авторство японцев видно по строению предложений, по тому, как используются те же выражения из советского идеологического запаса, но все же нескладно. Так, руководитель антифашистского актива при управлении лагеря № 16 Хирои Исида писал, что *после капитуляции Японии мы жили два года в плену или были интернированы сюда, на Советский Дальний Восток, без исключения являясь жертвами войны японского империализма*. В одном предложении Х. Исида объединяет сразу два противоположных взгляда на свой статус — «жили в плену» и «были интернированы». Для японца это противоположные по существу квалификационные определения. И поныне бывшие военнопленные отказываются употреблять термин «пленные». Значит, у японского автора были советские соавторы, с которыми было не поспорить. Зависимые люди не умеют говорить. За них говорит власть, с помощью экспертов и консультантов, подсказывая слова или просто угрожающе ожидая и получая смыслы, которые им угодны.

Неудивительно, что «Благодарственное письмо генералиссимусу И.В. Сталину — лучшему другу японского народа» подписали 66 тыс. военнопленных, которые докладывали «величайшему гению человечества, путеводной звезде трудящихся всего мира», что считают для себя счастьем четыре года, проведенные в социалистическом государстве, и выражали «глубочайшую благодарность, идущую от самого

сердца, за все светлое, все хорошее, что получили в великой Советской стране» [Кузьмина: 83] (рис. 37).

Все японские военнопленные подписали благодарность Сталину, кроме реакционеров, которые дали клятву исправить свои ошибки и со слезами на глазах просили разрешения подписать, потому что это почти что список *домой* [Ооути: 175].

Ооути ясно дает понять о принудительном характере писем благодарности.

Приведенное ниже письмо было принято на митинге перед отправкой в Находку. Разоблачая

культ императора, пленные легко воспринимали культ личности Сталина, который исторически был ближе к фигуре сёгуна.

Дорогой товарищ Сталин!

Мы, японские рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, покидая Советский Союз с глубоким чувством и долгом перед советским народом, выражаем Вам нашу искреннюю благодарность. За годы пребывания в Советском Союзе, благодаря заботе всего советского народа о нас, военнопленных, мы впервые за нашу жизнь почувствовали неоценимые преимущества социалистического строя перед капиталистическим.

Покидая Советский Союз, мы обязуемся неустанно стремиться к укреплению дружбы между советским и японским народами, мы расскажем в Японии правду о великом социалистическом государстве рабочих и крестьян, в котором живут и работают труженики многочисленных национальностей без эксплуатации человека человеком, без национального угнетения народов.

Мы всеми силами будем помогать Национально-демократическому фронту Японии во главе с КПЯ в борьбе за демократизацию Японии.

Желаем Вам, дорогой т. Сталин, самого наилучшего здоровья и долгих, долгих лет жизни на благо всего прогрессивного человечества (Принято военнопленными первого эшелона из лагеря № 32) [Главное: 937].

Письмо «на имя т. Сталина», вышитое на 26-метровом шелковом полотнище, состоит из 14 000 знаков. В нем военнопленные пишут:

Когда мы вспоминаем, какими мы были четыре года назад, мы сами поражаемся огромной перемене, происшедшей с нами. За четыре года мы узнали столько нового, что для этого в Японии потребовались бы десятки лет, и даже более того, в Японии мы этого вообще никогда не смогли бы узнать. Эти четыре года, в течение которых мы, японские трудящиеся, были окружены неустанной материальной и духовной заботой Советского правительства, были годами непрерывного развития нашего демократического движения, годами нашего морального преобразования из бывших солдат грабительской японской армии в сознательных и честных, смелых и убежденных демократов...

В Советском Союзе мы впервые стали духовно свободными людьми и познали правду [Главное: 694].

Написанное на хорошем русском языке, это письмо отражает тоталитарный дискурс, в котором было важно говорить правильно, игнорируя истинность или ложность мысли. В нем содержатся обороты речи, не характерные для советской общественно-политической лексики. Такие же стилистические шероховатости мы встречаем и в других письмах, именно они подтверждают авторство японских военнопленных. Например, бытовое выражение «мы завидуем», которое обычно применяется к человеку, а не государству:

Мы завидуем СССР, который развивает быстрыми темпами свое хозяйство и культуру, идет в авангарде всего прогрессивного человечества... [Главное: 929].

Ниже — тексты нескольких писем из десятков тысяч писем благодарности. В своем письме Хаттори Кадзуо только в последних строках пишет от своего имени, а на протяжении всего текста — от коллективного лица: «мы». Автор использует множественное число, пытается раствориться среди таких же как он тысяч голосов, готовых «бороться, бороться и бороться до» абстрактной «последней победы».

Мы в течение трех прошлых лет смогли понять в социалистическом Советском Союзе, как важно защищать жизненные интересы, защищать независимость народа, восстанавливать отечество, и получили твердые убеждения, решимость и храбрость. Несмотря на то, в какой мере японо-американская реакция развивает пропаганду против СССР, против коммунизма. Мы не будем складывать руки перед ней, будем бороться и бороться до последней победы... [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 173. Л. 96].

Военнопленный Нагана Хуаюки, родом из губ. Кагасима, уезд Уоуку, село Яситири, пишет об этом в письме благодарности.

Большая благодарность советским врачам за хорошее обращение с нами. По приезде в СССР я был слаб, но сейчас совсем выздоровел, набрался сил. Большое спасибо советскому командованию и Великому Вождю всех народов товарищу Сталину за хорошее с нами, больными, обращение со стороны русских медиков. Я уезжаю домой, на родину, здоровым солдатом. Подпись [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 20 об.].

Вот еще одно письмо от пленного Хикару Ёкои, социальное происхождение которого было близким люмпен-пролетариату и идеям его классовой борьбы.

В марте прошлого года благодаря вниманию СССР мы сами организовали антифашистский комитет, членом которого мы сами избрали. Мы участвовали в производственном соревновании, в работе политического кружка и твердо знаем, что делать в будущем [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 140. Л. 2].

В коммунистической риторике человек, овладев идеологией марксизма, от темной, беспросветной жизни переходит к светлой, полной новых смыслов классовой борьбы. Далее Хикару Ёкои пишет, объединяя газетные штампы о классовых врагах и конкретные образы своей семьи, ради которой он готов отдать все силы как «один маленький гражданин». Здесь особенно четко видна та неясная картина борьбы в головах пленных, в которых смешались абстрактные образы борьбы с буржуазией и конкретные страдания родственников.

Я возвращаюсь на родину и буду стоять на позициях рабочего класса как один маленький гражданин и вступлю в ряды КПЯ. Клянусь, что буду бороться всеми сила-

ми за независимость народов, мир и демократию, также в качестве члена, который научился марксизму-ленинизму во время своего пребывания в СССР, и за практику деятельности защиты мира во всем мире вместе с народами всего мира [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 140. Л. 2].

Письмо пленного Судзуки также отражает смесь японского церемониального языка и лагерной реальности, описание которой вызывает улыбку несоответствием формы и содержания. Мы видим простодушие автора и старание понравиться адресатам.

Товарищи врачи ухаживают за нами в бане. Раньше, по окончании службы в Квантунской армии, какие они были грубые. А здесь, напротив, к нам — бывшим врагам, японским военнопленным — относятся по-доброму, перешагнув границы между народами с дружелюбием и любезностью, которые сильнее, чем любовь кровных родственников. Еще раз выражаю советским людям глубокую сердечную благодарность [Ф. 4/п. 30я. Д. 18. Л. 101].

Многие письма были похожи на письмо Судзуки, так как в этих альбомах размещались только те картинки и тексты, которые без сомнения понравились бы советскому лагерному начальству. Слишком велика была цена ошибки, поэтому идеологии в этих альбомах с перебором, который для автора был предпочтительнее, чем недобор.

Тексты на рисунках нередко писались представителями лагерной администрации, что узнается по советским штампам и канцеляризмам, знакомым любому советскому человеку. Эти строки своей скучной позитивной безликостью похожи на часть отчета мелкого чиновника в вышестоящие органы. Но в данном случае текст переписывал японец. По тому, как писалась буква Я, видно, что кириллице автор не обучался, так же как не мог он обучиться и тому, как говорить «бюрократически».

Администрация лагерей обеспечивает всех военнопленных трехкратной горячей пищей, приготовляемой из продуктов планового снабжения. Пища готовится разнообразная для офицеров и рядовых отдельно с учетом национальных вкусов военнопленных по установленным нормам. Физически слабым и заболевшим пища готовится отдельно по предписаниям врачей. Военнопленным, работающим на производстве, в отдалении от лагеря, горячая пища доставляется по месту работы [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 9].

Тот же почерк и на следующем листе.

Здоровые, годные к физическому труду военнопленные работают в различных отраслях гражданского строительства, а также в производственных мастерских. Продолжительность рабочего дня военнопленного 6–8 часов [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 12].

Фраза о таком коротком рабочем дне военнопленного противоречит постлагерному рисунку, где авторы повествуют о 10–12-часовом рабочем дне, Игараша — о 14-часовом рабочем дне, В. Шаламов упоминает о 16-часовом рабочем дне заключенного ГУЛАГа. Но в публичном документе, тем более для воображаемого адресата текста, написанного по-большевистски, — условного Сталина — должна была быть представлена информация, которая не противоречила бы таким основным завоеваниям пролетариата в XX в., как 8-часовой рабочий день.

Вероятно, лагерным властям было важно иметь «документальные» подтверждения того, что принудительный труд военнопленных в СССР был организо-

ван вполне цивилизованно. Хотя эти документы были созданы в условиях неволи, но формально они массовым образом «репрезентировали благодарность» японских военнопленных. Это создавало оправдательный документ, недаром каждый автор письма ставил не только подпись, но, как в следственном протоколе, указывал домашний адрес в Японии. Альбом благодарности нес двойную функцию — для пленных он был доказательством лояльности, для лагерного руководства — доказательством человеческого отношения к пленным и «добровольности» принудительных занятий. В октябре 1946 г. закончился Нюрнбергский процесс, который в числе военных преступлений зафиксировал «убийства и жестокое обращение с военнопленными», и комендант концлагеря Освенцим (1940–1943) Рудольф Хесс уже ответил за действия в вверенном ему заведении высшей мерой наказания — его повесили рядом с крематорием... Необходимо было учитывать этот опыт международного трибунала, тем более, когда все ресурсы для обеспечения оправдательного документа находились в распоряжении режима.

Как мы знаем, тоталитарное общество — это общество спектакля, в котором все актеры хорошо понимают свои роли, и режиссером спектакля в данном случае было руководство ГУПВИ. Режиссер требовал разных по содержанию писем: одни авторы благодарили, другие — описывали приятную жизнь в лагере, третьи — обещали строить социализм на родине. Вот что писал военнопленный Ота Фудзие:

Построим и в Японии колхозную жизнь по примеру СССР.

До Октябрьской революции, при царизме, российских рабочих и крестьян эксплуатировали помещики и капиталисты, и они ото дня в день тянули лямку тяжелую жизнь, но благодаря Октябрьской революции рабочие забрали власть у буржуазии, средства производства и орудия труда стали собственностью народа, и, следовательно, в отличие от прежней жизни нам платили столько заработной платы, сколько мы заработали. Мы весело проводим время без эксплуатации. В колхозах используются современные комбайны и люди борются за переход от социализма к коммунизму. Однако, пока господствует буржуазный класс и у власти находится предатель родины Ёсида, мы не можем использовать такие современные машины в Японии, и такой день, как в СССР, еще не пришел к крестьянам.

Мы теперь собираемся в Японию с пламенным убеждением, что после возвращения на родину мы, прежде всего, станем членами КП Японии и будем хорошими организаторами демократического фронта. Мы расскажем о преимуществах колхозной системы и будем стараться изо всех сил создать богатую светлую родину, подобную СССР [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 9. Л. 58 об.].

В письме Ота Фудзие пленный проговаривает идеологические верные слова, как школьник выученный урок на выпускном экзамене, но мы видим их иллюзии о полной оплате труда военнопленных, приукрашенный сюжет о технической оснащенности советской экономики. Предложение о том, что пленные *весело проводят время без эксплуатации* — откровенная ложь, которая будет развенчана постлагерным рисунком. Как и многие другие пленные. он также собирается вступить в компартию Японии. Иваи Нисимура напишет позже:

Клялись, что по возвращении в Японию
все будем членами партии.

А сколько у нас сегодня? [Нисимура 2004а: 10]

Классическим текстом принудительного письма выглядит письмо Дорё Бункити (преф. Кагосима). Может быть, возвращаясь на родину, оправданно находить к стране, в которой чудом выжил, такие выражения как *милый Советский Союз*. Но автор письма видит свое пребывание в лагерях также в терминах перековки: вначале к нам относились как к врагам, как к военнопленным, а позже благодаря честному труду отношение к нам изменилось, мы не чувствуем себя в плену:

Сейчас нам разрешили вернуться домой, и мы уезжаем из милого Советского Союза в Японию с тем, чтобы восстанавливать отечество. Я хотел бы передать свои впечатления так. По прибытии в СССР нас поселили в лагере в горах. В то время отношение советских офицеров и солдат к нам было совсем другим, чем сейчас. Они относились к нам как к военнопленным. Но через четыре месяца, когда мы переехали в Суруджанку, у нас постепенно стало исчезать ощущение, что мы военнопленные... Поэтому я благодарю специально представителей власти, офицеров, солдат и врачей [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 135. Л. 126].

Этот же путь от темного в классовой теории человека — к борцу за права трудящихся в своем духовном становлении отметили в своем групповом письме: младший унтер-офицер Фуджисава Коитиро, военврач капитан Ниномия Дайтэн, военврач лейтенант Дайдо Фумио и есаул, в прошлом издатель Огава Кунио.

Когда вспоминаем прошедшие четыре года, понимаем, что, освободившись от японской империалистическо-фашистской армии, с каждым годом мы перерождались в новый тип человека — в общественного человека. Сейчас мы глубоко убеждены в том, что боремся против японско-американской реакции за победу всего японского народа, за строительство социализма в Японии. Мы и дальше будем вести классовую борьбу как один боец, один организатор. Выражаем благодарности тов. Сталину, великому генералиссимусу, советским гражданам, которые нас так изменили [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 108. Л. 26].

Авторы письма — не рядовые пленные, это образованные и в прошлом обеспеченные люди. Понимая уязвимость благополучного прошлого и лучше других зная требования лагерных властей, ведь двое — военные врачи, они пишут коллективное письмо, в котором всегда проще спрятаться, ведь в роли субъекта выступает групповой автор. Наверняка политрук был доволен выражениями: «это восхищение», «радостные дни». Отметим, что после красивых политических фраз многие авторы, обсуждая тему, какой советский опыт пригодился бы японцам, в первую очередь, говорят о бесплатном медицинском обслуживании.

В советской практике было принято публично представлять и женские голоса. Даже среди такого специфичного мужского контингента нашли медсестру лазарета Кинко Сузуки, которая озаглавила свое письмо «Берите пример с СССР».

Когда я находилась в Советском Союзе, чувствовала, как сильно СССР отличается от Японии. Советские женщины в своей работе не уступают мужчинам. Право женщины на труд, на образование и на отдых записано в Сталинской Конституции. В Советском государстве много женщин имеют высокие правительственные награды как мать-героиня и героиня социалистического труда. Я думаю, что после возвращения домой надо строить новую жизнь, создать мир, в котором не будет войн, где женщина будет равноправным гражданином своего государства. Берите пример с СССР [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 35].

Альбомы благодарности военнопленных были советским идеологическим продуктом. Они «создавали дискурсивные и визуальные решения, в которых советские пенитенциарные практики могли быть репрезентированы; они вписывали лагерь в советский мир, создавая сам дискурс описания советской пенитенциарной системы в категориях социализма; они легитимировали этот дискурс и отражали его динамику» [Добренко: 331].

Альбомы благодарности и дембельские альбомы. Альбомы отзывов 1949 г. представляют собой уже переплетенные вместе рисунки, фотографии и тексты на тему «Жизнь военнопленных в СССР». На первый взгляд, они похожи на так называемые дембельские альбомы, которые создавали солдаты срочной службы накануне демобилизации, чтобы показать свое отношение к годам службы в Советской армии. Однако по своей направленности — это тексты противоположных по замыслу жанров.

Дембельский альбом создавался после двух лет жизни в практически тотальном институте, каким является всякая армия — все ходили с короткой стрижкой, в одной униформе, все ели одну и ту же еду и также слушали политинформации. Режим в Советской армии был, безусловно, мягче лагерного, но тотальность армейского института, как и других исторически обусловленных своими задачами институтов (психиатрическая больница, тюрьма и проч.), сохранялась. Дембельский альбом, как и альбомы отзывов, начинали готовить примерно за полгода до демобилизации/репатриации. Оба вида альбомов изготавливались вручную в единственном экземпляре. По своим целям оба типа альбомов «приводят в надлежащий вид» (Ершов) годы жизни, проведенные в тотальном институте, редактируя в желаемом свете полученный опыт — в одном случае этим занимается сам старослужащий, в другом — лагерная администрация. Но если для демобилизуемого солдата альбом — лакировка памяти о его персональной армейской жизни, мифологизация его собственных армейских будней [Карасик: 11], то альбомы отзывов были призваны концептуализировать нахождение в советском плену больших коллективов в терминах перековки: от политически незрелых или заблуждающихся военнопленных к ориентированным на демократические ценности сознательным членам коллектива.

В этом заключается основное различие двух типов альбомов. Лагерные альбомы писались от имени коллектива, составлялись из подневольных рисунков, и как таковые они не отражали «ничего личного». Армейский альбом принадлежал конкретному человеку, он как раз полон искренних чувств и ожиданий, например, о поезде, который отвезет домой. Все японцы также ежедневно думали о поезде *домой*, но в официальных коллективных нарративах не находится места личному. Классический дембель демонстрирует «абсолютную отстраненность к тому, чем живет казарма» и по мере приближения срока постепенно обретает право проявлять свою человеческую индивидуальность [Лурье: 33]. Японские военнопленные по мере приближения репатриации, как видно из рисунков и нарративов, вели себя осторожнее, опасаясь быть вычеркнутыми из заветного списка, и в большей степени стремились выглядеть как все.

2. Поднадзорный рисунок

Поднадзорный рисунок. Не только фотографии и письма благодарности должны были служить «оправданием» в возможных в будущем обвинениях руко-

водству ГУПВИ. Другим видом оправдания был поднадзорный рисунок с заданной тематикой и стилистикой. Собранные в большой альбом, эти рисунки, сопровождаемые текстами, освещали разные стороны лагерной жизни. Таких альбомов в фондах РГВА несколько десятков.

Принудительные рисунки были насыщены советской символикой. Не только потому, что эти рисунки были выполнены в лагере под двойным контролем политического актива из числа пленных и лагерной администрации, а скорее по другой причине: рисунки воспринимались как проверка на лояльность СССР, необходимая для репатриации. Поэтому каждый пленный старался, чтобы его «личная звуковая волна» была положительно воспринята и зачтена. Незнание идеологической риторики, неумение говорить и рисовать по-большевистски вынуждало авторов к чрезмерному использованию знаков и символов советской власти.

Обложка одного альбома отзывов украшена воображаемым орденом Победы, который вписан в композицию серпа и молота (рис. 38). Японские надписи гласят: Орден Победы — Отзывы о Советском Союзе. Да здравствует Советский Союз — оплот мира и безопасности всех народов! [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 175, обл.] Военный орден Победы и знак серпа и молота означают веру в международную победу союза рабочих и крестьян.

На внутренней странице обложки альбома значится: Отзывы военнопленных лагерного отделения № 7 лагеря № 19 МВД, репатриированных на родину 1 августа 1948 г., начальник лагерного отделения № 7 ст. лейтенант Боловнев Ф.Ф., заместитель по политической части н-ка лагерного отделения № 7 Рожнов А.С. [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 173. Л. 1]. Имена начальника и замполита указаны на титульном листе, как указываются имена ответственных редакторов сборника статей. Теперь мы знаем, кто были кураторами этого проекта в данном лагерном отделении, отбирали или отвергали, одобряли и подправляли содержание отзывов и писем в лагерном отделении № 7 лагеря № 19 МВД СССР. Именно они несли ответственность своей карьерой, если вдруг просмотрели что-то крамольное и идеологически сомнительное.

Любой рисунок несет в себе больше информации, чем задумывал автор. В приведенных здесь выборочных визуальных текстах мы увидим тот тип документа, который я назвала *поднадзорный рисунок* — рисунки, созданные в лагере. Иногда художники выполняли прямой заказ, например, писали портреты руководителей ВКП(б) и советского государства или портреты своих товарищей — передовиков труда. В других случаях это был косвенный заказ, например, художники должны были изобразить лагерную жизнь. Если сюжет был задан, например, нарисовать обед в столовой или отдых в красной комнате, то автору надо было самому думать, что изображать и как.

Насколько такие альбомы отвечали чувствам самих пленных, говорит текст, сопровождающий рисунок и полностью состоящий из газетных штампов, из стереотипных формул. Мы видим, что подчиненные не умеют говорить этим языком, а если пытаются писать, то кажется, что они написаны под диктовку лагерного начальника.

Вот комментарий к рис. 39, сочиненный бригадиром 4 лаг. отделения Коуса:

Столовая была в полном украшении и чистоте как дворец. Имеются все приборы. Она всегда ждет нашего посещения. Хотя количество продуктов ограничено, повара придумывают, как лучше приготовить обед по нашему вкусу. Наши товарищи со светлыми веселыми лицами быстро подают на стол вкусные кушанья. Перевыполнившая 100% бригада пришла с работы. У ребят большая охота есть. Они восклицают: «Как вкусно!» и «Ой как вкусно!» Они едят досыта. Один из них сказал в радостном настроении: когда мы вернемся в Японию, пожалуй, мы не сможем есть такого вкусного [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 97].

Та же степень «искренности» и в изобразительном материале. Даже в современных санаториях вряд ли кухню стали бы украшать картинами в резных дорогих рамах и легкими занавесками с бубенчиками, это противоречит ее назначению и усложняет соблюдение гигиены в таком специфичном помещении, где санитарные требования должны быть высокими. Картины и бубенчики на занавесках были, видимо, просто декоративным элементом в воображении художника. Изобразительное украшательство ставит под сомнение и адекватность визуального ряда.

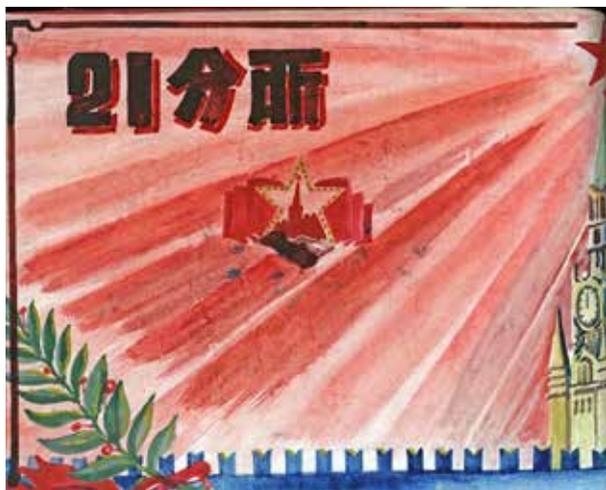
Оптимистический текст не соответствует оптимизированному изображению. Можно сказать, что это легенда, рассказываемая лагерным активом. Имеются все приборы, но мы видим троих пленных и только одну ложку. Если двое покончили с горячим, неужели есть официант, который уносит приборы во время трапезы? Особо неуместными на столе выглядят кофейник и кофейная чашка. Почему всегда голодные пленные не пьют кофе? Ведь кофе — это роскошь в лагерных условиях и нехватка кофеина в лагере не раз отмечалась европейскими пленными.

Иллюстрации в альбоме также лакируют действительность. На акварельном рисунке [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 9] верхняя часть стен побелена, но и нижняя часть, которая обычно красилась в СССР масляной краской более темного цвета, также светлая. Невероятная деталь — это двухцветная полоска между верхней и нижней частью стены, обычно в СССР довольствовались одним цветом. Сомнительны также натюрморт маслом на стене в позолоченной раме и белоснежные занавески в помещении, где готовится еда. Они могли бы найти свое место в столовой, но не в горячем цеху — это очевидное приукрашательство реальности.

Среди множества транспарантов, изображенных на фотографиях тех лет, есть такой: «Да здравствует СССР — страна, действительно не знающая расизма!». Почему вопросам расизма придается такое значение? Как считает А. Мещеряков, логику

поведения Японии во Второй мировой войне диктовали не только соображения рационалистического характера, но и не в последнюю очередь комплекс обиды на то, что Запад рассматривал Японию как «азиатскую» страну. В США и Европе дискриминировали население Японии по расовому признаку и не желали признавать «красоту» японцев, а сами японцы оказывались неконкурентоспособными в телесном отношении [Мещеряков 2012: 396]. Наум Хомский помнит американскую прессу 1930-х гг., в которой писалось о японцах как «желтых карликах», а также «обезьянах, даже хуже: червях и муравьях, которых следовало раздавить» [Критическое...]. Поэтому отсутствие расизма как идеологической доктрины, провозглашение всех народов СССР равными было позитивно оценено японцами, ожидавшими к себе дискриминационное отношение как азиатам и как к военнопленным.

Подавляющее большинство пленных по-русски знали два-три десятка слов из производственной и дисциплинарной лексики, которые были непригодны для описания лагерной жизни и изложения марксистских идей. И тут на помощь приходили проверенные каналы индоктринации. Цитаты из работ Ленина и Сталина, из газеты «Правда» выручали художников, так как были готовыми образцами для репродукции.

Рисунки для пленных были морально комфортнее и менее опасными, нежели вербальные тексты. «Говорить по-большевистски» требовало или реальной увлеченности идеей, или являлось частью сознательной стратегии выживания. Как бы то ни было, рисовать «по-большевистски» было меньшим компромиссом. Но возникал вопрос: как надо рисовать по-большевистски? Надежнее всего для японских художников было использовать главные идеологические

символы СССР: красное знамя, серп и молот, Московский кремль.

Одним из распространенных символов была Спасская башня Кремля. О том, насколько воображаемое художниками было далеко от реальности, свидетельствует, к примеру, желтый цвет Спасской башни, который мы видим на рис. 40. Башню венчает несоразмерно большая красная звезда. Пленные стремятся «рисовать по-большевистски», главным содержанием рисунка становятся идеологическое прочтение художественного задания, которое не оставляло бы сомнений в приверженности художника идеям демократии. На втором месте — эстетическая составляющая.

Похоже, что образцом для копирования была черно-белая газета «Правда», не дававшая намека на нужный цвет, и для того, чтобы оттенить красную звезду на шпигеле, художник из эстетических соображений выбрал желтый цвет башни и синий цвет кремлевской стены. На этом рисунке изображены сразу две Спасские башни, одна из которых, поменьше, появляется в лучах, исходящих от кремлевских звезд [Ф. 4/п. Оп. 29я. Д. 18. Л. 111].

Такое частое обращение к сюжету со Спасской башней не было случайным. Оно отражает не только конкретное место резиденции верховной власти в СССР. Спасская башня здесь отражает саму идею лагерной вышки как конструкции для контроля за простыми людьми, причем контроля вооруженного. В. Шаламов увидел прямые параллели между московскими высотками и караульными лагерными вышками: «Вышка лагерной зоны — вот была главная идея времени, блестяще выраженная архитектурной символикой» [Шаламов Т. 1: 356]. Как мы видим, вышки в Москве множились в архитектуре как здания-высотки, а в рисунках японских пленников — на бумаге.

Частым сюжетом альбома были рисунки лагерной жизни. Тут изобразительный канон не был известен, образцов в газете не было. Политическая карикатура в СССР обычно высмеивала врагов — толстых банкиров в котелках, худых трусливых политиков. И когда сюжет требовал обличать империалистов, их именно так и рисовали в лагерном рисунке. А как изображать свою лагерную жизнь?

Следующий рисунок представляет собой иллюстрированное меню (рис. 41).

Сегодня на ужин: Разные блюда, основанные на творческом усилии. Сегодняшний труд — это веселый ужин. Меню: слева направо: торты, манты с красным знаменем, голубцы, бисквит, сибирская охаги, суши, жареная рыба, канок, кашива мочи, демократические шируко [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 19].

Этот поднадзорный рисунок представляет меню в аутентичном японском стиле. Оно не маркировано как праздничное, значит — обыденное, ежедневное.

Украшать манты красным флагом или назвать сладости демократическими — в этом видны сверхусилия в стремлении понравиться лагерной администрации. Власть уже уверенно водит рукой художника. Демократическая фразеология подачи бросается в глаза: демократические шируко, манты, украшенные красным знаменем. В СССР не было демократических пельменей или пряников. В таком стремлении рисовать и говорить «по-большевистски» мы видим и неуверенность в завтрашнем дне пленников, и желание вернуться — как оборотную сторону демократической фразы.

Рисунки для стенной печати могли быть созданы в разных стилях, но рисунки в стиле манга, сделанные в свободное время Ё. Ватанабэ, не понравились бдительному руководству, западозрившему в них политическую сатиру на Советский Союз.

Допрос. Лица советских людей изображены неверно. Вы порвали стенгазету. Признаться, что ты контрреволюционный элемент. Японский демократ отнес манга советскому комиссару. Он донес на меня как на контрика. Я сказал комиссарам: во всех странах мира существуют такие карикатуры, и я не рвал стенгазету. Переводчика не было, поэтому меня заставили написать показания. Я написал объяснительную, что

не контрик, и стенгазету не рвал, и лица изображены нормальные, как в карикатурах во всех странах мира. Здесь нет ничего оскорбительного. Я прочел перевод на обороте. Тогда комиссары меня отпустили спать. *Я контрэлемент, я оскорбил советских людей в манга и порвал стенгазету* (признал вину устно) [Ватанабэ: 294].

3. ПИСЬМА ДОМОЙ

3 июля 1946 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов докладывал руководителям страны, что, с одной стороны, среди военнопленных японцев растут демократические настроения, а с другой, по данным МИДа, в Японии усиленно распространяют слухи о якобы невыносимых условиях жизни военнопленных японцев в СССР. В этой связи он предлагал разрешить обмен письмами между военнопленными и их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии и Корее, предоставив военнопленным японцам право посылать на родину одно письмо в три месяца, а имеющим хорошие производственные показатели — два письма в три месяца [Военнопленные: 276]. В июле 1946 г. переписка была разрешена, и в соответствующем приказе отмечалось, что письма должны писать на специальных открытках, отпечатанных в типографии газеты «Нихон синбун» в Хабаровске. Эти открытые письма были названы «почтовой карточкой военнопленного», на других бланках отправлять письма не разрешалось, также была запрещена переписка с родственниками, проживающими в иных странах, кроме указанных трех. Для военной цензуры должны были выделить десять человек со знанием японского языка [Военнопленные: 281–282]. Контроль был тщательным, составлялись специальные именные списки военнопленных, в которых отмечалась дата выдачи карточки каждому военнопленному, заполнение почтовых карточек должно было производиться четким разборчивым почерком обязательно чернилами. Обеспечение необходимыми помещениями и чернилами для написания писем возлагалось на лагерное начальство [Военнопленные: 283]. За нарушение лагерного режима пленных наказывали лишением права переписки на срок от 3 до 5 месяцев [Военнопленные: 282]. Почтовые карточки военнопленного содержали и пустой бланк для ответа. Тотальный институт простирали свои щупальца насколько мог: из лагеря в Японию шли одинаковые безликие открытки на серой бумаге, и из Японии в лагерь шли такие же одинаковые безликие открытки.

В лагерной жизни все обычно бывало скромнее, беднее, меньше, чем указывалось в официальных документах. Так, Такеда за четыре года плена разрешили написать только 5 карточек домой [Такеда: сайт], Като не отправил домой ни одного письма.

В открытке сообщать можно было только о себе, имена товарищей, живых или умерших, упоминать не разрешалось, как и сведения о дислокации лагерей. Нельзя было упоминать слова: лагерь, спецгоспиталь и рабочий батальон, нельзя было писать о характере выполняемой работы. Цензура проверяла письма из лагеря и письма в лагерь. Перед выдачей письма ставили штамп: проверено цензурой [Военнопленные: 284]. Не случайно в Японии заметили «подозрительно однородный тон» этих писем [Томиита: 598].

За 9 месяцев 1947 г. было отправлено за границу 547 233 письма. За это же время из-за границы военнопленные японцы получили 258 908 писем, в том числе из Японии — 257 119, из Маньчжурии, Кореи и Южного Сахалина — 1 789 [Воен-

нопленные: 314]. За 1948 г. в адрес военнопленных поступило 339 357 писем, в том числе из Японии 330 388, Кореи — 5 954, Маньчжурии — 1 848 и Южного Сахалина 1 167, и было отправлено 411 436 писем, в том числе в Японию 406 761, Корею — 2 760, Маньчжурию 587 и на Южный Сахалин 1 167 [Венгерские: 105].

Адреса лагерей ГУПВИ были законспирированы номером почтового ящика. Но иногда уточнялись область и город, как например: г. Хабаровск, п/я 224 Накамура Тоиджи [Росси: 11].

Цензура не просто следила, чтобы нежелательная информация не уходила за рубежи СССР. Специальные сотрудники не только перлюстрировали почту, но и занимались контент-анализом переписки. Отдел цензуры регулярно отчитывался о настроениях пленных высшему должностному лицу в стране — тов. И. Сталину, копии посылали А. Жданову, В. Молотову, Л. Берия. Эти данные собирались по лагерям, суммировались и направлялись в министерство. Так, за июнь 1947 г. было выявлено, что писем с положительными отзывами о Советском Союзе — 65 %, с положительными отзывами о питании и содержании в лагерях — 17 %, с положительными отзывами о демократическом движении и КПЯ — 10 %, писем отрицательного характера (недовольство условиями содержания в плену, питанием и др.) — 2,8 % [Военнопленные: 314]. Особо яркие письма переписывались для доклада начальству. Письма «отрицательного характера», как отчитывался глава МВД С. Круглов руководителям страны, «нами конфискуются» [Японские военнопленные в СССР: 299].

Письма домой, как видно из отчета лагеря № 22, находились под двойным контролем — за это отвечали также активисты, количество писем регулировалось планом и фиксировалось в отчетах [Кузьмина: 88]. Чем больше было написано писем с позитивными отзывами об СССР, тем лучше считалась работа актива и лагерной администрации. Одним из таких было письмо Мосинага Тосидзоки родственникам в г. Фукуй.

Благодаря доброму отношению к нам Красной армии мы не испытываем недостатка в продуктах питания, как другие на родине. До пленения с нами обращались, как с ломовыми лошадьми, и мы ничего не знали. Теперь же, попав в эту демократическую страну, многое, что я вижу, вызывает большой интерес. Тут нет привилегированных классов, а потому весь народ смотрит в будущее с надеждой. По возвращении на родину я думаю принять участие в демократическом движении и бороться за счастье народа [Военнопленные: 314].

Военнопленный Такасира Невору писал родственникам в г. Токио.

Советское командование очень доброжелательно относится к нам. Раз в неделю нам обязательно показывают кинофильм, у нас имеется своя самодеятельность. Каждый день едим рис. Вообще Советский Союз совсем не такое опасное государство, как нам объясняли в Японии. По возвращении в Японию я буду стараться претворить в жизнь все ценное, чему научился в Советском Союзе [Военнопленные: 314].

Ямада Набору — своему родственнику Сусуму Набору в г. Насе.

Я сейчас идеологически перерождаюсь. Желая помочь восстановлению родины, я усиленно занимаюсь. Я точно понял, что без уничтожения императора, военщины и финансовых монополий — а это является исторической необходимостью — восстановить Японию будет невозможно. Ввиду этого я твердо решил поддержать коммунистическую партию. Я против того, чтобы из Японии сделали зависимую страну или колонию. Для предотвращения этого мы, патриоты, обязаны поддерживать компартию. Прошу Вас рассказать родителям и братьям об истинном облике

коммунистической партии. Я живу в СССР светлой и благополучной жизнью [Военнопленные: 314].

Военнопленный Ейдзоо Абе — родственнику Масамити Абе в г. Хачиноэ:

Я вполне здоров как душой, так и телом. У Великого Советского Союза я научился прогрессивному движению. Я отбросил все прошлое и твердо решил, что, если мне разрешат вернуться на родину, то обязательно буду активно участвовать в демократическом движении с целью освобождать неимущие классы от эксплуатации и лжи [Военнопленные: 314].

Письма в основном рассказывают о «благополучных» условиях лагеря. Возможно, пленные не хотели тревожить родственников, а также предпочитали сохранить лицо, ведь жаловаться на жизнь некрасиво. Негативная информация об СССР безусловно могла обернуться неприятностями — от бойкота до проблем с репатриацией. Большая часть пленных избегала писать конкретно о своей жизни, прибегая к вежливым безликим фразам. Но все же встречались люди, кто прямо писал, как есть. Так, Уэмацу Кан написал родственнику Уэмацу Хачиман, префектура Яманаси:

Я здесь встречаю уже второй Новый год. Рисовые лепешки ем только во сне. Тут невообразимый холод. Кормят нас главным образом твердым черным хлебом, кислой картошкой и гаолянком. Не знаю, сколько это может продолжаться, но я живу верой, что придет тот день, когда исполнятся мои желания. Отдавшись в руки судьбы и абсолютно не реагируя на трудности работы, мы терпеливо трудимся [Военнопленные: 314].

Военнопленный Ояма Тораро — родственникам в г. Осака:

Живу очень плохо, на здорового человека я нисколько не похож и превратился в половину того, что было. Кроме того, обмундирование и обувь мне велики и выгляжу как карикатура [Военнопленные: 315].

Письма из дома были очень нужны военнопленным, они давали моральную, эмоциональную поддержку. Среди, например, венгерских военнопленных ГУПВИ «находились желающие выкупить чужие письма и не жалеющие миски похлебки или пайки хлеба, лишь бы быть не хуже других» [Эркень: 29].

4. ЛАГЕРНАЯ КАТАКАНА

Катакана — слоговой японский алфавит, предназначенный для записи иностранных слов и имен. Конечно, катакана запечатлела политонимы и топонимы чужой страны: *СССР, Сибирь, Яблонувый, Байкал, Ворошилов, Канск, Находка*, которые были и остались привязкой к местности на карте памяти.

В какой-то степени весь лагерный опыт можно представить в японской жизни только катаканой, настолько он культурно иной. Поэтому катакана в комментариях к картинкам или как часть изобразительного текста маркирует явления, чувства и слова, в первую очередь, слова, употребляемые в ежедневных трудах, — *давай, работа, норма* и слова, важные для выживания, — *скоро, домой, махорка, печка* и др. Большую группу слов составила идеологическая лексика — *Сталин, Интернационал, демократическое движение; реакционер, контрик, контрэлементы, актив, курс*. Оказались усвоенными и такие советские сокращения, как: *контрик, хозинвентарь, спецпаек* и др. Наконец, инвективы, без которых общение охранников и местного населения с военнопленными трудно представить.

С. Кузнецов, много общавшийся с бывшими пленными, писал, что *домой* было единственной мечтой и надеждой узников сибирских лагерей. Кроме этих самых важных слов, запомнились и другие: *работа, давай-давай, давай работай, мало работал, начальник, мадама* (в смысле — женщина, жена), *махорка, очень хорошо, рагеру* (лагерь), *одэхай* (отдыхай — в значении выходной день) [Кузнецов 2003: 289], а также: *самогонка, йоппу твою матти, рубрю, капуста-картошка, каша, подъём, работай, сука, могила, копай-копай, бурокси и фуси* (блохи и вши), *дземура* (земля), *очко, чушка, я-сибиряк* [сайт «Записки гайдзина»]. Н. Киути запомнил такие слова, как: *мало-помалу, чисто, там, другой, два метра, нельзя, принеси рис*. Отмечу, что, проговаривая русские слова в июне 2015 г., Нобуо Киути воспроизводил и повелительную интонацию выражений «Давай чисто!», «Принеси рис!», «Нельзя!» [ПМА, интервью с Н. Киути. Токио, 27 июня 2015].

Производственная норма. С тех пор, как мы приехали в Сибирь, это словосочетание постоянно висело в воздухе. Как нам надоело его слушать! Тем не менее не только у русских шахтеров и рабочих, но и у нас, японских военнопленных, слово «норма» стало злостным. Ведь вся жизнь лагеря зависит от этого слова [Ёсида Ю: сайт].

Заканчиваем работу в колхозе только что выученными русскими словами «До свидания», «спасибо». Красный закат поистине красив. Небо Восточной Европы отличается от неба Маньчжурии. «До свидания, барышня», «Работа — конец. Колхоз» — так мы прощались по-русски [Киути: сайт].

Знающих русский язык среди военнопленных было не так много. Сержант Ёсида Юкио был единственным среди 1400 чел. лагеря Заозерная, кто прилично говорил по-русски, потому что его специально полтора года готовили в учебном отряде иностранных языков в Харбине [Ёсида Ю: сайт]. К выпускникам Харбинской школы присматривались офицеры НКВД, выясняли, не имели ли они отношение к разведке. Переводчик Такеши Мимура за то, что тоже ее закончил, был наказан как военный преступник 13 годами ГУЛАГа, хотя к разведке не имел отношения. Более или менее свободно говорить по-русски в лагере стали люди, способные к языкам, бывшие студенты, имевшие навыки обучения иностранным языкам.

Мотивация для обучения русскому языку у людей была разная. Кто-то хотел научиться говорить по-большевистски, кто-то — чтобы выжить, кто-то, как К. Като, думал так:

Мне казалось, что в Сибири я могу заболеть и умереть. Поэтому мне хотелось знать хотя бы название того места, где я найду свою смерть. Для этого необходимо было изучить русский язык. И я старался не пропускать случая поговорить с кем-нибудь по-русски, заучивал тексты из разговорника [Като: 55].

Русские слова, написанные по-японски, присутствуют на многих картинах. В первую очередь, это самые важные для выживания слова, которые после отсева временем сохра-

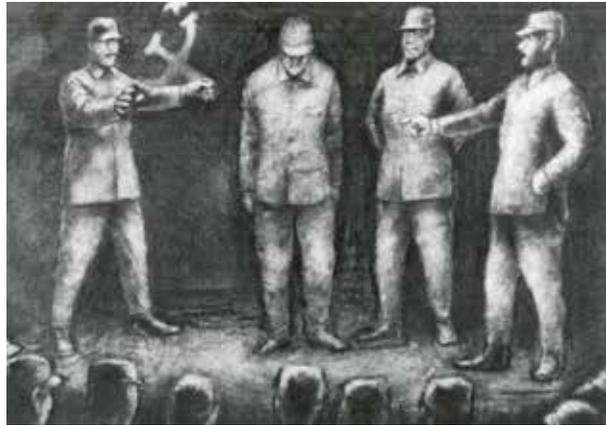
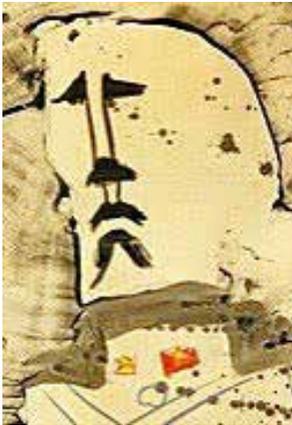

нились в памяти и отразились в языке травмированной памяти. Это слова *скоро домой*, написанные по-русски Я. Казуки (рис. 42).

Ё. Уэцухара написал: *Домой, Сталин, банзай* [Уэцухара «Эн» (2)] (рис. 43). Мы попросили у начальника «Правду» и нашли понятные нам слова, например, *военнопленные, японские, домой*, и обрадовались [Ооути: 122]. Ц. Хисанага в своих комментариях писал катканой слово «дорога», Такэути — «каша есть?»

В японской литературной традиции существует правило — отмечать сезон. Такая привязка ко времени года может быть прямой, а может быть и опосредованной — через упоминание цветущего растения или опадающей листвы. Верны этой традиции и авторы воспоминаний в форме дневников, например, Ё.

Ватанабэ. Мы регулярно встречаем в его книге: желуди в середине октября, клопы в середине августа [Ватанабэ: 236, 237].

Я. Казуки нарисовал портрет человека, лицо которого выражает муку — ему дискомфортно (рис. 44). Портрет сделан нарочито грубо, как будто набросан вчерне, как будто это черновик человека или глыба, которую надо обтесать, убрав все лишнее, например, тяжелую память. На шее автор изобразил два главных символа советской власти — пятиконечную звезду и красное знамя. Именно эти символы не давали пленному дышать.

На рисунке И. Ёсида, изображающем товарищеский суд, также помещены серп и молот (рис. 45). На сцене мы видим фигуры четырех пленников. В центре стоит тот, который «провинился» перед другими. Он низко склонил голову, руки опущены и прижаты к телу. «По швам», как учат военных. Рядом с ним стоит человек в очках, которые здесь являются символом опыта, с заложенными за спину, как у хозяина положения, руками. У него довольное лицо режиссера спектакля. Крайний справа

выступает в роли обвинителя. Он вытянул правую руку с указующим перстом, как учитель, отчитывающий нерадивого ученика за невыученный урок. Но нас интересует человек слева. Он вытянул обе руки, как хормейстер, дирижирующий хором. А вокруг его рук — призрак серпа и молота с пятиконечной звездой, напоминающий также скрещенные ятаганы [Ёсида: 168].

На картине Я. Казуки найдем в двух словах четыре грамматические ошибки (рис. 46). Они красноречиво демонстрируют, что автор — чужак в этой стране, что и Сибирь, и Байкал — это реалии чужого и недружественного для него мира. Если ошибка в слове *Байкар* связана с особенностями фонетики японского языка, то неверное написание слова *Сибирь* свидетельствует о незнании чужого языка, так и не усвоенного, несмотря на 18 месяцев, проведенных в СССР, поскольку политические занятия в лагерях проводили, а уроки русского языка — нет. На другой его работе название порт Находка назван *ИАХОТКА*. Амур. 1945.

После слов *домой* и *Сибирь* ключевым стало также и слово *СССР*, вписанное Казуки красными буквами в черное полотно лагерной жизни, как мы видим на рис. 47.

До свидания, *Сибирь* и *Находка*. 27 октября 1948 г. Работал три с половиной года на победителей. Я избежал семилетнего тюремного срока. Мое судно плывет прямо в Японию, где голод и революционная борьба. *Кричат в сторону СССР: дураки, дураки* [Ватанабэ: 349].

В дневнике Ватанабэ мы встречаем и другое распространенное русское выражение *еще взяли*, которое пленные произносили, когда переносили бревна [Ватанабэ: 252]. Эти слова отсылают к песне бурлаков, которые тащили торговые корабли по русским рекам до XX в. Кроме народных песен «Полюшко-поле», «Дубинушка» военнопленные полюбили песни «Моя Москва», «Катюшу», которую в 2015 г. безошибочно напел Нобуо Киути. Като Кюзо хорошо помнил романс «Ночь светла» (муз. Н. Шишкина) и «Кантату о Сталине», и слова, и мелодию.

От края до края, по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ.¹⁸

18 Слова М. Инюшкина. Музыка А. Александрова.

Конечно, важно было знать пролетарский гимн.

Приказ о репатриации 1000 чел. Это половина пленных лагеря. Все были возбуждены. Управление лагеря и комитет отбирали людей два дня и объявили, кто может вернуться домой. Быстро устроили прощальный вечер. Все пели *Интернационал* [Ооути: 127].

Особая группа слов, засевших в памяти пленных, — это русские инвективы во всем их небольшом, но емком спектре. Неприятные слова и выражения, которые пленники слышали чаще других, отчеканились в сибирских воспоминаниях. Как заметил И. Такасуги, они — естественное порождение советской производственной жизни и совершенно необходимы для скрашивания жестоких условий существования советских людей [Такасуги Ч. 4: 111].

Разговор работяг везде одинаков, поэтому даже самые плохие ученики русского языка могут выругаться и крепко выразиться: *дурак*. Когда русские начинают ругаться, японцы, не замечая, в возбуждении отвечают на японском языке [Ооути: 156].

9 ноября. Первый шаг на чужбине. Здравствуйтесь... Быстро. *Ёб твою мать, японский* [Ватанабэ: 142].

Ватанабэ запомнил инвективное выражение рядом с термином, означающим его этническую группу — это парадоксальным образом может означать как хорошее, так и плохое отношение к пленникам.

С 5-метровой башни бревно в полтора метра длиной упало и задело мою голову. Не очень больно, но кровь пошла. Фуджихира отнес меня, и я надеялся на отдых в 10 дней. Но русские говорят, что скоро помру. Дурак, я не умру. *Скоро помрет японец. — Ой, плохо. — О, блять. — Ой, страшно* [Ватанабэ: 332].

Заставляют *работать* при скудной еде, как пишет Уэцухара. Слово «работа» также написано катаканой, так как это была не просто работа, знакомая японскому языку, а подневольный труд.

К нам приехали политработники, начальники лагерей. Офицеры обещали нам, что в этом году обязательно все вернутся в Японию. Ко всем вернулись силы. В бараке рядом с плакатом о повышении процента нормы висит радостный плакат о *домой*. Когда люди смотрят на него, их лица сияют [Ооути: 131].

Проверял американец с японскими корнями (после возвращения в Японию. — Э.Г.). Спрашивал: вы кричали в Находке «Да здравствует *Сталин, Советский Союз*»? Показал мне карту, где все нарисовано удивительно подробно. Вот это лагерь, где вы жили, вот магазин, а где находится электростанция? [Ооути: 188].

Глава 7. Человеческие отношения

1. Внутри японского сообщества

М. Ооути разбил годы плена в своем лагере на следующие периоды:

1. сентябрь 1945 — весна 1946 гг. Организационная структура оставалась старой армейской. Мороз, нехватка еды, неясные перспективы. Больше всего людей погибло именно в этот период.
2. лето 1946 — зима 1947 гг. Офицеров отстранили от руководства, и был создан комитет «Интеллигенция против фашизма». Демократическое движение стало понемногу усиливаться.
3. 1948 г. — начинается основное политическое перевоспитание, и демократическое движение становится активным. Интеллигенции в комитете стало меньше, а всем стали заправлять молодые активисты.
4. 1949 г. — сумасшедшее демократическое движение в лагере. Не могу забыть этот неприятный опыт [Ооути: 4–5].

Военнопленные не были гомогенной группой. В плену для японцев земляческие отношения приобретали особое значение. Все военнопленные были уроженцами той или иной префектуры, того или иного городка, ведь землячество, как и в любой армии, было одним из оснований для дружеских отношений и поддержки. Происхождение из одной префектуры было достаточным поводом, чтобы поддерживать отношения с человеком, который хранил те же воспоминания о родных местах, который мог рассказать о тебе родственникам, если вернется раньше, или у которого о чем-то можно было узнать дополнительно из писем ему из дома.

Тысяча пленных попали в этот лагерь. Там было несколько солдат, посланных на север Кореи. Есть кто-нибудь из префектуры Нара? Кто-то сказал: я из Нара. Это был Катуми Каджи из города Гойо. Я встретил только одного из Нара за это время. Охрана мирно играла на гитаре, наблюдая за нами. Конец июня 1946 г. [Ёсида: 170].

Иногда на основе земляческих отношений, иногда по другим обстоятельствам складывались группы из нескольких человек, которые поддерживали друг друга во всех отношениях. Антрополог Лев Клейн писал об этом на основании лагерного опыта в СССР 1980-х гг.:

В лагере для выживания очень важна поддержка нескольких человек, с которыми ты успел сдружиться, — кентов. Вот с ними человек образует семью — это несколько человек с общим личным хозяйством, с постоянной заботой друг о друге, с общим досугом. Все их знают как одну семью и считаются с ней. О деторождении тут речи не может быть: семьи однополые, и даже однополый секс, как правило, отсутствует [Л. Горалик: сайт].

Действительно, в дневнике Ватанабэ мы часто встречаем одни и те же имена близких друзей — Танигути, Канно, Накамура — и видим, что они живут одной семьей, как братья, помогая друг другу во всем, советуясь и рискуя вместе. Ватанабэ описывает, как уроженец городка Ноборибецу Такаги делился сигаретами со своим земляком.

Какой-то незнакомый высокий человек часто требует у Такаги-сана то сигареты, а когда нет сигарет, то листья табака. Табак тогда очень ценился. Я думал, что их дружба очень крепкая, но одновременно и странная. Я спросил Такаги-сана, почему он дает сигареты ему. Он ответил, что этот человек очень важен для него. Потом я узнал, что он директор гостиницы в Ноборибецу [Ватанабэ: 210].

Почти все пленные были японцами, хотя встречались корейцы и даже монголы. Иностранцы говорили по-японски, служили в Квантунской армии рядовыми или в лучшем случае были сержантами или унтер-офицерами. После пленения Квантунской армии некоторые корейцы и китайцы пытались дистанцироваться от японского большинства и в своих письмах благодарности всячески подчеркивали, что они не японцы. Поэтому принадлежность к иной этнической группе среди японских военнопленных иногда актуализировалась.

Мы зажгли бочку. Очень холодно, мы не могли заснуть и всю ночь ходили. У корейского солдата загорелась одежда. Ему сказали: ложись на землю. Мы смеялись, так как нам не нравились корейцы, потому что после поражения Японии они стали самоуверенными [Ватанабэ: 145].

Самым юным пленником в СССР был 10-летний сын полковника Онозаки. Этой семье разрешили жить отдельно, в избушке у кухни. Мальчик быстро заговорил по-немецки и по-русски и стал общим любимцем, ему были созданы условия для получения школьного образования на японском языке. Подпись к рисунку: *Маленький, как дела? — Ничего. — Маленький самурай, иди сюда* [Такэути: 58].

Элиты в лагере. Во всех лагерях среди заключенных было расслоение, и легко можно было различить основную массу и элиту, имевшую льготы. Такой элитой в нацистских концлагерях были капо,¹⁹ в ГУЛАГе воровская верхушка имела свои льготы, не ходила на общие работы и не голодала.

В отношениях военнопленных большое значение имела военная иерархия. Среди пленных были новобранцы, опытные солдаты, унтер-офицеры и офицеры, которые выстраивались в иерархическую вертикаль. Труднее всего было 17-летним новобранцам. Молодые плохо обученные солдаты, оказавшиеся в армии перед концом войны, были самыми незащищенными. Японские офицеры забирали у солдат

19 Как описывал представителей лагерной элиты Освенцима В. Франкл, это были люди с толстыми щеками и румяными лицами, которые встречали ежедневно составы с тысячами людей на вокзале, чтобы забрать их багаж с ценностями [Франкл: 134].

еду, которой недоставало, заставляли их стирать одежду, чистить обувь, всячески обслуживать офицеров.

Все в сборе со своими вещами. Досмотр. Может быть, *домой*? Но это только проверка одежды перед похолоданием. У кого есть две шинели, одну забирали для тех, у кого совсем нет. Молодые солдаты тихо радовались — хорошо, коммунизм. Но, вернувшись в барак, старослужащие солдаты у них снова все забрали [Ооути: 51].

Даже в воскресенье было мало времени для отдыха. А малоопытным солдатам надо было работать много. Если армия существует в обычном режиме, в нее приходит пополнение. Но здесь новобранцев не было, и молодые солдаты вынуждены были выполнять самую трудную работу, ходить в плохой одежде. Они должны были проследить, чтобы сперва высохли валенки старых солдат, а потом сушить свои [Ооути: 62].

Как будто соревнование в выживании. Больше всего умирают старики и неопытные солдаты. Надо бороться за жизнь. Бороться с природой, с голодом, с разными социальными группами и даже с друзьями [Ооути: 81].

Военная служба в Японии, как и во многих культурах, приравнивалась к инициации и означала превращение паренька в «настоящего мужчину» [Мещеряков 2012: 362]. Согласно ритуалам перехода юноши меняли прическу: вместо разнообразных стрижек в гражданской жизни в армии всех брили наголо. Гражданский костюм также был заменен на военную форму. Как и положено во время инициации, юноши проходили испытания на выносливость — физическую и моральную. Их могли шпынять, унижать, заставлять выполнять дополнительные работы, могли и побить. Ведь рукоприкладство вышестоящих чинов было нормой армейской жизни и не подвергалось осуждению — ни командирами, ни обществом [Мещеряков 2012: 363].

В лагерях ГУПВИ пленные офицеры, тем более генералы, находились в лучших условиях, чем рядовые и младшие командиры, что выражалось в более высоких нормах питания, денежном довольствии и порой в отдельных офицерских столовых. Таким образом, они сохраняли свой высокий статус и составляли привилегированный слой. Офицеры продолжали принуждать солдат выполнять работу по их обслуживанию, отбирали еду и избивали.

Как признавался один из героев Харуки Мураками, «случалось, пленным линчевали их же соотечественники, японцы. Что поделаешь, иногда люди ненавидят, подзревают, боятся друг друга, теряют надежду и отчаиваются» [Мураками: 727]. Х. Мураками как будто читал документы лагеря № 7 в Иркутской области, где фельдфельдбель Касехира Пугио по примеру офицеров издевался над подчиненными солдатами и даже пытал. Он вызывал к себе неугодных ему или провинившихся и подвергал истязаниям, привязав руку к столу, втыкал под ногти иголки, зимой заставлял раздеваться и простаивать на морозе долгое время [Главное: 687].

Репатриированный на родину в 1950 г. Таданогу Като 4 февраля 1950 г. на страницах японских газет сделал заявление в сенат Японии с требованием провести расследование по делу японского лейтенанта Акия Маруи, о том, что он виновен в гибели 700 соотечественников — военнопленных, которых часами заставлял стоять раздетыми на снегу после бани [ГАХК Ф. 1036. Оп. 1. Д. 477. Л. 77 — Цит по: Кузьмина: 63].

Реакционные элементы запугивали солдат антисоветской клеветой о том, что военнопленным солдатам в СССР будет плохо, агитировали, чтобы солдаты не работа-

ли. Все продукты забирали себе, вследствие чего солдаты и унтер-офицеры ослабли [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 2 об.].

Как-то раз видел бурный спор между советским офицером и солдатом. Офицер, видимо, приказал солдату что-то, а тот отказывался выполнять. У советских, похоже, не принято давать пощечины. В японской армии принято абсолютное выполнение приказов старшего по званию [Ооути: 97].

Дайдзо Такахаси также отмечал, что

С продовольствием для всех было плохо. В день выдавалось только 300 грамм хлеба. Из-за жульничества офицеров (японских — М.К.) рядовые военнопленные часто получали по 200 граммов. В результате этого военнопленные умирали один за другим [«Гипотеза» № 4, 1991 — цит. по: Кузьмина: 54].

Спустя десятилетия К. Като более трезво оценивает лагерные проблемы. По его мнению, жизнь военнопленных во многом зависела не только от офицеров, но и от лагерной администрации, а также от того, как вели себя исполнители среднего звена: японские бригадиры, военные врачи, повара и переводчики. От того, насколько честно и серьезно они относились к своим обязанностям, положение военнопленных менялось в лучшую или худшую сторону [Като: 57].

В первое время продолжала работать старая военная иерархия, по которой унтер-офицеры могли эксплуатировать рядовых, а старшие офицеры — и тех, и других. Более того, они могли избивать, издеваться, отбирать еду, долго мылись в душе за счет времени солдат. Например, солдаты приготовили еду, а японский офицер перевернул бак с едой под предлогом, что нельзя пользоваться огнем [Ооути: 31]. Или, как писал Исаму Ёсида,

старшие солдаты получали меньшую квоту и большую порцию, в то время как молодые солдаты — большую квоту и меньшую порцию... Кикиу Морита смело протестовал против этого. Середина октября 1945 г. [Ёсида: 86].

В Охе в то время унтер-офицеры могли мыться чаще и находиться в бане дольше, чем солдаты [Ооути: 105].

Старшие офицеры жили в отдельных комнатах, а младшие прислуживали им наподобие денщиков [Такасуги Ч. 3: 98].

«Демократический» актив. Почти во всех лагерях произошла смена элит под девизом «Снимай погоны!».

Всех офицеров собрали и заставили работать, давали столько же еды как солдатам. Так продолжалось месяц. Им было довольно тяжело. Они поняли, каково приходится солдатам. В лагере офицеров изолировали от рядовых. Они вели себя некрасиво. Например, просили селедку, протягивая руки из туалета [Ооути: 94].

Уничтожили армейскую иерархию. Все стали равны. Офицеры полностью потеряли власть [Ооути: 105].

Борцы с офицерами использовали риторику классово-борьбы. Как писал пленный Сато из 5 л.о. лагеря № 16 в Хабаровске о создании общества «Томонокай», первой работой Томонокай была последовательная ликвидация остатков милитаризма в лагерном отделении, являющемся миниатюрой старой императорской армии. <...> Надо было разбить привилегированный класс. Мы начали с разоблачения императорского строя, и на основе абсолютного антимилитаризма приступили к демократизации внутрилагерной жизни [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 69].

Были офицеры, которые первыми сняли погоны. Унтер-офицеры и солдаты тоже стали снимать погоны. И когда демократическая группа обратилась ко всему батальону с предложением снять погоны, весь батальон единогласно принял это предложение, и т.о. был ликвидирован один из остаточных элементов старой армии [Ф. 4/5. Оп. 30я. Д. 15. Л. 65].

Офицеры лишились денщиков и должны были заниматься уборкой наравне с солдатами.

В результате воздействия демократических идей на молодые умы стали появляться активисты из рядовых и нижних чинов. Находясь в стране, где господствующая идеология признавала равенство всех людей, в условиях, когда все без исключения пленные должны были посещать политинформации и другие занятия по марксистско-ленинской идеологии, какая-то часть слушателей неизбежно должна была увлечься привлекательными левыми идеями. Это были выходцы из бедных семей, кто был молод и чей жизненный опыт ограничивался армейской службой. Руководство ГУПВИ в свою очередь распорядилось сосредоточить старший офицерский состав в 2–3 лагерях, а «офицерский состав до капитана включительно вывезти в ближайшие производственные лагеря» [Военнопленные: 483].

Иллюстрацией такого поворота служит архивный рисунок, на котором мы видим солдата, яростно рвущего отобранные у офицеров погоны (рис. 48). Этот солдат как герой стоит на первом плане, а офицер, оставшийся без погон, делает успокаивающий жест — раскрытыми ладонями, как бы показывая, что в руках нет оружия, и призывая к миру. Он согласен с происходящим [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 65].

Кадры активистов крепили в работе, из числа лояльно настроенных и проверенных активистов с 1948 г. были сформированы вспомогательные команды (ВК), которые помогали боевому составу конвоя исполнять обязанности. Самостоятельно членов ВК на охрану не выпускали, только вместе с конвоирами. Оружия им не выдавали, но выдавали свистки и другие средства быстрого оповещения на случай опасности. Этим людям предоставляли привилегированные условия — отдельную комнату для проживания, лучшее обмундирование, относительно легкую работу и проч.

Одни потеряли привилегии, а другие получили их. Новая элита — увлеченные демократическим движением военнопленные, прошедшие политические курсы, применяла идеи классовой борьбы в лагерных бараках, преследуя разными способами тех, кто не хотел заниматься политикой. Тех, кто пытался отмалчиваться, а также тех, кто вслух не соглашался с левыми лозунгами, с мыслью, что «теперь их родина — СССР, оплот социализма», называли реакционерами, контриками и осуждали на общих собраниях, требуя раскаяния.

Однако дело было не только в недостаточном опыте молодых солдат или их увлеченности политической идеей. Беда была в самом политическом процессе, который после вступления военнопленного в демократический кружок затягивал в кру-

говорит напряженной «политической жизни». Так же, согласно Вальтеру Беньямину, затягивали иностранца похожие процессы в Москве 1920-х гг., где за один месяц человек успевал пережить бесконечные перипетии судьбы, которых в родной стране хватило бы на всю жизнь. В результате возникает своего рода опьянение, жизнь без заседаний и комиссий, дискуссий, резолюций и голосования (а это все <...> ступени на пути к власти) покажется невозможной, так что в конце концов возникает вопрос, оставаться ли в <...> незащищенном, негостеприимном и продуваемом сквозняком зрительном зале или так или иначе принять свою роль на гремящей сцене [Беньямин: 118].

К строптивым, отстаивавшим независимость своих взглядов, применяли бойкот. Цена вопроса была высока — разрешение на репатриацию. После того как активисты демократического движения завернули из Находки нескольких недостаточно идеологически надежных с их точки зрения людей, их влияние выросло, и многие стали их бояться.

«Демократическое» движение стало сильнее летом 1947 г. Военный врач О. и бухгалтер М. приехали из лагеря, в котором я работал раньше. Перед посадкой на последнее судно из Находки в 1947 г. коммунисты имели большую власть и, организовав коллективное осуждение, сказали, что не разрешают им домой [Ооути: 147].

Наконец состоялось последнее «демократическое» собрание. Все критиковали и ругали контрэлемнты. Объект критики — Накамура, Ватанабэ, Канно, Танэгүти. Японцы судили нас четверых как носителей опасных мыслей, как крайне опасных политических противников. Фудзихира сказал, что он — гуманист, поэтому не может согласиться с общим решением. Нас стало пятеро. — *Это буржуазная сука. — Это контрреволюционное высказывание. Они — опасные политические противники. Давай долуй* [Ватанабэ: 326].

Примо Леви выделил в этике лагерного поведения «серую зону». Речь идет о «привилегированных заключенных», на которых, считал Леви, и держится лагерь. Среди японских военнопленных привилегии имели активисты демократического движения, правая рука лагерной администрации.

Донительство. Со временем лагерь становился сверхтотальным институтом — и по своему прямому назначению, и по той атмосфере, что складывалась в бараках из-за тотального контроля за поведением со стороны таких же, как они сами, японских пленных. В каждом лагере существовал оперативно-чекистский отдел, вербовавший агентов. Так в лагере № 22 было завербовано три человека в марте 1946 г., на начало 1947 г. уже было 44 агента, работа которых была направлена «на выявление фашистско-реакционных элементов, шпионов, диверсантов, саботажников и лиц, которые отказывались от работы» [Кузьмина: 84].

Обвиняемых негласно допрашивали, после чего брали в агентурную разработку, присваивая им псевдонимы: Восток, Тайга, Ночь, Амур. В их задачи входило выявлять бывших работников внутренних дел, жандармерии, полиции, враждебно настроенных к СССР. Интересно, что псевдонимы напоминали клички животных.

Наиболее способные агенты рассматривались «для возможного использования на стороне советской разведки». «Направляю личное и рабочее дело № 7/429 на внутрилагерного агента... под псевдонимом “Рыбак”, убывшего этапом из Управления лагеря № 21 29.06.47 в лагерь Комсомольска, как офицера японской армии для его дальнейшего использования в нашей работе» [ОСФ ИЦ УВД ХК Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 15].

Страх. Тем, кто имел высшее образование, было опасно не участвовать в молодежном активе. Непонятно, где, когда и кто наблюдает за мной. Если теряешь бдительность, то тебя используют, чтобы проверить классовое сознание других.

Шахта, демократия и шпион. Большинство японских шахтеров были те, кто бежал от безумного просветительного движения. Аоки: *Отмена империалистической власти офицеров и унтеров — это хороший результат. Вначале у власти стали демократы, потом новые демократы боролись со старыми демократами и так все время. Такая борьба не похожа на демократию. Нам, японцам, нужно иметь гордость и помогать друг другу, чтобы живыми вернуться домой. Сейчас в Японии уже нет империализма, страна демилитаризована, нам надо построить новую демократическую Японию. Нам не нужна советская московская родина.* Человек, который высказывал эти мысли, унтер-офицер Аоки, оказался **шпионом**. Мы об этом не догадывались, но наши разговоры всегда становились известны главному штабу демократов [Ватанабэ: 323].

Во время репатриации тем активистам, кто был особенно жесток с «контрой», и тем, кто занимался доносами, пришлось трудно. Кого-то наказывали в дороге сразу же после пересечения российской границы. Кто-то пытался сам свести счеты с жизнью. Так, перед отправкой из Хабаровска в Находку Таро Ямасита, находясь в вагоне, вонзил себе в грудь отточенное полотно от ножовки. Полагали, что причиной послужили его показания на других японцев и страх ответственности за это перед японскими властями [Катасонова: 394].

Снова появились разные транспаранты, как в прошлом году. Н. разорвал один из них. Только 7–8 человек видели это, но через 30 минут его вызвали в контору. Везде и всегда шло **наблюдение за пленными** [Ооути: 143].

Проверяли реакционное движение в лагерях. Переводчик угрожал парикмахеру: если «не скажешь правду, тебя посадят в тюрьму на 18 лет». С., который работает в медпункте, шептал, что среди пленных есть **шпионы**. Все чувствовали какое-то беспокойство. Я перестал доверять всем товарищам. Ошибался ли я, доверяя им? Ведь я видел, как все теряли человеческие качества в плену. Похороны в себе свое мнение. Когда я на дистанции с японцами, на работе, я немного успокаиваюсь [Ооути: 147].

Некоторые мои коллеги полицейские стали **шпионить** для советской администрации и получили легкую работу по болезни. Японские солдаты ненавидят полицейских. Но я горжусь, что я не такой [Ватанабэ: 205].

Постоянный самоконтроль среди военнопленных и страх, что твои слова могут быть ложно истолкованы, изматывали, и, как признавался Ооути, среди русских он чувствовал себя спокойнее, чем среди японцев. Уэцухара нарисовал на карте «Ни» (2) пленного, который «больше похож на зверя, а не на человека, продаст друга ради хлеба».

Сверхпаноптикон. Паноптикон как образец тюрьмы, в которой надзирателю удобно наблюдать за заключенными, был начертан И. Бертоном и проанализирован М. Фуко. Лагерь военнопленных отличался от тюрьмы прежде всего тем, что имел экономическое назначение и цели перековки. Контроль в лагере был тотальным. Лагерь, с его контролем не только со стороны администрации, но и пленных друг за другом, включая перлюстрацию писем из дома, а также порой и контролем за испражнениями, становился вариантом сверхпаноптикона. Лагерный сверхпаноптикон обеспечивал не только контроль, но и коллективное наказание за неверные взгляды и поведение, например, подозрительного или провинившегося пленного ожидали принудительная стрижка, товарищеский суд, бойкот.

Тотальный контроль за письмами давал дополнительные сведения о социальном положении родных пленного, и если оказывалось, что родственники на родине живут зажиточно, жизнь адресата в лагере осложнялась. А ведь чтобы успокоить, например, сына в плену, из дома не писали о проблемах трудной послевоенной жизни, а наоборот, приукрашивали ее. Как сформулировал Ооути, письма из дома могут быть хорошие и могут быть плохие.

Если в письме написано, что жизнь у них тяжелая, то хорошо. Если написано, что жизнь стала лучше, или получили прибыль, или спасибо американской армии, то мне надо сказать всем, что моя семья ничего не понимает, но, когда я вернусь, я их перевоспитаю. Комитет проверяет все письма [Ооути: 152].

В тотальных институтах среди других дисциплинарных мер воздействия было принудительное бритье головы. Активисты «демократического движения» также прибегали к подобной форме наказания таких же пленных за их «реакционные» взгляды.

Реакционерам постригли волосы. На месте работы советским людям сообщают, что он реакционер. Меня тоже постригли. Я думал, что если просто работаешь как машина, то можно стерпеть. Это продолжится только до возвращения [Ооути: 147].

Пленные А. и Б. дружили и дали клятву быть как братья. Однако демократическое движение препятствовало их дружбе. Б. вступил в группу активной молодежи, а А. был против демократического движения. Сначала Б. поддерживал А., говорил, что он его брат. Но когда движение стало активнее, Б. заставили критиковать А. [Ооути: 158].

Военнопленным необходимо было скрывать не только политические взгляды, но и свои отношения с Богом. Воинствующие атеисты боролись не только с религиозными практиками, но и с чтением духовной литературы, например, Библии. Такую книгу было опасно не только читать, но и хранить.

В Ворошилове: брошюру, которую они опубликовали, я прочел раньше других. Но я также прочитал книгу, которую скрывал Накамура. Она была интереснее и понятнее, нежели «Материализм и диалектика». Если вишня зимой цветет, это плохой знак в любом случае, потому что это неестественно. Разумеется, если вишня расцветает весной, это хорошо и понятно. В этом мире есть закон природы, это Бог. Противники этого закона когда-нибудь умрут. Я тоже хочу верить в Бога, который не имеет образа. — *Пожалуйста, сожгите эту книгу, потому что, если кто-то другой ее увидит, у вас будут неприятности.* — *Понял, прочитав книгу до конца, я ее сожгу в печке* [Ватанабэ: 325].

Именно подобные процессы имел в виду М. Фуко, когда писал, что насаждение дискурса ведётся средствами социального надзора. Как показали в своей статье Сара Кроули и Кендал Броуд, действовать определенным образом нас заставляет не внешняя сила, а фактически надзор друг за другом в процессе обычной жизни, который поощряет к поведению, соответствующему правящему дискурсу. Важно отметить: будучи подвержен такому постоянному и непрекращающемуся надзору, каждый из нас начинает вести нормативный надзор над самим собой. Мы становимся собственными тюремщиками в том смысле, что начинаем «неловко себя чувствовать», если знаем, что нарушаем социальные законы [Кроули, Броуд: 16].

Сверхпаноптикон предполагал надзор тех же пленных друг за другом, как за

письменным, так и, конечно, за устным словом. Социальный контроль сверхпа-ноптика проницал повсюду и даже касался испражнений: по цвету экскрементов и мочи товарищи могли определить, кто что ел накануне, был ли у кого скрытый источник продуктов.

От гаоляна испражнения были красно-черного цвета. Если у человека желтые испражнения, он, возможно, откуда-то украл рис. Моча красная, потому что стащил свеклу из сарая. Цвет поноса намекает на бобовые выжимки — я много слышал такие рассуждения свидетелей. Получается, что только люди привилегированного класса могли стесняться своих испражнений [Сато 1979: 138].

Не имея навыков внутреннего сопротивления давлению режима, люди проваливаются в «тело» социума, утрачивают субъектность личных интересов и ценностей, начинают соревноваться за лучшее воплощение нормативной коллективной субъектности [Герасимов: 4]. В 1950 г. с Кюзо Като произошла такая история.

Однажды я сказал пленным: «Что же Советский Союз так плохо к нам относится? Разве могли мы, маленькие люди, влиять на события, которые происходили вокруг нас? Уже скоро пять лет, а они не думают о том, чтобы вернуть нас домой». Уже не знаю каким образом, но эти слова дошли до членов организованной в лагере и пользовавшейся поддержкой администрации так называемой демократической группы японцев. Они решили после ужина обсудить мое поведение на собрании. Я им сказал так: «У меня совсем не было намерения критиковать Советский Союз, и я скорее верю в Советский Союз, а то, что я сказал, было от чистого сердца, и ничего плохого я не имел в виду». Но чем больше я оправдывался, тем сильнее раздражал членов группы. В результате было решено объявить мне бойкот. Меня стали называть «контрой». Этот ярлык мог быть приклеен к любому, кто посмел бы со мной общаться [Като: 52].

Бойкот — отказ от всяческого общения с лицом, которого обвиняют в ошибочном поведении. С этим человеком не разговаривают, не здороваются, пока он публично не признает свою вину и не исправится. Как заметила Ханна Арендт, это предельная форма власти: «все против одного» [Арендт: 49]. Те, кто не поддерживает молчаливый заговор, сами оказываются в центре бойкота.

Если запрещают общаться,
Тайком в воде руку пожму.
Это и есть дружба [Нисимура 2004 а: 9].

Атмосфера насаждаемой классовый борьбы в сообществе лагеря, где она могла быть только в политическом воображении, была неприятна сама по себе, своими непроговариваемыми правилами и тайными доносами, а доносчиками были твои же соседи по бараку, сообщавшие активистам и лагерной администрации о любых неосторожных словах. Все свои мысли нужно было скрывать. На рис. 45 показан товарищеский суд.

Товарищеский суд — экзекуция с каверзными вопросами. В лагере в Ворошилове росло масштабное «демократическое движение» среди пленных японцев. Лидеры заводили шпионов, чтобы выявлять несогласных со сталинской доктриной, и выводили таких на судилище. В зависимости от тяжести преступления наказания различались. В легких случаях могли просто стукнуть или выливали на голову ведро воды. В более тяжелых случаях приговаривали к голоду. Хитрые советские офице-

ры из политуправления наблюдали со стороны и ухмылялись. Они не пытались остановить.

Было жалко этих японских активистов, которые хотели получить свои привилегии, раболепствуя перед советскими начальниками. Мы с трудом воспринимали такие крайние выражения эгоизма. Они боролись даже друг с другом за власть внутри своей группы, пытаясь обезопасить себя. Они не понимали, что находятся в уязвимом положении: их могли обвинить в сопротивлении и исключить в любое время. Они вели себя как хозяева положения, потому что много о себе воображали. Я все больше чувствую опустошенность [Ёсида: 168].

Бойкот. С теми, кого заклеили как реакционеров, никто не разговаривает ни днем, ни ночью. Говорить по-японски я не могу, только про себя. Это тяжело. В лагере общаться не с кем. Самое тревожное — меня могут вычеркнуть из списков на репатриацию. Если говоришь с реакционером, то тебя считают сторонником и тоже бойкотируют.

Почему ты не участвуешь в молодежном активе? После того, как отложили на год возвращение домой, я решил не связываться с этим движением, но меня стали критиковать из-за этого. Кроме меня только 2–3 человека не состоят в этом обществе, их тоже считают реакционерами. Наконец, чтобы меня не заклеили реакционером и чтобы все-таки вернуться домой, мне надо выступить с самокритикой. Скрывая настоящие чувства, я кричал: товарищи, до сих пор я не содействовал демократическому движению, но это была большая ошибка, теперь я начну с вами работать активно [Ооути: 144].

Критика. Он сказал, важнее беречь себя, чем работать для Советского Союза. Значит, он помогает репрессиям против рабочих в Японии. Да, нельзя ему разрешать возвращение в Японию. — У кого есть право так говорить? Собака реакционного государства. Все громко ругали. Кто вышел с самокритикой, не может оправдываться. Если ты против такой критики, если не кричишь со всеми вместе, то в следующий раз могут критиковать тебя [Ооути: 145].

Наконец, критика дошла и до меня. Говорили, что семья Ооути буржуазная. Откуда они узнали? Теперь критиковали меня за то, что я презираю наше движение. Если бы мой брат увидел, что бы он подумал? Плохо, что я высказал свое мнение, что бойкот — противоправное поведение, и не участвовал в демократическом движении. Я закричал, когда отложили мое возвращение и когда увидел, как меня критикуют даже близкий друг Т. [Ооути: 147].

На карте «Мо» (1) Уэцухара рисует одиноко стоящего пленного, на ногах которого тяжелые оковы. Зато и справа, и слева на него направлены указующие пальцы, избобличающие в нем личность, которая имеет отличные от подавляющего большинства взгляды. У этого большинства не видно лиц, только пальцы, которые обвиняют и становятся каким-то «биологическим» оружием. Подпись: осудили как контрика, не дают оправдаться [Уэцухара Мо (1)]. Как сделал вывод Такесуги, в подобной атмосфере не оставалось ничего другого, кроме молчаливого приспособления к царившей атмосфере [Такесуги Ч. 3: 15].

2. СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ: ХОРОШИЙ И ПЛОХОЙ

Первыми советскими людьми, с кем встретились солдаты и офицеры Квантунской армии, сложив оружие, были солдаты и офицеры РККА. Ежедневное общение в первое время ограничивалось конвоем и лагерным начальством.

Более всего в памяти бывших пленнх остались образы конвоиров, хотя их было не так много, а именно для сопровождения на работы и охраны на производстве назначался один конвоир на 25–30 военнопленных и в любом случае не менее двух человек на группу [Главное: 265]. Конечно, чем меньше было конвоиров в лагерной повседневности, тем лучше себя чувствовали пленные.

В феврале 1946 г. было разрешено расконвоировать в установленном порядке для внутрилагерных работ тех, кто был использован «на должностях шоферов, конюхов, повозочных, истопников, сапожников, портных и др.» [Главное: 267]. В некоторых лагерях Ворошилова и Кемеровской области количество расконвоированных в 1946 г. доходило до 25–30 % всего состава. Это благоприятно повлияло на настроения пленнх, которые стали чувствовать, что им доверяют. Как правило, все расконвоированные выполняли и перевыполняли производственную норму.

Фигура конвоира была важной для пленнх, нередко именно от него зависели вопросы жизни и смерти, моральный климат в бригаде. В целом по воспоминаниям их можно разделить на две большие группы, соответствующие упрощенным типажам: **хороший солдат** и **плохой солдат**. Второй тип близок образу гулаговского палача, который описан В. Подорога. В отличие от палача наслаждения (у де Сада), палача уничтожения (нацистского) гулаговский относится к палачам страха: функцией палача он одаривается случайным образом, поскольку и сам является жертвой тоталитарного режима. Истинный и главный палач известен, все другие палачи лишь более или менее удачливые жертвы, которых ожидают другие палачи [Подорога 2013: 69].

Внимание, подходят *они*. Мы боялись этих людей, к тому же их двое. Мы называли одного Синим дьяволом, другого — Красным. Они не выбирали методов, заставляя нас выполнять норму. Из-за их нечеловечески жестоких требований наши товарищи один за другим падали, другие болели и со слезами обиды умирали. Я не могу забыть эти жадные глаза дьяволов и стоны умирающих соратников [Хисанага: 14–15].

Прозвище «красный дьявол» встречалось почти в каждом лагере и потому, что это распространенный персонаж японского фольклора, и потому, что у многих конвоиров были красные лица.

Один из охранников имел прозвище «красный дьявол». Пока мы ждали, когда закончится переключка, он выбирал в строю больных или слабых японцев, толкал их или бил, упиваясь своей безнаказанной жестокостью. Я никогда не забуду этого отвратительного краснолицего советского охранника. Мы не боялись его, но было очень досадно, что мы не можем ответить [Ёсида: 172].

После общения с «плохими солдатами» в особо острых ситуациях актуализировался вражеский образ *роске*, как называли русских солдат японцы со времен русско-японской войны 1905 г. — *Что ты сделаешь, роске?* Прием, дегуманизирующий плохого охранника, применил Ооути, рисуя охранника в военной форме, но с головой пса [Ооути: 35]. Образ псоглавца отсылает к символу опричников, жестокой гвардии Ивана Грозного.

Для большинства молодых японцев в годы войны врагами были англичане и американцы, во всяком случае об этом они слышали по радио и читали в газетах долгие годы, а к русским надо было вырабатывать отношение исходя из реальной об-

становки и конкретных действий. Среди конвоиров встречались недоброжелательно настроенные люди, особенно после военных действий в Маньчжурии и в первые месяцы плена, встречались и добрые. Например, как вспоминал М. Ооути, «хотя это было запрещено, но добрые охранники иногда разрешали голодным солдатам копать картошку» [Ооути: 32].

Практически каждый пленный помнил и о злом, и о добром солдате, будто все зло и вся доброта разных людей концентрировались в этих двух противоположных образах. Мягче остальных были охранники, которые сами имели опыт пребывания в немецком плену.

Лупандин был хорошим человеком. К нам, военнопленным, он относился доброжелательно. В присутствии начальства Лупандин делал вид, будто держал нас в строгости. Когда же свидетелей не было, он был достаточно мягким и никогда не выгонял нас на работу, если мы не могли идти. Лупандин прошел немецкий плен и частенько, не вдаваясь в подробности, говаривал: «Ваша жизнь в плену не идет ни в какое сравнение с тем, как жили мы в Германии» [Като: 82].

Начальник лагеря с красным носом. Начальник лагеря имеет звание майора. Он был в плену немецкой армии. Поэтому он не слишком строг к японцам. Он подчиняется лейтенанту-коммунисту. В СССР плен — тоже стигма до конца жизни [Саго: сайт].

Однако солдаты несли службу и свободными людьми не были. Вот описание обстановки не в лагерях ГУПВИ, а в лагерях ГУЛАГа, куда также попала часть японцев и где среди русскоязычного большинства, среди уголовников и политических им приходилось намного сложнее. В лагерях ГУПВИ среди своих, когда рядом сотни японцев и можно найти товарища, было легче.

Когда мы находили японскую красную сосну, мы старались собрать как можно больше шишек. *Когда мы давали шишки советским солдатам, тогда они не мучили нас целый день. — Образ советского солдата, когда они кушают шишки, очень похож на обезьяну. На этой сосне, наверное, 50 или 100 шишек. Давай быстро нарубим и соберем* [Ваганабэ: 243].

Когда работаешь на русских, есть шанс найти еду. Когда я ел кашу, русский солдат мне отдал свой хлеб [Ооути: 65].

Не все охранники такие строгие. Этот подошел к нам и спрашивал японские слова, пел русскую песню. А другие — искали часы [Ооути: 34].

Веселый охранник Лупандин, например, научил водовоза Танно Гоичи популярной песне «Удивительный вопрос: почему я водовоз?» [Като: 61].

Нечебехико часто давал нам хлеб и рис. Такого хорошего русского не часто встретишь. Он не курит, поэтому отдает нам свои сигареты. У меня есть ручка, наверное, лучше ему дать, чем кто-то неизвестный отберет [Ваганабэ: 72].

Подружился я с летчиком, капитаном Покровским. Веря в японскую порядочность, он доверял мне свои ценные вещи и ключи от склада, а сам бежал по делам [Киути: сайт].

Конвоир Токарев знал несколько японских слов. Иногда он рассказывал нам что-нибудь интересное, смешил нас. По складу мыслей Токарев казался уже немолодым человеком, хотя может быть благодаря своему возрасту он хорошо относился к пленным, понимал нас и сочувствовал. Во время работы наше настроение сильно зависело от конвоя, его поведение обуславливало нашу производительность труда. Когда дежурил конвоир Токарев, то мы работали заметно лучше. До чего же было велико значение начальника конвоя и того, как он себя вел! [Като: 67].

И. Такесуги упоминал в своих мемуарах начальника лагеря Демина, кадрового офицера, который был «единственным в лагере, кто отдавал честь японскому пленному в ответ на его приветствие» [Такесуги Ч. 1: 85].

Дружба не возникала сама по себе. Чтобы преодолеть границу между конвоиром и пленным, нужно было сделать человеческий жест, который бы снял это иногда воображаемое препятствие.

Когда мы работали у ограды казармы, сердечный советский солдат собрал и отдал нам все остатки от обеда. Наш обед был очень скудным, так что его доброта нас тронула. Хотя мы дрожали на холоде, мы все ели с признательностью. Январь 1946 г. [Ёсида: 116].

Казалось, что дружеский жест делает тот, у кого статус выше, то есть не пленник, а конвоир. Но оказывается, богатая сценариями жизнь вполне допускала ситуации, в которых рядом с молодым конвоиром оказался добрый пленный.

В мокрые от снега портянки совсем молодой солдат заворачивает ноги. Я отдал ему одну пару носков, обычно я надевал сразу две пары. Спросив его сколько лет, получил ответ: 14. Солдат растирал двумя руками почти отмороженные ноги, а в его голубых глазах стояли слезы. О маме, наверное, вспоминал [Киути: сайт].

Совершенно необычный сюжет нарисовал Киути. Мне не приходилось встречать ничего подобного в мемуарной литературе о ГУЛАГе. Пленный делится одеждой с охранником, которого он пожалел. Можно сказать, что в памяти советских заключенных не остались такие охранники, которым они могли сочувствовать, тем более речь идет не только о чувствах, но и поступках. Ни у кого из советских заключенных не было лишней пары носков, а если бы и была — ее или отобрали бы, или украли, или человек сам бы никогда не подарил, а только обменял эти носки — на ломоть хлеба, на полстакана махорки. В этом сюжете мы видим милосердие одного угнетенного, проявленное по отношению к другому угнетенному, пусть представляющему систему принуждения, но на самом ее низовом уровне. Пленный чувствует себя сильнее, чем юный охранник.

Иногда у пленных и их охранников обнаруживались общие интересы, связанные с возрастом и полом, например, спорт. В это время обе стороны чувствовали себя равными. Спортивные достижения, особенно в единоборствах и боевых видах искусств, вызывали уважение у охранников. Борьба дзюдо в довоенной Японии была в почете и считалась лучшим средством для воспитания негнбимого японского духа [Мещеряков 2010: 16]. В советских лагерях квалификация в дзюдо помогала.

Когда пленники выполняют упражнения на перекладине, охранники смотрят. Один советский офицер подошел к нам и сказал, что тоже когда-то занимался гимнастикой и показал значки спортсмена. Он объяснил, что оборот на перекладине называется по-русски солнце. Мы говорили о гимнастике, о спорте. Для любителей спорта нет границ [Ооути: 157].

Охранник и японский пленный начали борьбу. Советские люди занимались борьбой, японские солдаты занимались дзюдо. Этот японский солдат имел четвертую ступень (черный пояс). Он победил. Другой пленный был боксером, однажды в выходной он приготовил ринг и показывал, что умеет. После этого охранники этих двух японских военнопленных не трогали [Ватанабэ: 247].

Японские пленные, судя по их воспоминаниям, довольно часто видели среди охранников хороших людей. Может быть, в этом есть нечто, близкое стокгольмскому синдрому. Я не помню добрые слова об охранниках от бывших узников ГУЛАГа. Даже почти позитивная характеристика конвоира Е. Гинзбург выглядела так: «садистских навыков этот человек на своей нелегкой работе не приобрел, но искусством смотреть на людей как на придаток к пилам и топорам овладел в совершенстве» [Гинзбург: 305]. Видимо, это связано с тем, что Вторая мировая война закончилась и японцы уже не представляли военную опасность, в то время как ГУЛАГ как продолжение гражданской войны нес в себе и продолжал воспроизводить классовую ненависть носителей разных ценностей.

Случалось, что именно конвоиры спасали японским пленным жизнь.

От холода я даже потерял сознание. Спасли меня конвоиры. Чтобы привести в сознание, они дергали меня за волосы и били по щекам. В конце концов на той же лодке они переправили меня в лагерь. Товарищи, поджидая меня, не гасили печь. Я переоделся, и поскольку у меня зуб на зуб не попадал, был готов обнять эту печь. В течение получаса я никак не мог избавиться от дрожи. Выручил лейтенант Лупандин, который принес мне прикрытый сверху листом бумаги стакан водки. «Выпей это залпом, — сказал он, — иначе заработаешь воспаление легких». Я сделал, как он сказал, и неожиданно почувствовал, что у меня в животе разгорается пожар. Дрожь мою как рукой сняло [Като: 78].

Случались истории, в которых пленные спасали жизнь конвоиру.

Эх, если бы не японцы, меня, может, тоже в живых не было бы, — вздыхает Евгений Родионов, бывший житель села Карели. — Крутил я «солнце» на перекладине и упал плашмя на землю. Не могу ни встать, ни охнуть — что-то с позвоночником. Подбежал ко мне японец и быстро сделал что-то руками с моей спиной. Боль — как рукой сняло! Лекари у «самураев» были замечательные [Сажнева: сайт].

Борис Свиридов, 15-летним мальчиком служивший конвоиром в лагере Карели, получил от последних освобождающихся в конце 1947 г. военнопленных подарок:

невиданное, по деревенским меркам, приданое — две белые рубашки, пиджак и настоящий военный френч. «Я хотел отказаться, но ходить-то было совсем не в чем», — вздыхает нынче 75-летний Борис Петрович. Он утверждает, что азиаты расставались с родным лагерем со слезами на глазах [Сажнева: сайт].

Два противоположных типажа охранников не были тактически умышленными как, например, добрый и злой следователь. Их, офицеров и простых охранников, наверное, можно отнести к «приказчикам и исправникам внутренней колонизации» [Эткинд 2013: 380]. Символические двойники, они сами — продукт колонизации.

3. МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ: ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ

Для всех японских пленников Советский Союз был совершенно иной планетой, где очень многие базовые жизненные принципы формулировались иначе, ценностные структуры были принципиально иными. Многое в Советском Союзе казалось японцам удивительным, в том числе и провозглашенное гендерное равенство.

Самые первые впечатления о порте прибытия Находка вполне соответствовали логике очевидца, но при этом были совершенно далеки от советских реалий. Вооб-

ражение пленных рисовало иные подтексты и подсказывало иные рационализации. Так, Ё. Ватанабэ сначала решил, что «за проволокой немецкие пленники, а оказалось, что русские. Удивлялся. Наверное, Находка — тюремный город» [Ватанабэ: 143].

Японцы были пленными, но не было свободным в полном смысле и местное гражданское население. Заключенные ГУЛАГа, граждане СССР, часто говорили, что они находятся в малом лагере, а остальная страна — живет в большом лагере, который также управляется паханом и криминальными законами. Конечно, местные жители не имели столько дисциплинарных предписаний, как служащие Красной армии, и потому имели больше возможностей быть искренними по отношению к военнопленным. Доброжелательная и вежливая форма общения, аккуратный внешний вид и чистоплотность японцев вызывали симпатии у советских людей, отличая их от других пленных и заключенных. Играло роль и то, что в отличие от немецких военнопленных японцы не участвовали в военных действиях на территории СССР.

Общение с местным населением стало одним из самых сильных позитивных впечатлений, вынесенных японскими солдатами из длительного сибирского плена. Сердечность и милосердие местных жителей, часто имевших каторжную в прошлом биографию, как раз и формировали то теплое отношение к России, которое многие пленные пронесли через всю жизнь и которое не скрыть в постлагерном творчестве.

Советские люди не относились к японцам как к врагам и не испытывали личной ненависти, как, например, в военные годы относились к немцам. Японские пленные отличались от немецких, итальянских, венгерских военнопленных, которые были более деморализованы военным и политическим поражением и тяжелыми условиями плена, в который попали раньше. Как пишет А. Мещеряков, послевоенный русский человек жалел японцев, которые казались несчастнее советско-русского человека [Мещеряков 2014: 48].

Рисунки бывших пленных показывают, что «простые русские люди» помнятся как добрые и незлобивые, отличаясь в этом отношении от лагерного начальства. Как писал М. Ооути, «мы видели, что страдаем не только мы, но и советские рабочие, которые тоже работали без обеда. Страна выиграла войну, но жизнь у людей была нелегкая» [Ооути: 80].

Или вот другое свидетельство:

Справедливости ради нужно заметить, что в то время с питанием было плохо и у советских людей. В Советском Союзе существовала жесткая карточная система распределения продуктов. Когда русские узнавали, сколько продуктов дают военнопленным, они удивлялись и говорили: «О, совсем неплохо, у вас гораздо лучше, чем у нас». В отличие от нас эти люди были свободны, они могли купить еду на базаре, где-нибудь выращивать овощи, фрукты, собирать грибы, держать корову и доить ее, но все же, если говорить об основных продуктах — хлебе, мясе, то я думаю, у нас их было не меньше, чем у советских людей. Нужно также сказать, что советские конвоиры не могли есть столько, сколько хотели [Като: 65].

Нелегкую полуголодную жизнь советских людей после войны показал Ц. Хисанага (рис. 49). Эта картина называется «Возвращаясь с базара». К ней комментарий:

Пожилая русская женщина тащила санки, на которых везла немного еды. Она шла, потерянная, и я подумал, что для простого народа нет победителей и побежденных [Хисанага: 76].

Посмотрите на изображение: мы видим темный лес, совсем нет неба. Композиция картины построена так, что видно: большая часть пути пройдена, но женщина идет как бы в стену. Опущенная голова говорит о том, что жизнь женщины безрадостна. Нарочито уменьшенных размеров санки напоминают мужчин рядом с корпулентными женщинами на картинах Фернандо Ботеро. Женщина взяла их с собой, чтобы нагрузить продуктами после отоваривания карточек или обмена вещей на еду. Сделка не была удачной, и на санках закреплен небольших размеров сверток, для которого, вообще-то, санки не нужны. Как полученное количество продуктов оказалось небольшим, так стали на картине крохотными и сами санки, полозья которых длиной чуть больше женского валенка. Трудно понять, что лежит на них — вроде буханка черного хлеба и какой-то фрукт,

похожий на ананас — да только откуда ему взяться зимой в Сибири, да и зачем выменивать ананас, когда есть более важные продукты — хлеб и жиры.

Однако пункту²⁰ на картине — человеческая фигура. Это огромная, исполинская фигура женщины. Она могла принадлежать эпической героине, и, может быть, перед нами самая что ни на есть подлинная героиня несложного эпоса ежедневных советских будней. Какая сильная, мощная у нее спина. Она выдержит многое: сможет прокормить большую семью, дотащить мешок картошки. Под стать спине и зад. Им можно было толкнуть легковую машину или даже вагонетку. Задней части соответствует фасад. Бесформенная обвисшая грудь, выкормившая не одного ребенка, плавно переходит в необъятный живот. Автор картины видит эту женщину пожилой. Думаю, ей нет и пятидесяти. Скромное пальто оторочено мехом на воротнике и рукавах, но мех не придает старому пальто элегантности. Возможно, что опушка призвана скрыть потертости на старой ткани, потому что нет возможности купить новое пальто. Перешивать, латать, перелицовывать одежду было общей практикой тех лет. По одежде видно, что она — горожанка. Но Ц. Хисанага точен, вспоминая послевоенные годы в Сибири — именно этот образ релевантно отражает местное население, которое увидели японские пленные.

Многие бывшие военнопленные в устных воспоминаниях и мемуарах сходятся в одном: жизнь в СССР, стране — победительнице в войне, была намного тяжелее, чем в побежденных странах. Хисаити Хама так и писал: в Японии, которая проиграла в войне, было гораздо больше товаров, чем в СССР, в войне победившем [Кузнецов 2003: 298].

Местные жители одеты были в костюмы, что забрали в Маньчжурии. На подкладе были имена японцев. Женщины перешивали японские кимоно на платья. Эти переделки нам иногда кажутся смешными [Ёсида: 154].

20 Пунктум фотографии — это то случайное в ней, что укалывает меня... (Р. Барт)

Многие советские люди сочувственно относились к военнопленным.

Я помню один случай, когда русская санитарка сама приносила мне свой хлеб и суп и кормила меня, чтобы я быстрее выздоровел. Подпись [Ф. 4 /п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 20 об.].

«На, японец, держи картошку». В любой стране девушки очень добрые. Говорят, что на Украине — плодородная земля, и поэтому там очень много картофеля [Киути: сайт].

Местные старики стали сочувствовать нам — тебя на родине ждут мать и отец. Женщины дарят нам потихоньку разные вещи. Люди везде одинаковы. Есть и хорошие, и плохие. Мне было спокойнее, когда работал с местными, чем среди японцев, которые занимаются демократическим движением. Как-то я работал на улице, мальчик лет шести подбежал ко мне и дал хлеб со словом «На!». Я сказал: Спасибо. Он мило улыбнулся. Но японский актив отругал меня: мы — японские рабочие, а не нищие [Ооути: 160].

Не всегда и не везде отношения местного населения и японских военнопленных были безоблачными. Встречалось и недоброжелательное отношение местных людей, при этом автор уточнял, что это не было правилом.

В одном магазине ненавидят японцев, хотя это редкий случай. Говорят: мы японцев не обслуживаем. — Но эти деньги напечатаны в СССР. — Все равно. — Ну ладно. Если ничего купить нельзя, тогда порву. И сделал вид, что хочу порвать. Они удивились и стали обслуживать [Ооути: 164].

Случалось, японцы встречали тех *роске*, с которыми воевали в русско-японскую войну. Так, веселый старик Иван, ветеран японской войны, спрашивал у Ёсида Юкио: ты с японскими солдатами, против которых я воевал, одинаковая нация, один народ? — Боже мой, дядя Ваня! Мы все — японский народ. Что тут удивительного? Просто в войну 1905 г. воевали наши отцы, вот и все. — Старик недоверчиво сказал: Я сомневаюсь. В войне 1905 г. японские солдаты были очень храбрыми воинами. Они в плен не сдавались, а вы через неделю после начала войны бросили винтовки. Не другая ли вы нация? [Ёсида Ю.: сайт].

Часто отношения с местными жителями были доверительными. Так Ё. Уэцухара видел спрятанные в красном углу иконы и нарисовал сценку, как хозяева показывают икону за шторкой. Художник комментирует: *Богоматерь живет в секретном месте* [Уэцухара «Ма» (2)]. В сталинское время хранение иконы в доме, да еще на стене, а не в сундуке, могло стать обвинением, по которому хозяина дома ожидал бы арест. Такой жест со стороны местных — это рискованное проявление доверия.

Сохранилось немало рассказов от местных жителей, как они потихоньку выпивали с военнопленными, хотя это было запрещено, что также являлось несомненным показателем дружеских отношений.

Немало политических заключенных встречали в своих лагерях или на поселении пленных японцев и оставили свои впечатления об этом. Так поэт Анатолий Жигулин в стихотворении «Кострожоги» писал о своем товарище:

Стужа — будто Северный полюс,
Аж трещит мороз по лесам,
Мой напарник — пленный японец
Офицер Кумаяма-сан.

Известный советский этнограф Нина Гаген-Торн рассказала о своей дружбе с военнопленным Хасэгава в период, когда находилась на поселении. Она писала, что в чужой стране ему было смешно и удивительно видеть, как валяются под открытым небом машины, как весной колхозный председатель бегал и суетился, торопясь сжечь неубранное осенью поле пшеницы, потому что боялся, как бы не наехал из района кто-нибудь и не нагорело за прошлогодние орехи. Мне не было смешно. Японца потешала неорганизованность работ, нежелание работать [Гаген-Торн: 388].

Дети были самой открытой и искренней частью местного населения. Они были любознательны и благодарны за внимание и добро, к тому же выступали и учителями русского языка. Местные пацаны в Узбекистане меняли пирожки и яблоки на японские монетки, пуговицы и самодельные игрушки [Тутов: сайт].

Такие непосредственные и наивные, русские дети совсем не обращали внимания на расовые различия. Мне повезло, что довелось поиграть с ними. Много русских слов с ними запомнил. Очень люблю детей! [Киути: сайт].

К. пошутил с мальчишками: дайте мне этот кусочек хлеба. Видимо, это были братья, они обсудили между собой что-то и убежали. Быстро вернулись и сказали: возьмите, пожалуйста, мама разрешила [Ооути: 166].

Когда я собирал мусор на улице, ко мне подошла девочка и дала коробку. Я поблагодарил ее и заметил, что ее мать смотрит на нас из-за занавески. Я кивнул ей, и она ответила. Внутри было 700 г хлеба, три селедки, пачка махорки и спички [Ооути: 105].

То, что спустя годы люди помнили, какие продукты и в каком количестве они получили, говорит о высокой ценности тех даров, не только о собственно продуктовой, но и что важнее — символической ценности.

Японцы были наблюдательны и часто замечали обстоятельства, к которым советские люди давно привыкли.

Я видел босого мальчика-пастуха, примерно десяти лет. Я подумал, что советская система, заставляющая работать даже таких детей, была страшна. Август 1946 г. [Ёсида: 182].

Видел хорошие детские ясли для сирот, для безотцовщины. Их называли детьми Сталина. Малыш кричал нам: «японские», а мама сделала замечание: нельзя так говорить, говори просто «дядя». И ребенок сказал: дядя, до свидания, и помахал рукой [Ооути: 168].

Я вылепил из глины животное. Ребята обсуждают, что это такое. Наверное, свинья. Нет, это собака. Давай, сделай лошадь. Глиняные игрушки им принесли большую радость. Говорят: спасибо, спасибо. Милые и добрые ребята [Ооути: 166].

Память о японских военнопленных осталась и у местных жителей, чьи локальные голоса, свободные от идеологических и прикладных интенций, позволяют увидеть неформальные русско-японские отношения в ином, часто неожиданном ракурсе. Вот рассказ детей, росших недалеко от лагеря в Елабуге.

Мы в школе учились, на переменку выбежим и кричим: «Япон, япон, дай турнепс». Там такой ров был по периметру засаженной территории, чтобы никто не ходил. А он нам говорил: «А русь, русь смотрит», мол нельзя давать. (Имеется в виду, что за ними наблюдали русские охранники. — А.С.). А сам потом тихонько брал и кидал нам через арык турнепс. Он такой вкусный был. Лучше не было ничего... Они хорошо были одеты. Мы супротив них нищими были. И видать то, что и сытыми были,

так как могли нам даже хлеба бросить. А тогда голод был. Хлеб ценнее золота был [Сафина, сайт «Уроки истории»].

Не случайно и японцам запомнились местные дети, что бегали вокруг лагеря и кричали: «Когда я вырасту, я стану военнопленным». Они знали, что «нам дают сахар и мясо, и завидовали нам. Мы делились с ними селедкой, они с жадностью доедали ее» [Кузнецов: сайт].

Японские военнопленные ремонтировали дома на ул. Летчиков в г. Комсомольске. Когда я проходил мимо, они подзывали: иди сюда, мальчик. Дадут деньги, просят купить продукты. стакан сахара стоил тогда сто рублей, хлеб — триста. Принесешь продукты. Японец отрежет корку, посыплет сахаром: ешь, мальчик [Черевко. Цит. по: Кузьмина: 80].

Примечательна история, рассказанная А. Мещеряковым. Девочка, что жила в Чите рядом с пленными японцами, жалела их и делилась своей скромной едой. Они же отдаривали ее самодельными тряпичными куклами с раскосыми глазами. Когда же она впервые увидела настоящие советские целлюлоидные лупоглазые игрушки, она стала пририсовывать куклам азиатский разрез [Мещеряков 2001: 197]. Как мы видим, куклы — необходимая часть детства каждой девочки — были получены не от родителей, а от японских военнопленных и восприняты ею как образец, по которым она сверяла все последующие.

Женщины. Конечно, самыми приятными и интригующими были отношения с женщинами. В СССР после продолжительной войны, унесшей миллионы жизней, в первую очередь, солдат, был ощутим демографический дисбаланс. Японские мужчины были аккуратны, вежливы, деликатны, трудолюбивы и этим привлекали местных женщин.

В то же время в мужском однополом сообществе лагеря любая встреча с женщиной становилась событием. Строгие врачи и медсестры, женщины-строители, с которыми приходилось работать, волновали и демонстрировали незнакомый японцам тип женской активности, выполняя работу наравне с мужчинами. Чем менее походили русские женщины на японских, тем интереснее они казались японцам. Как заметил Ооути, когда на работе появляются девушки, японцы быстрее выполняют норму. Особенно, если девушка красивая [Ооути: 163].

Интерес к женскому полу у пленных был не всегда. Стрессы войны и плена, голод и тяжелые работы обеспечивали символическую эмаскуляцию, которая отмечалась почти у всех солдат проигравших армий. Мы знаем из рассказов В. Шаламова, как не уверены были политические зэки в том, что восстановится их потенция. Как вспоминала М.И. Русина: обходительного японца просили остаться в Орочах, найти здесь свою судьбу. — Нет, смеялся он. — Вот здесь очень хорошо (показывая на верхнюю часть туловища), а ниже — толку нет [Кузьмина: 79].

Возвращение интереса к женщинам показывало, что солдаты уже пережили самые трудные времена. Уже после второй зимы в СССР, в марте 1947 г., Ооути замечал, что «этой весной девушки одеваются красивее, чем в прошлом году. С каждым годом становятся красивее. Если днем одеваются по-рабочему, вечером ходят в прекрасной одежде» [Ооути: 163]. Или тот же автор описывает, как

каждое утро мы видели красивую девушку у книжного магазина. Мы гадали, она уже замужем или девственница, и спорили, на кого она посмотрела — на меня или на другого [Ооути: 161].

Некоторые люди крали из тюков то карандаши, то перчатки и дарили их девушкам. Как приятно было пожимать их руки [Ооути: 120].

Нам разрешили отпустить волосы. Мы сделали гребни из металлической части самолета. Некоторые брали вазелин из медчасти и делали прическу, другие каждый день смотрелись в зеркало, почти у всех отросли волосы [Ооути: 131].

Такэути, нарисовавший не просто дружеское рукопожатие, а нежное, назвал свой рисунок «Маленькая любовь... барышня» [Такэути: 171].

Благодаря здешней жизни я стал хорошим портным. Если бы тут были женщины, то мы бы работали веселее и усерднее [Такэути: 191].

Русские женщины вызывали уважение в том числе и обладанием «истинно мужских» качеств, например, физической силы:

Русская женщина сравнится силой с пятью мужиками [Уэцухара Ро (1)] (рис. 50).

У женщин в Советском Союзе была тяжелая работа. Сбор сена был обязанностью женщин. В России мужчины и женщины равны. В российском обществе существует железное правило: только те, кто работают, заслуживают того, чтобы поесть. Русские женщины так много работают, и это действительно впечатляет. Они хорошо сложены и так же сильны, как мужчины [Ёсида: 185].

В угольных шахтах Красноярского края, где работали японцы, часто сходили с рельс вагонетки. «Что тогда начиналось! Шум, гам, крики! “Мадамы” собираются все вместе у схода вагонеток с рельсов и, приложив все силы больших задов, пытаются поставить вагонетки на место. Сила задов “мадам” удивительно мощная и замечательная. Как правило под крики “Раз-два, взяли!” им удается ликвидировать аварию. Русские “мадамы” — все толстячки, настоящие силачки» [Ёсида Ю.: сайт].

По сравнению с русской девушкой, расцветшей как цветок, мы, японские военнопленные, выглядим жалкими, без должного питания мы похожи на обтянутые кожей скелеты... [Хисанага: 52–53] (рис. 51).

На рисунке Ц. Хисанага молодая пара изображена на фоне сибирского двора. Деревянная изба на втором плане, очевидно в ней живет девушка, расцветшая как цветок. Пленный держит в правой руке пилу, которой он напил только что целую поленницу дров, чтобы девушка зимой не мерзла. Видимо, в ее семье нет мужчин, если заготовкой дров занимается пленный. Девушка благодарна мужчине за помощь, и он сам доволен своей работой, которая подтверждает его маскулинность. Дрова здесь — одомашненная часть лесоповала, но уже безопасная, уже работающая на благие цели и для конкретных людей.

Русские женщины имели иные пропорции тела, чем японки, а оттенок кожи был особенно выигранный в канонах японской телесной эстетики. Как вспоминал позже К. Като, после возвращения домой японки нам казались слишком зажатými, их фигуры — слишком плоскими [ПМА, интервью с Като К.]. То, что особенно ценилось в традиционной японской эстетике, например, белокожесть, у русских женщин не было редкостью.

Русская девушка: почему вы всегда смотрите на меня? — Вы красивая. — Но я сегодня не накрусилась и вокруг столько грязи и пыли. — Все равно красивая. — Японские мужики тоже неплохие [Ооути: 156].

Иногда привлекательная внешность могла служить прикладным целям. Зависимые военнопленные, чтобы немного улучшить свою жизнь, а в приведенном примере — нормы питания, пытались использовать все возможные методы, в том числе и те, что в любом обществе считались женскими. Это было непривычно, стыдно и часто не получалось. В ниже приведенном тексте важно, как автор откровенно проговаривает словами цели этой стратегии. Именно так он устанавливает дистанцию между собой — рисующим в хороших условиях и тем колонизованным объектом, который за неимением других ресурсов мог рассчитывать только на физическую привлекательность товарища.

По правилам о нормах работы должен докладывать бригадир. Но иногда мы посылали одного красавца, на случай если он понравится нормировщице, то она напишет нам больше. Говорят, что она поцеловала его, а он убежал [Ооути: 161].

Когда жизнь военнопленных немного наладилась, у некоторых пленников появились русские подруги. После долгой войны многие женщины остались без мужей и женихов. При таком демографическом дисбалансе большое количество мужчин, пусть и пленных, не могло остаться без женского внимания.

Женское население не было однородным, и порой пленники оказывались в ситуациях, когда сексуальные предложения были шокирующе откровенными. Так, пленник Е. столкнулся с женщинами-зэчками. Одна из них подняла юбку, а под ней ничего [Ооути: 141].

Низкий статус военнопленного при совместной работе часто отступал на второй план, и важнее были личные качества, а также вежливость и аккуратность, отличавшая японских мужчин. Неудивительно, что имели место и любовные связи, которые, видимо, обсуждались пленными в бараках и, конечно, были отражены в постлагерном рисунке.

Вот как помнится эта тема Нобуо Киути (рис. 52).

В работе по восстановлению города после Второй мировой войны принимали участие и мужчины, и женщины. Отважные женщины справлялись даже с самой опасной работой. В то время в Японии было

трудно представить себе подобную картину. Были даже случаи проявления любви русских женщин к японским солдатам. То были прекрасные мгновения [Киути: сайт].

Не плачь, Наташа. Любая встреча неизбежно влечёт за собой расставание. Кажется, там была девушка, боевая подруга, для которой это расставание было особенно больно. И ты, Наташа, что так горько шепчешь слова прощания, что ты сейчас делаешь, что с тобою, бедная, стало? [Киути: сайт].

Обратите внимание, как одета Наташа на рис. 53. У нее уже большой срок беременности, примерно 6–7 месяцев, и она расставила в талии обычную прямую юбку, не имея возможности сшить специальное платье. На улице тепло, руки голые, но она в сапогах. Значит, недавно был дождь, дороги раскисли, а калош нет. Может и туфель нет, наверняка любая женщина надела бы самое лучшее, чтобы проводить

любимого и такой нарядной остаться в его памяти. Из окна поезда торчит рука ее друга — он машет ей на прощание, и по торчащей из окна голове мы понимаем, что парень мечется между сильными противоречивыми эмоциями — нежеланием расставаться с любимой девушкой и чувством радости от возвращения домой, от того, что покончено с полуголодным зависимым состоянием.

Выражение *боевая подруга* часто применялось и к российским «походно-полевым женам», но в отличие от такого типа отношений на фронте, что получили это народное название, в данном случае обе стороны были социально уязвимы. Не только демографический дисбаланс создавал условия для близких отношений, но вольнолюбивый нрав и романтический склад русской женщины делали их возможными, ведь решимость встречаться с иностранным военнопленным требовала от женщины смелости и мужества, а также непроговариваемой готовности к испытаниям — это могло быть административное наказание, общественное осуждение, возможно криминальный аборт или судьба матери-одиночки с ребенком-полукровкой.

Подневольный статус военнопленного снимал с него всякую ответственность за будущее. Но все же некоторые пленные остались в СССР, чтобы не расставаться с русской женой. Не всем желавшим остаться в СССР такое разрешение давали. Но, например, жительница амурского поселка «Прогресс» Клавдия Новикова вышла замуж за Хачия Ясабуру и прожила с ним 40 лет, пока не выяснилось, что живы жена и дети от первого брака Хачия. Клавдия настояла на возвращении мужа к первой семье, но они смогли сохранить теплые отношения вплоть до ее кончины в 2015 г. [Newsland: site].

Однако не все романтические встречи были счастливыми.

В соседнем селе девчонка молодая жила. Завербовалась она работать к нам конвоиром. Статная, фигуристая, кровь с молоком, — говорит Борис Свиридов. — Приглянулась та девушка одному японскому майору. А я тогда уже неплохо по-ихнему

понимал. «Поменяйся ночью с Верочкой сменами, она согласная ко мне в барак прийти», — попросил меня тот офицер. Я знал, что это запрещено, но жалко их стало — любовь все-таки <...> Больше тот японец нашу Верочку видеть не захотел. Да и остальные присмирели [Сажнева].

Как утверждает один из экспертов по вопросам японского плена в СССР С. Кузнецов, браки японцев с русскими девушками не были такой уж редкостью. По его данным, только в г. Канске Красноярского края осталось около 50 бывших солдат Квантунской армии, женившихся на местных женщинах [Кузнецов 2003: 291].

Однако далеко не все привязанности имели счастливую развязку. Вот короткая история любви, рассказанная Моринари Ооути (рис. 54).

Работница конторы влюбилась в Х., который красил стены в конторе. Она сказала ему, что он очень похож на ее мужа, погибшего в Сталинграде. Позже она родила ребенка. Ее отправили на материк. Х. не наказали, только перевели в другое место [Ооути: 132].

Такой же грустный конец был и у отношений Таши Грачевой и Хинтаро Кавамото, голубоглазой Маши Шенбергер и фельдшера Умэда, прозванного за свои очки Меганэ-саном, пленного японца Сабура и алма-атинской девушки Оли, которую он ласково называл О-Цуру, и, видимо, многих других, не вошедших в историю пар.

Как бы ни были прекрасны влюбленность и любовь, это были лагерные реалии, между влюбленными проходила физически или условно колючая проволока. Окурочек с красной помадой как символ лагерного чувства и ностальгии по нормальной долагерной жизни и женскому присутствию в ней был воспет Юзом Алешковским и стал классикой лагерного «шансона» советских заключенных, каждый из которых тосковал о своей женщине: «Всю дорогу до зоны шагали, вздыхая, не сводили с окурочка глаз». Похожий окурочек хранил и японский пленный как память о своей девушке.

У одного пленника товарищи увидели окурочек со следами губной помады на нем. Скажи, от кого ты получил? — Это дама мне дала. — Дай мне одну затяжку. — Нет-нет и спрятал [Ооути: 174].

Исследовавший взаимоотношения советских женщин и пленных немцев А. Кузьминых анализирует причины, по которым такие контакты стали возможными. Кроме демографического дисбаланса в СССР, он видит «материальные соображения», а также жалость со стороны русских женщин, отмечает и риск, с которым советские женщины шли на подобный шаг. Так, за «вступление в интимные отношения с немцами» их, особенно если это были медсестры, а не врачи, обсуждали на партсобраниях, увольняли с работы и исключали из партии. Не всегда речь шла только о чувствах, иногда был и расчет: так, немецкие пленные, пользуясь протекцией женщин-врачей, получали более калорийное питание и обретали шанс раньше

вернуться на родину [Кузьминых: 115–116]. Но отношения любящих людей всегда уникальны, и все примеры лагерной любви не похожи друг на друга.

К. влюбился в заключенную, которая работает с ним в одном месте. Он давал ей хлеб и деньги. Он сильно влюбился и даже похудел. Начальник беспокоился и попросил начальника заключенной перевести ее в другое место. Первая любовь К., к сожалению, растаяла как первый снег [Ооути:132].

Самое трудное время позади. Теперь можно увидеть и услышать жизнь вокруг. Мы стали смеяться, когда видели что-нибудь смешное, и стали внимательнее смотреть на красавиц. Заметно, что одежда у людей и здания в городах становились красивее, много грузовиков возят стройматериалы. Снизили цены, и теперь мы могли свободно купить хлеб. Спустя три года плена мы уже хорошо ладили с местными. Среди них встретился такой, что пропил сразу всю зарплату и просил в долг у пленных. Надо же, им не надо бояться болезней и готовиться к пенсии. Несмотря на многие недостатки в Советском Союзе мы завидовали такой жизни. Два-три человека подали просьбу остаться в СССР, но им не разрешили [Ооути: 159].

А. Кузьминых утверждал, что именно в советском плену была одержана последняя победа в Великой Отечественной войне — победа над фашистской пропагандой и расистской теорией. И «битва» эта была выиграна не лагерными политруками, а простыми советскими людьми [Кузьминых 2002: сайт].

Отношения советских людей и японских военнопленных не имели такой драматургии, как с немецкими пленными, а были немного мягче, все-таки японская армия, как уже отмечалось, не вела боевых действий на территории СССР, поэтому градус противостояния не был высоким. Разница культурных стандартов была значительной, так что понять и принять друг друга было совсем не просто. У пленных было немало трудностей в чужой стране с суровым климатом, в стране, которая не ценила жизни и своих-то граждан. Но в памяти пленных поддержка и чувства советских людей запомнились лучше, чем несправедливые военные приказы. Немало бывших пленных передали своим детям интерес к России. Вот одна из историй.

Когда я работала в языковой школе, был у меня студент, отец которого был военнопленным. Студент этот любил повторять слова отца: «Я не люблю СССР, но обожаю русских». Он вспоминал, как отец привез из плена льняную рубашку, которой сносу не было, и тетрадки — самодельные словари. Вот с этих «словарей» пошел интерес сына к русскому языку и к России в целом [Форум по теме: Судьбы японских военнопленных в СССР. Запись Yosi от 03.09.2004].

Нельзя не учесть, что значительная часть бывших пленных сохранила негативные воспоминания о СССР, хотя эти десять художников и бывшие пленники, с кем мне довелось общаться, о советских людях вспоминали тепло.

Глава 8. Маскулинность и утрата субъектности

1. ТЕЛО И ТЕЛЕСНОСТЬ

Концепты маскулинности в культурах XIX–XX вв. тесно связаны с канонами телесности и идеологемой национализма. К середине XX в. в этом каноне были отражены самые разные стороны японской культуры — и островная уникальность, отразившаяся в представлении японцев об особости своего общества, и уникальный для Азии опыт экспансии и милитаризма в 30–40-х гг. XX в., и влияние самурайского наследия с его тиражированным в XX в. образом бусидо [Гилмор: 194]. Вспомним, что человеческое тело, как и все его функции, неотторжимы от социальной жизни [Подорога: сайт], и мы увидим, как меняются тела японских мужчин при смене социальных обстоятельств.

К началу 1940-х гг. японское общество было в высокой степени милитаризованным, так как страна вела военные действия в Китае и на островах Тихого океана. Как обычно, тоталитарные режимы дисциплинируют и подчиняют тела своих граждан, чтобы ими было легче распоряжаться. Так происходило в нацистской Германии, в сталинском СССР, в милитаристской Японии. Уже после призыва в японскую армию тело переставало принадлежать человеку и отчуждалось в пользу родины и императора, а то, что принадлежит родине и императору, должно было содержаться в полном порядке [Мещеряков 2012: 364].

Однако после оглашения рескрипта императора 15 августа 1945 г. солдатские тела «поменяли» своих хозяев. Военнослужащие Квантунской армии на неопределенный срок перешли в распоряжение Красной армии, а затем — ГУПВИ. По мере того как военнопленный осознавал новую ситуацию и свои стратегии выживания, он «приватизировал» (А. Мещеряков) свое тело и начинал распоряжаться им как своей собственностью.

До 1945 г. тело японского солдата ассоциировалось с героической смертью, которая воспринималась как победа: прежде всего победа собственного духа над собственным телом [Мещеряков 2013: 160]. В плену эта победа могла быть прочитана по-разному: для большинства пленных — выжить любой ценой, а для кого-то — распорядиться своей жизнью и своим телом самостоятельно.

Мужчина в лагере теряет свои особые ресурсы, которые поддерживают его маскулинность, и сам становится объектом чужих решений. Он теряет предикат свободной сознательной воли, больше не владея пространством жизненных значений и не создавая его [В. Подорога: сайт]. Тогда он начинает острее чувствовать голод, свою худобу, становится чувствительнее к окружающей среде. Появляется тело, переживаемое субъектом.

Многие были обморожены. У молодых солдат было больше обморожений, потому что они не могли высушить свои валенки. Однако командир говорил, что у молодых солдат нет солдатского духа, поэтому они страдают от отморожений. Я тоже мучился — кожа и ногти были отморожены и было страшно смотреть на красное мясо. Ужасная боль даже из-за слабого ветерка [Ооути: 63].

Воспоминания японских военнопленных полны знаками телесности. Известно, что телесность состоит из целостных, относительно законченных фрагментов опыта [Секацкий: сайт] и они отражаются в каждом воспоминании много раз: это, прежде всего, чувства голода, холода, вопросы одежды и еды, болезней и гигиены, стула и сна. Напоминая о себе все лагерные годы, тело иногда возвращалось на родину фрагментами, о чем говорит документ, разрешающий военнопленным взять с собой «хранящиеся у некоторых из них локоны волос и фаланги пальцев умерших соотечественников» [Главное: 798].

Надо отметить, что если в ГУЛАГе с каждым месяцем и годом, проведенным за колючей проволокой, человек становился слабее физически и морально, то в лагерях ГУПВИ для японцев самые тяжелые условия были в первый год и частично во второй, когда вопросы жилья и обеспечения прибывших еще не были решены. Уже с весны 1947 г. смертность среди японских военнопленных существенно сократилась, и в целом жизнь очень медленно, но улучшалась.

Повествования о лагерной повседневности, особенно в тех сюжетах, что так или иначе связаны с телесностью, часто несут удивительные в своей искренности подробности, нередко содержат иронические оттенки. В этой самоиронии проявляется классический постколониальный субъект, уже освобожденный от репрессированной идентичности интернированного япончика и пародийно изображающий свою субъектность лагерных времен. На рис. 55 Киучи «Сидеть было больно» изображены худые замерзшие голые особи мужского пола. Они сидят, ссутулившись, скорее в женской позе — скованно, скрестив ноги, как на скамье подсудимых. Выражения их лиц жалобны и не имеют ничего общего с мужественностью. Неуют этого мира подчеркивает лампочка, свисающая с потолка как петля виселицы.

Раз–два раза в месяц мы ходили в баню. Сидеть на скамейках было больно, из-за худобы кости попадали прямо на твёрдую поверхность скамейки [Киути: сайт].

В небольшом зале наши парикмахеры побрили волосы даже на срамной части тела у всех японцев... Вот и мои бедра стали пустынно, а член после такой болезненной процедуры грустно опустился [Ёсида Ю.: сайт].

Такэути также помнил это состояние:

Я так несчастен. Бреют волосы в самом важном месте. — Ох, и подмышку бритвой. — Хорошо бы, чтоб и бороду сбрили [Такэути: 40].

Мы брили все волосы на теле, в паховой области тоже. *Большой у Вас предмет. — Ой, стал как женщина* [Ватанабэ: 309].

Утраченная маскулинность солдат проигравшей войну армии часто отражалась непосредственно в виде импотенции, которую исследователи отмечали, например, у многих итальянских солдат после Второй мировой войны. Психологи называют это явление временной гипосексуальностью [Китаев-Смык]. Подобная симптоматика кастрации, по мнению К. Лиля, была репрезентирована в завуалированном виде во многих советских фильмах о войне — в «фигуре раненого ущербного мужского тела» [Кагановский Л.: 10].

Символическая кастрация отражалась и на мужчинах, сидевших в ГУЛАГе. Е. Гинзбург вспоминала эпизод, когда женский этап встретился с мужским:

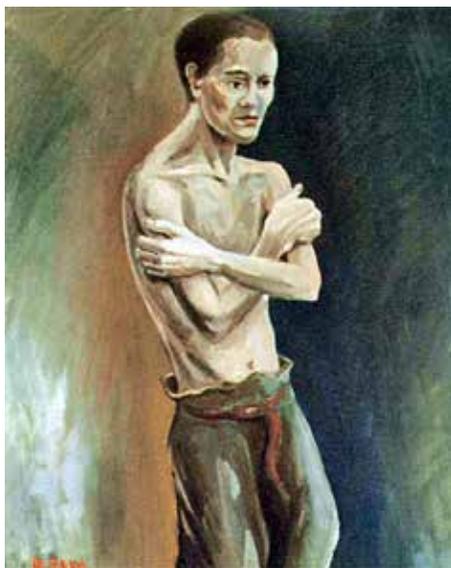
Вот дожили, мужчин от женщин отличить не умеем... Ой, баба! Ой, нет! Как Чичиков о Плюшкине... Но чем пристальнее всматриваемся в проходящие шеренги работяг, тем больше становится не до шуток. Да, они бесполы, эти роботы в ватных брюках, тряпичных чунях, в нахлобученных на глаза малахаях, с лицами кирпичными, в черных подпаланах мороза, закутанными почти до глаз какими-то отрепьями [Гинзбург: 299–300].

Об этой гипосексуальности в плену вспоминали многие.

Костер — место отдыха с товарищами. Мы говорили только о продуктах и о *дамой*. Совсем не говорили о женщинах. Мы слушали про истории с русскими девушками только от тех, кто имел хорошую специальность и работу. Трудно поверить в эти рассказы [Сато: сайт].

Мороз сильно истощил наши силы. Надевали на себя все, что было. Советские люди смеялись, что мы все худые по сравнению с ними. Когда организм истощен, душевные силы тоже его покидают. Малодушные люди истощались скорее [Ооути: 81].

Пленный, который прожил две зимы. Товарищи две зимы работали на лесоповале, транспортировке леса и ремонте железной дороги. За две зимы они совсем исхудали и стали дистрофиками. С ними часто стали случаться неприятности, особенно на ночной разгрузке вагонов. Их лица стали как у стариков. Говорят, что в первую зиму погибло около 50 тысяч. Слышал, что у неко-

торых людей мясо на ягодицах исчезало так, что был виден задний проход²¹ [Саго: сайт].

Для японских солдат, привыкших к высоким нормам личной гигиены, важной процедурой была помывка в бане. Приказом МВД каждому военнопленному для банных дел выделяли кусок мыла весом 300 г в месяц из расчета, что 100 г — для туалетных надобностей, 100 г — для бани, 100 г — для стирки белья [Военнопленные: 408].

Конечно, сюжет с баней часто встречается в изобразительном метатексте.

Общественная баня рядом с лагерем. Людей было так много, как картошки в кастрюле. После этого три года мы не мылись нормально [Ватанабэ: 90].

По приказу советских врачей нас повели в баню. В баню, при -25°C ?! Это, скажу я вам, совсем не шутка. Если бы мы не были такими молодыми и здоровыми, то запросто могли умереть от переохлаждения. Мы растапливали снег в железных бочках, и каждый мылся на морозе одним тазом воды. Здесь я снова почувствовал дыхание смерти [Киути: сайт].

В лагере нет бани. Мы ходим в городскую баню раз в 10 дней. Но там не хватает дров, поэтому мы должны носить с собой щепки в мешках. — *Идем в русскую баню с мешком на плечах. — Действительно, странная страна. Такая баня не годится. Мы должны сидеть в бочке с горячей водой. — Баня лучше, чем душ. Но тело никак не согреется* [Такэути: 155–156].

После первых тяжелых лет в лагере, когда обстановка становилась чуть благоприятнее, менялось и самочувствие японских солдат. Стал возникать интерес к женщинам. Об этом рисунок Такэути. *Товарный вагон. Смотреть наверх опасно — там стоит женщина в юбке* [Такэути: 131]. Опасно, видимо, потому, что в те годы в Сибири встречались женщины, не носившие нижнего белья [ПМА. Интервью с Р. Кешабян. Ереван. 2007].

Комната для дезинфекции одежды. Японцы подглядывают, как купаются медсестры. *Советский... очень хорошо* [Такэути: 77].

Купаются перед ужином после работы. — Тащи, тащи. — Как приятно искупаться после работы. — Яманака отлично плавает, хотя сам из горных мест [Такэути: 106].

На заводе работала начальником красавица 20–22 лет. Говорят, она получила образование в Москве. Говорят, что она самая строгая. Но и советским рабочим, и японским пленным даже ее замечания приятны [Ооути: 157].

Интерес к жизни возвращался, что означало и возвращение половых инстинктов. Выше обсуждались сюжеты с девушками. Однако в гомосоциальном сообществе лагеря возникали отношения и между пленными.

Однополые отношения встречались во всех лагерях мира. На мои расспросы бывших японских военнопленных, были ли в их бараке однополые пары, все отвечали, что они слышали о подобном, но лично не встречали. То же говорили на эту тему женщины, пережившие Освенцим. Как отмечала Джоан Рингельхайм, в разделенных по принципу пола лагерях <...> глубокие дружеские отношения, возникав-

21 Эту степень истощения трудно представить, но оказалось, что бывшие узники нацистского концлагеря Нойенгамме нарисовали своих доходяг, у которых был виден задний проход в положении стоя [архив Нойенгамме].

шие между женщинами, иногда перерастали в сексуальные, но никто из женщин не говорил о таком опыте как о собственном [Рингельхайм 2000: 261] (Рис. 56).

В рисунках о лагере иногда встречаются деликатные намеки на особые отношения среди японских военнопленных, но словами такие отношения определяются только как «странные», «удивительные». При этом в рисунках отражены разные чувства: и нежность, и ревность, и любовь.

Пленный А. услышал, как двое воркуют в бане. Разговор был таким: ты поверь мне, я ничего такого не делал. Когда он заглянул, там было двое пленных, в 11 часов ночи. Это удивительное «товарищество» [Ооути: 158].

А вот и история любви и измены.

К. расстался с С. и завел особые отношения с Э. Однажды С. заглянул в окно и увидел, как они вместе спят, его глаза налились кровью. С. и Э. работали внутри управления и ночевали в бараке далеко от других пленников. В лагере есть и любовь, и измены [Ооути: 158].

В лагерном контексте близкие отношения особенно ценимы. Как вспоминали пережившие Холокост женщины, важны были не собственно сексуальные отношения, а другое: «Если вы могли получить тепло, заботу, любовь — это было хорошо, это было существенно» [Рингельхайм: 260].

2. БОЛЕЗНИ

Болезни всегда сопровождают концентрацию большого количества ослабленных людей в ограниченном пространстве, в отсутствие полноценного питания и гигиенических условий они были неизбежны. Для организации медицинского обслуживания японцев в лагере были направлены 1492 медицинских работника, в том числе 502 врача, развернута работа 31 спецгоспиталя на 14 700 мест [Военнопленные: 242]. К началу 1946 г. каждый пятый военнопленный японец относился к категории ослабленных. Быстро росло число заболевших (на 1 ноября 1945 г. — 1,7 %, на 1 декабря — 2,9%, на 1 января 1946 г. — 4,5 % всех военнопленных). Умершие в декабре 1945 г. составили 3385 чел., в январе 1946 г. — 5168 человек [Военнопленные: 242]. Основными причинами смерти японских военнопленных в это время были дистрофия (50,0%), воспаление легких (5,7%), туберкулез (4,7%), дизентерия (5,0%), сыпной тиф (19,5%) [Военнопленные: 485]. Встречались и больные бери-бери [Военнопленные: 231].

Пик заболеваемости японских военнопленных, согласно отчетам ГУПВИ, пришелся на февраль 1946 г., когда количество больных составило 5,9 % от общего количества пленников [Главное: 422].

Конечно, пленных старались лечить, но врачей, больниц, оборудования и лекарств не хватало. Что же было делать с тем количеством хронических больных, ослабленных людей, которые не могли работать? Содержать больных военнопленных не входило в задачи ГУПВИ. Поэтому было принято решение о вывозе 20 тыс. инвалидов, больных, длительно нетрудоспособных военнопленных и завозе из Кореи в лагерь МВД 22 тыс. здоровых военнопленных японцев [Военнопленные: 811–812].

Большое количество больных вызывало озабоченность в руководстве МВД, и справки о количестве больных и диагнозах заболеваний подавались на самый верх регулярно. Из них мы узнаем, что, к примеру, в первой декаде февраля 1946 г. самыми распространенными болезнями в лагерях были: дистрофия, острые желудочные заболевания, малярия, туберкулез, воспаление легких, сыпной и возвратный тифы, брюшной и паратиф, дизентерия [Военнопленные: 484].

Дистрофия — это такое состояние, при котором вследствие хронического недоедания общее ослабление организма становится опасным для жизни, ее признаки кроме очевидного истощения организма — хроническая усталость, нарушение памяти, внезапные приступы эйфории и голодные фантазии. Советские врачи стали официально применять диагноз «алиментарная дистрофия» только после блокады Ленинграда. Четырехтомник словаря русского языка Ушакова (1935–1940) не приводит слова «дистрофия», а словарь Ожегова в 1953 г. уже содержит. Как пишет Ж. Росси, было в ходу и другое иносказание — полиавитаминоз — одна из секретных гулаговских формулировок взамен «истощения от недоедания» [Росси: 292].

Конечно, дистрофия была одной из основных причин смертности в лагерях. Так, за октябрь–декабрь 1945 г. в лагере № 2 (г. Совгавань) скончались 224 человека. Причины смерти — дистрофия, воспаление легких, дизентерия [ОА ГАУ. Ф. 01, Оп. 15. Д. 35, цит. по: Кузьмина]. В лагере № 1 (ст. Мули Хабаровского края) с октября 1945 г. по март 1946 г. умерло 70 % от всех бывших в лагере, а именно 476 человек. Среди причин смертности на первом месте — смерть от воспаления легких, потом от дизентерии, туберкулеза, алиментарной дистрофии [ОА ГАУ. Ф. 01. Оп. 15. Д. 35. Цит. по: Кузьмина].

Помимо дистрофии и инфекционных заболеваний, которыми страдали военнопленные всех национальностей, у японских пленников был высокий процент больных туберкулезом, примерно 15 % от всех больных.

Пленных с такими хроническими заболеваниями как артрит, гипертония, стенокардия, ревматизм, как правило, не лечили, а при обострении не освобождали от работы, хотя теоретически их должны были отправлять на более легкие работы. Но легких работ на всех хронических больных не хватало. Как цинично говорили таким больным в ГУЛАГе: тебя надо бы отправить перебирать печень, но его нет.

Ж. Росси писал, что в ГУЛАГе от работы освобождали при температуре тела 37,3, в лагерях КТР освобождали при 38 градусах. Пребывание в больнице означало немного лучшее питание, улучшенные бытовые условия, а также отдых от изнуряющей работы.

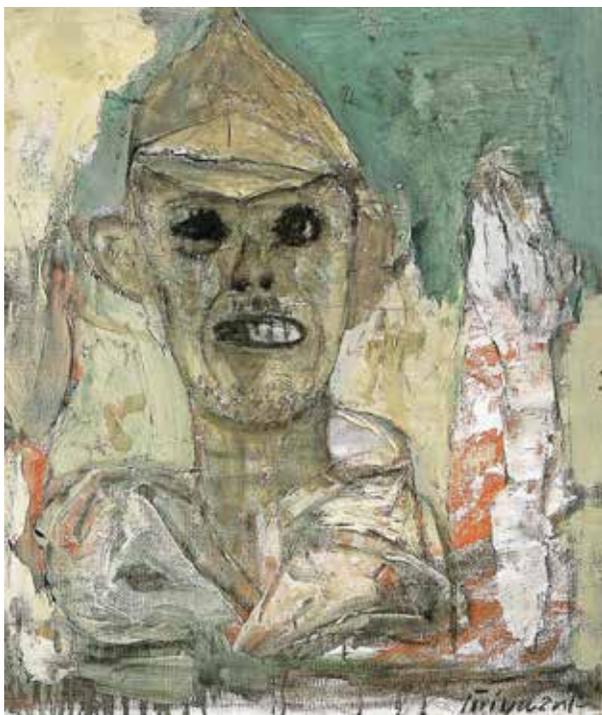
Как писал С. Карнер, из медикаментов только камфара, йод и лекарства типа аспирина; перевязочных материалов почти не было, а хирургические операции делались без наркоза [Карнер: 109]. У Карнера довольно оптимистичное представление, возможно такой набор лекарств был в каких-то лагерях, но не во всех. Часто врач ничем не мог помочь, часто он совсем не сострадал больному, поэтому в ГУЛАГе таких врачей или фельдшеров называли помощниками смерти [Росси: 299].

Женщина–врач и пленный врач. Раньше женщина–врач была прекрасна как цветок. У нее квалификация как у японской медсестры. Работа заключается в том, чтобы следить за санитарным состоянием помещений и предотвращать саботаж из-за симуляции заболевания. Она хорошо относилась к тем, у кого высокая температура и кто очень худой. При этом она не признавала невралгию и депрессию [Сато: 29].

Товарищ «Солдат в очках». Перевязал сломанные очки пластырем и бинтом. Он беспокоится о котелке, в темноте один глаз не двигается, видит только один ракурс. Вчера его очки сломались, и все были удивлены, как он пал духом. Он старше других на два года, но из-за сильной близорукости его позже призвали в армию. С перевязанными очками уже можно видеть, и спокойствие к нему вернулось [Саго: сайт].

В больнице у многих пациентов туберкулез, дистрофия, обморожения и переломы, полученные на лесоповале. Даже открытые раны покрывали гипсом. Поэтому летом в них заводятся черви. Ужасные запахи. В отделении внутренней терапии пахнет, как будто сварили горшок с мокротой. Поэтому я бежал из больницы в рабочий отряд [Саго: сайт].

Рассмотрим картину Сина Миязаки «Сумасшедший пленник» (рис. 57). Образ молодого парня, у которого такое лицо, что, однажды увидев, забыть невозможно. Это лицо лишено одного из главных эволюционных условий нормы — симметричности: одно ухо больше, чем другое, и они разной формы. Глаза тоже разные, причем правый глаз уже и без белка, а левый глаз — неестественно круглый. Кроме огромных черных глаз ужасает несимметричный полуоткрытый рот, в котором видны крупные зубы справа и темная пустота слева. Перевязанная левая рука в пятнах крови. Образ дополняет буденовка, головной убор красноармейца, который был заменен в 1940 г. шапкой-ушанкой. Видимо, хранившиеся на складах устаревшие виды амуниции иногда доставались военнопленным, которые их перекраивали под себя.

В середине января мой товарищ Макиути упал от недоедания, он сошел с ума. Его подняли за плечи и отнесли в кабинет врача. Через несколько дней его куда-то отвезли. Потом мы искали его в списке возвратившихся, но не нашли. *Что случилось с Макиути-саном? Упал на горе и как-то странно говорит: уха-уха... Совсем с ума сошел* [Ватанабэ: 206].

Как-то у Мацумото из Осаки, страдавшего от недоедания и холода, была галлюцинация. Он думал, что у него есть еда в пустой банке. Он продолжал копать в ней, и я слышал этот звук весь день, он постепенно слабел. Когда наступила полная тишина, пленный исчерпал свои силы, его жизнь закончилась. Этот инцидент напугал нас. Мы все думали, что такая же судьба может ждать нас завтра [Ёсида: 142].

Маленький солдат Ф., ростом меньше 150 см, психологически вымотан. Он часто плакал и жаловался — то ему дали меньший кусок хлеба, то не может обуться [Ооути: 117].

Х. сошел с ума. Нельзя было вылечить его даже в больнице. Он лежал в бараке. По ночам он кричал «еда!» и бегал кругами или мог положить валенки на кровать. Поэтому мы привязывали его к кровати, но он все равно месил свои испражнения и просил у русских махорку [Ооути: 118].

До сих пор раза два у меня была мокрота с кровью. Теперь я стал харкать кровью, наверное, 150 г выходило. Отдохнув три дня, начал рисовать стенгазету. Мне уже все равно. Через месяц я снова харкал кровью. Меня послали в больницу, но в ней не было рентгена и не было возможности сделать пневмоторакс. Температуры не было, поэтому меня выписали из больницы через месяц [Ооути: 130].

Воспоминания М. Ооути были написаны спустя 10 лет после освобождения. Он писал, как и многие, чтобы стать свидетелем. У него не было причин приукрашивать или чернить свой опыт. Если сравнить его зарисовки из больницы и текст о больнице из альбома отзывов, написанный перед репатриацией неизвестным художником, мы увидим различную реальность.

Белые стены, синие окна, занавески из марли — все это отражает чистоту лечебной комнаты, расположенные в трех палатах 19 коек, покрашенные белой краской. Украшения, рассчитанные на уют в палате, развешаны по всей стене, украшенная лампочка. У каждой койки на столике стоит посаженное дерево, и цветы в вазах хорошо пахнут каждый сезон. График показывает уровень здоровья пленных по 4 категориям [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 18. Л. 99].

В поднадзорном рисунке основное внимание уделено не больным, а той обстановке, в которой он находится. В постлагерном рисунке и комментариях к ним авторы, наоборот, акцентируют внимание не на интерьерах больницы, а на своем самочувствии: физической слабости и ее признакам.

Обсуждая вопросы медицинской помощи, важно помнить статус лагерного врача, который, несмотря на данную когда-то клятву Гиппократу, работал в режимном учреждении, и его функцией было: не просто лечить, а обеспечить относительно здоровое состояние производственного коллектива, недаром же итогом медосмотра было распределение по группам для физического труда.

Лагерный врач — зависимое лицо и не может положить в стационар всех, кому медицинская помощь была необходима. Японский врач — тем более несамостоятельная фигура, которая не может оспаривать мнение советского коллеги (рис. 58). Это почувствовал Кинси Такэути, вместо обычного рисунка в этот раз обратившийся к аллегорической форме, почти политической карикатуре, в которой врач Смоленкова изображена орлицей, а врач Накадзима — кроликом в ее когтях.

Молодой японский врач всегда обращается к советскому врачу — женщине. Несмотря на мои боли, этот врач вычеркнул меня из списка больных. Японский командир кричал

мне: одевайся и на работу. Тебя нет в списке больных, значит, ты можешь работать. А советская врач — офицер проверила мои ноги и дала отдых [Ооути: 64].

Когда тела у всех стали слабеть, несколько человек заболели. Если на ягодице есть мясо, тогда не давали отдых. Ноги стали очень тяжелыми, как будто сапоги набиты свинцом. В кабинете доктора работали женщина и помощник, японский лейтенант — педиатр. Женщина-врач очень хорошая, но японский доктор — молодой и неопытный [Ваганабэ: 207].

Вновь убеждаемся, что тоталитарное общество — это общество спектакля, в котором случается, что порой безопаснее быть сумасшедшим или хотя бы играть роль сумасшедшего.

Единственная возможность скрыть, что я полицейский — попасть в больницу, симулируя ранение головы. Мне надо изображать сумасшедшего. В больнице лежат разные сумасшедшие. Но я не такой. Поэтому трудно делать вид. Я долго наблюдал за ними и подумал, что буду плакать. Когда меня позовут следователи, тогда я стану плакать. *Круглые сутки бить в колокол и смеяться. Капитан, который ведет себя буйно, если ничего не держит в руках, агрессивный дурак. Целый день плачу* [Ваганабэ: 338].

Пленных, страдающих куриной слепотой, рисовали и Н. Киути, и Ё. Уэцухара. Второй подписал свою карту «А» так: *Недостаток витамина А вызывает потерю зрения с сумерек и до рассвета* [Уэцухара: А (1)]. Этим страдали многие, особенно при резкой смене климата. Куриную слепоту описывает Е. Гинзбург и отмечает, что «в лагере лечат одним способом — освобождением от работы на день — два» [Гинзбург: 248, 255]. Лежанием «лечили» и остарбайтеров и военнопленных красноармейцев в немецких лагерях [Полян 2002: 255]. На карте «Ру» (2) медсестра разводит руками: в медпункте нет лекарств.

Вспоминал лагерный госпиталь и Айдзава-сан. «Однажды я попал в больницу и поразился тому, сколько людей умирало, попав туда. Каждый день от двух до пяти человек, за зиму — до пятисот. Я видел нескольких людей, которые скончались от того, что у них не было сил принимать пищу» [Липский: сайт]. В. Шаламов упоминал известный стишок о том, что часто слишком поздно больной получал возможность попасть в оздоровительную команду:

Сначала ОП, потом ОК,
На ногу бирку — и пока! [Шаламов: 40]

К слову, в Хабаровском крае летом 1946 г. в лагере № 5 было создано 10 оздоровительных команд, через которые за четыре года прошло 19 792 чел. Для передовиков производства была открыта комната отдыха, куда их направляли в отпуск на 10–15 дней. За три года через нее прошло 28 487 человек [Кузьмина: 59].

Все японские пленные хорошо помнили «День ловли мух», который был проведен в Токио 20 июля 1938 г. в рамках государственной борьбы за чистоту. Согласно отчетности, свойственной тоталитарным режимам, за день была уничтожена 74 миллиона 145 тысяч 491 муха [Мещеряков 2009: 280]. Поэтому инициатива уничтожения мух в больнице по-стахановски уже не казалась нелепой.

В больнице пропаганда демократизма стала сильнее. Больные, которые могут гулять, должны убивать мух и этим помогать государству. В этом было стахановское движение. Если больше мух убито, то больше хлеба. Но для других японцев мне надо изображать левшу. За углом больницы я тайком убил много мух правой рукой и показал

их. Мне сказали, что левой рукой я хорошо помог демократическому движению. Мне дали больше хлеба [Ватанабэ: 337].

Художники не только помнят свои болезни и немощи, но и то, как их вылечили. Н. Киути, после того как провел две недели незрячим и вновь обрел зрение, «решил взять шефство над слабыми больными в знак благодарности за оказанную ему помощь» [Киути: сайт].

Искренняя признательность советским врачам сохранилась в отзывах или письмах благодарности, и даже в таком заданном жанре нередко встречались слова от души.

Госпиталь. Больные не могут найти слов, как благодарить русских врачей и санитарок за хорошее с ними обращение. Вначале я волновался, как к нам будут относиться русские врачи, но это было совершенно напрасное беспокойство. Благодаря любезному уходу без расового различия со стороны русских врачей я начал выздоравливать. Я уверен в том, что только такое государство как Советский Союз заботится о быте и здоровье не только трудящихся своей страны, но и о нас, военнопленных [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 21 об.].

Официально благодарность советским врачам за сохраненные жизни японских пленников была выражена в 1989 г. По инициативе Японской ассоциации бывших военнопленных «Медали мира и гуманизма» были вручены хирургу Т.В. Конопелько из № 7-го лагерного отделения, фельдшеру М.И. Гусевой из госпиталя № 3370 п. Новочунка и многим бывшим врачам и медсестрам [Коренев: сайт].

Несмотря на общую гуманитарную направленность врачебной профессии, в лагерях врачи должны были следить, чтобы пленные сохраняли трудоспособность и не болели в убыток государству. Санитарная часть в лагере была необходимым элементом в деле эксплуатации пленников. Без нее заключенных загоняли бы до смерти, или они погибли бы от эпидемий. Несмотря на возможную аберрацию памяти и позднейшее облагораживание образа врача, связанное с благодарностью к конкретным лицам, нельзя забывать, что в лагерях лечили не свободных людей в их интересах. Врачи сохраняли фонд рабочей силы в состоянии, годном для использования. Для этого у них было два средства: немного лечения и немного отдыха.

3. ОДЕЖДА И СОЛДАТСКИЕ БОТИНКИ

Одежда всегда является социальным знаком, который и в лагере маркировал статус военнопленного. Солдаты оказались в плену в своей военной форме, которая состояла из двух комплектов — мундира, брюк, шинели и плаща-накидки в шерстяном и хлопчатобумажном вариантах. Существовал и рабочий костюм для пехотинца, но вряд ли каждому солдату давали все три комплекта. Всю амуницию надо было нести на себе, а кроме одежды у каждого солдата были котелок, фляга, комплект постельного белья и другие личные принадлежности. Оказавшись в плену в летнем обмундировании в августе 1945 г., солдаты надеялись на скорую транспортировку в Японию. Однако после раздачи зимнего обмундирования стало ясно, что их везут в холодные места, но не на Хоккайдо, а в Россию.

Когда в свое время экипировали Квантунскую армию, ее руководство учитывало холодный климат Маньчжурии. Пехотинец Квантунской армии в сильные мо-

розы носил специальное зимнее обмундирование — меховую шапку, двубортную шинель с подкладкой, рукавицы и войлочные сапоги с кожаными передками [Молло: сайт]. Такэути перечислял свой гардероб: зимнее обмундирование и летнее, шерстяное пальто, перчатки на ватине, валенки, тряпочные ботинки с ноговицами, гетры [Такэути: 147].

В России до сих пор «кто-то помнит японских военнопленных в зеленых шубах, отделанных собачьим мехом» [Кузьмина: 79]. В музее «Хейва кинен» висит такой тулуп, сшитый из плотной ткани горчичного цвета. Корпус утеплен стеганым ватином, а нижняя часть подбита овчиной. Рукава также подбиты мехом кролика, причем примерно в середине предплечья они отстегиваются. Квантунцы имели и рукавицы на заячьем меху.

На многих рисунках и фотографиях военнопленные изображены в узнаваемых полевых кепи с узким козырьком. Размер такого кепи регулировался шнуровкой сзади.

Среди воспоминаний я не встретила примера, чтобы кто-либо из солдат был хорошо экипирован и ни в чем не нуждался. Возможно, что третий, рабочий, комплект одежды выдавали в специально предусмотренных случаях, или же они были конфискованы при пленении и транспортировке в СССР, или их обменивали в первую очередь. Во всяком случае, все упоминания об одежде в текстах или на рисунках говорят прямо или содержат характерные для травматического нарратива знаки нехватки.

Обувью служили тупоносые ботинки свиной или коровьей кожи, с металлическими подбойками на каблуках. Была и вторая обувь — таби из черного брезента с резиновой подошвой [Догерти III: 82]. Солдатские ботинки не раз изображал Киёси Сато (рис. 59).

Зимой в Сибири нельзя носить ботинки на шнурках. С этими ботинками придется попрощаться. Я их долго носил. Я получил их, когда был в отряде пограничников, и ходил в них в учебной части. С ними я натерпелся в учебке. Когда их вижу, вспоминаю поля в Маньчжурии. Я люблю их, завтра я надену валенки, и уже не буду походить на японского солдата [Сато: сайт].

На рисунках пленные обычно одеты в летнюю или зимнюю солдатскую форму, хотя в «Инструкции по сбору и ремонту теплых вещей в лагерях НКВД для военнопленных» упоминаются зимние головные уборы, полушубки и тулупы, телогрейки ватные, жилеты меховые и ватные, шаровары ватные, свитеры, джемперы, рукавицы и перчатки, валенки и бурки, а также суконные и хлопчатобумажные гимнастерки и брюки [Военнопленные: 394].

Со временем ботинки стали как бы частью солдата, которую любят как продолжение тела, но все же отчуждаемую часть. Похожие на ботинки с полотна Ван Гога,

они стали свидетелями многих драматических событий и символом военного опыта. Эти разношенные, практически разбитые ботинки стали родными своим хозяевам. Почти как перчатка Варлама Шаламова.

Эта перчатка была слоем кожи, который сошел с руки зэка Шаламова вследствие пеллагры и стал экспонатом учебного музея, для обучения на Колыме фельдшерскому делу заключенных [Шаламов: 793–795]. Невольно вспоминаются другие перчатки из человеческой кожи, что экспонируются в музее-мемориале КЦ лагеря Бухенвальд.

Старые солдатские ботинки послужили названием книги рисунков Моринари Ооути. Он также решил, что именно ботинки являются обобщенным символом военного и лагерного опыта военнопленного. Наверное, в тех же не раз отремонтированных ботинках большая часть солдат возвратилась домой.

Син Миязаки изобразил пленного, одежда которого вся истрепалась, превратилась в лохмотья, сшита из лоскутов, вся в заплатках (рис. 60). Эта та самая одежда солдата, которой нет смены, в которой работают днем и спят ночью, пропитанная потом, вся в бурых пятнах крови. Одежда, ставшая второй кожей.

Судзуки, автор письма из альбома отзывов, признавался: одежда, конечно, не новая: тут нет ни одного целого шва, нитки сгнили, при этом — «ни одного пятна и до тонкости хорошо сложенная и поглаженная — это наша одежда. Ботинки отремонтированы и смазаны маслом» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 18. Л. 101]. Для японских пленных было важно выглядеть аккуратным. Как мы читаем в дневнике Ватанабэ: *Японский солдат ипана нет. Японский солдат ипана нельзя* [Ватанабэ: 324].

На одежде каждого военнопленного должен быть прикреплен нагрудный знак — лоскут белой ткани с лагерным номером. Ватанабэ нарисовал их слева на груди, прямо у сердца. Такасуги писал, что «номерные бирки унижали достоинство японцев точно так же, как евреев оскорбляли заведенные в гитлеровской Германии опознавательные знаки на их магазинах и лавочках, как русских — особая форма с буквами SU (Советский Союз) в немецких концентрационных лагерях» [Такасуги. Ч. 2: 101].

У всех военнопленных была нужда в разной одежде, купить ее было негде и не на что. Вариантов не было: пленные оставляли себе одежду погибших товарищей, поэтому хоронили трупы раздетыми. Об этом пишет, например, И. Ёсида: одежда и другие дефицитные вещи были распределены между выжившими друзьями, на память о мертвых. Ему вторит Ц. Хисанага в комментарии к полотну «Реквием 2».

Когда советский солдат проверил факт смерти, то приказал раздеть все трупы. Одежда умерших для пленных — ценность. В краю экстремальных морозов для нас это подарок. Я в слезах просил извинения у покойного и раздевал его, убеждая себя в том, что завтра меня ждет такая же судьба [Хисанага: 47].

Иногда пленным выдавали ношеную одежду красноармейцев. Сибирские старожилы рассказывают, что японцы зимой ходили в изношенных полушубках и суконных буденовках. Скульптуры Миязаки часто изображают военнопленных в буденовках. М. Ооути также свидетельствует, что снабжение, как правило, обеспечивало «одеждой, которую прежде носили советские солдаты, дали валенки и шубы. Все было ношеное и часто огромного размера» [Ооути: 56]. В летнее время пленные предпочитали ходить в своей форме и брезентовых тапочках на деревянной подошве. Некоторые щеголяли в кирзовых сапогах, выменяв их у местных жителей. Особенно любили японцы советские телогрейки и фуфайки: лагерное начальство даже награждало ими особо отличившихся пленных [Тутов: сайт].

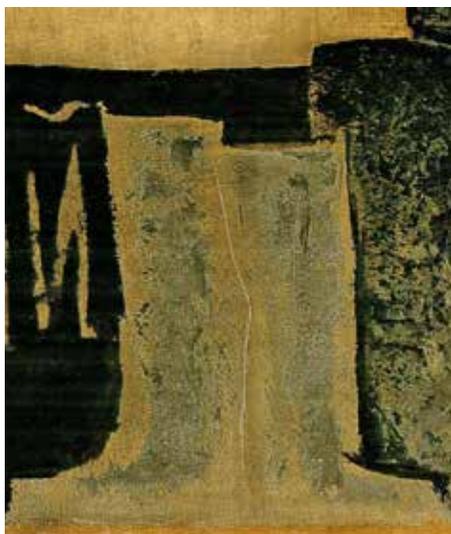
В северных широтах, особенно на лесоповале, важна была теплая одежда. Это в первую очередь ватники или бушлаты. И в них-то было холодно при крепких морозах, и только костер мог немного согреть. Искры, попадая на бушлат, прожигали его худую ткань. Глядя на работы Сато с изображением лесорубов у костра, надо иметь в виду, что вся его одежда много раз горела, тлела и дымилась. Как делился своим опытом Ю. Марголин, лесоруба легко узнать по сквозным зияющим дырам одежды, из которых торчат во все стороны клочья обгорелой коричневой ваты [Марголин: 100].

На рисунках К. Сато мы часто видим, как человек сидит у костра и греется. А вот в ГУЛАГе, как писал В. Шаламов, в его лагере «костер на работе полагался только конвоем» [Шаламов: 48]. Военнопленным же разрешались в морозные дни каждые два часа перерывы для обогривания на 10–15 мин [Военнопленные: 233], хотя вряд ли все распоряжения, особенно направленные на улучшение условий, выполнялись на местах.

Конечно, лагерную одежду нужно было чинить почти ежедневно, ведь запасной смены одежды почти ни у кого не было. Для этого в лагерях были созданы мастерские для реставрации одежды, ремонта и пошива обуви, которую изготавливали то из утиля, то из новых материалов. Так в лагере № 5 в п. Старт в течение 1946 г. и первого полугодия 1947 г. было пошито 9 000 комплектов нового обмундирования [ОА ГАУ № А. Оп.15 Д. 41, цит. по: Кузьмина 67].

На картине Казуки «Домой» изображен пленник, будто высеченный в камне, и слева от него сапоги. Их форма напоминает кирзачи, кирзовые сапоги (рис. 61) — скорее символ советского солдата, его типичная обувь, в которой мужская часть граждан СССР ходила еще долгие годы после войны. Кирзовые сапоги обычно бывают черного цвета, но на полотне Казуки они существенно светлее — значит, пыльные, ношенные много месяцев.

Сапоги в СССР носили с портянками. Эта давняя традиция настолько укоренена в армейских рядах, что только в 2013 г. руководство МО РФ задумалось об их отмене. В 1945 г. портянки вместо носков удивляли японцев. Вот как описывает портянки Такэути.

Кусок ткани наматывается на ногу. Квадрат 50 на 50. Как пользоваться? В середину поставить ногу и наматывать вокруг — получается замена носку [Такэути: 148].

Перед репатриацией большей части военнопленных раздали трофейное японское обмундирование, которым были наполнены 300 железнодорожных вагонов [Военнопленные: 242], и которое ждало своего часа с августа 1945 г. Как планировали руководители МВД СССР, японские подданные перед отправкой будут одеты в новое обмундирование, а генералам будет выдано гражданское платье (демисезонное пальто, костюм, шляпа, сорочка с галстуком, ботинки, две пары носков, две пары нижнего белья) [Военнопленные: 798].

Любая одежда была важна для пленника. Но ботинки для японского солдата стали свидетелями и символом тяжелого солдатского пути.

Глава 9. Значимые сюжеты

Пережитый опыт насилия, тем более длительного, не позволяет полноценно выразить его, и языком репрезентации лагерного опыта становится язык травмы. Я рассматриваю наиболее травматичные сюжеты лагерных историй, которые присутствуют у всех авторов. Именно эти сюжеты наряду с другими приемами и образами создают язык травмы в нарративах бывших японских военнопленных.

1. МАРОДЕРСТВО

Мародерство было одним из проявлений этоса «нецивилизованных войн» и входило в комплекс представлений, по которому победитель получает все и победителей не судят. После взятия Берлина и оккупации Пруссии многие генералы РККА отправляли домой чуть ли не вагоны с немецкими трофеями. Солдаты также не могли удержаться от соблазна привезти подарки родным. Как было сказано в документальном фильме «Домой... Токио... Домой» (реж. Е. Кокусев, 2004 г.), советские солдаты в июне 1945 г. погрузились в железнодорожные вагоны и поехали с запада на восток, чтобы «разобраться с милитаристской Японией, грабануть и быстрее закончить с войной, отомстив к тому же и за Порт-Артур». Кроме идеологической и военной задач, здесь сформулирована и экономическая, через 60 лет проартикулированная — «грабануть».

Однако население Маньчжурии, на территории которой разворачивались военные действия, было бедным, а сама военная кампания — короткой. Маньчжурия в 1930-е гг. активно осваивалась японскими колонистами, которые большей частью имели мелкий бизнес. В августе 1945 г. все изменилось, и нажитое имущество колонисты охотно раздавали японским солдатам, которые, надеясь скоро вернуться домой, были рады запастись гостинцами для родных. М. Ооути помнил, как они подбирали брошенное на Сахалине имущество соотечественников — самурайский меч, ботинки, одежду [Ооути: 32]. Поэтому кое-чем у солдат можно было поживиться. Практически любая восточная вещь могла стать трофеем и сойти за заморский гостинец для неизбалованных советских людей. Как видно из рисунков, солдаты были рады любым пустякам — и шариковым авторучкам, и даже амулетам, ценность которых была не материальная, а магическая, но их можно было дарить. О том, на-

сколько маньчжурские трофеи были распространены в СССР, мы можем судить по разным частным воспоминаниям, например, «Полторы комнаты» И. Бродского. Да и в песне В. Высоцкого «Баллада о детстве» поется:

У тети Зины кофточка
С драконами да змеями —
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями...
Трофейная Япония,
Трофейная Германия...

У служащих Квантунской армии было и свое солдатское имущество. Постельное белье, сменная одежда, а обычные для японцев уже в то время шариковые авторучки были для красноармейцев диковинкой. Как вспоминала жительница Моршанска С. Долгова,

наши люди на вокзале этот эшелон несколько дней ждали. Но только японцы сошли на перрон, их тут же все кинулись грабить, в один момент оставили узкоглазых без штанов. Еще бы — ведь с собой в неведомую Россию японцы везли огромные тюки с добром: невесомые пуховые матрасы и подушки, несколько смен постельного белья, теплые куртки и штаны, новенькие фотоаппараты с цветной пленкой, краски для рисования и даже мешочки с приправами для риса [Сажнева: сайт].

Первой бедой, которая настигла плененных японцев, было мародерство. Здесь в одном действии мы видим утрату собственности, такой нужной, ведь солдат носит с собой только самое важное, да еще и в отсутствие возможности приобрести другую. Мародерство оскорбляло и унижало: сильные унижали слабых, победители унижали проигравших, всадники унижали пеших, вооруженные унижали безоружных. Как советовали Такэути в первые дни в СССР, «спрячь все ценности, иначе подвергнешься *Давай!*», то есть иначе отберут [Такэути: 36].

Как-то на марше по пути в Сибирь советский солдат, неожиданно подскочив на лошади сзади, на скаку сорвал одеяло, штаны и другие личные вещи и ускакал. Вот обида! Чем дальше заводили нас жестокие советские солдаты, тем ужаснее становился конвой. Начало сентября 1945 г. [Ёсида: 62].

Во время короткого отдыха несколько советских солдат снова предстали как разбойники с большой дороги. Они принесли еду и консервы для обмена на часы и авторучки. Угрожали нам оружием, грабили и толкали нас. Их злоба была непредсказуемой. Начало сентября 1945 г. [Ёсида: 64].

Досмотр личных вещей. Мы закончили трудовой день и вернулись в палатку. Там, как снег на голову, советские солдаты искали оружие и опасные вещи, но в действительности конфисковали все хорошее, что могли найти. В действительности это был грабеж. Это повторилось дважды. Как нам не везет. Конец сентября 1945 г. [Ёсида: 84].

При досмотре обычно забирали все ручки. После часов это был самый желанный предмет грабежа. Все хотели часы. Неважно — хорошие или плохие, лишь бы работали [Ооути: 73].

На рисунке Ё. Ватанабэ показано, как

ночью японский солдат шел в туалет, а охранник потребовал часы и ручку и убил его, а администрация решила, что солдат сам поднялся на вышку и потому был застрелен [Ватанабэ: 46].

Было несколько советских солдат, кто хотел выменять золотые коронки голодных японских пленных на кусок хлеба (рис. 62). Эти русские искали золото с таким энтузиазмом, что не скрывали радости и показывали, на какое место в рту они поставят коронку, если ее найдут. Некоторые даже не пытались получить согласие, а раскрывали рот силой, чтобы вытащить золотую коронку плоскогубцами. Январь–апрель 1946 г. [Ёсида: 107].

Надо сказать, что мародерство в рядах Красной армии в годы Второй мировой войны официально было запрещено, но начальство до поры до времени смотрело на это сквозь пальцы. Как только руководство решало, что пора прекращать, начинались наказания. Так, за пять месяцев 1946 г. в лагерях Хабаровского края конвойными войсками было совершено 430 нарушений воинской дисциплины. Виновными признавались обычно рядовые, которые «незаконно изымали имущество у военнопленных, потому что начальство не разъяснило личному составу, что подобные действия влекут за собой различные клеветнические измышления, направленные на дискредитацию и подрыв международного авторитета нашей Родины» [цит по: Кузьмина: 61]. Некоторые военнослужащие Красной армии были показательным образом за это наказаны. В приказе № 43 от 7.02.1946 г. по Амгуньскому ИТЛ и лагерю военнопленных № 5 в п. Хурмули утверждалось, что:

в декабре 1945 г. в лагункте 306 Сапко при обыске военнопленных отобрал двое шерстяных брюк, шерстяной китель, сатин, отрез шерстяной материи, три пары нательного белья, трое трусов, носки, полевую сумку. Приказал командиру батальона военнопленных достать трое ручных часов.

Военным трибуналом Сапко Н.Л. приговорен к шести годам лагерей с конфискацией украденного имущества [ОСФ ИЦ УВД ХК Ф. 9 — цит. по: Кузьмина: 61].

Для мародеров особо желанными были зажигалки, портсигары, шариковые ручки, обручальные кольца и ручные часы, которые надевали на запястье по две-три штуки [Такеда, Ватанабэ]. На карте «Ну» (2) Уэцухара рисует советского солдата, который на правую руку надел 4 часов и еще одни только что отобрал и хвастается перед вторым солдатом. Японские пленные находятся в унижительном положении, художник это показывает позой — они сидят на коленях. Подпись: *Советские солдаты — воры проводят личный досмотр, и офицеры воруют*. Отобранные часы в таком количестве должны были демонстрировать «богатство», а стали образами солдатского мародерства.

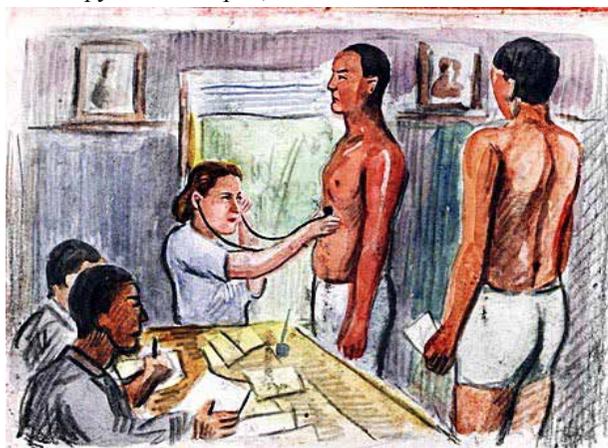
2. МЕДОСМОТР

Медицинский осмотр был регулярной процедурой освидетельствования состояния здоровья пленных и обычно проводился раз в месяц. Еще в июле 1942 г.

УПВИ разослало в лагерь директиву, в соответствии с которой руководство лагерей обязывалось проводить с помощью врачебно-трудовых комиссий (ВТК) ежемесячные осмотры военнопленных для определения степени их трудоспособности. В зависимости от физического состояния военнопленных были установлены четыре категории трудоспособности: к первой относились люди, пригодные для любых физических работ, ко второй — только для работ средней тяжести, к третьей — те, кто подлежал освобождению от работы или использованию только на легких внутрилагерных работах. Те, кто попадал в четвертую группу, направлялись в больницу или оздоровительную команду (ОК) и занимались стиркой, глажением, дезинфекцией, помогали на кухне, топили печь. Каждый пленный должен был указать свою категорию, полученную на предыдущем осмотре [Като: 59].

Эти категории, как об этом было сказано, устанавливались с помощью так называемого неприличного жеста врача или медсестры, которые определяли, осталась ли еще на ягодицах плоть, и устанавливали тех, кто уже мог считаться дистрофиками [Карнер: 103]. В чем же заключался неприличный жест? Процедура медицинской проверки на трудоспособность состояла в том, что врач оттягивал кожу на ягодице пленного, определяя отсутствие/наличие подкожного жирового слоя. Если кожа висела, человека направляли на более легкую работу.

Пленный раздевался, и врач осматривал верхнюю часть туловища. Затем он щипал грудь и смотрел, сколько мяса на теле пленного и как оно блестит. После этого

он разворачивал пациента и смотрел, много ли мяса в нижней части туловища. В этот момент врач старался ухватить нижнюю часть туловища пальцами и потянуть. Были те, у кого зад был упругим, круглым. Эти шли по первому классу. А если человек был ослаблен, то его зад был как спустившийся надувной шар. Так лагерные врачи без всяких приборов, только прощупав мясо на теле военнопленного, определяли его здоровье [Като: 59–60].

Поднадзорный рисунок 63 изображает пленников почти атлетического сложения, в белых трусах. Врач слушает легкие с помощью фонендоскопа [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 145. Л. 32]. Это изображение отличается от тех медосмотров, что показаны на постлагерном рисунке. Воспоминания, связанные с телесностью, только подтверждают зафиксированный в памяти зависимый статус. Рис. 64. Перед нами подпись на карте «И» (1) Ё. Уэцухары: «Прежде всего все побрили». Текст на рисунке *какой маленький* отражает удивление медицинского работника, уже взрослой женщины, малыми на ее глаз размерами детородного органа взрослого японца. Она не стесняется показать удивление взглядом, выражением лица и комментариями. Это унижение запомнилось и проявилось на рисунке спустя десятилетия. Вряд ли та же женщина посмела бы сказать такое русскому мужчине. Но пленный японец для нее — не ровня, не мужчина. Посмотрите, в каком смятении стоит человек справа, как отворачивается в неловкости и как оба по-женски прикрывают пах руками. Это

униженность пленением, голодом, наготой и ущербной маскулинностью, выраженной в сексуальной неполноценности, вернее символической эмаскуляции. Беззащитность голых пленных, которые стоят босиком и лишились даже волос в паху, подчеркивается контрастом с тем, как тепло одета медсестра: она в валенках, шапочке и держит в руках машинку для бритья. Карта «Ми» (1) подписана автором: жалкое мясо на ребрах и ягодицах (рис. 65). Перед нами изображение двух пленных мужчин. Автор показывает, что, по мнению врачей, главное в человеке — ягодицы и ребра, да и жалкое мясо подтверждает жалкий статус людей, которые сейчас представлены ребрами и ягодицами. На этом рисунке мы видим советского врача, в сапогах и фуражке, в белом халате поверх френча рядом с тремя голыми пленными. Один из них вновь по-женски прикрывает пах руками, второй сидит на полу практически в детской позе. Неравенство статусов художник выразил униженными позами представителей более низких статусов — женщин и детей, а также наготой пленных.

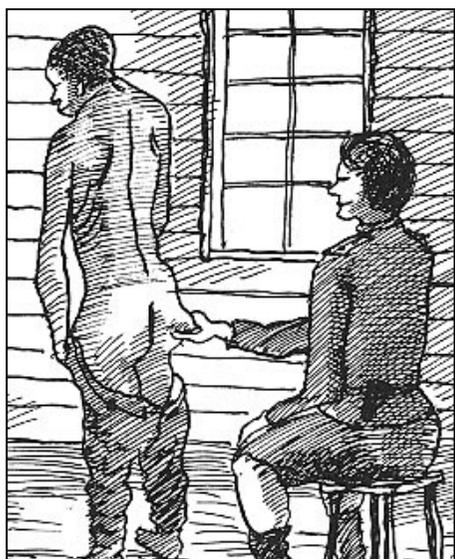

Лагеря военнопленных — это мужское гомосоциальное сообщество. Появление женщины в нем, даже вдалеке, а тем более — вблизи, вносило особое волнение в мужские ряды. Японцев удивляло, что высокий статус врача в советском обществе был доступен женщине. Удивлял и образ женщины — смелой, решительной, легко командующей мужчинами. Именно эти лагерные врачи, в основном женщины, руководили процедурой медицинского осмотра, именно их голос был решающим в вопросе: к какой категории отнести каждого пленного.

Таким образом, если в обычной жизни мужчина обладает правом щупать женский зад, то в условиях лагеря врач, чаще женщина, имевшая властные полномочия на распределение работ, в данных обстоятельствах значит и право распоряжаться жизнями, щупала зады пленных, и такая гендерная инверсия травмировала память, став одним из стойких образов лагерного унижения.

Это еще одна иллюстрация «политической анатомии», которую М. Фуко связывал с «механикой власти», производящей подчиненные, «послушные» тела. Явным образом мы видели, как тоталитарные режимы XX в. использовали миллионы людей в своих лагерях, принуждая их работать с необходимой эффективностью [Фуко: 201].

Таким образом, медицинский осмотр был процедурой селекции. Этот сюжет на карте «О» (2) Ё. Уэцухара подписал: щипает задницу: да, здоров. При этом мужчина совершенно голый, стоит босиком, да еще, видимо, побритый в паху, а женщина, находящаяся в помещении, в пилотке и кирзовых сапогах, а поверх гимнастерки белый халат. У нее завитые волосы и, можно сказать, равнодушное лицо. Зато у пленного странное лицо: оно как будто развернуто в три четверти, но мы видим только один глаз и одну поднятую бровь — практически над носом. Справа — лица, наблюдающие сцену. Для японской эротической гравюры было характерно присутствие наблюдателя. Зритель в данном

случае как бы подчеркивает, что не сексуально, а иначе женщина имеет мужчину. Этот сюжет — один из наиболее символических для визуализации низкого статуса пленных, некомфортная обнаженность тел которых зимой, в холодном климате демонстрирует социальное разделение и неравенство. Если в классической патриархатной модели женщина обычно обнажается для мужского удовольствия, то здесь граница власти пересекает гендер и проходит по национальным границам (рис. 66). Этот медицинский осмотр, как и тысячи других, был демонстрационным механизмом проявления власти, причем относительно слабой для патриархатного советского общества группы — женщинами, которые в этой ситуации приобретали статус экспертов. Это еще более усиливало унижительность положения для пленников японских мужчин.

Согласно Ж.-П. Сартру и М. Фуко, «взгляд», рассматривание есть реализация иерархических отношений между разглядываемыми и их над-смотрщиками: взгляд объективирует тех, на кого направлен, потому что исходит «от власти». Эта эстетика объективации участвует в превращении тел

в объекты не только внутри сюжета, но и для зрителя, потому что «индивидуальностей» как таковых в комнате для медосмотров уже нет, там лишь пространство для осуществления власти [Гапова: сайт]. Пленные, называемые даже в лагере друг друга господин такой-то, превращаются на медосмотре в послушные тела. Даже волосяной покров, который всегда индивидуален, сведен к минимуму.

Один раз пришлось мне оказаться перед женщиной-врачом в не совсем пристойном виде, комментирует свой рисунок Н. Киути (рис. 67). Перед нами трое худых, даже тощих пленников. В чем непристойность такого вида? Они стыдятся ситуации и вжали головы в плечи, опустили глаза. Художник так изображает троих

мужчин, что мы уверены, что им было стыдно и тогда. Мы не видим их детородных органов, будто их нет. И рядом с тремя стоящими босиком, вжав голову в плечи, сидят две женщины в сапогах, военной форме и шапке-ушанке. Зимняя шапка на тщательно завитых волосах свидетельствует, что температура в помещении низкая. Та, что слева, вальяжно устроилась в удобном кресле. На их лицах и в их позах нет ни малейшего напряжения, и даже ручка в чернильнице на первый взгляд торчит как ложка в чайном стакане. У женщин яркий макияж, отражающий послевоенную напряженность на брачном рынке, — алая помада на губах перекликается с красными звездами на солдатской ушанке, в целом мужском головном уборе. Женщины хорошо себя чувствуют на этом месте — военную одежду они носят не первый день — об этом говорят и погоны на плечах, и медаль на груди, и то, как ладно подогнана под женскую фигуру военная гимнастерка.

Вот как комментирует Ц. Хисанага свою картину «В комнате врача».

Проверка сама по себе довольно странная. Ущипнут ягодицу и по степени удлинения кожи определяют категорию. Женщина старается поднять класс, а японец — снизить. Он все же пленный, поэтому много больных товарищей определили в 1-ю и 2-ю категорию и выгнали на тяжелую работу [Хисанага: 40–41].

Выстраивалась вертикаль власти: лагерное руководство наверху, ниже советская врач — ниже японский врач — и внизу пленники. Заметим, что здесь врач стремится поднять класс. Многие лагерные врачи, помнившие о клятве Гиппократа, остались в памяти пленных, как и в памяти Н. Киути, который запомнил добрый голос советского врача.

Работа по переносу вещей со склада состояла в переносе исключительно тяжёлых вещей, поэтому без наличия физических сил с ней было не справиться. Японские пленные работали настолько хорошо, что врач — русская начинала волноваться по этому поводу. Особенно переживала она за самых исхудавших солдат, настойчиво укладывая их в постель: *Скорее спать! Голос у нее был очень добрый* [Киути: сайт].

Благодарности советским врачам, как упоминалось выше, встречаются в письмах альбомов отзывов, но нередко искренняя благодарность сохранялась в душе тех, кто был спасен советским врачом, и добровольно писал уже из Японии. Вот письмо бывшего пленного Мацуда Масао, написанное спустя 40 лет:

Наверное, Вы уже не помните, как в декабре 1945 г. меня привезли в качестве военнопленного в Анжерскую, тогда у меня был сильный жар. Я плохо помню, что происходило, т.к. был практически без памяти и без сознания. Говорят, что японские фельдшеры уже «махнули на меня рукой», считая, что мне осталось жить несколько часов. И тогда в госпитале появились Вы, д-р Коробченко, как ответственный за больных в лагере. Вы поставили диагноз — острое воспаление легких. После этого Вы двое суток без сна боролись за мое здоровье. Только Ваши титанические усилия и сердечная доброта позволили сохранить угасающие искры моей человеческой жизни и восстановить ее. Возможно, что для врача это и обычное дело, но для меня — в другой стране и в состоянии отчаяния — Ваша работа стала подвигом, сохранившим мне жизнь. За это я на всю жизнь остаюсь Вам благодарен так, что не могу выразить словами. В марте 1946 г., когда я наконец поднялся с кровати, в течение трех месяцев Вы продолжали контролировать мое здоровье и, наконец, в июне после специального консилиума с японским военврачом Ягихаси Вы, похлопав меня по ставшим совсем худыми плечам, сказали только одно слово «Домой». Тепло Ва-

ших добрых рук, доктор, я сохранил на всю жизнь. Когда я возвратился в свой дом, все были очень удивлены, т.к. никто не думал, что я остался жив... Мацуда Масао. 1.8.1984 [<http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=659618&language=1>].

Эта фотография из газеты «Нихон синбун» напоминает кабинет педиатра. Пленный похож на мальчика, хотя этот человек уже имел военный опыт. Ему неловко, он опустил взгляд (рис. 68). Визуальная инфантилизация взрослого пленного отражает политику деперсонализации в тотальных институтах, которая часто приводила к тому, что взрослые люди начинали вести себя как дети. Этот процесс показал Б. Беттельхейм, анализируя свое поведение и поведение других заключенных в Дахау и Бухенвальде [Беттельхейм: сайт].

Художник Тецую Тиба, в 1945–46 гг. беженец из Мукдена, замечательно проиллюстрировал детскую книгу о мальчике, у которого отец

погиб в советском плену. Не имея личного опыта нахождения в советских лагерях, он ошибочно объединил два сюжета — медицинский осмотр и досмотр, во время которого не врач, но охранник проверяет задний проход, не спрятано ли там что-нибудь [Сибиряк ёкурютте: 10]. Данный пример показывает, что рисунки, иллюстрирующие личный опыт, могут быть достоверными историческими документами, а рисунки человека, имеющего похожий опыт, но в другой стране, способны исказить прошлое.

3. ПОВЕРКА

По команде «*На линейку*» все заключенные лагеря становятся на поверку на отведенной для этой цели площадке [Росси: 190]. Поверки или переключки проводятся для того, чтобы пересчитать поднадзорный состав во время утреннего вывода на работу и после работы. Вторая цель поверки — обыск и конфискация нездоровых предметов.

Из-за сбоев в счете охранников они могли длиться довольно долго невзирая на погоду. Как мы знаем из воспоминаний, на поверке могут продержаться более часа, но бывало и дольше.

Требовалось почти два часа для переключки 500 японских пленных. Это говорит об уровне математических способностей советских солдат. Ждать два часа — 120 минут — для физически ослабленных людей это слишком долго. Некоторые приптапывали, махали руками слева направо, но и такие упражнения не могли согреть уставшие тела. Кругом были желтые пятна на снегу, так как люди мочились там, где стояли. Некоторые падали на землю. Мы ненавидели эти переключки. Как мы желали, чтобы они быстрее закончились. Декабрь 1945 г. [Ёсида: 104].

«*Раз, два, три, четыре, пять*» — «*сколько ни считай, всё равно ошибешься*». Наверное, это связано с тем, что японские солдаты строятся в колонны по четыре человека. Большинство молодых советских солдат были не сильны в математике и поэтому они тратили много времени на расчеты [Киути: сайт] (рис. 69).

Поверка по ночам и неприятные поступки советских солдат. Мы пытались заснуть несмотря на то, что были голодными, но нас подняли «на перекличку со всеми вещами». Мы смотрели на Полярную звезду и ждали конца переклички. Она долго тянулась, и в бараке, в котором остались только больные, советские солдаты искали часы и ценные вещи [Сато: 8].

Тот же сюжет рисует и Кинси Такэути: 20, 30, 40 — считает советский солдат. По 5 человек в ряду легко пересчитывать. — Сегодня немного теплее. — Прошу не ошибайтесь [Такэути: 49].

Невероятно, но среди советских солдат слишком много таких, кто даже считать не умеет [Уэцухара «Си» (2)] (рис. 70).

О том же писал и В. Шаламов: «Строили всегда по пятеркам, ибо таблицей умножения умели бегло пользоваться далеко не все конвоиры. Любое арифметическое действие, если его производить на морозе и притом на живом материале, — штука серьезная» [Шаламов: 58]. Об этом качестве — неумении быстро пересчитывать большие группы людей (примерно до 500 чел.) не раз писали и узники ГУЛАГа. Даже в Бутырской тюрьме, в которой количество заключенных в камере считали по их кружкам (вряд ли более 100), дежурный затруднялся со счетом. Он пересчитывал несколько раз, переставлял более симметрично, сбивался со счета, начинал сначала, забавно слюнул большой палец правой руки [Гинзбург 1991: 119].

Кроме простого пересчета поверка имела целью подтвердить отсутствие запрещенных вещей среди личных принадлежностей пленных. К таким предметам относились: топографические и географические карты, бинокли, компасы, холодное и огнестрельное оружие — словом, все то, что может пригодиться при совершении побега или нападения [Главное: 270]. Следует отметить, что суммарный улов запрещенных вещей также впечатлял. Например, в списке изъятых предметов в 1946 г. только по лагерю № 34 (49) значилось: ножей разных 706, отверток 10, ножниц 19, бритв 7, кирок 34, пил 6, железа разного 103 кг, напильников 3, топоров 15, секундомеров 2, серпов 1, ломов 22, лопат 56, молотков 132, денег 1340 иен [Спиридонов...].

Вот зарисовка о ежедневном обыске в воспоминаниях К. Като.

Нас выстраивали в пять рядов, и каждый стелил перед собой одеяло, на котором раскладывал свои личные вещи. Затем подходил офицер и строго смотрел, нет ли

среди имущества военнопленного ножа, лезвия, лекарств, магнита, карты. Считалось, что эти вещи необходимы в случае побега. Как правило, на одеяло выкладывали пальто, перчатки, головные уборы, белье. Все было очень грязное. Комплект одежды каждого человека был зарегистрирован у советского офицера, который отвечал за имущество военнопленных. Если среди этих жалких пожитков находили недозволенные предметы, их отбирали. Перед офицером приходилось отвечать, если что-то пропадало. Кроме одежды военнопленным разрешалось иметь мешки, пустые консервные банки, деревянные ложки и всякую мелочь. Консервные банки следовало заделывать так, чтобы о них нельзя было порезаться. У некоторых военнопленных было по 3, а то и по 10 таких банок для табака, сахара, соли. Хлеб и фотографии хранили в сделанных своими руками специальных мешках. Проверка отнимала много времени. К концу на специальном одеяле, куда офицер клал конфискованные вещи, выростали горы разного барахла. Иногда здесь оказывался нож или серебряная цепочка от часов [Като: 62–63].

Ё. Уэцухара на карте «То» (1) показал личный досмотр и подписал: все было отобрано и спрятано, остался голым. На карте «Ру» (1) изображен охранник, который лезет на верхние нары с намерением что-то забрать, у него хищное выражение лица и правая рука протянута в хватательном движении. Подпись гласит: охранник в отсутствие владельца хочет украсть.

Как говорилось выше, проверка была особенно унижительной из-за неоправданно затянутой процедуры пересчета усталых после тяжелого рабочего дня людей, неприятной из-за обысков и возможных конфискации и наказания. Это была дополнительная форма унижения, дважды в сутки подтверждавшая статус бесправного человека в бесправной людской массе.

4. ДЕЛЕЖ ХЛЕБА

Самый пронзительный, самый тяжелый сюжет всей изображенной сибирской эпопеи интернирования — сюжет о том, как голодные люди делили хлеб. Лагерный дележ хлеба тяжело видеть на картинах и читать его описание сытому человеку в XXI в. Каково же было находиться там, внутри изображения, там и тогда! (рис. 71). Двенадцать человек не сводят глаз с буханки черного хлеба.

Это было самой ненавистой обязанностью. В гробовом молчании все глаза направлены только на острие ножа. В наполовину вошедшей в землю комнате, под светом тоненькой самодельной свечи резали хлеб. Раздача еды [Киути: сайт].

В хлебе, испеченном из кукурузы, много воды. Поэтому на сибирском морозе хлеб замерзает и становится как металл. Когда приходит время еды, разрезать ножом его нельзя, и мы безуспешно пытались рубить топором, но он только крошился. Тогда мы попробовали резать пилой. Оказалось, что можно, но много крошек.

Мы их собираем и также делим на всех, иначе будут споры. При крайне плохом положении с едой все люди смотрят на одну на всех буханку хлеба [Хисанага: 22].

Распределение хлеба в бараке также рисовал и Исаму Ёсида (рис. 72).

Жизненным был вопрос о том, как поделить то небольшое количество еды, что у нас было. Каждый пленный пристально следил за взвешиванием, чтобы исключить махинации. Мы взвешивали ржаной хлеб на самодельных весах, чтобы всем достались одинаковые куски. Так же мы делили и гущу супа. Это было испытанием наших человеческих качеств. Позже мы решили довериться лотерее. Мы смирились, что погрешности неизбежны, и отказались от весов [Ёсида: 156].

Отказ от скрупулезного взвешивания в пользу жребия практиковался многими пленными. Об этом же писал Моринари Ооути.

Еду обязательно надо делить справедливо. Делить хлеб было трудно. Некоторые пользовались весами. Мы испробовали разные способы, но чаще обращались к жребию. Иногда выяснялось, что кто-то хитрил и получал больше [Ооути: 82].

Не только в аниме, но и в графике К. Сато видно, как глаза всех присутствующих прикованы к дележу и раздаче хлеба. Здесь лица прорисованы хуже, они темны, как будто отражают темные мысли и темные чувства, живущие в глубине души.

В одном поселке есть пекарня. В ней кто-то подменяет муку отрубями или гречкой. Поэтому мы ели только очень тонкие куски хлеба. Как-то из-за бурана телега с хлебом запаздывала, и мы ждали ее до ночи как ребенка. Мы резали хлеб пилой, и получалось поровну. Все внимательно смотрят на того, кто делит хлеб. Их глаза похожи на глаза собак [Ваганабэ: 261].

Процедуру взвешивания, когда пленник брал хлеб в долг, описывает Като Кюзо.

Когда нам раздавали хлеб, часто можно было слышать: «Эй, ты не одолжишь немного хлеба?» — «Сейчас, я только его взвешу». Тут же делали простейшие весы: брали маленькую палочку и посередине прикрепляли ниточку, а по сторонам привязывали свою и чью-нибудь еще порцию хлеба. Поскольку специального приспособления, которое позволяло бы поровну делить хлеб, не было, это обычно делал на глазок повар. Естественно, что куски были немного разные. И тогда один кричал другому: «Эй ты, гад, у тебя тяжелее. И почему эти повара так поступают?» [Като: 64].

5. Блохи, вши и клопы

Блохи, вши и клопы — спутники лагеря, они всегда там, где люди живут скученно, в антисанитарной обстановке. Они — верный признак условий, которые приближают человека к животному состоянию. Эти насекомые-паразиты мешали уставшим людям отдыхать, не давали заснуть. Они несли с собой не только диском-

форт, но и угрозу здоровью как разносчики инфекционных заболеваний. И. Ёсида писал про осень 1945 г.:

Вши и блохи были повсюду. Так как мы все не меняли одежду и оставались в ней, согревая все вокруг своими телами, мы видели, как они бегают по головам, подмышкам и везде, где были волосы. Мы были беспомощны [Ёсида: 98].

Ё. Уэцухара рисует на карте «Ни» (1): *Тысячи вшей — отвратительный враг*. Вши не только создавали дискомфорт, не давали отдыхать, не давали спать, но и представляли опасность — они были виновниками сыпного тифа. *Тиф свирепствует в лагере, угрожая адам*, подписывает карту «Чи» (2) Уэцухара.

Несмотря на приносимый насекомыми дискомфорт, к ним привыкали. Они становились настолько обычными в лагерной жизни, что в ГУЛАГе эвфемизмом *давить вшей* было *читать «последние известия»*, то есть выполнять ежедневное рутинное занятие [Марголин 1952: 12]. Сайт Нобуо Киути о жизни в лагере японских военнопленных открывается рисунком «Выискивание вшей в Самхамни».

Ё. Ватанабэ вместе со своими друзьями также не мог избежать этой проблемы. 26 октября 1945 г. он пишет в дневнике: днем тепло, «давлю вшей» (рис. 73).

Мы привезли вши с Сахалина. С каждым днем их все больше. Мы их ловили без конца. Каждое утро и вечер мы выстраивались на переключку и тогда на плечах каждого солдата мы находили по 5–6 вшей. *Мы похудели. На Сахалине мы ели много картошки и худыми не были. Только вши стали толстыми. Вши живут бесконечно. Легче отбросить вошь, чем раздавить. Вши тоже мрут от нехватки питания с нами.*

Клопы в середине августа. *Пахнет плохо. Нашел клопа. Очень чешется. Они быстро убежали. В трещине дерева много клопов и очень неприятно пахнет* [Ватанабэ: 236].

Клопы в середине сентября. В бараке все поднялись на чердак, где клопов вроде не должно быть. Но все равно пахнет так же. Я остался в комнате один, и все клопы кинулись на меня. Я ушел спать в поле. Начался дождь, и мне пришлось вернуться в барак, а на чердаке не осталось места. Так и не спал до утра [Ватанабэ: 237].

Ниже одна из зарисовок Ооути.

После ужина начинаем искать вшей. На полу расстилаем мешок от цемента и бьем по одежде, которая висит на веревке, палкой. Блохи падают как дождь. Иногда советский врач приходит и спрашивает, есть ли вши. Люди отвечали: нет. Хотя их ужасно много. Если ответить «да», то придется всю ночь кипятить одежду, и все равно это не поможет. Иногда врач приходила в тот момент, когда они искали вшей. И снова спрашивала: есть вши? В таком случае пленные показывали: да, много. Все-таки советские врачи пытались с ними бороться [Ооути: 61].

Многие военнопленные впервые со вшами столкнулись в лагерях, как и с такими приметам советского лагеря, как политическое воспитание или социалистическое соревнование. Пленные по-разному относились к этому, некоторые про-

низировали. Так «один пленный заметил блох у другого и сказал ему: у тебя на спине три большие блохи соревнуются» [Ооути: 52].

Досаждали и другие насекомые. Оути пишет: во время осмотра не нашли вшей, но нас замучили клопы [Ооути: 126]. Клопы прятались на потолке, когда люди засыпали, они атаквали нас как парашютисты [Ооути: 129]. Кстати, парашютистами называли клопов и в ГУЛАГе. В Освенциме к этому прозвищу добавились и другие: вшей называли *пехотой*, блохи были *артиллерией*, комары — *авиацией*, а лобковые вши — *санерами* [Леви: 122].

В лагере пленные стали сравнивать себя с насекомыми. Отношение к солдатам как в масштабах фронта ничтожно малым величинам, жизнь которых также висит на волоске, но которые в своей массе способны нанести вред противнику, — видна в их шуточной солидарности с насекомыми.

Уничтожая в свободное время насекомых, японцы подшучивали друг над другом: — Смотри, какая большая белая вошь! — Моя такая же, даже больше твоей. — Слушайте, товарищи, эти вши вместе со мной приехали в Сибирь с фронта, они мне как родственники. — Да-да, это точно [Ёсида Ю.: сайт].

Однако, как вспоминал Хидэюки Айдзава, такое действие, как уничтожение насекомых, могло стать для офицера по фамилии Жук поводом для наказания. «Он увидел на стене след от убитого клопа, разозлился и спросил: “Кто нанес вред имуществу Советского Союза?” Преступник нашелся сразу и был посажен на гауптвахту. Мы не могли так просто даже клопа убить» [Чернова: сайт]. Бывший военнопленный из Венгрии Иштван Эркенъ упоминает, как его товарищ поедал вшей и гнид, объясняя свои действия так: каждая капля крови, которую у тебя высосут, снова попадает в организм: то есть не станешь сильнее, но и не ослабеешь [Эркенъ: 237].

Клопы, вши и клещи. Клопы не давали спать, вши вызывали сыпной тиф. Чтобы не было вшей, надо было брить волосы, даже на лобке. Клещи тоже мучили нас, кусали яички. Из-за этого нескольким солдатам пришлось обратиться к врачу [Ёсида Ю.: сайт].

Как известно, тифозные вши имеют на спинке красное пятнышко. В Освенциме «без усталости любили повторять, что, если посмотреть на это пятнышко в увеличительное стекло, можно разглядеть крошечные серп и молот» [Леви: 122].

Боролись со вшами с помощью дезинфекционной камеры или вошебойки, специального устройства для истребления вшей жаром. Она была при бане в каждом лагере, куда сдают вещи до помывки и получают уже после нее. Кожаные и меховые вещи от прожарки приходили в негодность, от высокой температуры садились и шерстяные вещи. Несмотря на высокую температуру гниды оставались, хотя вши погибали [Росси: 63]. Ооути запомнил, что

прокипятили не только одежду и белье, но шапки и одеяла, но через 2–3 дня блохи снова появились. Это потому, что блохи остались в амулетах, ведь амулеты мы не кипятили [Ооути: 60].

Разумеется, поиски вшей не могли быть изображены в альбомах благодарности, но была нарисована вошебойка как средство, помогающее пленникам жить. Вши изображены на карикатурах в альбомах отзывов. За полуодетым японским пленным с несчастным выражением лица стоит советский солдат в брюках-галифе

и пилотке, справа от него вошебойка. Мертвые вши на полу — вот результат этой работы [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 25].

В лагерях ГУЛАГа, если была возможность выйти за пределы лагеря, то в теплое время года применяли народное средство — зарывали одежду в землю. Как описывал В. Шаламов,

мы сняли белье и закопали его на ночь в землю, каждую рубаху и кальсоны порознь, оставив маленький кончик снаружи... Действительно, наутро вши собрались на кончиках рубах... Вшей мы сожгли, поднося рубаху к горящей головне из костра. Увы, этот способ не уничтожил гнид, и в тот же день мы долго и яростно варили белье в больших консервных банках [Шаламов: 34].

Не было спасения и от комаров, особенно в лесу.

Ночью нас покусали комары. Японец: *Совсем не понятно, где лицо. Даже смеяться нельзя.* Вчера вечером действительно была огромная туча лесных комаров [Такэути: 179].

Надо отметить, что женщины, например, в Освенциме и ГУЛАГе, легко помогали друг другу и искали насекомых в волосах и одежде у подруг или соседок, в то время как мужчины в этом друг другу не помогали. Похожий тип отношений — груминг — отмечается, например, у многих видов приматов. Получается, что женщины легко использовали груминг, а мужчины отказывались от него, значит, некоторые идеи Вигена Геодакяна о женщине как хранительнице архаичного имеют основания.

Вшивость — норма для диких животных. Если появляются у человека вши, значит, у него нет условий для соблюдения личной гигиены, которая сама стала итогом длительной культурной эволюции человека. К тому же большая скученность в бараке усугубляла проблему и сразу делала ее массовой.

Однако вши были и признаком жизни. О своем только что умершем друге Ёсида писал:

Январь–март 46. Должно быть, около десяти минут назад он испустил свой последний вздох. Могу сказать, что вши, которые были у него, стали выползать одна за другой, как будто они не хотели иметь ничего общего с трупом. Это было такое ужасное зрелище [Ёсида: 126].

В середине XX в. пленники были отброшены в гигиеническом смысле до самых архаичных форм, потому что таким человеческим стадом было легче управлять. Грязным, вшивым людям, живущим в плохих условиях, трудно сохранять самоуважение, ощущение несвежести собственного тела угнетало людей, привыкших к чистоте как необходимости. Поэтому эти крохотные кровососущие насекомые заняли свое непропорционально большое место в воспоминаниях пленников, так как стали симптомом стадности и низкого для человеческого сообщества уровня — не жизни, а существования.

6. Нечистоты

Принято считать, что лагерь — это контроль и охрана, изматывающий труд, плохие санитарно-гигиенические условия и, наконец, голод. Однако лагерь — это, в первую очередь, и чудовищные отхожие места, понос, неизбежный в таких санитарно-гигиенических условиях, запор, неизбежный при полном отсутствии жиров в рационе [Котек, Регуло: 225].

Тема экскрементов завоевала свое место в научной литературе: психоанализе, теории карнавала, антропологии — в контексте нечистого как опасного или места туалета в разных культурах. Но во многих других отношениях отхожее место и экскременты так же невидимы в науке, как и в культуре, изредка всплывая как деталь повествования.

Как мы знаем, травмированная память часто удерживает и фиксирует наиболее болезненные сюжеты. Люди, прошедшие ГУЛАГ, часто вспоминали, что кроме непосильного труда самыми тягостными были отсутствие приватности и, особенно, публичность интимных процедур. Не только баня, но и туалет перестали быть личным делом, и опыт преодоления стыда стал характерным сюжетом воспоминаний о депортации калмыков, армян, чеченцев.

Как можно было преодолеть культурный багаж поколений и бороться с привычными этническими и половозрастными стереотипами поведения? Взрослые мужчины должны были научиться оправляться на людях при отсутствии необходимых гигиенических принадлежностей. Это сопровождалось внутренней борьбой в каждом человеке, потому что нужды человеческой природы были важнее культурных конструкций общества, но это противоречие было сложно преодолеть. Коллективная телесность вырабатывала новые коллективные правила гигиены.

Японская культура, по определению Р. Бенедикт, — в отличие от культур вины с абсолютными стандартами морали и опорой на человеческую совесть — это культура стыда. В ней человек стыдится того, что дал повод себя осмеять, но мощная санкционирующая сила стыда нуждается в реальной или воображаемой публике [Бенедикт: 156–157]. Эффект стыда усиливается, когда на всеобщее обозрение выставляется то, что человек, следуя общепринятым нормам, хотел бы скрыть.

Описывать словами сюжеты, связанные с туалетом и экскрементами, непрофессиональным авторам было нетрудно, порой даже в поэтической форме.

Сидим в уборной
И вместе срем.
У всех понос [Нисимура 2004а: 18].

Во многих воспоминаниях встречаются на первый взгляд неуместные, но важные для авторов подробности о характере стула, поскольку все же в предложенных обстоятельствах экскременты были доказательством жизни, пусть и невеселой. Так, даже в кратких воспоминаниях содержится упоминание о «сильных запорах из-за того, что сено с шелухой наши желудки с трудом переваривали». Внимание к тому, как справлялись советские люди с естественной нуждой в отсутствие общественных туалетов, также отразилось в воспоминаниях.

Видимо, из-за того, что нарисовать иногда легче, чем найти подходящие слова, мы встречаем довольно много изображений лагерного туалета.

Утром, когда у всех много дел, мы сидели рядом и испражнялись. Нет стыда, нет заботы о приличиях, поскольку все одинаково освобождались от своего дерьма [Сато 1979: 138].

Беспомощность и бессилие пленных отразились в воспоминании об удвоенном унижении: как справляли нужду страдавшие куриной слепотой, тем более что при дефекации человек особенно беззащитен.

По вечерам мы выносили бак, доверху наполненный нечистотами, и сливали их в большую яму, вырытую во дворе. Интересная была работа. *Смотри, не пролей дерьмо* [Киути: сайт] (рис. 74).

Нарисованный Нобуо Киути бак для испражнений — с ручкой, были баки и с двумя ручками и съёмной крышкой, их называли параша. Полная параша могла весить 120 кг, ее выносили два человека [Росси: 270]. Зловонный нужник

мог стать единственным безопасным местом для дружеской беседы, для обсуждения сокровенных дел или тайных планов побега [Като: 161].

Уборная под открытым небом, отгороженная соломенными циновками, служила местом секретных разговоров боевых товарищей. Например, *я сегодня гадал, и выпало, что я скоро смогу вернуться домой* [Киути: сайт].

Бывало, что на верхних нарах мочились в банки или обувь и выливали или поносили, а внизу страдали от грязного наводнения — вообще сплошные ссоры, несмешные комедии и смешные трагедии... Идти в туалет и обратно обязательно надо бегом. Сядешь в туалете и сразу «давай, давай!» Дают только минуту каждому. Нас торопят, но из-за нехватки влаги у нас запор, и мы не можем быстро испражняться. Нас прерывают и ташат. Половина кала остается в кишках и целый день неприятно. Страдание из-за нехватки времени для туалета — ад для данного человека и карикатура для посторонних [Ясуто: 146–147].

Что толку говорить ему, что мне нужно в туалет, он все равно не понимает слов. Боясь, что могу сбежать, он всегда смотрел, что я делаю, стоя рядом. А у меня из-за этого сам процесс никак не получался [Киути: сайт].

Н. Киути смеется над ситуацией: пока есть пленные, война еще не закончилась, и страдают обе стороны. И обнаживший свой зад пленник и его охранник вынуждены вдыхать один и тот же запах — так охранник испытывает те же прелести тюрьмы, что и заключенный, за которым он следит.

Золотая башня (башня наказания). В Сибири, где ежедневно температура опускается ниже -30°C , говно в уборной собирается не горизонтально, а поднимается как пирамида, вроде башни, и в конце концов высота башни превышает рост человека. Если у кого-то понос, и он быстро присядет, то исцарапает жопу. Если кто-то почему-то рассердит советского надзирателя, его посылают в наказание разрубить эту гигантскую золотую башню — башню испражнений. Ужасно и очень трудно заниматься

этим. Башня твердая как камень. Осколки льда из мочи попадают в глаза, в нос и даже в рот — это кошмар. Поэтому после работы, когда мы греемся в здании и все крохотные кусочки говна тают, уже от вони страдают не только тот, кто выполнял работу, но и окружающие [Хисанага: 54] (рис. 75).

Человеческие экскременты, на первый взгляд, находятся вне пределов культуры и легализованы только в пространстве сна, в котором они означают богатство. Во многих языках есть метафоры, подразумевающие это тождество: экскременты — деньги. В психоаналитических и антропологических исследованиях достаточно широко представлены различные связи между деньгами и фекалиями, которые зафиксированы в мифах различных культур и, наконец, в сновидениях. Недаром в русском языке профессия ассенизатора получила название *золотарь*. В этом контексте японские образы фекалий помогают переформулировать прошлый опыт, в котором лагерь остался в первую очередь символом подневольного бесконечного труда, в других условиях, безусловно, приведшего бы к материальному успеху.

Столь зримое присутствие экскрементов в жизни оскорбляло стиранием границ между человеческим и скотским существованием. Так было по всему ГУЛАГу; возможно, этим достигалась одна из целей пенитенциарной системы в СССР: убить человеческое в человеке, превратить людей в толпу, в стадо.

Упоминание собственных испражнений является актом осознанного самоунижения: я значим не больше экскрементов, но существую и могу производить хотя бы это. Возможно, этот прием используется превентивно: человека, который говорит о себе самоуничиженно, трудно обидеть. Видимо, в этом и заключается социальная установка высказываний о нечистотах — поделиться своей историей в поисках сочувствия и сопереживания.

Наряду с чисткой зубов испражнение было одним из немногих действий, которое заключенный делал только для себя. Хотя в воспоминаниях упоминаются и оправки по приказу, но в рисунках чаще фигурируют те, что были по естественной нужде. В то же время наблюдать свои испражнения было в некотором роде и церемонией уточнения своего существования.

Разумеется, экскременты были и метафорой той самой жизни, какой человек долгие годы жил, выражаясь по-русски, *в полной (говном) жопе*. Страницы о нечистотах — это гимн жизни во всех ее проявлениях, даже низких, ее карнавальное воспевание.

При сильном морозе испражнения сразу замерзали и росли как сосульки наоборот... Эти конусы дерьма надо разбивать ломом, вычерпывать совком, складывать в соломенные мешки и выносить. Их сколы отскакивали и попадали за перчатки, на обувь, пальто, на шею и после возвращения в теплый барак таяли и невыносимо воняли [Сато: 138].

Уборка городского общественного туалета — тяжелая работа. Испражнения растут из круглых ям больше чем на пятнадцать сантиметров и замерзли крепко, стали как камень. Трудно представить, каким образом люди испражняются здесь. В туалетах кал везде. Буквально некуда ногу поставить [Ооути: 109].

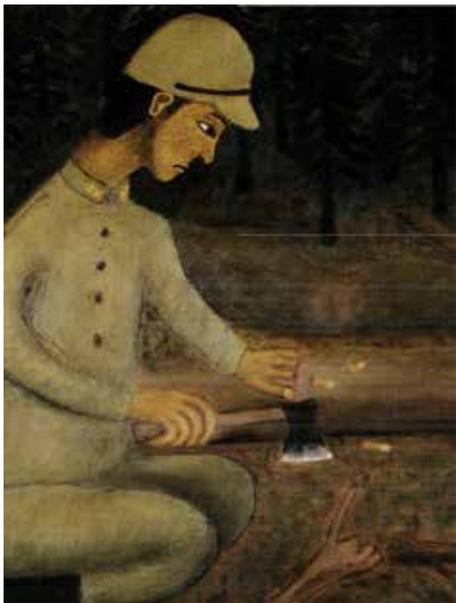
Используя метафору чистки отхожего места, авторы очищают свою память от непереносимых воспоминаний. В памяти накопились завалы жизненного опыта, и самые тягостные сюжеты надо вычерпать как кал: разбить, уничтожив, как золотую башню, и выбросить, освободившись от них навсегда, подобно тому, как человек

освобождается от своих экскрементов. Перенести непереносимые воспоминания на бумагу в стихах, прозе или в рисунке, анимэ или живописи — так можно позитивно переработать травму, облегчившись от тягостного груза впечатлений.

7. САМОКАЛЕЧЕНИЕ, ИНВАЛИДНОСТЬ

Первые партии репатриантов состояли из хронических больных, инвалидов, длительно нетрудоспособных. Чуть ли не единственной возможностью для японских пленников вернуться на родину становилась потеря трудоспособности, и это толкало их на путь членовредительства и сознательного истощения [Катасонова: 91]. Для многих японских пленников самокалечение замысливалось как прием малой жертвы ради выживания, они не знали, что в СССР самокалечение было уголовно наказуемо. Руководство ГУПВИ имело приказ: по всем установленным случаям симуляции и членовредительства проводить расследование для привлечения виновных к уголовной ответственности и приговоры трибуналов по делам членовредителей оглашать перед строем военнопленных [Военнопленные: 681].

Красноречива картина Хисанага, где с точностью протокола зафиксированы действия саморуба.

Молодой офицер, уже без военной сабли, в постыдном положении военнопленного находится между японскими пленными и советской стороной. Он влачил жалкие дни, страдая от внутреннего конфликта из-за офицерского звания, терпел сколько мог, но не выдержал и отрубил себе пальцы, надеясь, что его отправят домой [Хисанага: 50] (рис. 76).

К самокалечению прибегали как к прагматическому акту жертвы малым ради большего. Это всегда риск, потому что нельзя быть уверенным, что увечье будет таким, как запланировал человек, а не разрушительнее, а также что замысел не будет разгадан и человека не накажут. Вот размышления на эту тему, планы и страхи Ё. Ватанабэ который скрывает свою профессию и поэтому хочет спрятаться в больнице.

Я решил бросить камень себе на ногу. Если моя нога надолго распухнет, наверное, меня пошлют в другую больницу. Там я постараюсь скрыть, что я — полицейский. В лагере все крепко спят. Я тихо вышел из лагеря, пошел к речке, взял камень и бросил на ногу. Очень больно. На небе луна, моя нога распухла и почернела [Ватанабэ: 266].

Расставание. В северную больницу. Начало сентября. — *Камфара. Быстро побрить голову. Парикмахер: страшное ранение. Друг: мы все контрэlementы, но нам можно домой. Вам грозит срок в семь лет. Сейчас у Вас ранение в голову. Поэтому делайте вид, что Вы — сумасшедший и тогда будет домой. Я: все говорят, что рана страшная, но я не чувствую боли. Попробую сделать вид, что сошел с ума. — В 10 часов я уйду отсюда. Накамура, до свидания. Здоровья Вам [Ватанабэ: 333].*

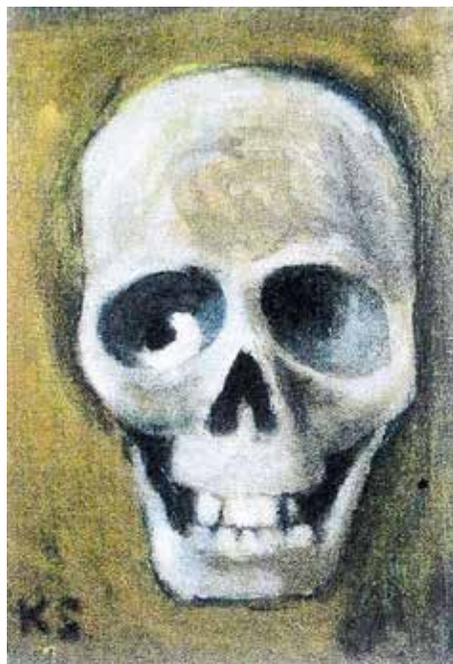
Кроме умышленного самокалечения сотни пленных получали ранения на лесоповале, в результате несчастных случаев на стройках; бывало, им ампутировали конечности в результате гангрены, которая развивалась вследствие обморожения. Как показывают многочисленные образы на картинах и рисунках, таких увечных людей среди пленных было немало.

Японские пленные знали, что вернувшиеся во время войны с фронта инвалиды в Японии получали специальный значок, свидетельствующий о боевом ранении, но для большей приметности они надевали белые одежды, говорившие о «непорочности» их ран. Во многом это было обусловлено страхом, что их примут за «обычных» калек, которые подвергались дискриминации. Так как в бане одних инвалидов было невозможно отличить от других, ветераны просили учредить специальный «телесный знак», чтобы всем было видно боевое происхождение их увечий [Мещеряков 2009: 401].

Ущербные образы плена хорошо видны в творчестве С. Миязаки. Его полотно «Одинокий человек» изображает фигуру со странными, почти квадратными пропорциями (рис. 77). На картине Миязаки «Заклечение» мы видим строй пленных, но это неполноценные люди — не у всех есть руки, головы. Снова травма говорит о себе образами нехватки, ущербности. В плену человек перестает быть полноценным, даже если внешне у него все в порядке, это только видимость полноценного человека, он — инвалид, он неспособен на свободный выбор в жизни, опыт лагеря дает о себе знать.

Пленные для С. Миязаки — увечные люди, кто без рук, кто без ног, кто без головы. Иными словами — это люди, отличные от нормативной физиологической формы, отличные от настоящих солдат, которыми уходили на фронт. Но как настоящие японские солдаты не попадают в плен, так в памяти художника пленные как ненастоящие солдаты оказались калекками. Среди них были и инвалиды по зрению.

Солдат с искусственным глазом не бывает. Но с нами было несколько солдат с искусственным глазом, их призывали в Китае. Мы узнали об этом во время эксгумации останков в России, когда среди костей умерших находили черепа с искусственным глазом [Саго: 47] (рис. 78).

Действительно, в японских медиа прозвучала история о том, как по искусственному глазу родственники опознали и в 1990-е гг. прах пленного. Искусственные глаза, как и искусственные хрусталики в военное время в Японии не были редкостью, их производство, как и производство других протезов успешно развивалось, и они предоставлялись государством бесплатно [Мещеряков 2009: 401].

В СССР также тысячи солдат вернулись к мирной жизни, оставив на полях сражений кто руки, кто ноги, а многие и руки, и ноги. В народе их называли обрубками, самоварами, чемоданами. В конце 1940-х гг. безногие и безрукие, не имевшие близких родственников, были собраны со всей страны и свезены в спецучреждения, созданные на территории разрушенных монастырей вдали от людских глаз. Их ждала невеселая жизнь полностью зависимых от медицинского персонала людей. Такая же, практически полная беспомощность пленного помнилась японским художникам спустя много лет после плена, и на языке травмы она отражалась в терминах нехватки — в образах безруких, безногих, безголовых людей, человеческих обрубков.

Пройти испытания войной и пленом, оставшись совершенно здоровым, оказалось невозможно. Травматические военные практики не могут не отразиться на каждом участнике войны, тем более на военнопленном, даже если внешне он похож на здорового человека. В СССР это понимали в первую очередь режиссеры военного кино, в которых инвалидность прямо трактовалась как метафора испытаний (Е. Смирнова, П. Романов).

8. САМОУБИЙСТВА, СМЕРТЬ, ТРУПЫ

Сибирское интернирование японских военнопленных стоило жизни десятой части вывезенного в СССР плененного состава Квантунской армии. В военное время жизнь японского солдата стоила только 1 сэн 5 рин,²² как говорили в те времена. Ровно столько стоила почтовая карточка, призывающая мужчину на войну [Такеда: 1996]. Государственная идеология призывала мужчин отдавать свою жизнь ради императора.

В милитаристской Японии начала 1940-х гг., как пишет А. Мещеряков, тело новобранца, только что призванного в армию, по умолчанию уже рассматривалось как тело мертвое. Новобранцу срезали прядь волос и обстригали ногти, которые было положено помещать в погребальную урну [Мещеряков 2012: 402].

На войне солдат встречается со смертью почти каждый день. Военные действия Япония вела 15 лет, и газеты ежедневно сообщали о том, как герои погибают ради императора. Однако люди продолжали гибнуть и после рескрипта императора от 15 августа 1945 г., но не в бою, а от голода, холода, в результате агрессии охранников и несчастных случаев на плохо организованном производстве.

Еще В. Шаламов на вопрос «может ли узник лагеря жить надеждой?» отвечал: если не дурак, он не может жить надеждами. Поэтому так много самоубийств [Шаламов: 71]. В нацистских лагерях, наоборот, количество самоубийств было невысоким. Казалось бы, у военнопленных оставалась надежда на возвращение домой. Возможно, что лагерное время тянулось гораздо медленнее, ослабленному человеку надеяться на чудеса было трудно.

22 Это 1,5% от 1 йены в тот период.

Решение покончить счеты с жизнью, преодолевая инстинкт жизни, пленным из Японии было легче, чем пленным из других стран. Они помнили лозунг недавнего военного времени: «Когда есть выбор между жизнью и смертью, всегда лучше умереть!» [Мещеряков 2013: 170]. Да и «Памятка японскому солдату и младшему офицеру» указывает, что «смерть на фронте — это обязанность военного человека», «при угрозе плена популяризовалось самоубийство» [Катасонова: 41].

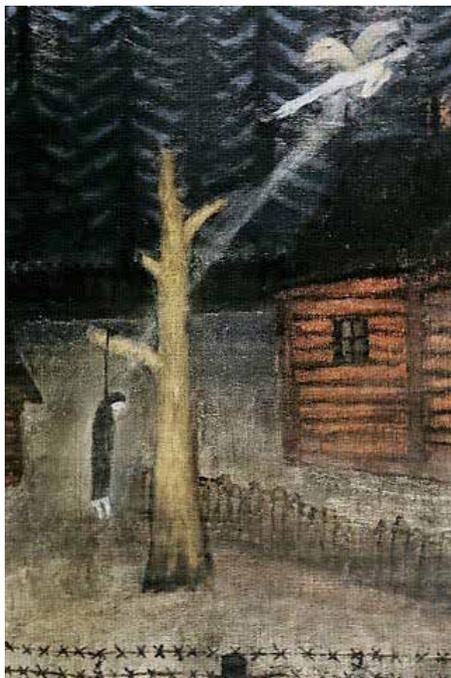
Отмечают такие трагические истории и авторы дневников. Например, Ё. Ватанабэ описывает как одиннадцать телефонисток на Южном Сахалине, узнав о приближении Красной армии и опасаясь надругательства со стороны советских солдат, предпочли все разом уйти из жизни [Ватанабэ: 23]. При этом яд был у девушек под рукой, они как будто были готовы к такому исходу.

Комментарии к рисункам и дневники описывают самоубийства или размышления о возможности такого шага, которые приходили, видимо, ко многим пленным.

Лагерь окружен высоким деревянным забором, вдоль которого протянута колючая проволока. Кто подойдет к ней, в того стреляют. Как-то ночью сумасшедший соратник был охвачен мыслью, что за забором Японское море. Он не мог больше терпеть и ночью полез на ограду. Не увидев моря, он отправил свою душу к Японскому морю [Ооути: 74].

Я нечаянно взглянул на одно большое дерево, которое стоит в лагере. Оно почти умерло. Вдруг я испугался. Мой взгляд наткнулся на что-то неожиданное. Это висело тело моего соратника, уставшего жить. Я молча помолился за него и за его душу, чтобы она вернулась как можно быстрее к матери, на родину. Заодно я пообещал себе не терять надежду, хотя ее осталось так мало [Хисанага: 70] (рис. 79).

Дерево, изображенное в центре картины — неживое, его ветви обрублены, нет листьев. Только горьким плодом висит тело пленника, уставшего жить, как эмпатично формулирует причины самоубийства Ц. Хисанага. Мертвое дерево с мертвым плодом вызывает ассоциации с работами Жака Калло (Большие бедствия войны, 1633), на полотнах которого также на ветвях повисли те, кто проиграл в войне [См. его «Дерево повешенных» в серии «Большие бедствия войны», 1633].

Поведение самоубийц, как утверждал Б. Беттельхейм, показывает, что принуждение имеет свой предел. Дойдя до определенной черты, человек предпочитает смерть животному существованию. Но путь к этому ужасному выбору начинается с инерции. Те, кто ей поддался, кто перестал черпать жизненную энергию в окружающем мире, не мог больше проявлять инициативу и боялся ее в других [Беттельхейм: сайт].

Были смерти по неосторожности, недосмотру и жестокости охранников.

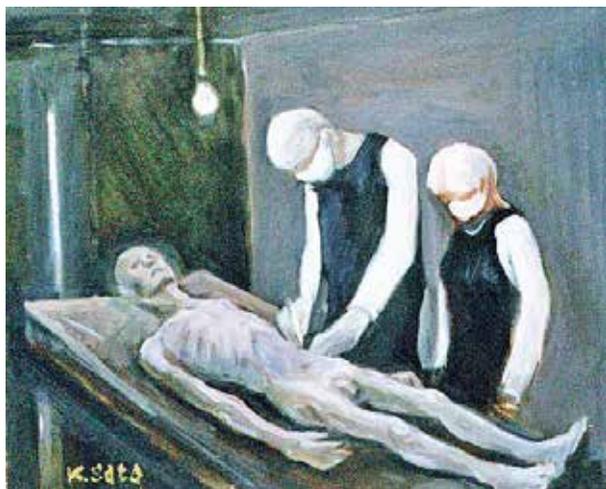
Ефрейтора К. заставили поднять бревно, ему стало жарко, и он хотел раздеться. Охранник подумал, что он хочет напасть на него, и застрелил. Ефрейтор скончался

на месте. Были ранены еще двое. После этого отношение охраны стало чуть мягче [Ооути: 77].

Исхудавшие пленники еще живы, но уже напоминают мертвых.

К концу января мы похудели и ослабли. В январе и марте наши лица похожи на лица мертвецов [Ваганабэ: 223].

Тема смерти, трупов — одна из центральных для травматической памяти. Многие художники рисуют и описывают посмертную судьбу тел своих соратников. Благодаря свойству мужской памяти хранить технологические подробности мы узнаем о вскрытии мертвых тел и их погребении. Ё. Уэцухара рисует, как врач зашивает иглой вскрытое тело и подписывает карту «Но» (2): врач непрерывно занимается вскрытием трупов.

Морг. Когда пленный умирает, его обязательно вскрывают. Это делается не для медицинских исследований, а для предотвращения побегов. Вскроют живот и зашьют. Потом кровь из ведра выливают, а тело увозят [Саго: 33] (рис. 80).

Когда в товарище гаснет огонь жизни, его труп уносят в специальную комнату — морг. Морг — невероятно убогое помещение. Оно не отапливается, и труп за ночь коченеет. Поэтому переносить его в могильную яму или перевозить на санках надо очень осторожно.

Труп при падении может сломаться на две или три части. Мы стараемся все сделать наилучшим образом, чтобы души умерших спали спокойно. Но живым пленным, у которых физических сил совсем мало, провозить товарищей в последний путь довольно тяжело [Хисанага: 61] (рис. 81).

Рыть могилу — работа для слабых пленных. Чтобы вырыть ее зимой, сначала надо развести костер, чтобы оттаяла земля. Копали не очень хорошо, яма была неглубокая. Умерших клали голыми и засыпали снегом [Саго: сайт] (рис. 82).

Перевозить по двое. Вместо рубки леса я вожу на санях деревья, но никогда не перевозил трупы. Другие перевозили погибших, которых было примерно 70 тыс. [Саго: 30].

Об этом написаны стихи:
Один погиб.
По два тела
На санях увозят [Саго].

Как было принято в лагерях СССР, к трупу обязательно прикрепляют бирку или ярлык — фанерную дощечку, которую по инструкции до погребения привязывают к большому пальцу левой ноги мертвого заключенного. На бирке выписывают номер личного дела покойника простым карандашом, который дублируется на колышке на месте погребения. Труп погребается голым или в наихудшем казенном белье [Росси: 30].

Мы разбили палатку и на узкой площадке спали, как селедка в бочке. Мы помещались только валетом. <...> Позже, когда мы хоронили товарищей, по приказу мы еще раз положили мертвые тела валетом [Хисанага: 32].

Чтобы хоронить наших товарищей, чья жизнь, увы, закончилась, мы должны были получить разрешение советского начальства. Суровый характер промозглой русской зимы трудно представить. При температуре ниже $-30-40^{\circ}\text{C}$ земля совершенно замерзает. Неважно, с каким трудом мы долбили ее кайлом, оно только отскакивало от поверхности. Только разогрев костром землю, мы могли продолбить ее на глубину не более 10 см, такая она была твердая. К тому же у нас не было столько дерева, чтобы жечь. Поэтому мы были вынуждены оставлять мертвые тела наших друзей без одежды, слегка присыпав землей, песком и снегом. Мы оставляли маркеры на могиле — маленький кусочек дерева и немного воды в котелке, без всякой еды. Это и была вся погребальная церемония, все, что мы могли сделать. Чувство опустошения накрывало нас. Январь 1946 г. [Ёсида: 136].

В ноябре 1945 г. во все лагеря была разослана директива НКВД СССР № 201 «о порядке погребения трупов военнопленных японцев», в которой говорилось, что поступают запросы на разрешение кремации трупов умерших в соответствии с национальным обычаем. В ответ разъясняется: захоронение трупов военнопленных японцев производить путем предания земле в соответствии с приказом НКВД СССР № 001067 от 7 августа 1941 г. [Военнопленные: 477].

В 90-е годы на месте японских могил, там, где они сохранились, можно было определить, в какое время года было совершено погребение. Холмик — значит, летом хоронили, провалившаяся могила — зимой. И снова археология памяти встречается с раскопками могил — нередко раскопки на месте японских могил походили на научные — по жетонам, кружкам и другим мелким предметам восстанавливались имена погибших.

Даже простые похороны многих наших товарищей должны были быть под наблюдением советских солдат. Все, что нам удавалось положить с телами наших соплеменников, друзей, были палочки для еды хаси. Одежда и другие дефицитные вещи были распределены между выжившими друзьями, чтобы помнили мертвых. Трупы были абсолютно голыми. Что за унижительный путь! Что они чувствовали в конце своей жизни? Во время похорон мы стояли без каких-либо высоких слов, и я тихо молился за свое счастье в другом мире.

Я видел, как многие наши товарищи умирали в палатке. Г-н Сакамото из г. Охидо, который был единственным человеком из Нары, как и я, страдал от поноса, недоедания и не мог двигаться. У него также было затруднено дыхание. Я должен был уехать на день и попросил его дожидаться, пока я не вернусь с какой-нибудь едой для него. Однако когда я вернулся, его не было. Конец февраля 1946 [Ёсида: 146].

Молящийся. В полночь, когда шел мелкий снег с сибирским ветром и температура была экстремально холодной — 60 градусов ниже нуля, я видел души умерших людей, летевшие по небу в сторону Японии. Я был просто парализован от удивления. Я увидел множество обветренных черепов, покрытых снегом, рассеянных повсюду. Я сел и стал молиться. Конец декабря 1945 г. по март 1946 г. [Ёсида: 138].

Изображая умершего товарища, каждый художник думал о своей судьбе, о том, кто же изобразит и оплачет его смерть. Н. Киути по-своему формулирует, по ком звонит колокол. Похожая атмосфера обреченности советских людей в период массовых репрессий конца 30-х гг. описана Л. Гинзбург формулой: раньше это была лотерея, теперь это очередь [Гинзбург: 422]. Эти мысли — лотерея или очередь, и когда наступит твой черед — угнетали. Все это отразилось в сюжете смерти и погребения друга.

Кто-то умер, и мы вдвоем с товарищем пошли копать могилу. На холме много грубо сколоченных деревянных крестов, под которыми похоронено много японцев [Ооути: 141].

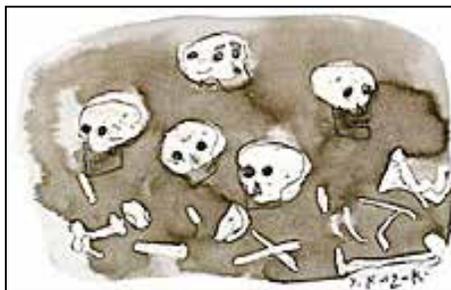
Сибирская зима наступает быстро. Как только падает температура, сразу увеличивается количество смертей. Из-за того, что летом пленные работали до изнеможения, когда наступил генерал Мороз, многие, утратив физические и душевные силы, умирали. Однажды господин Б. вдруг начал рассказывать о родине, о матери и блюдах, приготовленных ею. Я очень удивился, почему он стал болтуном? Но он все говорил и утомил меня. Утром, когда я подошел к его кровати, обнаружил, что он уже ушел в иной мир, мир вечного молчания [Хисанага: 20–21].

Рано утром мы должны были выехать на работу. Я пытался разбудить моего товарища, трогал его плечо. Я думал, что он крепко спит, и стал кричать, чтобы разбудить его, но его тело было уже холодным. Я был поражен. Накануне, перед тем как мы заснули, он сказал мне слабым голосом: «Я очень устал. Я не думаю, что смогу завтра утром работать». Я ответил: «Крепись! Мы все будем помогать тебе в работе, так что не нужно беспокоиться!» Когда я глянул в его мертвое лицо, увидел следы от слез — он должно быть думал о своей семье в Японии. Он часто говорил о своей матери. Она, видимо, его очень любила. Его смерть опечалила меня. Январь-март 1946 г. [Ёсида: 126].

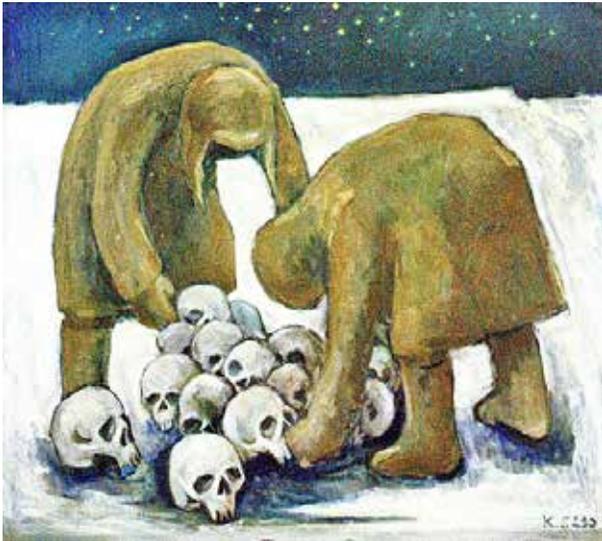
Работа Сина Миязаки «Голос друзей» (рис. 83) перекликается с образами смерти в «Сибирском цикле» Я. Казуки. Черепа и кости в таком обильном количестве буквально предвосхищают так называемые «могильные»

туры — поездки в Россию в поисках захоронений японских военнопленных, раскопки останков и вывоз мощей (рис. 84). На многих полотнах изображены символы смерти — черепа и кости, а на одной из работ Казуки композиция напоминает пиратский флаг (рис. 85). Черепа становятся регулярной темой для Ясуо Казуки. Его обращение к этим образам говорит об отношении к гибели товарищей по плену как к жертвам пиратского произвола. Изображенные им черепа цепляют глаз, как пункту на фотографии, они нетипичны. Глазницы находятся на разных уровнях, и отверстие в носовой части неправильной формы, не похожа и челюстная часть черепа. В этой антропологической неправильности заключается послание автора. Лагерный опыт меняет человека, и даже основа человека — скелет несет в себе следы патологии.

В лагере Зея сплошь ослабшие от работы и плохого питания замерзшие люди... Ежедневно умирали соратники. Тихо умирали те, у кого кончились все силы. Умерших хоронили на склоне горы. Вместо гроба их заворачивали в одеяло. Но, когда опускали в землю, одеяло снимали. Оставляли маленькую белую ткань на лице. Это очень щемящие сцены. Мерзлую землю копать очень трудно, поэтому яма неглубокая. Иногда копали немного, тогда после оттепели появлялись трупы. Я специально рисовал теплым цветом умерших, которых хоронили под чужой холодной землей [Казуки: 68].

Ё. Уэцухара изобразил могилы японских пленных на карте «Ре» (2), подписав: «Души умерших бродят над кладбищем, где холод как в морозильнике» (рис. 86). Изображенные здесь души также дрожат от холода. Глаз цепляют кресты на могилах нехристиан. Кто ставил эти кресты, почему они разной высоты, откуда нашлось дерево для этого? Возможно, крест был для пленных маркером могилы.

Кто-то умер, и мы вдвоем с товарищем пошли копать могилу. На холме много деревянных грубо сколоченных крестов, под которыми похоронено много японцев [Ооути:141].

С. Миязаки и Я. Казуки в отличие от Н. Киути, М. Ооути и К. Сато, для творчества которых характерно обращение к конкретным сюжетам, предпочитают аллегорические образы смерти (рис. 87). К. Сато изобразил черепа погибших в плену как скорбный послевоенный урожай.

Полотно С. Миязаки «Пленники» отсылает нас к классическому в европейской живописи сюжету — распятию (рис. 88). Перед нами три фигуры, скомпонованные среди перекрещенных бревен, на заготовке которых часто гибли люди именно от падающих деревьев. Эти перекладины вполне могут быть могильными крестами, а также виселицами или крестами для распятия. Фигуры без одежды кажутся особенно беззащитными. Распятие троих, среди которых есть и грешники и святые, вполне может быть специфическим прочтением евангельского сюжета.

Розовое пятно наверху можно представить, как зимнее солнце на закате, а темно-голубой цвет фона напоминает вечерний снег.

На другой работе С. Миязаки «Воспоминание. Декабрьское утро» фигуры пленных расположены так, что отсылают наше воображение к сюжету снятия с креста: голое тело, покрытое белой тканью, вокруг которого скорбящие люди. Здесь вспоминаются строки Шаламова о заключенном, который:

Он сам — Христос, он сам — распятый.
И язвы гнойные цинги —
Как воспаленные стигматы
Прикосновения тайги [Шаламов: 72–73].

В «Сибирской серии» и альбоме «Моя Сибирь» Я. Казуки мы видим и многочисленные наброски портретов Николая II Романова, последнего российского императора. Как известно, он, его семья и свита были расстреляны на Урале представителями советской власти. Эти рисунки были выполнены задолго до того, как Николай II был канонизирован Российской православной церковью. Но замалчиваемая в советские годы фигура последнего императора России волновала Я. Казуки. Рядом с обликом Николая II портреты погибших товарищей как бы также претендуют на похожую траекторию памяти — от умолчания до признания. В комментарии к полотну «Нирвана» Казуки признается в своей миссии свидетеля.

Каждый раз, когда кто-то умирал, я всегда рисовал его лицо. На любом обрывке делал простой набросок карандашом, а позже расписывал его акварелью. Тогда я думал, что если вернусь домой, то навещу семью каждого и оставлю родным портреты умерших. Но если я умру, кто передаст мои рисунки? Мне сразу становилось грустно. Потом эти рисунки были обнаружены, и советские солдаты их сожгли. Рисунков нет, но я не забыл их лица. Все лица были красивы. Мясо ушло, глаза запали, а скулы торчали. Но все-таки лица умерших похожи на посмертную маску Иисуса Христа. Каждый из них по-своему живет внутри меня. Поэтому они воскресают в моих картинах [Казуки: 71].

Инсталляция Я. Казуки «Беглецы» подсказывает нам, что обществу еще предстоит большая работа с памятью о сибирском плене. Археология памяти, кропотливая, неторопливая, аккуратно фиксирующая все большие и малые факты, в конце концов вернет истории имена и достоинство их носителей.

Глава 10. Приемы языка травмы

1. СНИЖЕНИЕ СТАТУСА

Низкий статус военнопленного приводил к тому, что, повествуя о травматическом прошлом, человек начинал ассоциировать себя с представителями еще более низких социальных групп в родной культуре своего времени или в историческом прошлом. Не ограничиваясь дискриминируемыми группами, пленные часто сравнивали свое положение с положением животных — с тягловым рабочим скотом, порой с дикими животными, у которых они таскали желуди из норы, а порой с пролетающими в небе птицами.

Сравнение с неполноправными согражданами.

Жизнь вопреки собственной воле, по необсуждаемым законам, в языке травмы вызывала ассоциации с теми, кто всегда так жил и живет, воспринимая установленные другими правила игры как норму: с женщинами и детьми. Такие сравнения встречаются у многих авторов в разных формах: в намеках, оговорках и в прямых вербальных сравнениях, рисунках. Как мы знаем, унижение, связанное с телесностью, запоминается надолго, и тем более, если оно имеет дело с интимными зонами человеческого тела. Такой унижительной была процедура дезинфекции, которая включала бритье волос в паху. На рис. 89 К. Сато «После дезинфекции» видно, как пленные подтрунивают друг над другом, сравнивая себя с девочками.

Пораженная мужественность в воспоминаниях бывших японских военнопленных оборачивается сравнениями с женщиной, для патриархатной японской культу-

ры существом более низкого, чем мужчина, статуса. Бесправное, слабое существо в лагере будто уже и не мужчина. Как написал в стихотворении К. Сато,

Шутя, врач сравнил
мою рану с п...й,

а медсестры, смеясь, его укоряли [ПМА. Интервью с Сато. Январь 2007].

Сравнение с угнетенными социальными группами.

Я тоже высказал свое мнение. Четвертый год проходит после окончания войны. А только СССР не отпускает пленных. Мы **рабы** XX в. [Ооути: 138].

Согласно теории исторического материализма стадия рабовладения была первой антагонистической формацией в истории человечества. Признаться, что принудительный массовый труд близок рабскому, советская власть не могла. Это обвинение, сказанное вслепую, ибо пленник не знал всех масштабов ГУЛАГа, оказалось как нельзя точным. Раб, как и пленник, всегда отлучен от продуктов своего труда, он также не имеет своего голоса. В то же время рабовладельцы, покупавшие рабов за приличные деньги, дорожили своим живым имуществом, в то время как лагерное начальство несло ответственность только при больших списочных потерях.

Итиро Такесуги не просто сранивает японских пленных с рабами, но припоминает и былые времена, когда они сами использовали принудительный труд.

Я вспомнил китайцев, которых присылали к нам в отряд на принудительные работы в Маньчжурии. Тогда с физиономией хозяев-японцев не сходило спесивое выражение. И вот всего за год с небольшим от этой спеси не осталось следа. Теперь передо мной были лица рабов, и смотреть на это жалкое стадо моих сотоварищей было невыносимо [Такесуги Ч. 1: 90].

Сравнение с рабами приходило в голову и многим в ГУЛАГе. Как пишет Ж. Росси, даже сокращенное выражение «рабочая сила», ставшее термином «рабсила», неофициально многими в ГУЛАГе расшифровывалось как рабская сила. В связи с осуждением мировым общественным мнением рабского труда в СССР в 1950-х гг. термин «рабсила» был запрещен цензурой [Росси: 326]. Термин был запрещен, но не был запрещен рабский труд. Цинизм советской власти по отношению к военнопленным и заключенным в лагерях проявлялся и в формулировке **рабгужсила**, под которой подразумевалась совокупная рабочая сила заключенных и рабочего скота [Росси: 324]. На эту тему шутили и сами заключенные ГУЛАГа, на Соловках впряженных вместо лошадей людей называли ВРИДЛЮ — «временно исполняющие должность лошади» [Вайль: 94].

Такие ВРИДЛЮ встречались и в лагерях ГУПВИ, в отсутствие техники и тягловой силы люди становились гужевой силой. Воспоминание об использовании людей как гужевой силы встречается не раз.

Зимой мы работали на лесоповале. У нас **не было лошадей**, и **люди тянули** вырубленные деревья на саях **сами**. Многие погибли от этой тяжелой работы [Чернова: сайт].

Все работы рассчитаны на физическую силу человека. Мы — 30 человек — несли огромное бревно. В таких случаях мы говорили: **еще взяли** [Ватанабэ: 252].

Эти слова отсылают к песне бурлаков. Слова *еще взяли* многим известны по русской народной песне «Дубинушка» в исполнении Ф. Шаляпина. Пленные из-за

отсутствия технического оснащения, а также и по социальному статусу были близки российским бурлакам конца XIX в., когда в качестве тягловой силы использовались люди.

В случае с японскими пленными мы порой имеем дело с добровольными бурлаками, так как японская этика труда и общинная ответственность делали выполнение производственного задания для бригады важной задачей, ради которой можно стать и рабгужсилой. Перед нами свидетельство бывшего охранника, который спустя 40 лет рассказывает о японских пленниках в Елабуге.

Охранникам давали по 100–300 человек, и с ними мы ходили в Малый бор за дровами за пять километров от лагеря. Японские военнопленные были очень дисциплинированными, они впрягались в тележки по 20 человек, тянули веревки и так «вели» телегу по шоссе. При этом они всегда приговаривали. Десять из них говорили: «Ас-су, ас-су», а десять других отвечали: «Ото-сан, ото-сан». Таким образом они вели строй, везли телегу. В лесу они пилили сухостой, грузили его на телегу и везли обратно туда, где жили. А мы, как охранники, просто шли рядом и наблюдали за подчиненными [Сафина: сайт].

Другим показателем низкого статуса была принадлежность к **этнической группе**. Расовая теория милитаристской Японии, базируясь на традиционной идеологии превосходства народа Ямато, считала соседние народы «недостаточно цивилизованными» и потому второсортными. Приведенное ниже сравнение с китайцами для японцев того времени говорило об откровенном понижении статуса в своих собственных глазах из-за «презрительного и высокомерного отношения большинства японцев к современным им китайцам (не говоря уже о корейцах)» [Мещеряков 2012: 332].

Китайцы признавались японцами даже «генетически» неполноценными, хотя по внешнему виду не всегда можно отличить корейца, китайца от японца. Но среди военнопленных были укоренены этнические стереотипы, поэтому если в текстах встречаются упоминания о корейцах и китайцах, мы должны понимать оттенки, которые не проговаривались специально, но были фоновым знанием того времени.

Чтобы уничтожить вшей, поменяли одежду. Но пойдешь туда, опять с нами будут вши. Мы стали похожи на **пленных**. Стали похожи на **китайцев** [Ватанабэ: 227].

В этом сравнении с пленными также есть свой смысл. Не будучи сдавшимися солдатами в результате собственной слабости, Ё. Ватанабэ не признает себя пленным по статусу. *Мы стали похожи на **пленных***, значит, на тех ненастоящих солдат, что сдались на милость врага, что предпочли жалкую жизнь смелой смерти во имя императора, и потому победителям не за что их уважать.

Я быстро ел, но даже во время обеда я остаюсь голодным. Роске: Быстро кушай, работать надо, понимаешь, японский? Японский солдат: *Ой, холодно. Уже обед.* — *Мы стали как **сумасшедшие**. Мы стали как **живые трупы** — От дыма костра мы стали черными. Стали похожи **на негров**.* — *Я тоже хочу согреться. Очень холодно* [Ватанабэ: 263].

Отсылка к сумасшедшим вновь подчеркивает неполноценность психически больных людей в социальном мире, какая появилась и у японцев в условиях плена, их бесправие в тотальном институте — не в психиатрической клинике, но в лагере для военнопленных. Несмотря на внешне здоровый вид, военнопленные, как и психически больные, утратили свою субъектность, перестали быть полноценными людьми.

Живые трупы — сравнение с доходягами или, как их называли в нацистских концлагерях, «мусульманами». Это ориенталистское слово было выбрано для названия заключенных в последней стадии ослабления независимо от их вероисповедания, апатичных, с характерной шаркающей походкой. Заключенный превращался в «мусульманина» в том случае, если отбрасывал все чувства, все внутренние оговорки по отношению к собственным поступкам и приходил к состоянию, когда мог принять все, что угодно... [Беттельгейм: 27]. Мусульманин — предельный образ особого рода, образ, в котором не только такие категории, как достоинство и самоуважение, но даже и граница этического теряют всякий смысл. Мусульманин был помещен в особую область человеческого существования — просто отрицать его принадлежность к человеческому роду означало бы согласиться с вердиктом СС, повторить их жест, которым одновременно с отказом в помощи утверждалась также никчемность достоинства и самоуважения [Агамбен: 67].

Сравнение с неграми объяснимо тем, что спустя почти столетие после отмены рабства в США в 1865 г. афро-американцы все еще для многих белых американцев в середине XX в. оставались людьми второго сорта, пригодными только к физическому труду и не обладающими правами человека в полной мере.

Сравнение с животными бывало разным: аллегорическим, подсознательным, но и прямым. Бесправие в лагере уподобляло заключенных насекомым, которых так же много, как и заключенных, тех и других легко уничтожить. Одна гравюра К. Сато так и называется: **Клопы, вши и пленные**. Как отмечалось выше, наличие насекомых говорило об отсутствии человеческих условий жизни, иными словами, о скотских условиях (рис. 90).

На инсталляции Я. Казуки пленный, несущий груз, напоминает трудолюбивого муравья из анимационного фильма. Ассоциативный ряд здесь вновь связан с насекомыми.

После того как дожди прекратились, нам делали уколы **шприцами для лошадей**. Больно, скажу я вам. Первый раз такое испытал. На какое-то мгновение аж дыхание перехватило. Очень больно. «*Болезненные и совершенно не смешные уколы*» [Киути: сайт].

Лагерь — ежедневный ад. Советские надзиратели гоняют и кричат «давай-давай», «быстро-быстро». Пленные работают без перерыва и выполняют норму, как **лошади** или **коровы**. Когда они возвращаются домой, они как будто ползут [Хисанага: 58].

На рис. 91 С. Миязаки пленный похож скорее на гориллу, Кинг-Конга, снежного че-

ловека. Пленный как бы возвращен в дочеловеческое состояние, когда важнее всего физическая сила и стадные навыки.

Кинси Такэути напрямую сравнивает статус военнопленного и домашнего животного, которого держат на откорм, чтобы заколоть на праздник. Автор подписал так: *плохой скотный двор: свинья, лошадь и гусь — символические военнопленные. А пастух заснул* [Такэути:100]. Вслед за Т. Кинси сравнивает свой зависимый статус пленного с тягловыми лошадьми Ё. Ватанабэ.

Конюшня. За горой на площади мы рубили деревья, обрабатывали бревна, пилили и построили конюшню. Нам сказали, что прибудет 100 **лошадей**. Потом мы узнали, что их привезли для транспортировки леса. Они тоже такие же **пленные, как и мы** [Ватанабэ: 254].

Сравнение заключенного с лошадью — животным, с которым на лесоповале он тянул ту же лямку и тот же срок, приходило и к заключенным ГУЛАГа. В. Шаламов отмечал, что лошади лучше людей угадывают конец рабочего дня [Шаламов: 63].

Тактика подкорма, связанная с поисками дикорастущих плодов и устройством запасов в тайнике вне лагеря, также казалась пленным похожей на поведение животных перед зимой, о чем с иронией говорят они сами. Возможно, что в экстремальной ситуации в человеке просыпается глубинная этологическая программа, и животные инстинкты начинают работать сильнее.

Речка стала большой, и началось наводнение. Все всходы унесло, и наши надежды на урожай тоже. Кажется, этой зимой мы останемся здесь. Мы планировали запастись продуктами потихоньку, **как мыши** [Ватанабэ: 232].

Военнопленные сравнивают себя с разными животными, чаще с домашними — теми, чьи повадки лучше знакомы, кто чаще попадает на глаза, кто порой ближе, чем человек — охранник и играет на одном поле с пленными, нередко становясь им то конкурентом, то товарищем.

Вкус одуванчиков похож на шпинат, но у нас не было соли и поэтому мы ели **как лошади** [Ватанабэ: 287].

Товарный вагон на 50 тонн. Нас загрузили как **свиней** [Ватанабэ: 344].

В отличие от домашних животных, полностью зависимых от своих хозяев, как и пленные — от лагерной администрации, птицы были существами другого сорта. Они могли преодолеть сотни километров поверх оград, колючей проволоки и государственных границ. Они были символом свободы.

В августе в Сибири появляются иней и первый снег. Наступает период долгой темной

зимы. В это время с раннего утра в небе над лагерем летят птицы стаями по три, по пять и больше — на восток. Все военнопленные молча смотрят на небо с завистью. Как бы я хотел иметь перья, крылья! Если бы я смог превратиться **в птицу** и улететь из этого ада в родную Японию! [Хисанага: 80] (рис. 92).

Однажды, заблудившись, прилетел к нам сапсан. Еще не взрослый, он заболел и не мог лететь. Мы накормили его и привязали веревкой за лапу. Наутро его не обнаружили, он улетел, великолепно порезав веревки. Я позавидовал ему, тому, что птица сама смогла освободиться. Мне стало грустно, что у меня **нет крыльев, чтобы улететь** [Казуки: 32].

Ассоциируя птицу с пленным и заменяя сапсана соколом, Казуки хотел придать больше силы заключенному, оставшемуся в лагерном прошлом, себе и своим товарищам.

Художники, вспоминая себя в плену, низводили пленных на уровень зооусуществ, отражая «регрессию по лестнице животного метаморфоза» (Подорога) или по лестнице Ламарка, спускаясь вниз в процессе расчеловечения.

2. ОБНАЖЕНИЕ

У многих художников мы встречаем обнаженные образы пленников (рис. 93). Одежда считалась в Японии, как и во всех культурах, одним из важнейших показателей статуса человека в социальной иерархии. Выражающая эту идею европейская военная форма укоренилась в Японии без всяких проблем, но лишенное знаков отличия нагое тело таких шансов не имело [Мещеряков 2012: 362]. Когда бывшие пленные рисуют себя голыми, они показывают и свою асоциальность, и потерю статуса мужчины и солдата, и незащитность в прямом и переносном смысле. Обнаженные фигуры военнопленных проявляются в творчестве всех указанных художников, а также и в скульптурах Сина Миязаки.

Нагим стою перед женщиной-врачом.

Слушаю приговор:

Работоспособен ли я [Нисимура 2004а: 18].

3. ИНФАНТИЛИЗАЦИЯ

Живописное полотно Сина Миязаки называется «Трагическая история» (рис. 94). Слабые существа, зависимые от голода и холода, с трудом выполняющие работу в лагере, не похожи на мужчин, не похожи на солдат. Пленные, еще недавно носившие военную форму и оружие, сейчас выглядят подростками, которым, может, 12 лет, может, 10 лет, а кому-то и меньше. Кажется, что среди них есть и девочки, по фигурам трудно определить, хотя мы знаем, что все они — бывшие солдаты. Изображение солдат как детей вполне отвечало доктрине тоталитарного государ-

ства как большой семьи, во главе которой стоял император, именовавший себя «отцом и матерью» в одном лице и называвший своих подданных «младенцами». Этот конструкт давал «законные» права государству, персонифицированному в фигуре императора, распоряжаться своими подданными [Мещеряков 2012: 406].

Свысока, как к подросткам, остановившимся в своем развитии, относились к японцам и европейцы, расистские взгляды которых отводили европейцам место взрослого человека (умом и телом), а азиатам — место в лучшем случае подростка, которого надо поучать. Генерал Д. Макартур был уверен, что «японцы... не вышли из детского возраста. Если англосаксу сейчас 45 лет, то японцу — всего 12» [Мещеряков 2009: 534]. Визуальным аргументом для сравнения был средний рост японского военнопленного, который согласно исследованиям советских антропологов был 159,8 см [Левин: 10].

Инфантилизация была одной из стратегий деперсонализации, применяемой в тотальном институте. Пленные были зависимы от лагерной администрации, как дети зависят от властного отца, такие практики как «оправка по команде или необходимость просить разрешения отойти в туалет с последующим отчетом превращали уважающего себя человека в беспомощного зависимого ребенка» [Беттельхейм: сайт]. Дети, изображенные на картине Миязаки, — это результат превращения пленных в детей в образах травматической памяти. Недаром многие вспоминали, как им было комфортно общаться с советскими детьми, сравнивали свои чувства на спортивных соревнованиях в лагере с ощущениями школьного детства.

Многие мероприятия «демократического движения» казались со стороны спектаклем. Так парад военнопленных 2 сентября 1948 г. в штрафном батальоне казался Такасуги «непроходимой глупостью и в то же время отдаленно напоминал детскую игру. Я высоко взметал ноги, широко размахивал руками и равнялся направо» [Такасуги Ч. 3: 114].

Не поддаваться насильственной инфантилизации было трудно, как мы видим, даже такой рассудительный человек, как Такасуги, не мог удержаться от соблазна почувствовать себя ребенком. Как упоминалось выше, 30-летнему Ватанабэ казалось в шахте, что он как будто в школьном коридоре, Ники Ёсио — что он в школьном летнем лагере. Мы уже встречали в альбомах благодарности, как пленный называет своих соратников *ребятами*: «У ребят большая охота есть. Они восклицают: “Как вкусно!” и “Ой как вкусно!”» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 97].

Вести себя по-детски могло импонировать пленникам, ведь дети не несут ответственности за свои поступки.

4. ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

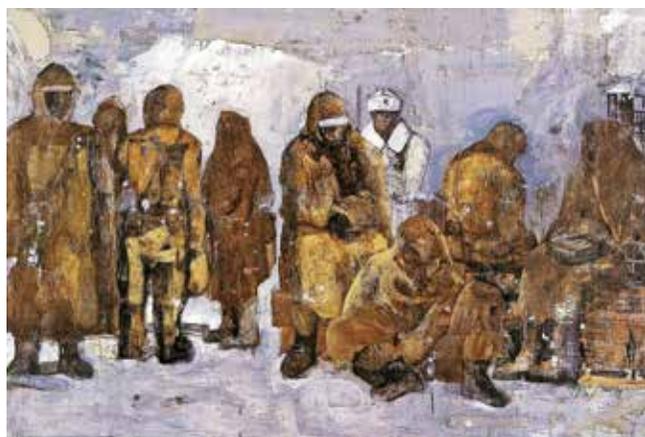

В данной работе я использую не клиническое значение термина, говорящее о расщеплении личности, а иное, понимая под ним временную утрату человеком психологических и поведенческих особенностей, характеризующих его как личность.

В лагере по одному распорядку жили тысячи людей. Со временем усилиями администрации они сливались в одно «социальное тело, а у частей тела нет субъектности, одни только функции» [Герасимов: 4]. Люди вживались сначала в роль “малых детей при родителях” или “клеточек единого организма”, и сложное социальное пространство обретало свойства “национального тела” [Герасимов: 406]. Почти все художники, изображая лагерь, показывают и процесс деперсонализации.

На карте «Са» (2) техническая бригада 339 идет рубить дерево сарана [Уэцухара «Са» (2)] (рис. 95). Ё. Уэцухара показывает деперсонализацию человека в лагере, лишая пленных лица. У них нет индивидуальности — вместо лиц номер бригады. Человек становится рабочей функцией для властей и начинает так себя чувствовать. Вместо совокупности разных людей мы видим биомассу, коллективное тело отряда номер 339. Нередко художники сравнивали себя и с множеством неодушевленных тел, например, таким знакомым продуктом как картофель.

Мы, как картофель, в самом низком трюме. Много другого груза. До палубы 15 м [Ватанабэ: 102].

Особенно удавалось показать деперсонализованное лагерное существование Сину Миязаки (рис. 96). Военнопленные в его картинах безликие, бестелесные, без-

гласные, бесправные. Снова язык травмы проявляет себя знаками отсутствия. На его живописном полотне «Пленные на пересылке» мы видим большую группу пленных и одного советского охранника. Никто из изображенных не смотрит прямо. Они опустили головы или только глаза или просто отвернулись. Никто из них не смотрит на зрителя, не говоря уже о прямом взгляде в глаза. Это неуверенные в себе люди, которые боятся охранника, боятся будущего, боятся посмотреть в глаза реальности.

Наконец, на его полотне «Спящий пленник» под одеждой мы не видим человека, там пустота (рис. 97). Как будто художник хочет сказать, что пленный бесплотен — это уже ничто, пустое место.

В коммеморативных практиках часто используется актуальный в современном искусстве номиналистский подход: на Мемориальной стене в Вашингтоне, на Мамаевом кургане в Волгограде высечены имена сотен погибших героев. Противоположное решение использует Син Миязаки, он показывает лица, которые помнит, но не называет имена (рис. 98). Его язык — визуальный, для него образы важнее имен. Незабываемые лица пленников встают стеной перед Миязаки, он так и назвал свою работу: «Стена. Незабываемые люди».

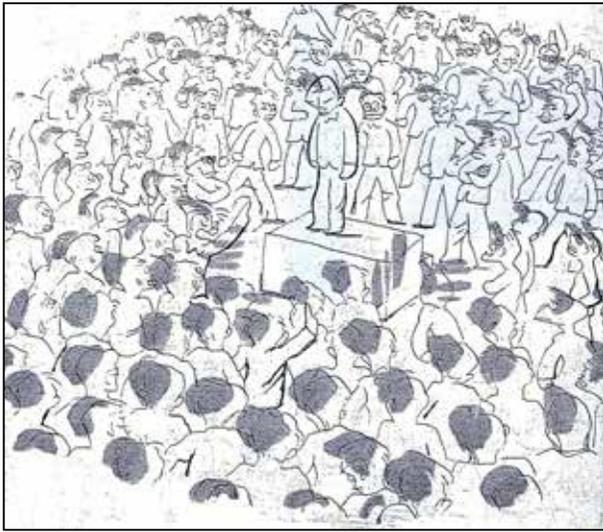

Несмотря на название работы, мы видим пустые места на стене и лица, у которых черты стертые или не проработаны. Так мы понимаем, что, может быть, опыт забываем, но не все люди, не все лица помнятся, что память — непрочная категория и что когда говорят про Незабываемое, на самом деле многое забывают, в первую очередь травматическое.

Я. Казуки показывает товарный вагон с беглецами, у которых не получилось бежать из плена (рис. 99). Их лица неотличимы друг от друга. Их везут, как щебень, как камни, как строительный материал. В этой работе в камнях, перевозимых в ящике-вагоне, узнаем героев предыдущих работ — пленных, лица которых так же неотличимы друг от друга, как и камни.

У пленных нет свободы выбора и воли. Они, как и камни, — строительный материал для чужого блага, чужого будущего. Кстати, в исторических местах памяти — бывших концлагерях Нойгамме и в Бухенвальде на месте бывших бараков по периметру фундамента огорожено пространство, в котором, как в большой клумбе, сложена галька. Очевидное сравнение гальки с узниками делает эту метафору универсальной.

(рис. 100). Мы видим не коллектив, а именно толпу, в самой страшной ее форме, когда толпа направлена против одного на основе подозрений в идеологических разногласиях [Ооути: 145].

Примеры деперсонализации во множестве запечатлены Я. Казуки. Часто это серия похожих рисунков, которые имеют небольшие отличия, будто это эскизы к раскадровке анимационного фильма.

Вначале мы видим непонятный объект, то ли живое существо, то ли нет (рис. 101). По другим эскизам Я. Казуки понимаем, что это фигура носильщика, который несет на спине груз, по тяжести и размерам чрезмерный для одного человека, тем более физически ослабленного (рис. 102).

Первые три дня мы носили с начала до железной дороги 6 км на спине мешки с гаоляном или горохом. Мы шли по темной дороге под мокрым снегом. Чувство голода было сильным. Поэтому мы осторожно брели по скользкой дороге два — три часа. Если кто-нибудь падал, никто не мог ему помочь, каждый думал о себе. Несущий человек — уже не человек, это раб или транспортная машина [Казуки: 58].

Пока солдат остается в плену, у него нет личности. Я рисую

пленных с одним и тем же лицом. Я хочу рисовать не конкретного пленного, а пленного как такового [Казуки: 158].

Процесс деперсонализации японских военнопленных был начат задолго до плена, сразу после призыва в действующую армию. Солдат в армии был для других японцев образцом для подражания, так как все его тело, все его время и сама его жизнь принадлежали родине. В армии запрещалось произносить личное местоимение «я», вместо него военному следовало употреблять свои фамилию и звание, т.е. именовать себя так, как обращалось к нему армейское окружение. Таким образом, человек военный как бы смотрел на себя «со стороны», что предполагало лишение его прав собственности на себя и свое тело [Мещеряков 2012: 399].

Оказавшись в лагере, пленники продолжали называть друг друга *господин*, что выглядело протестом и против советского «товарищ», и в целом против общего процесса деперсонализации, напоминало о стандартах мирной жизни на родине и призывало сохранять достоинство.

Совершенно истощенные от тяжелого труда, мы очень уставали. Конвоиры торопили нас на обратном пути. Мы были как **пустые раковины, без души**. Наши горести были невероятно тяжелыми. Это был совершенно **бесчеловечный опыт**. Январь 1946 г. [Ёсида: 122].

Тяжелый труд, унижительные бытовые условия, отсутствие приватности и угнетающая атмосфера, насаждаемая активистами «демократического движения» в течение нескольких лет, не могли не отразиться на структуре личности пленного. Моя лучшая часть не вернулась из Сибири, — признавался Исихара (Barshay).

Регрессия к более примитивной структуре влечений отмечалась В. Франклом в сходных, доведенных до крайности условиях концлагеря. Именно такая деперсонализация человека в тяжелых природных и социальных условиях, практически на грани выживания позволяла ежедневно выполнять трудные работы (*подъем в 4 утра, выход на работу в 6, возвращались поздно*), при некачественной еде и жилье. В нечеловеческих условиях выполнять нечеловеческую работу люди не могли, не меняясь. Сохранить в душе что-то человеческое требовало особых усилий.

Заключение. Рисунки по памяти

Если угнетенные люди не могут говорить, а могут ли они рисовать? Рисунки отражают жизнь и взгляды автора. Несвободный человек не может рисовать то, что ему хочется и как хочется. Художник в лагере получал материал для творчества — бумагу, картон, кумач, холст. Вместе с этим он получал свое производственное задание: выполнить рисунок на нужную лагерной администрации тему и в нужные сроки. Для этого лагерный художник должен был не только иметь навыки и художественные способности. Он должен был уметь рисовать идеологически правильно, *по-большевистски*, что означало ориентироваться в визуальном языке советской власти.

Можно ли творить, если не ты выбираешь сюжет рисунка, перед тобой поставлены конкретные жесткие сроки, ты ограничен в художественных приемах и при этом должен донести идеологический посыл? Что ограничивает свободу творчества: угроза наказания за невыполненное в срок задание или за недостаточное старание, или полуголодное существование, или отсутствие настоящей мотивации для творчества? Несвободный рисунок — это не искусство, каким бы эстетическим канонам он ни соответствовал. Рисунок как творчество предполагает свободу. У военнопленных свободы выбора не было. Пленные не могут рисовать. Они выполняют задания, создавая рисунки на заказ.

Деперсонализация военнопленных усугубляет проблемы самореализации художника. Лагерный рисунок — это артикуляция идей, которые «спускает по порядку» лагерная администрация. Это производство наглядной агитации. Таким образом, агитационная фотография служила текущим идеологическим целям, а постлагерный рисунок, как мы видим, — целям свидетельствования. В этом случае рисунок становится в большей степени надежным источником, нежели агитационная фотография. Рисунок становится документом.

Но постлагерный рисунок — наброски, графика и масло на холсте — также становится искусством, независимо от того, насколько профессиональными получились изображения. Теперь они отражают чувства художника, передают его боль, стыд, грусть и другие эмоции. Отражая послание автора, они со временем прирастают смыслами. Пленные не могли рисовать в Сибири, но бывшие пленные оказались превосходными художниками, потому что им было что сказать миру о чувствах че-

ловека за колючей проволокой, о том, как трудно сохранять достоинство в голодном состоянии, о том, для чего нужны портянки и как надо рубить дерево, чтобы не покалечиться.

Память военнопленных отражает все сюжеты, характерные для мужской памяти. Это подробное описание технологических процессов, знание политического контекста, имен и статуса политиков и др. Рассказы и рисунки бывших военнопленных утверждали авторов в этом жестоком мире, хотя и по-японски скромно, не выпячивая эго.

Для воспоминаний японских военнопленных также характерно чувство стыда за грязную одежду, жалкий вид, невозможность прийти на помощь, которое они пронесли через долгие годы. Казалось бы, какой спрос с пленного за жалкий вид, но сила этого стыда действовала десятилетия, пока не была облечена в рисунки и слова на бумаге.

Стоит подчеркнуть отсутствие какой бы то ни было попытки морализаторства в сибирской мемуаристике. Спустя десятилетия, когда время расставило все по своим местам, авторы воспоминаний не желают реванша, не спекулируют на образах демократического актива, уверенного в своей правоте и жестко осуждавшего других за инакомыслие в лагерное время.

Если армейской службе придавались очистительные смыслы [Мещеряков 2012: 363], то советский плен стал в некотором смысле чистилищем и как бы крайним выражением национализированного коллективного тела, которым распоряжалась родина или другие силы, которых она уполномочила.

Выживание в плену у японских пленников было почти таким же, как и у других заключенных лагерей как тотального института. Почти как советские зэки (умри ты сегодня, а я — завтра), пленные жили одним днем, но у большинства из них была подсознательная установка — вернуться домой. Эта цель давала силы выжить.

Рисование травматического опыта стало одной из самых успешных терапевтических стратегий работы с травмой. Именно японское общество обеспечивало своим гражданам навыки самовыражения в рисунке и письме, начиная с уроков рисования в начальной школе и школьных *эникки* «Как я провел это лето». Полученное в детстве умение пользоваться кистью, пером и карандашом, описывать день за днем свою жизнь помогло в экстремальной ситуации, когда бывшим пленным пришлось работать со своей травмой. Плодотворной является и вербальная фиксация воспоминаний, но рисование травматического опыта, возможно, более щадящая форма самотерапии.

В воспоминаниях о лагерях проявляется язык травмы. Сразу после репатриации травма заявляла о себе молчанием, ненахождением слов, позже невозможностью рассказать о перенесенном дискурсивно. Наконец, появляются рисунки — ведь нарисовать проще, чем рассказать. Далее, уже рисунки потребовали комментариев. К тому же лагерные реалии были слишком далеки от обычной жизни Японии, поэтому все авторы, рисовавшие лагерный опыт, дополняли рисунки комментариями, чтобы быть понятым в своей среде.

В вербальном тексте, как и в визуальном, травма выражалась в сравнении пленных со слоями населения, дискриминируемыми по полу и возрасту (женщинами и детьми), по этнической принадлежности (китайцы и корейцы), с исторически угне-

тенными группами (рабы, бурлаки), а также с животными и образами смерти. Для языка травмы также характерно обращение к наиболее травмирующим сюжетам, которые сохраняли в памяти самые унижительные и опасные состояния. Кроме того, язык травмы использует обнажение тела как прием, снижающий статус человека, и особенно часто использует приемы визуальной деперсонализации, которая так или иначе коснулась всех заключенных в лагере как тотальном институте.

Нарисовав себя в плену, человек оставлял негативные эмоции (чувство унижения, бессилия) на бумаге, а униженного пленом слабого бесправного человека — в прошлом. Отстраняясь от лагерного опыта, перенося его как в шаманской практике на нарисованный образ, человек с каждым рисунком все больше освобождался от травматических переживаний.

Японцы в своих рисунках о Сибири не только дистанцировались от себя лагерного. Они рисовали себя со всей беспощадной искренностью, нередко иронично, практически исповедально. В этой иронии проявляется классический постколониальный субъект, уже освободившийся от репрессированной идентичности пленного *япончика* и пародийно изображающий свою субъектность лагерных времен. Когда в воспоминаниях появляется ирония как признак дистанции от образа пленника, она становится и знаком освобождения от травмы.

Постлагерный рисунок оказался не только инструментом терапии, но и историческим документом, свидетельствующим о жизни в тотальном институте, о котором сохранились документы, или умышленно искажающие действительность, или требующие деконструкции, чтобы добраться до их смысла. Таким образом, постлагерный рисунок выступает как наиболее достоверный источник, как документ убедительной силы.

Рисунки и воспоминания о годах плена в СССР помогли отстраниться от травмированного пленного, посмотреть на тяжелый опыт сквозь время и увидеть годы плена в позитивной ретроспективе. Деперсонализация как результат политики лагерных властей в творчестве военнопленных исчезала с каждым рисунком, так как именно в личной истории, в своем рисунке и своем видении перенесенного опыта бывший военнопленный подводил итоги трудного жизненного периода, утверждая свою индивидуальность.

Я думаю, что мир действительно един и люди во многом похожи друг на друга. Вот, например, прощаясь, все мы плачем. Не знаем языка, но подними руку и помаши ею — и всё станет понятно без слов. Нет, не зря всё это было, и русский лагерь... я так думаю [Киути: сайт].

Эти рисунки-воспоминания были нужны не только бывшим пленникам. Как в двойном зеркале, изучая сибирское интернирование японских солдат, мы больше узнаем о советском государстве и советских людях того времени, как и об универсальной природе человека и его языке травмы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДНХ	—	Выставка достижений народного хозяйства
ВК	—	вспомогательная команда
ВОЗ	—	Всемирная организация здравоохранения
ВТК	—	врачебно-трудовая комиссия
ГДР	—	Германская Демократическая Республика
ГКО	—	Государственный Комитет Оборона
ГУЛАГ	—	Главное управление лагерей
ГУПВИ	—	Главное управление по делам военнопленных и интернированных
З/к, зэ-ка, зэки	—	заклученные ГУЛАГа
ИТК	—	исправительно-трудова колония
ИТЛ	—	исправительно-трудова лагерь
КТР	—	лагеря каторжных работ
МВД СССР	—	Министерство внутренних дел СССР
МО РФ	—	Министерство обороны Российской Федерации
НКВД	—	Народный комиссариат внутренних дел
НСДАП	—	Национал-социалистическая немецкая рабочая партия
ОК	—	ослабленный контингент, позже оздоровительная команда
ОП	—	оздоровительный пункт
ПМА	—	полевые материалы автора
РККА	—	Рабоче-крестьянская Красная армия
ОРБ	—	отдельный рабочий батальон
СС / SS	—	военизированные формирования НСДАП, в введении которых в 1933–1945 гг. находились концентрационные лагеря Германии
СССР	—	Союз Советских Социалистических Республик
ЦК ВКП(б)	—	Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Маршрут интернирования: Н. Киути // Сайт «Записки японского военнопленного, бывшего воздушного десантника Нобуо Киути». URL: <http://kiuchi.jp.org/tu/nobindex.html> (дата обращения: 02.24.2016), Сайт К. Сато. URL: <http://www.isiatama.com/tyosyuki.html> (дата обращения 02.24.2016), Ё. Ватанабэ. Икоку-но сора. С. 13.
2. Н. Киути. Наполовину ушедший в землю лагерь военнопленных
3. Н. Киути. Слезы–сосульки // Сайт «Записки японского военнопленного...».
4. С. Миязаки. Крайний Север. Холст, масло. 1962 // S. Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. Another Memory of Siberia. С. 21.
5. Ё. Уэцухара. Карта «Хэ». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибيريا ёкьюрю гатен. С. 143.
6. К. Сато. Лагерь в снегу. Х., м. 1978 // К. Сато. Сибيريا рёсю-но инори (Молитва сибирского пленника)... С. 7.
7. Ё. Уэцухара. Карта «Ва». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибيريا ёкьюрю гатен. С. 139.
8. Ц. Хисанага. За забором море. Х., м. 1993 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 74.

9. Прошлое и настоящее лагерной жизни. Бумага, карандаш. 1949 // РГВА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 102.
10. Казарма лагерной колонны, лагерь № 1. Фото. 1949 // РГВА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 7.
11. К. Сато. В бараке. Х., м. 1992 // Сайт К. Сато «Молитва японского военнопленного». URL: <http://www.isiatama.com/html> (дата обращения 15.10.2015).
12. Ц. Хисанага. Карцер (Холодная камера). Х., м. 1993 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 29.
13. К. Сато. Карцер. Х., м. // К. Сато. Сибيريا рёсю-но инори. С. 61.
14. Ц. Хисанага. В клетке. Х., м. 1993 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 56–57.
15. Ц. Хисанага. Лицо военнопленного. Махорка. Х., м. 1993 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 13.
16. Н. Киути. «Замечательно!» // Сайт «Записки японского военнопленного...».
17. В хлеборезке. Рис. 1949 // РГВА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 135. Л. 79.
18. Военнопленные в столовой. Фото // Сибيريا ёкюрю. С. 69.
19. Столовая. Фото // Сибيريا ёкюрю. С. 72.
20. Ц. Хисанага. Черный хлеб. Х., м. 1994 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 25.
21. Ц. Хисанага. Не отрывай взгляд от котелка. Х., м. 1992. Фрагмент // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 36–37.
22. Ё. Уэцухара. Карта «Но». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 140.
23. Ё. Уэцухара. Карта «Ха». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 142.
24. К. Сато. Те, кто выжил. Х., м. 1998 // Сайт «Молитва японского военнопленного».
25. Н. Киути. Ночное дежурство // Сайт «Записки японского военнопленного...».
26. Ё. Уэцухара. Карта «Ко». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 140.
27. Ё. Уэцухара. Карта «Си». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 141.
28. К. Сато. Девушка повязала хиномару как платок. Х., м. 1982 // К. Сато. Сибيريا рёсю-но инори. С. 75.
29. Ё. Уэцухара. Карта «Хо». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 143.
30. Ё. Уэцухара. Карта «Ки». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 145.
31. Ё. Уэцухара. Карта «Тэ». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 144.
32. Ё. Уэцухара. Карта «Ки». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 141.
33. К. Сато. Оскорбление. Х., м. 1998 // Сайт К. Сато «Молитва японского военнопленного».
34. Ё. Уэцухара. Карта «Ри». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибيريا ёкюрю гатен. С. 139.
35. Красный уголок. Фото. 1949 // Сибيريا ёкюрю. С. 75.
36. Концерт. Фото. 1949 // РГВА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 189.
37. М. Ооути. Ябуре гунка. С. 175.
38. Обложка альбома // РГВА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 175. обл.
39. Столовая. Рис. 1949 // РГВА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 97.
40. Спасская башня. Бумага, карандаш. 1949 // РГВА. Ф. 4/п. Оп. 29я. Д. 18. Л. 111.

41. Меню. Рис.1949 // Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 19.
42. Я. Казуки. Автопортрет Домой. Бумага, ручка, мел. Год неизвестен // Я. Казуки. Ватаси-но Сибера. С. 10.
43. Ё. Уэцухара. Карта «Эн». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибера ёкуро гатен. С. 145.
44. Я. Казуки. Прощание. Бумага, мел, тушь. 1967 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибера. С. 13.
45. И. Ёсида. Бойкот // Ичи хэйси-но Дамой-э но мичи. С. 169.
46. Я. Казуки. Сибирь. Байкал. Бумага, мел, тушь. 1971 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибера. С. 11.
47. Я. Казуки. Амур 1. Бумага, карандаш. 1961 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибера. С. 57.
48. РГВА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 97.
49. Ц. Хисанага. Возвращаясь с базара. Х., м. 1994 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибера реквием. С. 77.
50. Ё. Уэцухара. Карта «Ро». Барей ироха карта (Серия 1) // «Сибера ёкуро гатен». С. 138.
51. Ц. Хисанага. Русская девушка и военнопленный. Х., м. 1993 // Томоё немурэ. Сибера реквием. С. 52–53.
52. Н. Киути. Проявление любви // Сайт «Записки японского военнопленного...».
53. Н. Киути. До свидания, Наташа // Сайт «Записки японского военнопленного...».
54. М. Ооути. Старые солдатские ботинки. С. 132.
55. Н. Киути. Сидеть было больно // Сайт «Записки японского военнопленного...».
56. К. Сато. Пленник, который прожил две зимы. Х., м. 1980 // К. Сато. Сибера рёсю-но инори. С. 45.
57. С. Миязаки. Сумасшедший пленник. Х., м. 1951 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. С. 12.
58. К. Такэути. Советская врач Смоленкова и военный врач Накаджима // К. Такэути. Эири Сибера шуёшэ. С. 62.
59. К. Сато. Солдатские ботинки // К. Сато. Записки сибирского пленника. С. 113.
60. С. Миязаки. Военнопленный. Х., м. 1955 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. Another Memory of Siberia. С. 20.
61. Я. Казуки. Домой. Фрагмент. Х., м. 1959 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибера. С. 92.
62. И. Ёсида. Золотой зуб // Ичи хэйси-но Дамой-э но мичи. С. 107.
63. Рисунок // РГВА Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 145. Л. 32.
64. Ё. Уэцухара. Карта «И». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибера ёкуро гатен. (1). С. 138.
65. Ё. Уэцухара. Карта «Ми». Барей ироха карта (Серия 1) // Сибера ёкуро гатен. С. 141.
66. Н. Киути. Непристойный вид // Сайт «Записки японского военнопленного...».
67. К. Сато. Если на жопе нет мяса, это слабый солдат. Фрагмент // Сибера рёсю но инори. С. 125.
68. Осмотр у врача-женщины. Фото // Сибера ёкуро. С. 95.
69. Н. Киути. Неумелые математики // Сайт «Записки японского военнопленного...».
70. Ё. Уэцухара. Карта «Си». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибера ёкуро гатен. С. 145.
71. Н. Киути. Раздача еды // Сайт «Записки японского военнопленного...».
72. И. Ёсида. Ичи хэйси-но Дамой-э но мичи. С. 157.
73. Ё. Ватанабэ. Икоку-но сора. С. 236.
74. Н. Киути. Полный бак нечистот // Сайт «Записки японского военнопленного...».

75. Ц. Хисанага. Золотая башня (Башня наказания). Х., м. 1993 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 54.
76. Ц. Хисанага. Молодой офицер отрубил свои пальцы. Фрагмент. Х., м. 1993 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 51.
77. С. Миязаки. Заключение. Х., м. 1994 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. Another Memory of Siberia. С. 55.
78. К. Сато. С. 47. Череп с искусственным глазом. Скан картины предоставлен К. Сато.
79. Ц. Хисанага. Нулевой час белой ночи. Фрагмент. Х., м. 1994 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 70.
80. К. Сато. Прозекторская. Х., м. 1995 // К. Сато. Сибيريا рёсюки (Записки сибирского пленника). С. 203.
81. Ц. Хисанага. Морг. Х., м. 1993 // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 60–61.
82. К. Сато. Погребение в снег. Х., м. 1978 // К. Сато. Сибيريا рёсю-но инори. С. 59.
83. С. Миязаки. Голос друзей. Х., м. 1990 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. Another Memory of Siberia. С. 37.
84. Я. Казуки. Хулунбуир 7. Бумага, карандаш, акварель. 1959 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибيريا. С. 26.
85. Я. Казуки. Молитва 1. Х., м. 1957 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибيريا. С. 14.
86. Ц. Уэцухара. Карта «Рэ». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибيريا ёкурю гатен. С. 143.
87. К. Сато. Старая история и современная. Х., м. 1999 // Сайт «Молитва японского военнопленного».
88. С. Миязаки. Военнопленные. Х., м. 1955 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. Another Memory of Siberia. С. 18.
89. К. Сато. После дезинфекции. Бумага, тушь, перо. 1979 // Сибيريا рёсю-но инори. С. 221.
90. Я. Казуки. Носильщик. Объект (Инсталляция). 1959 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибيريا. С. 61.
91. С. Миязаки. В плену. Х., м. 1992 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. С. 44.
92. Ц. Хисанага. Птицы, летящие на восток. Х., м. 1993. Фрагмент // Ц. Хисанага. Томоё немурэ. Сибيريا реквием. С. 78–79.
93. К. Сато. Баня. Х., м. 1988 // www.isatama.com
94. С. Миязаки. Трагическая история. Х., м. 1951 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. С. 13.
95. Ё. Уэцухара. Карта «Са». Новая версия Барей ироха (Серия 2) // Сибيريا ёкурю гатен. С. 143.
96. С. Миязаки. Военнопленные на пересылке. Х., м. 1950 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. Another Memory of Siberia. С. 10.
97. С. Миязаки. Спящий. Х., м. 1992 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. С. 42.
98. С. Миязаки. Стена. Незабываемые люди. Х., м. 1993 // Miyazaki. The World of Shin Miyazaki. С. 52.
99. Я. Казуки Я. Беглецы. Объект (Инсталляция). 1959 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибيريا. С. 45.
100. М. Ооути. Ябуре гунка. С. 145.
101. Я. Казуки. Носильщик. Х., м. 1960 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибيريا. С. 58.
102. Я. Казуки. Носильщик 3. Бумага, тушь. 1960 // Я. Казуки. Ватаси-но Сибيريا. С. 59.

СЛОВАРЬ ЯПОНСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

- Аматерасу омиками* — богиня синтоистского пантеона.
- Го* — настольная игра.
- Гохан* — вареный рис.
- Ироха карта* — обучающая игра с картами старой японской азбуки, в которых каждому слогу соответствовал рисунок и стихотворение, поговорка или назидание, начинающееся с этого слога.
- Ёсэгаки* — подписи с пожеланиями удачи от близких людей.
- Катакана* — японская азбука для написания иностранных слов и имен.
- Кёкузицуки* — в прошлом флаг японской армии, изображающий красное солнце в центре с расходящимися лучами.
- Коноко* — сладкая лепешка с начинкой из бобов
- Касива моти* — рисовая лепешка со сладкой начинкой, обернутая дубовым листом.
- Маджонг* — китайская азартная игра с использованием игральные костей.
- Манга* — комиксы, карикатура.
- Ниссёки (Хиномару)* — флаг Японии, на нем красное солнце на белом фоне.
- Омикоси* — переносной ларец, в котором носили реликвии в синтоистской практике.
- Онигири* — рисовый шарик с начинкой.
- Осонаэ моти* — ритуальные новогодние рисовые лепешки.
- Охаги* — сладкое блюдо из вареного риса — шарики в сиропе из бобов.
- Сакэ* — слабоалкогольный напиток из риса.
- Сасими* — блюдо из свежей рыбы с соусом.
- Сэн-нин-бари* — тряпичные пояса-обереги, вышитые тысячей стежков.
- Сё* — мера жидкости, примерно 1,8 л.
- Сёги* — японская версия шахмат.
- Сумо* — японская борьба.
- Суси* — блюдо из вареного риса с кусочком сырой рыбы.
- Таби* — брезентовая домашняя обувь.
- Танка* — пятистишие с особым размером стихосложения (5–7–5–7–7 слогов).
- Фуросики* — квадратный лоскут ткани, в него заворачивают и переносят ручную кладь.
- Хаси* — палочки для еды.
- Хайку* — трехстишие с особым размером стихосложения (5–7–5 слогов).
- Сируко* — сладости из вареных бобов с сахаром.
- Эникки* — жанр дневника с картинками, который вели в путешествии или просто для памяти.
- Якитори* — шашлык из куриного мяса на деревянных шпажках.

БИБЛИОГРАФИЯ

Визуальные источники

- Ватанабэ Ё. Икоку-но сора. Сибера ёкүрю-но энники (Под чужим небом. Иллюстрированный дневник о жизни в сибирском плену). Токио: Изд-во Дзясудо Сюппан, 1978.
- Ёсида И. Ичи хейши но дамой хе но мичи (Долгий путь домой японского солдата). Осака: Изд-во Shin ru Shobo, 1994.
- Казуки Я. Ваташи-но Сибера (Моя Сибирь). Мисуми, 1994.
- Киути Н. Личный сайт «Записки японского военнопленного, бывшего воздушного десантника Нобуо Киути» URL: <http://kiuchi.jp.org/ru/nobindex.html>
- Миязаки С. The World of Shin Miyazaki. Another Memory of Siberia. (Мир Шина Миязаки. Другая память о Сибири). Мисуми: Изд-во Художественного Музея преф. Ямагути, 2000.
- Ооути М. Ябуре гунка (Старые солдатские ботинки). Токио, 1950.
- Сато К. Сибера рёсю-но инори (Молитва сибирского пленника). Токио: Тайрюся, 1986.
- Сато К. Сибера рёсюки (Записки сибирского пленника). Токио: Мирайся, 1979.
- Сато К. Личный сайт «Молитва сибирского пленника» URL: <http://www.isiatama.com/html>
- Сибера ёкүрю (Сибирское интернирование). Сост. К. Сато. Токио: Изд-во Хюманся, 1997.
- Такэути К. Эири Сибера шуёшё (Сибирские лагеря в иллюстрациях). Токио: Изд-во Коку шё канко кай. Серия «Собрание воспоминаний интернированных в Сибирь». 1982, № 4.
- Уэцухара Ё. Барей ироха // Shiberia yokuryu gaten (Выставка картин об интернировании в Сибирь). Майдзуру: Майдзуру Hikiage Kinenkan, 1995.
- Уэцухара Ё. Новая вариация Барей ироха // Shiberia yokuryu gaten (Выставка картин об интернировании в Сибирь). Майдзуру: Майдзуру Хикиаге Кинекан, 1995.
- Хисанага Ц. Томоё немурэ. Сибера реквием (Спите, друзья. Сибирский реквием). Токио: Изд-во Дома евангелистов, 1999.

Документальные публикации

- Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Под ред. М.М. Загорюлько. М.: Логос, 2000.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951. Т. 5. Кн. 1–2. Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2005–2006.
- Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952. Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2004.
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: Международный фонд «Демократия», Изд-во «Материк», 2002.
- Ёсида Ю. Три года в сибирском плену. Главы из книги // День и Ночь. 2000. № 5–6. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/200008241.html>
- Керсновская Е. Сколько стоит человек. Повесть о пережитом. В 6 т. и 12 тетр-х. М.: Фонд Керсновской, 2000–2001.
- Миура Ю. Сибера юкүрюки: ичи-ноумин хейши но шуоюджё кироку (История интернирования в Сибирь: записки солдата о лагере принудительного труда). Токио: Чикума шобо, 1984.
- Нисимура 2004а — Нисимура И. Лагерь в Оха. Саппоро: личное издание, 2004.

- Нисимура 2004б — Нисимура И. Сенкоку (Траур по военным). Саппоро: личное издание, 2004.
- Нисимура И. Сенкоку (Траур по военным). Саппоро: личное издание, 2013.
- Сквозь плен. Немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1941–1956. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2007.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Ч. III // Малое собр. соч. М.: Инком-НВ, 1991.
- Такасуги И. Во тьме под северным сиянием. Записки из сибирского плена. Пер. с яп. Е. Редькиной // Знакомьтесь, Япония. 1993. № 1–4.
- Такеда С. Воспоминания. URL: http://uchkom.botik.ru/educ/1995/telecom/p_talk.koi8
- Шаламов В. Манифест о «новой прозе» // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 241–248.
- Ямасита С. Рассказ о Сибири. Документальные зарисовки одного японского солдата. Токио: Дэдзипро, 2006.
- Ясуто Н. Поэзия тундры. Токио, 1995.
- Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сборник документов / Сост.: В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М.: МФД, 2013.
- Bruhns M.: „Die Zeichnung überlebt...“ Bildzeugnisse von Häftlingen des KZ Neuengamme. Hamburg: Edition Temmen, 2007.
- Sano I. P. One Thousands Days in Siberia. The Odyssey of a Japanese-American POW. Linkoln and London: University of Nebraska Press, 1997.

Исследования

- Агамбен Дж. Что остается от Аушвица. Архив и свидетельство // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 58–69. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/4/chto-ostaetsya-ot-aushvica-arhiv-i-svidetelstvo>
- Агамбен Дж. Homo Sager. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
- Альчук А. Сопrotивление маскулинности. Тактика и стратегия противостояния маскулинной культуре в рамках одного долговременного художественного проекта // Наслаждение быть мужчиной. Западные теории маскулинности и постсоветские практики / Под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. С. 264–276.
- Арендт Х. О насилии. Пер. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014.
- Базаров О.Д. Японские военнопленные в Бурятской АССР (1945–1948). Автореферат диссертации на соискание ученого звания кандидата исторических наук. Иркутск, 1997.
- Бенедикт Р. Хризантема и меч. М.: РОССПЭН, 2004.
- Беньямин В. Московский дневник. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
- Беттельхейм Б. Люди в концлагере. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Chern/05.php
- Беттельхейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Bett_Total.php
- Бондаренко Е.Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1997.
- Бородкин Л.И., Грегори П., Хлевнюк О.В. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Верг Н. ГУЛАГ через призму архивов. URL: <http://shalamov.ru/research/61/1.html>

- Вилков Г.С. Военнопленные в Бендерах // Великая Отечественная война 1941–1945 г. в исторической памяти Приднестровья. Тирасполь: Изд-во Приднестровского университета, 2011. С. 156–167.
- Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1999. № 4. С. 66–78.
- Галицкий В.П. Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 18–33.
- Гапова Е. О (не) возможности женской автобиографии. Предисловие к «Воспоминаниям» Ольги Дедок. Минск: Пропилеи, 2006. URL: <http://artaktivist.org/onevozmozhnosti-zhenskoj-avtobiografii/html>
- Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М.: РОССПЭН, 2005.
- Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Новое собрание. М.: Захаров, 1999.
- Гройс Б. Коммунистический постскриптум. М.: Ad Marginem, 2014.
- Гучинова Э.-Б. Образы советских людей в памяти бывших японских военнопленных // Диалог армянской, русской и японской культур: опыт сравнительного анализа. Международная конференция. Доклады. Ереван: Изд-во РАУ, 2013. С. 29–39.
- Гучинова Э.-Б. Образы плененной памяти. Нечистоты (На материалах воспоминаний интернированных японцев о лагерях в СССР) // АБ-60. Сб. ст. к 60-летию А.К. Байбурина. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2007. С. 201–212.
- Гучинова Э.-Б. Образы неволи в творчестве С. Параджанова и Я. Казуки // *Imagining the Landscape. Views from Armenia and Japan* / Ed. T. Nakamura. SRC. Hokkaido University. Sapporo, 2013. С. 45–59.
- Гучинова Э.-Б. У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–442.
- Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офергаса и М. Якубович. М.: Логос, 2000.
- Джоуэтт Ф. Японская армия 1942–1945. Пер с англ. А. Козлова. М.: АСТ, Астрель, 2003.
- Добренко Е. Политэкономия социализма. М.: НЛЮ, 2007.
- Догерти III Лео Дж. Японская пехота. 1941–1945. Подготовка, тактика, вооружение. М.: Астрель, 2005.
- Ершов Г. Дембельский альбом. Сто дней до приказа // ДМБ-1001. Русский Art Brut между субкультурой и книгой художника. Сборник материалов и каталог выставки. СПб., 2001.
- Жангуттин Б.О. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1951 г.) // Отечественная история. 2008. № 2. С. 107–113.
- Жеребкина И. Гендерные 90-е или фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003.
- Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6–7. URL: <http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/Z/Zemskov/Articles/ZEMSKOV.HTM>
- История солдат вермахта в контексте советско–германских взаимоотношений: война, Сталинград, плен, Елабуга, жизнь, творчество... Елабуга, 2006.
- Кабо В. Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. 1990. № 1. С. 108–113.
- Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.
- Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1947). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003.
- Карасев С.В. Японская армия в советско-японской войне 1945 г. и вопросы плена. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004.

- Карасев С.В. Проблемы плена в советско–японской войне и их последствия (1945–1956 г.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006.
- Карасев С.В. История плена. Советско–японская война и ее последствия (1945–1956 г.). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Улан-Удэ. 2007.
- Карасик М. Дембельский альбом — солдатская книга художника // ДМБ-1001. Русский Art Brut между субкультурой и книгой художника. Сборник материалов и каталог выставки. СПб., 2001. С. 10–12.
- Карнер С. Архипелаг ГУПВИ и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956. М.: РГГУ, 2002.
- Карпов В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945–1956 г. Киев-Львов, 1997.
- Катасонова Е. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: Изд-во “Крафт+”, 2003.
- Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Академический проект, 2009.
- Книгге Ф. Историческое воспоминание, культурная память и травматический опыт истории URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/place/51711>
- Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) Ст. 1–2 // Общественные науки и современность. 2004. № 5 (С. 95–109), № 6 (С. 128–136).
- Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово/Slovo, 2003.
- Котек Ж., Регуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: Текст, 2003.
- Кроули С.Л., Брод К.Л. Конструирование пола и сексуальностей // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 12–50.
- Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену. 1945–1956. Иркутск: Изд-во журнала «Сибирь», 1997.
- Кузнецов С.И. Россия глазами японских интернированных (1945–1956) // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.). Сб. н. ст. Вып. 2 (14). Иркутск, 2003. С. 287–304.
- Кузнецов С. Русский плен глазами японского солдата // Прибайкалье 29.09.2011. URL: <http://www.pribaikal.ru/events-culture0/article/5450.html>
- Кузьмина М. Плен (Японские военнопленные в Хабаровском крае). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института, 1996.
- Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Кузьминых А.Л. Система ГУПВИ НКВД–МВД СССР: генезис, эволюция, распад (1939–1953 гг.). М.: Наука, 2010.
- Кузьминых А. Россия и лагерный мир глазами иностранцев // Шаламовский сборник. Сост. В.В. Есипов. Вологда: Изд-во Грифон, 2002 URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3sh/ala/mov/20.htm>
- Кутузов В. Мертвая петля Абакумова // Родина. 1998. № 3. С. 86–90.
- Леви П. Канувшие и спасенные // Неволя. 2011. № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nevolia/nev-24-2011/9599-kanuvshie-i-spasennye.html>
- Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971.
- Левинтон Г. Насколько «первобытна» уголовная субкультура? Обсуждение статьи Л. Самойлова «Этнография лагеря» // Советская этнография. 1990. № 1–2. С. 96–99.
- Лурье М. Миру — мир, солдату — дембель // ДМБ-1001. Русский Art Brut между субкультурой и книгой художника. Сборник материалов и каталог выставки.

- СПб., 2001. С. 29–35.
- Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч. I. Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. С. 197–237.
- Мещеряков А.Н. Статья японцем. М.: Эксмо, 2012.
- Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М.: Наука, 1991.
- Мещеряков А.Н. Мещеряков@Япония.Ру. СПб.: Гиперион, 2001.
- Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Эксмо, 2009.
- Мещеряков А.Н. Японские туалеты и урны // Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 51–77.
- Мещеряков А.Н. Записки дачного человека. М.: НЛЮ, 2010.
- Мещеряков А.Н. Страна для внутренней эмиграции. Образ Японии в позднесоветской картине мира // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/4/strana-dlya-vnutrenney-emigracii>
- Мещеряков А.Н. Упразднение тела. Японский тоталитаризм и культ смерти // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 157–174.
- Молло Э. Вооруженные силы Второй Мировой. Структура. Униформа. Знаки различия. Полная иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, 2005.
- Моррис А. Благородство поражения. Трагический герой в японской истории. М.: Серебряные нити, 2001.
- Нич Д. Московский рассказ. Жизнеописание Варлама Шаламова. 1960–80-е г. Личное издание, 2011. URL: http://imwerden.de/pdf/nich_moskovsky_rasskaz_zhizneopisanie_shalamova_v_60-80_gody_2011.pdf
- Паперный В. Культура 2. М.: НЛЮ, 2006.
- Першай А. Вдоль ощущения жизни // Неприкосновенный запас. М.: НЛЮ, 2012. № 6 (86). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2953>
- Подорога В. Время После. Освенцим и Гулаг: Мыслить абсолютное Зло. М.: Lettera, 2013.
- Полян П.М. История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001.
- Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002.
- Попов А.Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Р-на-Д.: Изд-во РГУ, 2000.
- Похвала тени. Рассказы японских писателей в переводах М.П. Григорьева // Сост. и предисл. Л.Л. Громковской. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.
- Рингельхайм Дж. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерной теории. Сост., комментарии Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 254–279.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991.
- Российско-японские отношения в формате параллельной истории. Коллективная монография под ред. А.В. Торкунова и М. Иокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Рыклин М. Эманация иллегальности: бюрократия за пределами закона // Бюрократия и общество. URL: http://sergeikorolev.sitcity.ru/ltext_0102183511.phtml?p_ident=ltext_0102183511.p_0302160247
- Секацкий А. Ревизия тела и ситуация современности. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7620-sekatskiy>

- Смирнова-Ярская Е., Романов П. Герои и тунеядцы в иконографии инвалидности в советском визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Смирновой-Ярской и П. Романова. М.: ООО «Вариант» и ЦСПГИ, 2009. С. 289–332.
- Советско-японская война и проблемы военнопленных в СССР // Slavic Research center Occasional papers # 81. Sapporo. SRC Hokkaido University, 2002.
- Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 2. М.: Советский писатель, 1989.
- Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.
- Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Красноярск, 2001. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/0.htm>
- Томота Т. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945–1956 гг. // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. / Под ред. А.А. Иванова, С.И. Кузнецова, Б.С. Шостаковича. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С. 592–609.
- Трубина Е. Феномен вторичного свидетельства: между безразличием и «отказом от недоверчивости» // Травма: пункты. Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: НЛЮ, 2009. С. 171–205.
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты. Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: НЛЮ, 2009. С. 5–41.
- Феномен военнопленных как фактор межгосударственных отношений. Сборник материалов конференции, посвященной судьбам японских военнопленных и интернированных в СССР. 1945–1956. Красногорск, 2009.
- Франкл В. Психолог в концентрационном лагере. М.: Прогресс, 1990.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований. 2006.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛЮ, 2013.
- Яров С. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.-СПб.: Центрполиграф, Русская тройка–СПб., 2012.
- Barshay A. The Gods Left First: The Captivity and Repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945–1956. UC Press, 2013.
- Barshay A. The Painted Gulag: Kazuki Yasuo and «The Siberia within Me», *Representations*. № 119 (Summer 2012). P. 60–91.
- Barshay A. “Knowledge Painfully Acquired: The Gulag Memoirs of a Japanese Humanist, 1945–1949,” *Journal of Japanese Studies* 36, no. 2 (Summer 2010). P. 255–288.
- Daler R. Die japanischen Kriegsgefangenen in Sibirien 1945–1956. Verarbeitung der Lagererlebnisse in Wort und Bild. Lizentiatsarbeit der Philosophischen Fakultät I der Universität Zurich, 2001.
- Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 9-th ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978.
- Mikhailova J. Memory, Identity and Images of “Others”: Japanese POWs in the Soviet Union // Hiroshima & Peace. Eds: Carol Rinnert, Omar Harouk, Inoue Yasuhiro. Hiroshima: Keisuisha, 2010. P. 166–179.
- Igarashi Y. Belated homecomings: Japanese prisoners of war in Siberia and their Return to post-war Japan // Bob Moor & Barbara Hateley-Broad (Eds), Prisoners of war, prisoners of peace. Captivity, homecoming and memories in World War 2. Oxford:

- Berg, 2005. P. 105–121.
- Igarashi Y. Bodies of memory. Narratives of war in postwar Japanese culture. 1945–1970. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.
- Hasegawa T. Japanese perceptions of the Soviet Union: 1960–1985. Acta Slavica Iaponica. № 5. P. 37–70.
- Kaganovsky L. How the Soviet Man was Unmade. Cultural Fantasy and Male Subjectivity under Stalin. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008.
- Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization. University of California Press, 1997.
- Ойдов Б. Дайнидзи сэкай тайсэнго но монгору ни окэру нихондзин хорё (Японские военнопленные в Монголии после Второй мировой войны) // Сурабу кэнкю сэнта кэнкю хококу ширизу. № 81. С. 51–69.
- Stephan J. The Russian Far East: a History. Stanford University Press, Stanford, 1994.
- Takezawa Y. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. Cornell University Press. Ithaca and London, 1995.
- Werth N. Cannibal Island: Death in a Siberian Gulag. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Воспоминания

- Биркемайер В. Оазис человечности № 7280/1. Воспоминания немецкого военнопленного. М.: Текст, 2002.
- Бюстер В. В аду Сталинграда. Кровавый кошмар Вермахта. Пер. с нем. М.: Яуза-Пресс, 2010.
- Гаген-Торн Н.И. Мемория. М.: Возвращение, 1994.
- Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. М.: Книга, 1991.
- Комаровский Г.Е. Записки япониста. М.: Серебряные нити, 2005.
- Леви П. Периодическая система. М.: Текст, 2008.
- Лихачев Д. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991.
- Лотман Ю.М. Не-мемуары. Воспитание души. СПб.: Искусство–СПб. 2003.
- Марголин Ю.Б. Путешествие в страну зэ-ка. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.
- Разгон Л. Плен в своем отечестве. М.: Книжный сад, 1994.
- Шаламов В. Колымские рассказы. М.: Эксмо, 2009.
- Эркень И. Народ лагерей. Пер. с венг. М.: Изд-во «Терра», 2015.
- Giulini, Udo: Stalingrad und mein zweites Leben, Begegnungen, Erlebnisse, Eindrücke, Erfahrungen. Neustadt; Landau: Pfälzische Verlagsanstalt, 1978.

Публикации в периодических и электронных изданиях, художественная литература

- Абубакиров Э. Не надо пахай! Пахай не надо! // Экспресс К. № 194 (16825) 16.10.2009 г.
- Ассоциация бывших военнопленных на Хоккайдо URL: <http://siveriasapporo.blog.fc2.com/>
- Анисимова Л. Слово художника порой сильнее слова дипломата и военного... // Дальневосточный Комсомольск. 21.01.1993 г.
- Вайль П. Карта Родины. М.: КоЛибри, 2007.
- Горалик Л. Моя ориентация — не ваше дело. Интервью с Л. Клейном // Большой город. 15.02.2013 г.
- Дэлер Р. Японские военнопленные на работах в Сибири. Рабочие нормы были даже для лошадей // Neue Zuercher Zeitung. 20.01.2003 URL: <http://www.inosmi.ru/translation/169355.html>
- Д’Эмилия П. Критическое сознание Ноама Хомского: 80 лет на стороне тех, кому

- отказывают в правоте // Inosmi.ru. 14.04.2004 г. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20140511/220189771.html>
- Жигулин А. Кострожоги. URL: <http://zhigulin.ouc.ru/kastrozhogi.html>
- Жирнов Е. Самураи очень не любили русский снег // Коммерсант. Власть. 06.03.2001 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/170355>
- Камэи Ц. Сибиря Ёкурюттэ (Что такое интернирование в Сибирь?). Киото: Киото Сибиря Ёкью Сибося Идзоку-но Каи, 2000.
- Липский А. Интервью с В. Архангельским. Пропавшая армия. Правда о «сибирской Хиросиме» поможет примирению россиян и японцев // Новая газета. № 57. 9.09.2004 г. URL: <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/57n/n57n-s21.shtml>
- Мураками Х. Записки механической птицы. М.: Эксмо, 2011.
- Сажнева Е. Русский гроб для самурая // Московский комсомолец 11.05.2005 г. URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/05/11/196470-russkiy-grob-dlya-samuraya.html>
- Сайт Л. Коренева URL: <http://korenev.org/index.php/ru/2011-04-07-13-55-37/2011-04-07-14-16-28/115-stroi-li-bajkalo-amurskiy-magistral-imperator-kitaya>
- Сайт закрытого акционерского общества «Санэй — Москва» URL: <http://www.sanei.ru/html>
- Сайт «Униформа армий» URL: http://uniforma-army.ru/japan_2ww.php
- Сайт «Уроки истории» URL: <http://urokiistorii.ru/2010/17/pobeda-14>
- Сафина А. Встречи с прошлым и настоящим: немецкие и японские военнопленные глазами жителей города Елабуги. 10.08.2010 г. Конкурс школьных сочинений «Человек в XX в.» URL: <http://urokiistorii.ru/2010/17/pobeda-14>
- Смоленский В. Копай-копай! // Записки гайдзина. 1999 URL: <http://www.susi.ru/gaijin/kopai.html>
- Сорокин В. Норма. М.: Ad Marginem, 2002.
- Сорокин В. Месяц в Дахау // Сорокин В. Соч. Т. 1. М.: Ad Marginem, 1998.
- Судьбы японских военнопленных в СССР // Обсуждение на форуме «Восточное полушарие» URL: <http://polusharie.com/index.php?topic=70295.0>
- Тутов А.В. Японские военнопленные в Узбекистане. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka71_Tutov_Yapan_War.html
- Чернова Н. Верните самураю его меч // Новая газета 16.01.2013 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/apps/gulag/56272.html>
- Шинкаренко А. Сегодня нужно предлагать зрителю иные тактики работы с культурным продуктом. URL: <http://o-culture.ru/zhivopis-grafika-fotografiya-skulptura/item/678-aleksej-shinkarenko-segodnya-nuzhno-predlagat-zritel'yu-inye-taktiki-raboty-s-kulturnym-produktom>

Видеоматериалы

- Иствуд К. Letters from Iwo Jima (Письма с Иводзимы). X/ф. (141 мин.) 2006.
- Козлова А. Знаменитая история любви русской и японца: испытание стихией. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=437730>
- Кокусев Е. «Домой... Токио... домой». Д/ф. (39 мин.). М.: АНО неигрового кино «Точка зрения», 2004.
- Lewis J. «Hell in the Pacific». Д/ф. (450 мин.) Studio: Revolver Entertainment, 2010.